The image shows the front cover of a book. The cover is a dark blue color with a fine, woven texture. It features an ornate, embossed border with decorative scrollwork at the corners and midpoints. In the center of the cover, there is a small, rectangular label with rounded corners and a decorative border. The label contains the name "H. Frost" written in a cursive, handwritten style.

H. Frost

Николай Васильевич Гоголь

Том 5. Женитьба.
Драматические отрывки
(Полное собрание сочинений в
четырнадцати томах #5)

В пятый том входит пьеса "Женитьба", а также драматические отрывки, отдельные сцены и черновые наброски.

В данной электронной редакции опущены разделы "Другие редакции" и "Варианты".

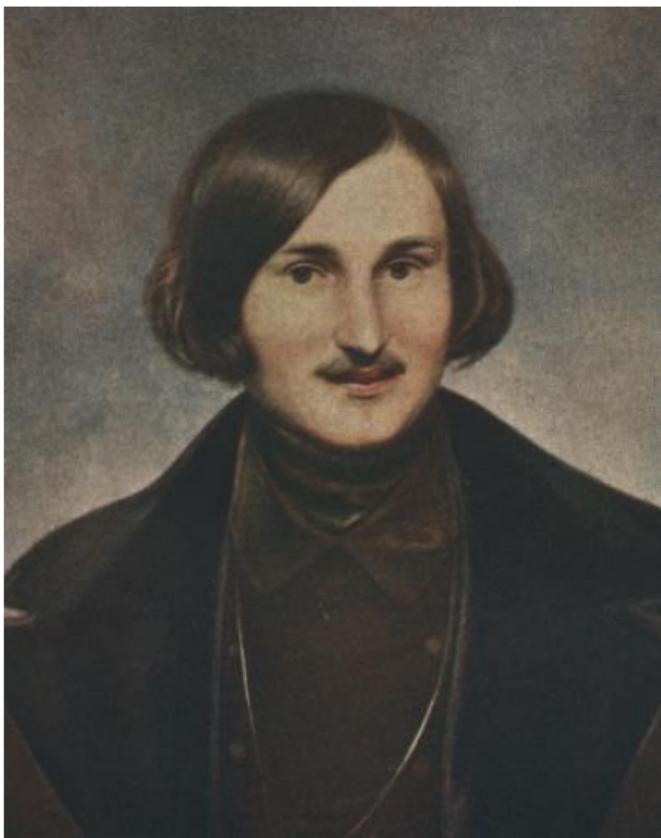
<http://ruslit.traumlibrary.net>

Содержание

#1	0006
Женитьба *	0007
#1	0007
Действие первое	0008
Действие второе	0058
Драматические отрывки и отдельные сцены	...
0104	
Игроки *	0104
Утро делового человека *	0171
Тяжба *	0183
Лакейская *	0196
Отрывок *	0208
Театральный разъезд после представления новой комедии *	0232
Черновые наброски	0298
Альфред *	0298
Отрывки из неизвестной драмы *	0335
Наброски драмы из украинской истории *	...
0341	
Приложение	0347
Жиро. Дядька в затруднительном положении *	0347
Комментарии	0431
#1	0431
#2	0439

#3	0496
#4	0506
#5	0520
#6	0530
#7	0539
#8	0561
#9	0571
#10	0573
#11	0578
Иллюстрации	0583
Выходные данные	0585

Николай Васильевич Гоголь
Полное собрание сочинений
в четырнадцать томах
Том 5. Женитьба.
Драматические отрывки и
сцены

Н. В. Гоголь. Портрет работы Ф. А. Моллера, 1841 г. (масло). Третьяковская галерея (Москва).

Женитьба*

Совершенно невероятное событие в двух действиях (Писано в 1833 году)

Действующие лица

Агафья Тихоновна, купеческая дочь невеста.
Арина Пантелеймоновна, тетка. Фекла Ивановна, сваха. Подколесин, служащий на-
дворный советник. Кочкарев, друг его. Яични-
ца, экзекутор. Анучкин, отставной пехотный
офицер. Жевакин, моряк. Дуняшка, девочка в
доме. Стариков, гостинодворец. Степан, слуга
Подколесина.

Действие первое

Явление I

Комната холостяка.
Подколесин (один, лежит на диване с трубкой).

Вот, как начнешь эдак один на досуге подумывать, так видишь, что, наконец, точно нужно жениться. Что в самом деле? Живешь, живешь, да такая, наконец, скверность становится. Вот опять пропустил мясоед. А ведь, кажется, всё готово, и сваха вот уж три месяца ходит. Право, самому как-то становится известно. Эй, Степан!

Явление II

Подколесин, Степан.
Подколесин. Не приходила сваха?

Степан. Никак нет.

Подколесин. А у портного был?

Степан. Был.

Подколесин. Что ж он, шьет фрак?

Степан. Шьет.

Подколесин. И много уже нашил?

Степан. Да уж довольно, начал уж петли метать.

Подколесин. Что ты говоришь?

Степан. Говорю: начал уж петли метать.

Подколесин. А не спрашивал он, на что, мол, нужен барину фрак?

Степан. Нет, не спрашивал.

Подколесин. Может быть, он говорил, не хочет ли барин жениться?

Степан. Нет, ничего не говорил.

Подколесин. Ты видел, однакож, у него и другие фраки? Ведь он и для других тоже шьет?

Степан. Да, фраков у него много висит.

Подколесин. Однакож, ведь сукно-то на них будет, чай, похуже, чем на моем?

Степан. Да, это будет попримудистее, что на вашем.

Подколесин. Что ты говоришь?

Степан. Говорю: это попримудистее, что на вашем.

Подколесин. Хорошо. Ну, а не спрашивал: для чего, мол, барин из такого тонкого сукна шьет себе фрак?

Степан. Нет.

Подколесин. Не говорил ничего о том, что не хочет ли, дискать, жениться?

Степан. Нет, об этом не заговаривал.

Подколесин. Ты, однакоже, сказал, какой на мне чин и где служу?

Степан. Сказывал.

Подколесин. Что ж он на это?

Степан. Говорит: буду стараться.

Подколесин. Хорошо. Теперь ступай.

(Степан уходит).

Явление III

Подколесин (один).

Я того мнения, что черный фрак как-то солиднее. Цветные больше идут секретарям, титулярным и прочей мелюзге, — молокососно что-то. Те, которые чином повыше, должны больше наблюдать, как говорится, этого... вот позабыл слово. И хорошее слово, да позабыл. Да, батюшка, уж как ты там себе ни переворачивай, а надворный советник тот же полковник, только разве что мундир без эполет. Эй, Степан!

Явление IV

Подколесин, Степан.

Подколесин. А ваксу купил?

Степан. Купил.

Подколесин. Где купил? В той лавочке, про

которую я тебе говорил, что на Вознесенском проспекте?

Степан. Да-с, в той самой.

Подколесин. Что ж, хороша вакса?

Степан. Хороша.

Подколесин. Ты пробовал чистить ею сапоги?

Степан. Пробовал.

Подколесин. Что ж, блестит?

Степан. Блестеть-то она блестит хорошо.

Подколесин. А когда он отпускал тебе ваксу, не спрашивал, для чего, мол, барину нужна такая вакса?

Степан. Нет.

Подколесин. Может быть, не говорил ли: не затевает ли, дискать, барин жениться?

Степан. Нет, ничего не говорил.

Подколесин. Ну, хорошо, ступай себе!

Явление V

П*одколесин (один).*

Кажется, пустая вещь сапоги, а ведь, однакоже, если дурно сшиты, да рыжая вакса, уж в хорошем обществе и не будет такого уважения. Всё как-то не того... Вот еще гадко, если мозоли. Готов вытерпеть бог знает что,

только бы не мозоли. Эй, Степан!

Явление VI

Подколесин, Степан.

Степан. Чего извольте?

Подколесин. Ты говорил сапожнику, чтоб не было мозолей?

Степан. Говорил.

Подколесин. Что ж он говорит?

Степан. Говорит: хорошо.

(Степан уходит).

Явление VII

Подколесин, потом Степан.

Подколесин. А ведь хлопотливая, чорт возьми, вещь — женитьба! То, да сё, да это. Чтобы то да это было исправно — нет, чорт побери, это не так легко, как говорят. Эй, Степан! (Степан входит). Я хотел тебе еще сказать...

Степан. Старуха пришла.

Подколесин. А, пришла; зови ее сюда. (Степан уходит). Да, это вещь... вещь, не того... трудная вещь.

Явление VIII

Подколесин и Фекла.

Подколесин. А, здравствуй, здравствуй,

Фекла Ивановна! Ну, что? как? Возьми стул, садись, да и рассказывай. Ну, так как же, как? Как бишь ее: Меланья?..

Фекла. Агафья Тихоновна.

Подколесин. Да, да, Агафья Тихоновна. И верно какая-нибудь сорокалетняя дева?

Фекла. Уж вот нет, так нет; то-есть, как женитесь, так каждый день станете похваливать да благодарить.

Подколесин. Да ты врешь, Фекла Ивановна.

Фекла. Устарела я, отец мой, чтобы врать; пес врет.

Подколесин. А приданое-то, приданое? Расскажи-ка вновь.

Фекла. А приданое: каменный дом в Московской части, о двух елтажах, уж такой избыточный, что истинно удовольствие. Один лабазник платит семьсот за лавочку. Пивной погреб тоже большое общество привлекает. Два деревянных хлигеря — один хлигерь совсем деревянный, другой на каменном фундаменте, каждый рублев по четыреста приносит доходу. Огород есть еще на Выборгской стороне; третьего года купец нанимал под капусту, и такой купец трезвый, совсем не берет

хмельного в рот, и трех сыновей имеет, двух уж поженил, «а третий», говорит, «еще молодой, пусть посидит в лавке, чтобы торговлю было полегче отправлять. Я уж», говорит, «стар, так пусть сын посидит в лавке, чтобы торговля шла полегче».

Подколесин. Да собой-то, какова собой?

Фекла. Как рефинат! Белая, румяная, как кровь с молоком; сладость такая, что и рассказать нельзя. Уж будете вот по этих пор довольны (*показывая на горло*). То-есть и приятелю и неприятелю скажете: ай да Фекла Ивановна, спасибо.

Подколесин. Да ведь она, однакож, не штаб-офицерка?

Фекла. Купца третьей гильдии дочь. Да уж такая, что и генералу обиды не нанесет. О купце и слышать не хочет. «Мне», говорит, «какой бы ни был муж, хоть и собой-то невзрачен, да был бы дворянин». Да, такой великатес! А к воскресному-то как наденет шелковое платье — так, вот те Христос, так и шумит. Княгиня просто!

Подколесин. Да ведь я-то потому тебя спрашивал, что я надворный советник, так мне,

понимаешь...

Фекла. Да уж обнюковенно, как не понимать. Был у нас и надворный советник, да отказали: не пондравился. Такой уж у него нрав-то странный был: что ни скажет слово, то и соврет, а такой на взгляд видный. Что ж делать, так уж ему бог дал. Он-то и сам не рад, да уж не может, чтобы не прилгнуть. Такая уж на то воля божия.

Подколесин. Ну, а кроме этой, других там нет никаких?

Фекла. Да какой же тебе еще? Уж это что ни есть лучшая.

Подколесин. Будто уж самая лучшая?

Фекла. Хоть по всему свету исходи, такой не найдешь.

Подколесин. Подумаем, подумаем, матушка. Приходи-ка послезавтра. Мы с тобой, знаешь, опять вот эдак: я полежу, а ты расскажешь...

Фекла. Да помилуй, отец; уж вот третий месяц хожу к тебе, а проку-то ни на сколько. Всё сидит в халате, да трубку знай себе покуривает.

Подколесин. А ты думаешь, небось, что же-

нитьба всё равно, что: «эй, Степан, подай сапоги!» Натянул на ноги да и пошел? Нужно порассудить, порассмотреть.

Фекла. Ну, так что ж? Коли смотреть, так и смотри. На то товар, чтобы смотреть. Вот прикажи-тка подать кафтан, да теперь же, благо утреннее время, и поезжай.

Подколесин. Теперь? А вон видишь, как пасмурно. Выеду, а вдруг хватит дождем.

Фекла. А тебе же худо! Ведь в голове седой волос уж глядит, скоро совсем не будешь годиться для супружеска дела. Невидаль, что он придворный советник! Да мы таких женихов приберем, что и не посмотрим на тебя.

Подколесин. Что за чепуху несешь ты? Из чего вдруг угораздило тебя сказать, что у меня седой волос? Где ж седой волос? (*Щупает свои волосы*).

Фекла. Как не быть седому волосу, на то живет человек. Смотри ты! Тою ему не угодишь, другой не угодить. Да у меня есть на примете такой капитан, что ты ему и под плечо не подойдешь, а говорит-то, как труба, в алгалантьерстве служит.

Подколесин. Да врешь, я посмотрю в зерка-

ло — где ты выдумала седой волос. Эй, Степан, принеси зеркало! Или нет, стой, я пойду сам. Вот еще, боже сохрани. Это хуже чем оспа. *(Уходит в другую комнату).*

Явление IX

Фекла и Кочкарев *(вбегая).*

Кочкарев. Что Подколесин?.. *(Увидев Феклу).* Ты как здесь? Ах, ты!.. Ну, послушай, на кой чорт ты меня женила?

Фекла. А что ж дурного? Закон исполнил.

Кочкарев. Закон исполнил! Эк невидаль жена! Без нее-то разве я не мог обойтись?

Фекла. Да ведь ты ж сам пристал: жени, бабушка, да и полно.

Кочкарев. Ах ты, крыса старая!.. Ну, а здесь зачем? Неужли Подколесин хочет...

Фекла. А что ж? Бог благодать послал.

Кочкарев. Нет? Эк мерзавец, ведь мне ничего об этом. Каков? Прошу покорно: сподтишка, а?

Явление X

Те же и Подколесин *(с зеркалом в руках, в которое вглядывается очень внимательно).*

Кочкарев *(подкрадываясь сзади, пугает его)*
. Пуф!

Подколесин (вскрикнув и роняя зеркало). Сумасшедший! Ну, зачем, зачем... Ну, что за глупости! Перепугал, право, так, что душа не на месте.

Кочкарев. Ну, ничего, пошутил.

Подколесин. Что за шутки вздумал. До сих пор не могу очнуться от испуга. И зеркало вон разбил. Ведь это вещь не даровая: в английском магазине куплено.

Кочкарев. Ну, полно: я сыщу тебе другое зеркало.

Подколесин. Да, сыщешь. Знаю я эти другие зеркала. Целым десятком кажет старше, и рожа выходит косяком.

Кочкарев. Послушай, ведь я бы должен больше на тебя сердиться. Ты от меня, твоего друга, всё скрываешь. Жениться ведь задумал!

Подколесин. Вот вздор, совсем и не думал.

Кочкарев. Да ведь улика налицо. (Указывает на Феклу). Ведь вот стоит, известно, что за птица. Ну, что ж, ничего, ничего. Здесь нет ничего такого. Дело христианское, необходимое даже для отечества. Изволь, изволь, я беру на себя все дела. (К Фекле). Ну, говори, как,

что и прочее. Дворянка, чиновница или в купечестве, что ли, и как зовут?

Фекла. Агафья Тихоновна.

Кочкарев. Агафья Тихоновна Брандахлыстова?

Фекла. Ан нет — Купердягина.

Кочкарев. В Шестилавочной, что ли, живет?

Фекла. Уж вот нет; будет поближе к Пескам, в Мыльном переулке.

Кочкарев. Ну, да, в Мыльном переулке, тотчас за лавочкой — деревянный дом?

Фекла. И не за лавочкой, а за пивным погребом.

Кочкарев. Как же за пивным, — вот тут-то я не знаю.

Фекла. А вот как поворотишь в проулок, так будет тебе прямо будка; и как будку минешь, свороти налево, и вот тебе прямо в глаза, то-есть, так вот тебе прямо в глаза и будет деревянный дом, где живет швея, что жила прежде с сенатским оберсеклетарем. Ты к швее-то не заходи, а сейчас за нею будет второй дом, каменный — вот этот дом и есть ее, в котором, то-есть, она живет, Агафья Тихонов-

на-то, невеста.

Кочкарев. Хорошо, хорошо. Теперь я всё это обделаю; а ты ступай — в тебе больше нет нужды.

Фекла. Как так? Неужто ты сам свадьбу хочешь заправить?

Кочкарев. Сам, сам; ты уж не мешайся только.

Фекла. Ах, бесстыдник какой! Да ведь это не мужское дело. Отступитесь, батюшка, право!

Кочкарев. Пойди, пойди. Не смыслишь ничего, не мешайся. Знай сверчок свой шесток — убирайся!

Фекла. У людей только чтобы хлеб отымать, безбожник такой! В такую дрянь вмешался. Кабы знала, ничего бы не сказывала. *(Уходит с досадой).*

Явление XI

Подколесин и Кочкарев.

Кочкарев. Ну, брат, этого дела нельзя откладывать. Едем.

Подколесин. Да ведь я еще ничего. Я так только подумал.

Кочкарев. Пустяки, пустяки! Только не кон-

фузья: я тебя женю так, что и не услышишь. Мы сей же час едем к невесте, и увидишь, как всё вдруг.

Подколесин. Вот еще. Сейчас бы и ехать!

Кочкарев. Да за чем же, помилуй, за чем дело?.. Ну, рассмотри сам: ну, что из того, что ты неженатый? Посмотри на свою комнату! Ну, что в ней? Вон невычищенный сапог стоит, вон лоханка для умывания, вон целая куча табаку на столе, и ты вот сам лежишь, как байбак, весь день на боку.

Подколесин. Это правда. Порядка-то у меня, я знаю сам, что нет.

Кочкарев. Ну, а как будет у тебя жена, так ты просто ни себя, ничего не узнаешь: тут у тебя будет диван, собачонка, чижик какой-нибудь в клетке, рукоделье... И, вообрази, ты сидишь на диване — и вдруг к тебе подсядет бабёночка, хорошенькая эдакая, и ручкой тебя...

Подколесин. А, чорт, как подумаешь, право, какие в самом деле бывают ручки. Ведь просто, брат, как молоко.

Кочкарев. Куды тебе! Будто у них только что ручки!.. У них, брат... Ну, да что и гово-

ритель: у них, брат, просто, чорт знает, чего нет.

Подколесин. А ведь, сказать тебе правду, я люблю, если возле меня сядет хорошенькая.

Кочкарев. Ну, видишь, сам раскусил. Теперь только нужно распорядиться. Ты уж не заботься ни о чем. Свадебный обед и прочее — это всё уж я.. Шампанского меньше одной дюжины никак, брат, нельзя, уж как ты себе хочешь. Мадеры тоже полдюжины бутылок непременно. У невесты, верно, есть куча тетушек и кумушек — эти шутить не любят. А рейнвейн — чорт с ним, не правда ли? а? А что же касается до обеда — у меня, брат, есть на примете придворный официант: так, собака, накормит, что просто не встанешь.

Подколесин. Помилуй, ты так горячо берешься, как будто бы в самом деле уж и свадьба.

Кочкарев. А почему ж нет? Зачем же откладывать? Ведь ты согласен?

Подколесин. Я? Ну, нет... я еще не совсем согласен.

Кочкарев. Вот тебе на! Да ведь ты сейчас объявил, что хочешь.

Подколесин. Я говорил только, что не худо

бы.

Кочкарев. Как, помилуй! Да мы уж совсем было всё дело... Да что? Разве тебе не нравится женатая жизнь, что ли?

Подколесин. Нет... нравится.

Кочкарев. Ну, так что ж? За чем дело стало?

Подколесин. Да дело ни за чем не стало. А только странно...

Кочкарев. Что ж странно?

Подколесин. Как же не странно: всё был неженатый, а теперь вдруг женатый.

Кочкарев. Ну, ну... ну, не стыдно ли тебе? Нет, я вижу, с тобой нужно говорить сурьезно: я буду говорить откровенно, как отец с сыном. Ну, посмотри, посмотри на себя внимательно, вот, например, так, как смотришь теперь на меня. Ну, что ты теперь такое? Ведь просто бревно, никакого значения не имеешь. Ну, для чего ты живешь? Ну, взгляни в зеркало — что ты там видишь? Глупое, лицо — больше ничего. А тут, вообрази, около тебя будут ребяташки, ведь не то, что двое или трое, а, может быть, целых шестеро, и все на тебя, как две капли воды... Ты вот теперь один, надворный советник, экспедитор или

там начальник какой, бог тебя ведает; а тогда, вообрази, около тебя экспедиторчонки, маленькие этакие канальчонки, и какой-нибудь постреленок, протянувши ручонки, будет те-ребить тебя за бакенбарды, а ты только будешь ему по-собачьи: ав, ав, ав! Ну, есть ли что-нибудь лучше этого, скажи сам?

Подколесин. Да ведь они только шалуны большие, будут всё портить, разбросают бумаги.

Кочкарев. Пусть шалют, да ведь все на тебя похожи — вот штука.

Подколесин. А оно в самом деле даже смешно, чорт побери, этакой какой-нибудь пышка, щенок эдакой, и уж на тебя похож...

Кочкарев. Как не смешно, — конечно, смешно. Ну, так поедем.

Подколесин. Пожалуй, поедем.

Кочкарев. Эй, Степан! давай скорее своему барину одеваться.

Подколесин (одеваясь перед зеркалом). Я думаю, однакож, что нужно бы в белом жилете.

Кочкарев. Пустяки, всё равно.

Подколесин (надевая воротнички). Прокля-

тая прачка, так скверно накрахмалила воротнички — никак не стоят. Ты ей скажи, Степан, что если она, глупая, так будет гладить белье, то я найму другую. Она, верно, с любовниками проводит время, а не гладит.

Кочкарев. Да ну, брат, поскорее! Как ты копаешься.

Подколесин. Сейчас, сейчас. *(Надевает фрак и садится).* Послушай, Илья Фомич. Знаешь ли что? Поезжай-ка ты сам.

Кочкарев. Ну, вот еще; с ума сошел разве? Мне ехать! Да кто из нас женится: ты или я?

Подколесин. Право, что-то не хочется; пусть лучше завтра.

Кочкарев. Ну, есть ли в тебе капля ума? Ну, не олух ли ты? Собрался совершенно — и вдруг не нужно! Ну, скажи, пожалуйста, не свинья ли ты, не подлец ли ты после этого?

Подколесин. Ну, что ж ты бранишься? С какой стати? Что я тебе сделал?

Кочкарев. Дурак, дурак набитый; это тебе всякий скажет. Глуп, вот просто глуп, хоть и экспедитор. Ведь о чем стараюсь? О твоей пользе; ведь изо рта выманят кус. Лежит, проклятый холостяк! Ну, скажи, пожалуйста, ну,

на что ты похож? — Ну, ну, дрянь, колпак, сказал бы такое слово... да неприлично только. Баба! хуже бабы!

Подколесин. И ты хорош в самом деле. (*Вполголоса*). В своем ли ты уме? Тут стоит крепостной человек, а он при нем бранится, да еще эдакими словами, не нашел другого места.

Кочкарев. Да как же тебя не бранить, скажи, пожалуйста? Кто может тебя не бранить? У кого достанет духу тебя не бранить? Как порядочный человек, решил жениться, последовал благоразумию, и вдруг — просто сдуру, белены объелся, деревянный чурбан...

Подколесин. Ну, полно, я еду — чего ж ты раскричался?

Кочкарев. Еду! Конечно, что ж другое делать, как не ехать! (*Степану*). Давай ему шляпу и шинель.

Подколесин (в дверях). Такой, право, странный человек. С ним никак нельзя водиться: выбранит вдруг ни за что, ни про что. Не понимает никакого обращения.

Кочкарев. Да уж кончено, теперь не браню. (*Оба уходят*).

Явление XII

Комната в доме Агафьи Тихоновны.

Агафья Тихоновна раскладывает на картах; из-за руки глядит тетка Арина Пантелеймоновна.

Агафья Тихоновна. Опять, тетушка: дорога! интересуется какой-то бубновый король, слезы, любовное письмо; с левой стороны трефовый изъявляет большое участие, но какая-то злодейка мешает.

Арина Пантелеймоновна. А кто бы, ты думала, был трефовый король?

Агафья Тихоновна. Не знаю.

Арина Пантелеймоновна. А я знаю, кто.

Агафья Тихоновна. А кто?

Арина Пантелеймоновна. А хороший торговец, что по суконной линии, Алексей Дмитриевич Стариков.

Агафья Тихоновна. Вот уж, верно, не он, я хоть что ставлю, не он.

Арина Пантелеймоновна. Не спорь, Агафья Тихоновна, волос уж такой русый. Нет другого трефового короля.

Агафья Тихоновна. А вот же нет: трефовый король значит здесь дворянин. Купцу далеко

до трефового короля.

Арина Пантелеймоновна. Эх, Агафья Тихоновна, а ведь не то бы ты сказала, как бы покойник-то Тихон, твой батюшка, Пантелеймонович был жив. Бывало, как ударит всей пятерней по столу, да вскрикнет: «Плевать я», говорит, «на того, который стыдится быть купцом; да не выдам же», говорит, «дочь за полковника. Пусть их делают другие! А и сына», говорит, «не отдам на службу. Что», говорит, «разве купец не служит государю так же, как и всякий другой?» Да всей пятерней-то так по столу и хватит. А рука-то в ведро величиною — такие страсти! Ведь, если сказать правду, он и усахарил твою матушку, а покойница прожила бы подолее.

Агафья Тихоновна. Ну, вот чтобы и у меня еще был такой злой муж! Да ни за что не выйду за купца!

Арина Пантелеймоновна. Да ведь Алексей-то Дмитриевич не такой.

Агафья Тихоновна. Не хочу, не хочу. У него борода: станет есть, всё потечет по бороде. Нет, нет, не хочу!

Арина Пантелеймоновна. Да ведь где же

достать хорошего дворянина? Ведь его на улице не сыщешь.

Агафья Тихоновна. Фекла Ивановна сыщёт. Она обещалась сыскать самого лучшего.

Арина Пантелеймоновна. Да ведь она лгунья, мой свет.

Явление XIII

Те же и Фекла.

Фекла. Ан, нет, Арина Пантелеймоновна, грех вам понапрасну поклеп взводить.

Агафья Тихоновна. Ах, это Фекла Ивановна! Ну что, говори, рассказывай! Есть?

Фекла. Есть, есть, дай только прежде с духом собраться — так ухлопоталась! По твоей комиссии все дома исходила, по канцеляриям, по министериям истаскалась, в караульни наслонялась. Знаешь ли ты, мать моя, ведь меня чуть было не прибили, ей богу! Старуха-то, что женила Аферовых, так было приступила ко мне: «Ты такая и этакая, только хлеб перебиваешь, знай свой квартал», говорит. «Да что ж», сказала я напрямик, «я для своей барышни, не прогневайся, всё готова удовлетворить». Зато уж каких женихов тебе припасла! То-есть, и стоял свет, и будет сто-

ать, а таких еще не было. Сегодня же иные и придут. Я забежала нарочно тебя предупредить.

Агафья Тихоновна. Как же сегодня? Душа моя, Фекла Ивановна, я боюсь.

Фекла. И, не пугайся, мать моя! Дело житейское. Придут, посмотрят, больше ничего. И ты посмотришь их: не пондравятся, — ну, и уедут.

Арина Пантелеймоновна. Ну, уж, чай, хороших приманила!

Агафья Тихоновна. А сколько их? много?

Фекла. Да человека шесть есть.

Агафья Тихоновна (вскрикивает). Ух!

Фекла. Ну, что ж ты, мать моя, так вспорхнула! Лучше выбирать: один не придется, другой придется.

Агафья Тихоновна. Что ж они, дворяне?

Фекла. Все, как на подбор. Уж такие дворяне, что еще и не было таких.

Агафья Тихоновна. Ну, какие же, какие?

Фекла. А славные все такие, хорошие, аккуратные. Первый, Балтазар Балтазарович Жевакин, такой славный, во флоте служил — как раз по тебе придется. Говорит, что ему

нужно, чтобы невеста была в теле, а поджаристых совсем не любит. А Иван-то Павлович, что служит езекухтором, такой важный, что и приступу нет. Такой видный из себя, толстый; как закричит на меня: «Ты мне не толкуй пустяков, что невеста такая и эдакая, ты скажи напрямик, сколько за ней движимого и недвижимого?» — «Столько-то и столько-то, отец мой!» — «Ты врешь, собачья дочь!» Да еще, мать моя, вклеил такое словцо, что и неприлично тебе сказать. Я так вмиг и спознала: э, да это должен быть важный господин.

Агафья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Фекла. А еще Никанор Иванович Анучкин. Это уж такой великатный, а губы, мать моя, — малина, совсем малина — такой славный. «Мне», говорит, «нужно, чтобы невеста была хороша собой, воспитанная, чтобы и по французскому умела говорить». Да, тонкого поведенья человек, немецкая штука; а сам-то такой subtilный, и ножки узенькие, тоненькие.

Агафья Тихоновна. Нет, мне эти subtilные как-то не того... не знаю... Я ничего не ви-

жу в них...

Фекла. А коли хочешь поплотнее, так возьми Ивана Павловича. Уж лучше нельзя выбрать никого. Уж тот, неча сказать, барин так барин: мало в эти двери не войдет — такой славный.

Агафья Тихоновна. А сколько лет ему?

Фекла. А человек еще молодой: лет пятьдесят, да и пятидесяти еще нет.

Агафья Тихоновна. А фамилия как?

Фекла. А фамилия: Иван Павлович Яичница.

Агафья Тихоновна. Это такая фамилия?

Фекла. Фамилия.

Агафья Тихоновна. Ах, боже мой, какая фамилия! Послушай, Феклуша, как же это, если я выйду за него замуж, я вдруг буду называться Агафья Тихоновна Яичница? Бог знает, что такое!

Фекла. И, мать моя, да на Руси есть такие содомные прозвища, что только плюнешь да перекрестишься, коли услышишь. А пожалуй, коли не нравится прозвище, то возьми Балтазара Балтазаровича Жевакина — славный же-них.

Агафья Тихоновна. А какие у него волосы?

Фекла. Хорошие волосы.

Агафья Тихоновна. А нос?

Фекла. Э... и нос хороший. Всё на своем месте. И сам такой славный. Только не погневайся: уж на квартире одна только трубка и стоит, больше ничего нет — никакой мебели.

Агафья Тихоновна. А еще кто?

Фекла. Акинф Степанович Пантелеев, чиновник, титулярный советник, немножко заикается только, зато уж такой скромный.

Арина Пантелеймоновна. Ну, что ты всё: чиновник, чиновник; а не любит ли он выпить, вот, мол, что скажи.

Фекла. А пьет, не прекословлю, пьет. Что ж делать, уж он титулярный советник; зато такой тихой, как шелк.

Агафья Тихоновна. Ну, нет, я не хочу, чтобы муж у меня был пьяница.

Фекла. Твоя воля, мать моя! Не хочешь одного, возьми другого. Впрочем, что ж такого, что иной раз выпьет лишнее — ведь не всю же неделю бывает пьян; иной день выберется и трезвый.

Агафья Тихоновна. Ну, а еще кто?

Фекла. Да есть еще один, да тот только таковой... бог с ним. Эти будут почище.

Агафья Тихоновна. Ну, да кто же он?

Фекла. А не хотелось бы и говорить про него. Он-то, пожалуй, андворный советник и петлицу носит, да уж на подъем куды тяжел, не выманишь из дому.

Агафья Тихоновна. Ну, а еще кто? Ведь тут только всего пять, а ты говорила шесть.

Фекла. Да неужто тебе еще мало? Смотри ты, как тебя вдруг поразобрало, а ведь давеча было испугалась.

Арина Пантелеймоновна. Да что с них, с дворян-то твоих? Хоть их у тебя и шестеро, а, право, купец один станет за всех.

Фекла. А нет, Арина Пантелеймоновна. Дворянин будет почтенней.

Арина Пантелеймоновна. Да что в почтеньи-та? А вот Алексей Дмитриевич, да в собольей шапке, в санках-то как прокатится...

Фекла. А дворянин-то с аполетой пройдет навстречу, скажет: «Что ты, купчишка? свороти с дороги!» Или: «Покажи, купчишка, бархату самого лучшего!» А купец: «Извольте, батюшка!» — «А сними-ка, невежа, шляпу!» Вот

что скажет дворянин.

Арина Пантелеймоновна. А купец, если захочет, не даст сукна; а вот дворянин-то и голенькой, и не в чем ходить дворянину.

Фекла. А дворянин зарубит купца.

Арина Пантелеймоновна. А купец пойдет жаловаться в полицию.

Фекла. А дворянин пойдет на купца к сенахтору.

Арина Пантелеймоновна. А купец к губернахтору.

Фекла. А дворянин...

Арина Пантелеймоновна. Врешь, врешь, дворянин... Губернахтор больше сенахтора! Разносила с дворянином, а дворянин при случае так же гнет шапку...(В дверях слышен звонок). Никак, звонит кто-то.

Фекла. Ахти, это они!

Арина Пантелеймоновна. Кто они?

Фекла. Они... кто-нибудь из женихов.

Агафья Тихоновна (вскрикивает). Ух!

Арина Пантелеймоновна. Святые, помилуйте нас грешных. В комнате совсем не прибрано. (Схватывает всё, что ни есть на столе, и бежит по комнате). Да салфетка-то, сал-

фетка на столе совсем черная. Дуняшка, Дуняшка! (Дуняшка является). Скорее чистую салфетку! (Стаскивает салфетку и мечется по комнате).

Агафья Тихоновна. Ах, тетушка, как мне быть? Я чуть не в рубашке.

Арина Пантелеймоновна. Ах, мать моя, беги скорей одеваться! (Мечется по комнате; Дуняшка приносит салфетку; в дверях звонят). Беги, скажи: сейчас.

(Дуняшка кричит издалека: «сейчас!»).

Агафья Тихоновна. Тетушка, да ведь платье не выглажено.

Арина Пантелеймоновна. Ах, господи милосердный, не погуби! Надень другое.

Фекла (вбегая). Что ж вы нейдете? Агафья Тихоновна, поскорей, мать моя! (Слышен звонок). Ахти! а ведь он всё дожидается.

Арина Пантелеймоновна. Дуняшка, введи его и проси обождать.

(Дуняшка бежит в сени и отворяет дверь. Слышны голоса: «Дома?» — «Дома, пожалуйста в комнату». Все с любопытством стараются рассмотреть в замочную скважину).

Агафья Тихоновна (вскрикивает). Ах, какой

ТОЛСТЫЙ!

Фекла. Идет, идет! *(Все бегут опрометью).*

Явление XIV

Иван Павлович Яичница и девчонка.

Девчонка. Погодите здесь. *(Уходит).*

Яичница. Пожалуй, пождать — пождем, как бы только не замешкаться. Отлучился ведь только на минутку из департамента. Вдруг вздумает генерал: «а где экзекутор?» — «Невесту пошел выглядывать». Чтоб не задал он такой невесты... А, однакож, рассмотреть еще раз роспись. *(Читает).* «Каменный двухэтажный дом»...*(Подымает глаза вверх и обсматривает комнату).* Есть! *(Продолжает читать).* «Флигеля два: флигель на каменном фундаменте, флигель деревянный»... Ну, деревянный плоховат. «Дрожки, сани парные с резьбой под большой ковер и под малый». Может быть, такие, что в лом годятся. Старуха, однакож, уверяет, что первый сорт; хорошо, пусть первый сорт. «Две дюжины серебряных ложек»... Конечно, для дома нужны серебряные ложки. «Две лисьих шубы...» Гм. «Четыре больших пуховика и два малых» *(значительно сжимает губы).* «Шесть пар

шелковых и шесть пар ситцевых платьев, два ночных капота, два»... Ну, это статья пустая! «Белье, салфетки»... Это пусть будет, как ей хочется. Впрочем, нужно всё это поверить на деле. Теперь, пожалуй, обещают и домы, и экипажи, а как женишься — только и найдешь, что пуховики да перины.

(Слышен звонок. Дуняшка бежит впопыхах через комнату отворять дверь. Слышны голоса: «Дома?» — «Дома»).

Явление XV

Иван Павлович и Анучкин.

Дуняшка. Погодите тут. Они выдут. (Уходит. Анучкин раскланивается с Яичницей).

Яичница. Мое почтение.

Анучкин. Не с папенькой ли прелестной хозяйки дома имею честь говорить?

Яичница. Никак нет, вовсе не с папенькой. Я даже еще не имею детей.

Анучкин. Ах, извините! извините!

Яичница (в сторону). Физиогномия этого человека мне что-то подозрительна: чуть ли он не за тем же сюда пришел, за чем и я. (Вслух). Вы, верно, имеете какую-нибудь на-

добность к хозяйке дома?

Анучкин. Нет, что ж... надобности никакой нет, а так зашел с прогулки.

Яичница (в сторону). Врет, врет, с прогулки? Жениться, подлец, хочет! *(Слышен звонок. Дуняшка бежит через комнату отворять двери. В сенях голоса: «Дома?» — «Дома»).*

Явление XVI

Т*е же и Жевакин (в сопровождении девчонки).*

Жевакин (девчонке). Пожалуйста, душенька, почисть меня... Пыли-то, знаешь, на улице попристало не мало. Вон там, пожалуйста, сними пушинку. *(Поворачивается).* Так! Спасибо, душенька. Вот еще посмотри: там как будто паучок лазит! А на подборах-то сзади ничего нет? Спасибо, родимая! Вон тут еще, кажется. *(Гладит рукою рукав фрака и поглядывает на Анучкина и Ивана Павловича).* Суконцо-то ведь аглицкое! Ведь каково носится! В 95 году, когда была эскадра наша в Сицилии, купил я его еще мичманом и сшил с него мундир; в 801, при Павле Петровиче, я был сделан лейтенантом — сукно было совсем новешенькое; в 814 сделал экспедицию вокруг

света, и вот только по швам немного поистерлось; в 815 вышел в отставку, только перелицевал: уж десять лет ношу, до сих пор почти что новый. Благодарю, душенька, м... раскрасочка! *(Делает ей ручку и, подходя к зеркалу, слегка взъерошивает волосы)*.

Анучкин. А как, позвольте узнать, Сицилия — вот вы изволили сказать: Сицилия, — хорошая это земля Сицилия?

Жевакин. А прекрасная! Мы тридцать четыре дня там пробыли; вид, я вам доложу, восхитительный. Эдакие горы, эдак деревцо какое-нибудь гранатное, и везде италианочки, такие розанчики, так вот и хочется поцеловать.

Анучкин. И хорошо образованы?

Жевакин. Превосходным образом! Так образованные, как вот у нас только графини разве. Бывало, пойдешь по улице — ну, русский лейтенант... Натурально, здесь эполеты *(показывает на плеча)*, золотое шитье, и эдак красоточки черномазенькие — у них ведь возле каждого дома балкончики и крыши вот, как этот пол, совершенно плоски. Бывало, эдак смотришь и сидит эдакой розанчик...

Ну, натурально, чтобы не ударить лицом в грязь...*(Кланяется и размахивает рукою)*. И она эдак только. *(Делает рукою движение)*. Натурально, одета: здесь у ней какая-нибудь тафтица, шнуровочка, дамские разные сережки... ну, словом, такой лакомый кусочек...

Анучкин. А как, позвольте еще вам сделать вопрос, — на каком языке изъясняются в Сицилии?

Жевакин. А натурально, все на французском.

Анучкин. И все барышни решительно говорят по-французски?

Жевакин. Все-с решительно. Вы даже, может быть, не поверите тому, что я вам доложу: мы жили тридцать четыре дня, и во все это время ни одного слова я не слышал от них по-русски.

Анучкин. Ни одного слова?

Жевакин. Ни одного слова. Я не говорю уже о дворянах и прочих синьорах, то-есть разных ихних офицерах; но возьмите нарочно простого тамошнего мужика, который перетаскивает на шею всякую дрянь, попробуйте, скажите ему: «дай, братец, хлеба» — не поймет,

ей богу не поймет; а скажи по-французски: «dateci del pane» или «portate vino!» — поймет, и побежит, и точно принесет.

Иван Павлович. А любопытная, однакож, как я вижу, должна быть земля эта Сицилия. Вот вы сказали мужик; что мужик? как он? так ли совершенно, как и русский мужик, широк в плечах и землю пашет, или нет?

Жевакин. Не могу вам сказать: не заметил, пашут или нет; а вот насчет нюханья табаку, так я вам доложу, что все не только нюхают, а даже за губу-с кладут. Перевозка тоже очень дешева; там всё почти вода, и везде гондолы... Натурально, сидит эдакая италианочка, такой розанчик, одета: манишечка, платочек... С нами были и аглицкие офицеры; ну, народ так же, как и наши: моряки... и сначала, точно, было очень странно: не понимаешь друг друга; но потом, как хорошо обознакомились, начали свободно понимать. Покажешь, бывало, эдак на бутылку или стакан, — ну, тотчас и знает, что это значит выпить; приставишь эдак кулак ко рту и скажешь только губами: паф, паф — знает: трубку выкурить. Вообще, я вам доложу, язык довольно легкий, — наши

матросы в три дни каких-нибудь стали совершенно понимать друг друга.

Иван Павлович. А преинтересная, как вижу, жизнь в чужих краях. Мне очень приятно сойтись с человеком бывалым. Позвольте узнать: с кем имею честь говорить?

Жевакин. Жевакин-с, лейтенант в отставке. Позвольте с своей стороны тоже спросить: с кем-с имею счастье изъясняться?

Иван Павлович. В должности экзекутора, Иван Павлович Яичница.

Жевакин (не дослышав). Да, я тоже перекусил. Дороги-то, знаю, впереди будет довольно, а время холодновато: селёдочку съел с хлебцом.

Иван Павлович. Нет, кажется, вы не так поняли: это фамилия моя — Яичница.

Жевакин (кланяясь). Ах, извините. Я немножко туговат на ухо. Я, право, думал, что вы изволили сказать, что покушали яичницу.

Иван Павлович. Да что делать. Я хотел было уже просить генерала, чтобы позволил называться мне Яичницын, да свои отговорили: говорят, будет похоже на собачий сын.

Жевакин. А это, однакож, бывает. У нас вся

третья эскадра, все офицеры и матросы, — все были с престранными фамилиями:[1] Помойкин, Ярыжкин, Перепреев лейтенант; а один мичман, и даже хороший мичман, был по фамилии просто Дырка. И капитан бывало: «эй ты, Дырка, поди сюда!» И, бывало, над ним всегда пошутить: «эх ты, дырка эдакой!» говоришь бывало ему. *(Слышен в сенях звонок; Фекла бежит через комнату отворять).*

Яичница. А, здравствуй, матушка!

Жевакин. Здравствуй; как живешь, душа моя?

Анучкин. Здравствуйте, матушка, Фекла Ивановна.

Фекла (бежит впопыхах). Спасибо, отцы мои; здорова, здорова. *(Отворяет дверь; в сенях раздаются голоса: «Дома?» — «Дома». Потом несколько почти неслышных слов, на которые Фекла отвечает с досадою: «смотри ты какой!»).*

Явление XVII

Те же, *Кочкарев, Подколесин и Фекла.*

Кочкарев (Подколесину). Ты помни: только кураж и больше ничего. *(Оглядывается и раскланивается с некоторым изумлени-*

ем; про себя). Фу ты, какая куча народу. Это что значит? Уж не женихи ли? (Толкает Феклу и говорит ей тихо). С которых сторон понабрала ворон — а?

Фекла (вполголоса). Тут тебе ворон нет, всё честные люди.

Кочкарев (ей). Гости-то несчитанные, кафтаны общипанные.

Фекла. Гляди налёт на свой полёт, а и похвастаться нечем: шапка в рубль, а щи без круп.

Кочкарев. Небось, твои разживные, по дыре в кармане. (Вслух). Да что она делает теперь? Ведь эта дверь, верно, к ней в спальню? (Подходит к двери).

Фекла. Бесстыдник! Говорят тебе, еще одевается.

Кочкарев. Эка беда! Что ж тут такого? Ведь только посмотрю и больше ничего. (Смотрит в замочную скважину).

Жевакин. А позвольте мне полюбопытствовать тоже.

Яичница. Позвольте взглянуть мне только один разочек.

Кочкарев (продолжая смотреть). Да ниче-

го не видно, господа. И распознать нельзя, что такое белеет, женщина или подушка. *(Все, однакож, обступают дверь и продираются взглянуть).*

Кочкарев. Чш... кто-то идет. *(Все отскакивают прочь).*

Явление XVIII

Те же, *Арина Пантелеймоновна и Агафья Тихоновна.* *(Все раскланиваются).*

Арина Пантелеймоновна. А по какой причине — изволили одолжить посещением?

Яичница. А по газетам узнал я, что желаете вступить в подряды насчет поставки лесу и дров, и потому, находясь в должности экзекутора при казенном месте, я пришел узнать, какого роду лес, в каком количестве и к какому времени можете его поставить.

Арина Пантелеймоновна. Хоть подрядов никаких не берем, а приходу рады. А как по фамилии?

Яичница. Коллежский ассессор, Иван Павлович Яичница.

Арина Пантелеймоновна. Прошу покорнейше садиться. *(Обращается к Жевакину и смотрит на него).* А позвольте узнать...

Жевакин. Я тоже, в газетах вижу объявляют о чем-то. Дай-ка, думаю себе, пойду. Погода же показалась хорошею, по дороге везде травка...

Арина Пантелеймоновна. А как-с по фамилии?

Жевакин. А лейтенант морской службы в отставке, Балтазар Балтазаров Жевакин 2-й. Был у нас еще другой Жевакин, да тот еще прежде моего вышел в отставку: был ранен, матушка, под коленком, и пуля так странно прошла, что коленка-то самого не тронула, а по жиле прохватила — как иголкой сшило, так что когда, бывало, стоишь с ним, всё кажется, что он хочет тебя коленком сзади ударить.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорнейше садиться. (*Обращаясь к Анучкину*). А позвольте узнать, по какой причине?...

Анучкин. По соседству-с. Находясь довольно в близком соседстве.

Арина Пантелеймоновна. Не в доме ли купеческой жены Тулубовой, что насупротив, изволите жить?

Анучкин. Нет, я покамест живу еще на Пес-

ках, но имею, однакоже, намерение со временем перебраться сюда-с в соседство, в эту часть города.

Арина Пантелеймоновна. А прошу покорнейше садиться. (*Обращаясь к Кочкареву*). А позвольте узнать...

Кочкарев. Да неужли вы меня не узнаете? (*Обращаясь к Агафье Тихоновне*). И вы также, сударыня?

Агафья Тихоновна. Сколько мне кажется, совсем не видала вас.

Кочкарев. Однакож припомните. Вы меня, верно, где-нибудь видели.

Агафья Тихоновна. Право, не знаю. Уж разве не у Бирюшкиных ли?

Кочкарев. Именно у Бирюшкиных.

Агафья Тихоновна. Ах, ведь вы не знаете, с ней ведь история случилась.

Кочкарев. Как же, вышла замуж.

Агафья Тихоновна. Нет, это бы еще хорошо, а то переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна. И сильно переломила. Возвращалась довольно поздно домой на дрожках, а кучер-то был пьян и вывалил с дрожек.

Кочкарев. Да то-то, я помню, что-то было: или вышла замуж, или переломила ногу.

Арина Пантелеймоновна. А как по фамилии?

Кочкарев. Как же, Илья Фомич Кочкарев, в родстве ведь мы. Жена моя беспрестанно говорит о том... Позвольте, позвольте. *(Берет за руку Подколесина и подводит его).* Приятель мой, Подколесин Иван Кузьмич; надворный советник; служит экспедитором, один все дела делает, усовершенствовал отличнейше свою часть.

Арина Пантелеймоновна. А как по фамилии?

Кочкарев. Подколесин Иван Кузьмич, Подколесин. Директор так только для чина поставлен, а все дела он делает. Иван Кузьмич Подколесин.

Арина Пантелеймоновна. Так-с. Прошу покорнейше садиться.

Явление XIX

Т*е же и Стариков.*

Стариков (кланяясь живо и скоро, по купечески и слегка берясь в бока). Здравствуйтесь, Арина Пантелеевна. Ребята на Гостином дво-

ре сказывали, что продаете шерсть, матушка!

Агафья Тихоновна (отворачиваясь с пренебрежением, вполголоса, но так, что он слышит). Здесь не купеческая лавка.

Стариков. Она! Аль невпопад пришли? Аль и без нас дело сварили?

Арина Пантелеймоновна. Прошу, прошу, Алексей Дмитриевич; хоть шерсти не продаем, а приходу рады. Прошу покорно садиться.

(Все уселось. Молчание).

Яичница. Странная погода нынче: поутру совершенно было похоже на дождик, а теперь как будто и прошло.

Агафья Тихоновна. Да-с, уж эта погода ни на что не похожа: иногда ясно, а в другое время совершенно дождливая. Очень большая неприятность.

Жевакин. Вот в Сицилии, матушка, мы были с эскадрой в весеннее время: если пригнать, так выйдет к нашему февралю; выйдешь, бывало, из дому: день солнечный, а потом эдак дождик, и смотришь, точно как будто дождик.

Яичница. Неприятнее всего, когда в такую погоду сидишь один. Женатому человеку со-

всем другое дело — не скучно; а если в одиночестве — так это просто...

Жевакин. О, смерть, совершенная смерть.

Анучкин. Да-с, это можно сказать...

Кочкарев. Какое — просто терзанье! Жизни не будешь рад. Не приведи бог испытать такое положение.

Яичница. А как, сударыня, если бы пришлось вам избрать предмет? Позвольте узнать ваш вкус. Извините, что я так прямо. В какой службе вы полагаете быть приличнее мужу?

Жевакин. Хотели ли бы вы, сударыня, иметь мужем человека, знакомого с морскими бурями?

Кочкарев. Нет, нет. Лучший, по моему мнению, муж есть человек, который один почти управляет всем департаментом.

Анучкин. Почему же предубеждение? Зачем вы хотите оказать пренебрежение к человеку, который хотя, конечно, служил в пехотной службе, но умеет, однакож, ценить обхождение высшего общества.

Яичница. Сударыня, разрешите вы!

Агафья Тихоновна молчит.

Фекла. Отвечай же, мать моя, скажи им что-нибудь.

Яичница. Как же, матушка?

Кочкарев. Как же ваше мнение, Агафья Тихоновна?

Фекла (тихо ей). Скажи же, скажи: благодарствую, мол, с моим удовольствием. Нехорошо же так сидеть.

Агафья Тихоновна (тихо). Мне стыдно, право стыдно; я уйду, право уйду. Тетушка, посидите за меня.

Фекла. Ах, не делай этого сраму, не уходи; совсем острамишься. Они ни весть что подумают.

Агафья Тихоновна (так же). Нет, право уйду. Уйду, уйду! *(Убегает. Фекла и Арина Пантелеймоновна уходят вслед за нею).*

Явление XX

Те же, кроме ушедших.

Яичница. Вот тебе на, и ушли все! Это что значит?

Кочкарев. Что-нибудь, верно, случилось.

Жевакин. Как-нибудь насчет дамского туалетца... Эдак поправить что-нибудь... манишечку... пришилить.

Фекла входит. Все к ней навстречу с вопросами: «что, что такое?»

Кочкарев. Что-нибудь случилось?

Фекла. Как можно, чтобы случилось. Ей богу, ничего не случилось.

Кочкарев. Да зачем же она вышла?

Фекла. Да пристыдили, потому и вышла; совсем сконфузили, так что не высидела на месте. Просит извинить: ввечеру-де на чашку чаю чтобы пожаловали. *(Уходит).*

Яичница (в сторону). Ох, уж эта мне чашка чаю. Вот за что не люблю сватаний; пойдет возня: сегодня нельзя, да пожалуйста завтра, да еще послезавтра на чашку, да нужно еще додумать. А ведь дело дрянь, ничуть не головоломное. Чорт побери, я человек должностной, мне некогда.

Кочкарев (Подколесину). А ведь хозяйка недурна — а?

Подколесин. Да, недурна.

Жевакин. А ведь хозяйка-то хороша.

Кочкарев (в сторону). Вот чорт побери! Этот дурак влюбился. Еще будет мешать, пожалуй. *(Вслух).* Совсем нехороша, совсем нехороша.

Яичница. Нос велик.

Жевакин. Ну, нет, носа я не заметил. Она... эдакой розанчик.

Анучкин. Я сам тоже их мнения. Нет, не то, не то... Я даже думаю, что вряд ли она знакома с обхождением высшего общества. Да и знает ли она еще по-французски.

Жевакин. Да что ж вы, смею спросить, не попробовали, не поговорили с ней по-французски? Может быть, и знает.

Анучкин. Вы думаете, я говорю по-французски? Нет, я не имел счастья воспользоваться таким воспитанием. Мой отец был мерзавец, скотина. Он и не думал меня выучить французскому языку. Я был тогда еще ребенком, меня легко было приучить, стоило только посечь хорошенько, и я бы знал, я бы непременно знал.

Жевакин. Ну, да теперь же, когда вы не знаете, что ж вам за прибыль, если она...

Анучкин. А нет, нет. Женщина совсем другое дело. Нужно, чтобы она непременно знала, а без того у ней и то и это...*(показывает жестами)* всё уж будет не то.

Яичница (в сторону). Ну, об этом заботься

кто другой. А я пойду да обсмотрю со двора дом и флигеля; если только всё, как следует, так сего же вечера добьюсь дела. Эти женишки мне не опасны. Народ что-то больно жиденький. Таких невесты не любят.

Жевакин. Пойти выкурить трубочку. А что, не по дороге ли нам? Вы где, позвольте спросить, живете?

Анучкин. А на Песках, в Петровском переулке.

Жевакин. Да-с, будет круг: я на острове, в 18-й линии, а впрочем всё-таки я вас попровожу.

Стариков. Нет, тут что-то спесьевато. Ай, припомните потом, Агафья Тихоновна, и нас. С моим почтением, господа. *(Кланяется и уходит).*

Явление XXI

Подколесин и Кочкарев.

Подколесин. А что ж, пойдём и мы.

Кочкарев. Ну, что, ведь правда, хозяйка мила?

Подколесин. Да что! Мне, признаюсь, она не нравится.

Кочкарев. Вот на! Это что? Да ведь ты сам

согласился, что она хороша.

Подколесин. Да так, как-то не того: и нос длинный, и по-французски не знает.

Кочкарев. Это еще что? тебе на что по-французски?

Подколесин. Ну, всё-таки невеста должна знать по-французски.

Кочкарев. Почему ж?

Подколесин. Да потому, что... уж я не знаю почему, а всё уж будет у ней не то...

Кочкарев. Ну, вот. Дурак сейчас один сказал, а он и уши развесил. Она красавица, просто красавица; такой девицы не сыщешь нигде.

Подколесин. Да мне самому сначала она было приглянулась, да после, как начали говорить: длинный нос, длинный нос — ну, я рассмотрел, и вижу сам, что длинный нос.

Кочкарев. Эх, ты, пирей, не нашел дверей. Они нарочно толкуют, чтобы тебя отвадить; и я тоже не хвалил — так уж делается. Это, брат, такая девица! Ты рассмотри только глаза ее: ведь это, чорт знает, что за глаза: говорят, дышат. А нос? Я не знаю, что за нос! белизна — алебастр! Да и алебастр не всякий сравнится.

Ты рассмотри сам хорошенько.

Подколесин (улыбаясь). Да теперь-то я опять вижу, что она как будто хороша.

Кочкарев. Разумеется, хороша. Послушай, теперь, так как они все ушли, пойдем к ней, изъяснимся и всё кончим.

Подколесин. Ну, этого я не сделаю.

Кочкарев. Отчего ж?

Подколесин. Да что ж за нахальство? Нас много; пусть она сама выберет.

Кочкарев. Ну, да что тебе смотреть на них: боишься соперничества, что ли? Хочешь, я их всех в одну минуту спроважу?

Подколесин. Да как же ты их спровадишь?

Кочкарев. Ну, уж это мое дело. Дай мне только слово, что потом не будешь отнекиваться.

Подколесин. Почему ж не дать? Изволь. Я не отпираюсь: я хочу жениться.

Кочкарев. Руку!

Подколесин (подавая). Возьми!

Кочкарев. Ну, этого только мне и нужно.

(Оба уходят.)

Действие второе

Комната в доме Агафьи Тихоновны.

Явление I

Агафья Тихоновна одна; потом Кочкарев

Агафья Тихоновна. Право, такое затруднение — выбор! Если бы еще один, два человека, а то четыре — как хочешь, так и выбирай. Никанор Иванович недурен, хотя, конечно, худощав; Иван Кузьмич тоже недурен. Да если сказать правду, Иван Павлович тоже, хоть и толст, а ведь очень видный мужчина. Прощу покорно, как тут быть? Балтазар Балтазарович опять мужчина с достоинствами. Уж как трудно решиться, так просто рассказать нельзя, как трудно! Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась. А теперь поди подумай! просто голова даже стала болеть. Я думаю, лучше всего кинуть жребий. Положиться во всем на волю Божию:

кто выкинется, тот и муж. Напишу их всех на бумажках, сверну в трубочки, да и пусть будет, что будет. *(Подходит к столику, вынимает оттуда ножницы и бумагу, нарезывает билетки и скатывает, продолжая говорить)*. Такое несчастное положение девицы, особливо еще влюбленной. Из мужчин никто не войдет в это, и даже просто не хотят понять этого. Вот они все, уж готовы! Остается только положить их в ридикуль, зажмурить глаза, да и пусть будет, что будет. *(Кладет билетки в ридикуль и мешает их рукою)*. Страшно... Ах, если бы бог дал, чтобы вынулся Никанор Иванович; нет, отчего же он? Лучше ж Иван Кузьмич. Отчего же Иван Кузьмич? чем же худы те, другие?.. Нет, нет, не хочу... какой выберется, такой пусть и будет. *(Шарит рукою в ридикуле и вынимает вместо одного все)*. Ух! все! все вынулись! А сердце так и колотится! Нет, одного! одного! непременно одного. *(Кладет билетки в ридикуль и мешает. В это время входит потихоньку Кочкарев и становится позади)*. Ах, если бы вынуть Балтазара... что я! хотела сказать Никанора Ивановича... Нет, не хочу, не хочу. Кого при-

кажет судьба.

Кочкарев. Да возьмите Ивана Кузьмича, всех лучше.

Агафья Тихоновна. Ах! (вскрикивает и закрывает лицо обеими руками, страшась взглянуть назад).

Кочкарев. Да чего ж вы испугались? Не пугайтесь, это я. Право, возьмите Ивана Кузьмича.

Агафья Тихоновна. Ах, мне стыдно: вы подслушали.

Кочкарев. Ничего, ничего! Ведь я свой, родня, передо мною нечего стыдиться; откройте же ваше личико.

Агафья Тихоновна (вполовину открывая лицо). Мне, право, стыдно.

Кочкарев. Ну, возьмите же Ивана Кузьмича.

Агафья Тихоновна. Ах! (вскрикивает и закрывается вновь руками).

Кочкарев. Право, чудо человек, усовершенствовал часть свою... просто удивительный человек.

Агафья Тихоновна (понемногу открывает лицо). Как же, а другой? А Никанор Ивано-

вич — ведь он тоже хороший человек.

Кочкарев. Помилуйте, это дрянь против Ивана Кузьмича.

Агафья Тихоновна. Отчего же?

Кочкарев. Ясно отчего. Иван Кузьмич человек... ну просто человек... человек, каких не сыщешь.

Агафья Тихоновна. Ну, а Иван Павлович?

Кочкарев. И Иван Павлович дрянь, все они дрянь.

Агафья Тихоновна. Будто бы уж все?

Кочкарев. Да вы только посудите, сравните только; это, как бы то ни было, Иван Кузьмич! А ведь то, что ни попало: Иван Павлович, Никанор Иванович, чорт знает что такое.

Агафья Тихоновна. А ведь, право, они очень... скромные.

Кочкарев. Какое скромные! Драчуны, самый буйный народ. Охота же вам быть прибиту на другой день после свадьбы.

Агафья Тихоновна. Ах, боже мой! Уж это точно такое несчастье, хуже которого не может быть.

Кочкарев. Еще бы! Хуже этого и не выдумаешь ничего...

Агафья Тихоновна. Так по вашему совету лучше взять Ивана Кузьмича?

Кочкарев. Ивана Кузьмича, натурально Ивана Кузьмича. *(В сторону).* Дело, кажется, идет на лад. Подколесин сидит в кондитерской, пойти поскорей за ним.

Агафья Тихоновна. Так вы думаете — Ивана Кузьмича?

Кочкарев. Непременно Ивана Кузьмича.

Агафья Тихоновна. А тем другим разве отказать?

Кочкарев. Конечно, отказать.

Агафья Тихоновна. Да ведь как же это сделать? как-то стыдно.

Кочкарев. Почему ж стыдно? Скажите, что еще молоды и не хотите замуж.

Агафья Тихоновна. Да ведь они не поверят, станут спрашивать: да почему, да как?

Кочкарев. Ну, так, если вы хотите кончить за одним разом, скажите просто: пошли вон, дураки!

Агафья Тихоновна. Как же можно так сказать?

Кочкарев. Ну, да уж попробуйте. Я вас уверяю, что после этого все выбегут вон.

Агафья Тихоновна. Да ведь это выдет уж как-то бранно.

Кочкарев. Да ведь вы больше их не увидите, так не всё ли равно?

Агафья Тихоновна. Да всё как-то нехорошо... они ведь рассердятся.

Кочкарев. Какая ж беда, если рассердятся? Если бы из этого что бынибудь вышло, тогда другое дело; а ведь здесь самое большее, если кто-нибудь из них плюнет в глаза — вот и всё.

Агафья Тихоновна. Ну, вот, видите!

Кочкарев. Да что же за беда? Ведь иным плевали несколько раз, ей богу! Я знаю тоже одного: прекраснейший собой мужчина, румянец во всю щеку; до тех пор егозил и надо-едал своему начальнику о прибавке жалованья, что тот наконец не вынес — плюнул в самое лицо, ей богу! «Вот тебе», говорит, «твоя прибавка, отвяжись, сатана!» А жалованья, однакоже, всё-таки прибавил. Так что ж из того, что плюнет? Если бы, другое дело, был далеко платок, а то ведь он тут же в кармане — взял да и вытер. *(В сенях звонят).* Стучатся: кто-нибудь из них, верно; я бы не хотел теперь с ними встретиться. Нет ли у вас там

другого выхода?

Агафья Тихоновна. Как же, по черной лестнице. Но, право, я вся дрожу.

Кочкарев. Ничего, только присутствие духа. Прощайте. *(В сторону).* Поскорей приведу Подколесина.

Явление II

Агафья Тихоновна и Яичница.

Яичница. Я нарочно, сударыня, пришел немного пораньше, чтобы поговорить с вами наедине, на досуге. Ну, сударыня, насчет чина, я уже полагаю, вам известно: служу коллежским ассессором, любим начальниками, подчиненные слушаются, недостает только одного: подруги жизни.

Агафья Тихоновна. Да-с.

Яичница. Теперь я нахожу подругу жизни. Подруга эта вы. Скажите напрямик: да или нет? *(Смотрит ей в плеча; в сторону).* О, она не то, что как бывают худенькие немки — кое-что есть.

Агафья Тихоновна. Я еще очень молода-с... не расположена еще замуж...

Яичница. Помилуйте, а сваха зачем хлопочет? Но, может быть, вы хотите что-нибудь

другое сказать, изъяснитесь...*(Слышен колокольчик)*. Чорт побери, никак не дадут делом заняться.

Явление III

Т*е же и Жевакин.*

Жевакин. Извините, сударыня, что я, может быть, слишком рано. *(Оборачивается и видит Яичницу)*. Ах, уж есть... Ивану Павловичу мое почтение.

Яичница (в сторону). Провалился бы ты с своим почтением! *(Вслух)*. Так как же, сударыня? Скажите одно только слово: да или нет?.. *(Слышен колокольчик; Яичница плюет с сердцов)*. Опять колокольчик!

Явление IV

Т*е же и Анучкин.*

Анучкин. Может быть, я, сударыня, ранее, чем следует и повелевает долг приличия...*(Видя прочих, испускает восклицание и раскланивается)*. Мое почтение.

Яичница (в сторону). Возьми себе свое почтение? Нелегкая тебя принесла, подломилась бы тебе твои поджарые ноги! *(Вслух)*. Так как же, сударыня, решите, — я человек должностной, времени у меня немного. Да

или нет?

Агафья Тихоновна, (в смущении). Не нужно-с... не нужно-с...(В сторону). Ничего не понимаю, что говорю.

Яичница. Как не нужно? В каком отношении не нужно?

Агафья Тихоновна. Ничего-с, ничего... Я не того-с...(Собираясь с духом). Пошли вон!.. (В сторону, всплеснувши руками). Ах, боже мой! что я такое сказала?

Яичница. Как пошли вон? Что такое значит: пошли вон? Позвольте узнать, что вы разумеете под этим? (Подбоченившись, подступает к ней грозно).

Агафья Тихоновна (взглянув ему в лицо, вскрикивает). Ух, прибьет, прибьет! (Убегает. Яичница стоит, разинувши рот. Вбегает на крик Арина Пантелеймоновна и, взглянув ему в лицо, вскрикивает тоже: «ух, прибьет!» и убегает).

Яичница. Что за притча такая! Вот, право, история! (В дверях звенит звонок, и слышны голоса).

Голос Кочкарева. Да входи, входи, что ж ты остановился?

Голос Подколесина. Да ступай ты вперед. Я только на минуту оправлюсь, расстегнулась стремешка.

Голос Кочкарева. Да ты улизнешь опять.

Голос Подколесина. Нет, не улизну! Ей богу, не улизну!

Явление V

Т*е же и Кочкарев.*

Кочкарев. Ну, вот, очень нужно поправлять стремешку.

Яичница (обращаясь к нему). Скажите, пожалуйста, невеста дура, что ли?

Кочкарев. А что? случилось разве что?

Яичница. Да непонятные поступки; выбежала, стала кричать: прибьет, прибьет! Чорт знает что такое.

Кочкарев. Ну да, это за ней водится. Она дура.

Яичница. Скажите, ведь вы ей родственник?

Кочкарев. Как же, родственник.

Яичница. А как родственник, позвольте узнать.

Кочкарев. Право, не знаю: как-то тетка моей матери что-то такое ее отцу, или отец ее

что-то такое моей тетке — об этом знает жена моя, это их дело.

Яичница. И давно за ней водится дурь?

Кочкарев. А еще с самого сызмала.

Яичница. Да, конечно, лучше, если бы она была умней; а впрочем и дура тоже хорошо; были бы только статьи прибавочные в хорошем порядке.

Кочкарев. Да ведь за ней ничего нет.

Яичница. Как так, а каменный дом?

Кочкарев. Да ведь только слава, что каменный, а знали бы вы, как он выстроен; стены ведь выведены в один кирпич, а в середине всякая дрянь — мусор, щепки, стружки.

Яичница. Что вы?

Кочкарев. Разумеется. Будто не знаете, как теперь строятся дома? Лишь бы только в ломбард заложить.

Яичница. Однакож ведь дом не заложен.

Кочкарев. А кто вам сказал? Вот в том-то и дело, не только заложен, да за два года еще проценты не выплачены. Да в сенате есть еще брат, который тоже запускает глаза на дом; сутяги такого свет не производил: с родной матери последнюю юбку снял, безбож-

НИК.

Яичница. Как же мне старуха сваха... Ах она, бестия эдакая, изверг рода челове...(В сторону). Однакож он, может быть, и врет. Под строжайший допрос старуху! И если только правда... ну... я заставлю запеть не так, как другие поют.

Анучкин. Позвольте вас побеспокоить тоже вопросом. Признаюсь, не зная французского языка, чрезвычайно трудно судить самому, знает ли женщина по-французски или нет. Как хозяйка дома, знает?..

Кочкарев. Ни бельмеса.

Анучкин. Что вы?

Кочкарев. Как же? я это очень хорошо знаю. Она училась вместе с женой в пансионе, известная была ленивица, вечно в дурацкой шапке сидит. А французский учитель просто бил ее палкой.

Анучкин. Представьте же, что у меня с первого разу, как только ее увидел, было какое-то предчувствие, что она не знает по-французски.

Яичница. Ну, чорт с французским! Но как сваха-то проклятая... Ах ты, бестия эдакая,

ведьма! Ведь если б вы знали, какими словами она расписала! Живописец, вот совершенный живописец! «Дом, флигеля», говорит, «на фундаментах, серебряные ложки, сани», вот садись, да и катайся — словом, в романе редко выберется такая страница. Ах ты, подошва ты старая! Попадись только ты мне...

Явление VI

Т*е же и Фекла. (Все, увидев ее, обращаются к ней со следующими словами).*

Яичница. А! вот она! А подойди-ка сюда, старая греховодница! а подойди-ка сюда!

Анучкин. Так-то вы обманули меня, Фекла Ивановна?

Кочкарев. Ну-ка, ступай, Варвара, на расправу!

Фекла. И ни слова не разберу: оглушили совсем.

Яичница. Дом строен в один кирпич, старая подошва, а ты наврала: и с мезонинами, и чорт знает с чем.

Фекла. А не знаю, не я строила. Может быть, нужно было в один кирпич, оттого так и построили.

Яичница. Да и в ломбард еще заложен! Чер-

ти б тебя съели, ведьма ты проклятая! (*притопывая ногой*).

Фекла. Смотри ты какой! Еще и бранится. Иной бы благодарить стал за удовольствие, что хлопотала о нем.

Анучкин. Да, Фекла Ивановна, вот вы и мне тоже насаказали, что она знает по-французски.

Фекла. Знает, родимый, всё знает, и по-немецкому, и по-всякому; какие хочешь манеры — всё знает.

Анучкин. Ну, нет; кажется, она только по-русски и говорит.

Фекла. Что ж тут худого? Понятливее по-русски, потому и говорит по-русски. А кабы умела по-басурмански, то тебе же хуже, и сам бы не понял ничего. Уж тут нечего толковать про русскую речь — речь звестно какая: все святые говорили по-русски.

Яичница. А подойди-ка сюда, проклятая, подойди-ка ко мне!

Фекла (*пятясь ближе к дверям*). И не подойду, я знаю тебя. Ты человек тяжелый, ни за что прибьешь.

Яичница. Ну, смотри, голубушка, это не пройдет тебе. Вот я тебя как сведу в полицию,

так ты у меня будешь знать, как обманывать честных людей. Вот ты увидишь! А невесте скажи, что она подлец! Слышишь, непременно скажи. *(Уходит)*.

Фекла. Смотри ты какой! расходился как! Что толст, так думает, ему и равного никого нет. А я скажу, что ты сам подлец, вот что!

Анучкин. Признаюсь, любезнейшая, никак не думал я, чтобы вы стали так обманывать. Знай я, что невеста с таким образованием, да я... да и нога бы моя, просто, не была здесь. Вот как-с. *(Уходит)*.

Фекла. Белены объелись или выпили лишнее. Вишь переборщики нашлись какие! Светла с ума глупая грамота!

Явление VII

Фекла, Кочкарев, Жевакин.

Кочкарев хохочет во все горло, смотря на Феклу и указывая на нее пальцом.

Фекла *(с досадою)*. Ты что горло дерешь?

Кочкарев продолжает хохотать.

Фекла. Эк как разобрало его!

Кочкарев. Сваха-то! сваха-то! Мастерница женить, знает, как повести дело! *(Продолжает хохотать)*.

Фекла. Эк его заливается! Знать, покойница свихнула с ума в тот час, как тебя рожала. *(Уходит с досадою).*

Явление VIII

Кочкарев, Жевакин.

Кочкарев (продолжая хохотать). Ох, не могу, право, не могу, силы не выдержат, чувствую, что тресну от смеха! *(Продолжает хохотать).*

Жевакин, глядя на него, начинает тоже смеяться.

Кочкарев (в усталости валится на стул). Ох, право, выбился из сил. Чувствую, что если засмеюсь еще, порву последние жилы.

Жевакин. Мне нравится веселость вашего нрава. У нас в эскадре капитана Болдырева был мичман Петухов, Антон Иванович; тоже эдак был веселого нрава. Бывало, ему, ничего больше, покажешь эдак один палец — вдруг засмеется, ей богу, и до самого вечера смеется. Ну, глядя на него, бывало, и себе делается смешно, и смотришь, наконец, и сам точно эдак смеешься.

Кочкарев (переводя дыханье). Ох, господи, помилуй нас грешных! Ну, что она вздумала,

дура? Ну, куда ж ей женить, ей ли женить? Вот я женю, так женю.

Жевакин. Нет? Так вы можете не в шутку женить?

Кочкарев. Еще бы. Кого угодно на ком угодно.

Жевакин. Если так, жените меня на здешней хозяйке.

Кочкарев. Вас? Да зачем вам жениться?

Жевакин. Как зачем? Вот, позвольте заметить, странный немножко вопрос! А известное дело зачем.

Кочкарев. Да ведь вы слышали, у ней приданого ничего нет.

Жевакин. На нет и суда нет. Конечно, это дурно, а впрочем с эдакою прелюбезною девицею, с ее обхожденьями, можно прожить и без приданого. Небольшая комнатка (*размахивает примерно руками*)... Эдак здесь маленькая прихожая, небольшая ширмочка, или какая-нибудь в роде эдакой перегородки...

Кочкарев. Да что вам в ней так понравилось?

Жевакин. А сказать правду, мне понрави-

лась она потому, что полная женщина. Я большой аматёр со стороны женской полноты.

Кочкарев (поглядывая на него искоса, говорит в сторону). А ведь сам уж куды не пощеголяет; точно кисет, из которого вытрясли табак. *(Вслух)*. Нет, вам совсем не следует жениться.

Жевакин. Как так?

Кочкарев. Да так. Ну, что у вас за фигура, между нами будь сказано? Нога петушья...

Жевакин. Петушья?

Кочкарев. Конечно. Что с вас за вид!

Жевакин. То-есть, как, однакоже, петушья нога?

Кочкарев. Да просто петушья.

Жевакин. Мне, кажется, это, однакож, касается насчет личности...

Кочкарев. Да ведь я говорю потому, что, знаю, вы рассудительный человек; другому я не скажу. Я вас женю, извольте, только на другой.

Жевакин. Нет, уж я бы просил, чтобы на другой меня не женили. Уж будьте эдак благодетельны, чтобы на этой.

Кочкарев. Извольте, женю, только с условием: вы не мешайтесь ни во что и не показывайтесь даже на глаза невесте. Я всё сделаю без вас.

Жевакин. Да как, однакоже, всё без меня? Всё-таки мне хоть на глаза нужно будет показаться.

Кочкарев. Совсем не нужно. Идите домой и ждите: сего же вечера всё будет сделано.

Жевакин (потирает руки). А вот это уж куда бы хорошо. Да не нужно ли аттестат, послужной список? Может быть, невеста захочет полюбопытствовать. Я сбегая за ними в минуту.

Кочкарев. Ничего не нужно, отправляйтесь только домой. Я вам сегодня же дам знать. *(Выпровождает его).* Да, чорта с два, как бы не так! Что ж это? Что ж это Подколесин не идет? Это, однакож, странно. Неужли он до сих пор поправляет свою стремешку? Уж не побежать ли за ним?

Явление IX

Кочкарев, Агафья Тихоновна.

Агафья Тихоновна (всматриваясь). Что, ушли? никого нет?

Кочкарев. Ушли, ушли, никого.

Агафья Тихоновна. Ах, если бы вы знали, как я вся дрожала! Эдакого, точно, еще никогда не бывало со мною. Но только какой страшный этот Яичница! Какой он должен быть тиран для жены. Мне всё так вот и кажется, что он сейчас воротится.

Кочкарев. О, ни за что не воротится. Я ставлю голову, если который-нибудь из них двух покажет нос свой здесь.

Агафья Тихоновна. А третий?

Кочкарев. Какой третий?

Жевакин (высовывая голову в двери). Смерть хочется знать, как она будет изъясняться обо мне своим ротиком... розанчик эдакой!

Агафья Тихоновна. А Балтазар Балтазарович?

Жевакин. А вот оно! вот оно! *(Потирает руки).*

Кочкарев. Фу ты пропасть! Я думал, о ком вы говорите. Да ведь это просто чорт знает что, набитый дурак.

Жевакин. Это что такое? Уж этого я, признаюсь, никак не понимаю.

Агафья Тихоновна. А он, однакоже, на вид показался очень хорошим человеком.

Кочкарев. Пьяница!

Жевакин. Ей богу, не понимаю.

Агафья Тихоновна. Неужели и пьяница еще?

Кочкарев. Помилуйте, отъявленный мерзавец.

Жевакин (громко). Нет, позвольте, уж этого я никак не просил вас говорить. Что-нибудь замолвить в мой профит, похвалить — другое дело; а чтобы эдаким образом, эдакими словами — уж извольте разве кого-нибудь другого, а уж я слуга покорный.

Кочкарев (в сторону). Как это угораздило его подвернуться? (*Агафье Тихоновне вполголоса*). Смотрите, смотрите: на ногах не держится. Эдакое мыслете он всякий день пишет. Прогоните его, да и концы в воду! (*В сторону*). А Подколесина нет как нет. Экой мерзавец! Уж я ж вымещу на нем. (*Уходит*).

Явление X

Агафья и Тихоновна и Жевакин.

Жевакин (в сторону). Обещался хвалить, а вместо того выбранил! Престранный

человек! *(Вслух)*. Вы, сударыня, не верьте...

Агафья Тихоновна. Извините, мне нездоровится... болит-с голова. *(Хочет уйти)*.

Жевакин. Но, может быть, вам что-нибудь во мне не нравится? *(Указывая на голову)*. Вы не глядите на то, что у меня здесь маленькая плешина. Это ничего, это от лихорадки; волоса сейчас вырастут.

Агафья Тихоновна. Мне все равно-с, что б у вас там ни было.

Жевакин. У меня, сударыня... если надену черный фрак, так цвет лица будет побелее.

Агафья Тихоновна. Для вас лучше. Прощайте! *(Уходит)*.

Явление XI

Ж*евакин (один, говорит вслед ей).*

Сударыня, позвольте, скажите причину: зачем? почему? Или во мне какой-либо существенный есть изъян, что ли?.. Ушла! Престранный случай! Вот уж никак в семнадцатый раз случается со мною, и всё почти одинаким образом: кажется, эдак сначала всё хорошо, а как дойдет дело до развязки — смотришь, и откажут. *(Ходит по комнате в размышлении)*. Да... Вот эта уж будет никак сем-

надцатая невеста! И чего же ей, однакож, хочется? Чего бы ей, например, эдак... с какой стати. (*Подумав*). Темно, чрезвычайно темно! Добро бы был нехорош чем. (*Осматривается*). Кажется, нельзя сказать этого; всё слава богу, натура не обидела. Непонятно. Разве не пойти ли домой, да порыться в сундучке? Там у меня были стишки, против которых точно ни одна не устоит... Ей богу, уму непонятно! Сначала, кажись, повезло... Видно, приходится поворотить назад оглобли. А жаль, право жаль. (*Уходит*).

Явление XII

Подколесин и Кочкарев (*входят и оба оглядываются назад*).

Кочкарев. Он не заметил нас! Видел, с каким длинным носом вышел?

Подколесин. Неужели и ему так же отказано, как и тем?

Кочкарев. Наотрез.

Подколесин (*с самодовольною улыбкой*). А преконфузно, однакоже, должно быть, если откажут.

Кочкарев. Еще бы!

Подколесин. Я всё еще не верю, чтобы она

прямо сказала, будто предпочитает меня всем.

Кочкарев. Какое предпочитает! Она от тебя просто без памяти. Такая любовь: одних имен каких надавала, такая страсть — так просто и кипит.

Подколесин (самодовольно усмехается). А ведь в самом деле женщина, если захочет, каких слов не наскажет. Век бы не выдумал: мордашечка, таракашечка, чернушка...

Кочкарев. Что еще эти слова! Вот как женишься, так ты увидишь в первые два месяца, какие пойдут слова. Просто, брат, ну, вот так и таешь.

Подколесин (усмехается). Будто?

Кочкарев. Как честный человек! Послушай, теперь, однакож, скорее к делу. Изъясни ей и открой сию же минуту сердце и требуй руки.

Подколесин. Но как же сию минуту? что ты!

Кочкарев. Непременно сию же минуту... А вот и она сама.

Явление XIII

Те же и Агафья Тихоновна.

Кочкарев. Я привел к вам, сударыня,

смертного, которого вы видите. Еще никогда не было так влюбленного, просто не приведи бог, и неприятелю не пожелаю...

Подколесин (толкая его под руку, тихо).

Ну, уж ты, брат, кажется, слишком.

Кочкарев (ему). Ничего, ничего. (Ей тихо).

Будьте посмелее, он очень смирен, старайтесь быть как можно развязнее. Эдак поворотите как-нибудь бровями или, потупивши глаза, так вдруг и срезать его, злодея, или выставьте ему как-нибудь плечо, и пусть его, мерзавец, смотрит! Напрасно, впрочем, вы не надели платья с короткими рукавами: да, впрочем, и это хорошо. *(Вслух).* Ну, я оставляю вас в приятном обществе! Я на минуточку загляну только к вам в столовую и на кухню; нужно распорядиться — сейчас придет официант, которому заказан ужин; может быть, и вина принесены... До свиданья! *(Подколесину).* Смелее, смелее! *(Уходит).*

Явление XIV

Подколесин и Агафья Тихоновна.

Агафья Тихоновна. Прошу покорнейше садиться.

(Садятся и молчат).

Подколесин. Вы, сударыня, любите кататься?

Агафья Тихоновна. Как-с кататься?

Подколесин. На даче очень приятно летом кататься в лодке.

Агафья Тихоновна. Да-с, иногда с знакомыми прогуливаемся.

Подколесин. Какое-то лето будет — неизвестно.

Агафья Тихоновна. А желательно, чтобы было хорошее.

(Оба молчат).

Подколесин. Вы, сударыня, какой цветок больше любите?

Агафья Тихоновна. Который покрепче пахнет-с, гвоздику-с.

Подколесин. Дамам очень идут цветы.

Агафья Тихоновна. Да, приятное занятие.

(Молчание).

Агафья Тихоновна. В которой церкви вы были прошлое воскресенье?

Подколесин. В Вознесенской, а неделю назад тому был в Казанском соборе. Впрочем, молиться всё равно, в какой бы то ни было церкви. В той только украшение лучше.

(Молчат. Подколесин барабанит пальцами по столу).

Подколесин. Вот скоро будет екатерингофское гулянье.

Агафья Тихоновна. Да, через месяц, кажется.

Подколесин. Даже и месяца не будет.

Агафья Тихоновна. Должно быть, веселое будет гулянье.

Подколесин. Сегодня восьмое число. (Считает по пальцам). Девятое, десятое, одиннадцатое... через двадцать два дни.

Агафья Тихоновна. Представьте, как скоро!

Подколесин. Я сегодняшнего дни даже не считаю.

(Молчание).

Подколесин. Какой это смелый русский народ!

Агафья Тихоновна. Как?

Подколесин. А работники. Стоит на самой верхушку... Я проходил мимо дома, так щека-турщик штукатурит и не боится ничего.

Агафья Тихоновна. Да-с. Так это в каком месте?

Подколесин. А вот по дороге, по которой я хожу всякий день в департамент. Я ведь каж-

дое утро хожу в должность.

(Молчание. Подколесин опять начинает барабанить пальцами, наконец берется за шляпу и раскланивается).

Агафья Тихоновна. А вы уже хотите?..

Подколесин. Да-с. Извините, что, может быть, наскучил вам.

Агафья Тихоновна. Как-с можно! Напротив, я должна благодарить за подобное препровождение времени.

Подколесин. *(улыбаясь).* А мне так, право, кажется, что я наскучил.

Агафья Тихоновна. Ах, право, нет.

Подколесин. Ну, так, если нет, так позвольте мне и в другое время вечером когда-нибудь...

Агафья Тихоновна. Очень приятно-с. *(Раскланиваются. Подколесин уходит).*

Явление XV

Агафья Тихоновна *(одна).*

Какой достойный человек! Я теперь только узнала его хорошенько; право, нельзя не полюбить: и скромный и рассудительный. Да, приятель его давеча справедливо сказал; жаль только, что он так скоро ушел, а я бы

еще хотела его послушать. Как приятно с ним говорить! И ведь главное то хорошо, что совсем не пустословит. Я было хотела ему тоже словца два сказать, да, признаюсь, оробела, сердце так стало биться. Какой превосходный человек! Пойду, расскажу тетушке. (*Уходит*).

Явление XVI

Подколесин и Кочкарев (*входят*).

Кочкарев. Да зачем домой? Вздор какой! Зачем домой?

Подколесин. Да зачем же мне оставаться здесь? Ведь я всё уже сказал, что следует.

Кочкарев. Стало быть, сердце ей ты уж открыл?

Подколесин. Да, вот только разве, что сердца еще не открыл.

Кочкарев. Вот-те история! Зачем же не открыл?

Подколесин. Ну, да как же ты хочешь, не поговоря прежде ни о чем, вдруг сказать сбобку-припеку: сударыня, дайте я на вас женюсь!

Кочкарев. Ну, да о чем же вы, о каком вздоре толковали битых полчаса?

Подколесин. Ну, мы переговорили обо всем, и, признаюсь, я очень доволен; с боль-

шим удовольствием провел время.

Кочкарев. Да послушай, посуди ты сам: когда же всё это успеем? Ведь через час нужно ехать в церковь под венец.

Подколесин. Что ты, с ума сошел? Сегодня под венец!

Кочкарев. Почему ж нет?

Подколесин. Сегодня под венец!

Кочкарев. Да ведь ты ж сам дал слово, сказал, что как только женихи будут прогнаны — сейчас готов жениться.

Подколесин. Ну, я и теперь не прочь от слова. Только не сейчас же; месяц, по крайней мере, нужно дать роздыху.

Кочкарев. Месяц!

Подколесин. Да, конечно.

Кочкарев. Да ты с ума сошел, что ли?

Подколесин. Да меньше месяца нельзя.

Кочкарев. Да ведь я официанту заказал ужин, бревно ты! Ну, послушай, Иван Кузьмич, не упрямясь, душенька, женись теперь.

Подколесин. Помилуй, брат, что ты говоришь? Как же теперь?

Кочкарев. Иван Кузьмич, ну, я тебя прошу. Если не хочешь для себя, так для меня по

крайней мере.

Подколесин. Да, право, нельзя.

Кочкарев. Можно, душа, всё можно; ну, пожалуйста, не капризничай, душенька!

Подколесин. Да, право, нет. Неловко, совсем неловко.

Кочкарев. Да что неловко? Кто тебе сказал это? Ты посуди сам. Ведь ты человек умный. Я говорю тебе это не с тем, чтобы к тебе подольститься, не потому, что ты экспедитор, а просто говорю из любви... Ну, полно же, душенька. Решись, взгляни оком благоразумного человека.

Подколесин. Да если бы было можно, так я бы...

Кочкарев. Иван Кузьмич! Лапушка, милочка! Ну, хочешь ли, я стану на колени перед тобой?

Подколесин. Да зачем же...

Кочкарев (становясь на колени). Ну, вот я и на коленях! Ну, видишь сам, прошу тебя. Век не забуду твоей услуги, не упрямся, душенька!

Подколесин. Ну, нельзя, брат, право, нельзя.

Кочкарев (вставая, в сердцах). Свинья!

Подколесин. Пожалуй, бранись себе.

Кочкарев. Глупый человек! Еще никогда не было такого.

Подколесин. Бранись, бранись.

Кочкарев. Я для кого же старался, из чего бился? Всё для твоей, дурак, пользы. Ведь что мне? Я сейчас брошу тебя; мне какое дело?

Подколесин. Да кто ж просил тебя хлопотать? Пожалуй, бросай.

Кочкарев. Да ведь ты пропадешь, ведь ты без меня ничего не сделаешь. Не жени тебя, ведь ты век останешься дураком.

Подколесин. Тебе что до того?

Кочкарев. О тебе, деревянная башка, стараюсь.

Подколесин. Я не хочу твоих стараний.

Кочкарев. Ну, так ступай же к чорту!

Подколесин. Ну, и пойду.

Кочкарев. Туда тебе и дорога!

Подколесин. Что ж, и пойду.

Кочкарев. Ступай, ступай, и чтобы ты себе сейчас же переломил ногу. Вот от души посылаю тебе желание, чтобы тебе пьяный извозчик въехал дышлом в самую глотку! Тряпка,

а не чиновник! Вот клянусь тебе, что теперь между нами всё кончилось, и на глаза мне больше не показывайся!

Подколесин. И не покажусь. *(Уходит).*

Кочкарев. К дьяволу, к своему старому приятелю! *(Отворяя дверь, кричит ему вслед).* Дурак!

Явление XVII

К*очкарев (один, ходит, в сильном движении, взад и вперед).*

Ну, был ли когда виден на свете подобный человек? Эдакой дурак! Да если уж пошло на правду, то и я хорош. Ну, скажите, пожалуйста, вот я на вас всех сошлюсь. Ну, не олух ли я, не глуп ли я? Из чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что он мне? родня что ли? И что я ему такое — нянька, тетка, свекруха, кума что ли? Из какого же дьявола, из чего, из чего я хлопочу о нем, не даю себе покою, нелегкая прибрала бы его совсем? А просто чорт знает из чего! Поди ты, спроси иной раз человека, из чего он что-нибудь делает! Эдакой мерзавец! Какая противная подлая рожа! Взял бы тебя, глупую животину, да щелчками бы тебя в нос, в уши, в рот, в зу-

бы — во всякое место! (*В сердцах дает несколько щелчков на воздух*). Ведь вот что досадно: вышел себе — ему и горя мало. С него всё это так, как с гуся вода — вот что нестерпимо! Пойдет к себе на квартиру и будет лежать да покуривать трубку. Экое противное созданье! Бывают противные рожи, но ведь эдакой просто не выдумаешь; не сочинишь хуже этой рожи, ей богу, не сочинишь. Так вот нет же, пойду нарочно ворочу его, бездельника! Не дам улизнуть, пойду приведу подлеца! (*Убегает*).

Явление XVIII

А гафья Тихоновна (*входит*).

Уж так, право, бьется сердце, что изъяснить трудно. Везде, куды ни поворочусь, везде так вот и стоит Иван Кузьмич. Точно правда, что от судьбы никак нельзя уйти. Давича совершенно хотела было думать о другом, но чем ни займусь, — пробовала сматывать нитки, шила ридикуль, — а Иван Кузьмич всё так вот и лезет в руку. (*Помолчал*). И так вот, наконец, ожидает меня перемена состояния! Возьмут меня, поведут в церковь... потом оставят одну с мужчиною — уф! Дрожь так

меня и пробирает. Прощай, прежняя моя девичья жизнь. *(Плачет)*. Столько лет провела в спокойствии... Вот жила, жила — а теперь приходится выходить замуж! Одних забот сколько: дети, мальчишки, народ драчливый, а там и девочки пойдут; подрастут — выдавай их замуж. Хорошо еще, если выдут за хороших, а если за пьяниц, или за таких, что готов сегодня же поставить на карточку всё, что ни есть на нем! *(Начинает мало-помалу опять рыдать)*. Не удалось и повеселиться мне девическим состоянием, и двадцати семи лет не пробыла в девках...*(Переменяя голос)*. Да что ж Иван Кузьмич так долго мешкается?

Явление XIX

Агафья Тихоновна и Подколесин *(выталкивает на сцену из дверей двумя руками Кочкарева)*.

Подколесин (запинаясь). Я пришел вам, сударыня, изъяснить одно дельцо... Только я бы хотел прежде знать, не покажется ли оно вам странным?

Агафья Тихоновна (потупляя глаза). Что же такое?

Подколесин. Нет, сударыня, вы скажите на-

перед: не покажется ли вам странно?

Агафья Тихоновна (так же). Не могу знать, что такое.

Подколесин. Но признайтесь: верно вам покажется странным то, что я вам скажу?

Агафья Тихоновна. Помилуйте, как можно, чтобы было странно? От вас всё приятно слышать.

Подколесин. Но этого вы еще никогда не слышали. *(Агафья Тихоновна потупляет еще более глаза; в это время входит потихоньку Кочкарев и становится у него за плечами).* Это вот в чем... Но пусть лучше я вам скажу когда-нибудь после.

Агафья Тихоновна. А что же это такое?

Подколесин. А это... Я хотел было, признаюсь, теперь объявить вам это, да всё еще как-то сомневаюсь.

Кочкарев (про себя, складывая руки). Господи ты боже мой, что это за человек! Это просто старый бабий башмак, а не человек, насмешка над человеком, сатира на человека.

Агафья Тихоновна. Отчего же вы сомневаетесь?

Подколесин. Да всё как-то берет сомнение.

Кочкарев (вслух). Как это глупо, как это глупо! Да вы, сударыня, видите: он просит руки вашей, желает объявить, что он без вас не может жить, существовать. Спрашивает только, согласны ли вы его осчастливить.

Подколесин (почти испугавшись, толкает его, произнося тихо). Помилуй, что ты!

Кочкарев. Так что ж, сударыня? Решаетесь вы сему смертному доставить счастье?

Агафья Тихоновна. Я никак не смею думать, чтобы я могла составить счастье... А, впрочем, я согласна.

Кочкарев. Натурально, натурально, так бы давно! Давайте ваши руки!

Подколесин. Сейчас. *(Хочет сказать что-то ему на ухо; Кочкарев показывает ему кулак и хмурит брови; он дает руку).*

Кочкарев (соединяя руки). Ну, бог вас благословит. Согласен и одобряю ваш союз. Брак это есть такое дело... Это не то, что взял извозчика, да и поехал куды-нибудь, это обязанность совершенно другого рода, это обязанность... Теперь вот только мне времени нет, а после я расскажу тебе, что это за обязанность. Ну, Иван Кузьмич, поцелуй свою невесту. Ты

теперь можешь это сделать. Ты теперь должен это сделать. (*Агафья Тихоновна потупляет глаза*). Ничего, ничего, сударыня. Это так должно; пусть поцелует.

Подколесин. Нет, сударыня, позвольте, теперь уж позвольте. (*Целует ее и берет за руку*). Какая прекрасная ручка! Отчего это у вас, сударыня, такая прекрасная ручка?.. Да позвольте, сударыня, я хочу, чтоб сей же час было венчанье, непременно сей же час.

Агафья Тихоновна. Как сейчас? Уж это, может быть, очень скоро.

Подколесин. И слышать не хочу. Хочу еще скорее, чтобы сию же минуту было венчанье.

Кочкарев. Bravo! хорошо! Благородный человек! Я, признаюсь, всегда ожидал от тебя много в будущем! Вы, сударыня, в самом деле поспешите теперь поскорее одеться: я, сказать правду, послал уже за каретою и напросил гостей. Они все теперь поехали прямо в церковь. Ведь у вас венчальное платье готово, я знаю.

Агафья Тихоновна. Как же, давно готово. Я в минуточку оденусь.

Явление XX

Кочкарев и Подколесин.

Подколесин. Ну, брат, благодарю! Теперь я вижу всю твою услугу. Отец, родной для меня не сделал бы того, что ты. Вижу, что ты действовал из дружбы. Спасибо, брат, век буду помнить твою услугу. (*Тронутый*). Будущей весною навещу непременно могилу твоего отца.

Кочкарев. Ничего, брат, я рад сам. Ну, подойди, я тебя поцелую. (*Целует его в одну щеку, а потом в другую*). Дай бог, чтоб ты прожил благополучно (*целуются*), в довольстве и достатке; детей бы нажили кучу...

Подколесин. Благодарю, брат. Именно, наконец, теперь только я узнал, что такое жизнь. Теперь предо мною открылся совершенно новый мир. Теперь я вот вижу, что всё это движется, живет, чувствует, эдак как-то испаряется, как-то эдак, не знаешь даже сам, что делается. А прежде я ничего этого не видел, не понимал, то-есть просто был лишенный всякого сведения человек, не рассуждал, не углублялся и жил вот, как и всякий другой человек живет.

Кочкарев. Рад, рад. Теперь я пойду, посмотрю

рю только, как убрали стол; в минуту ворочусь. *(В сторону)*. А шляпу всё лучше на всякий случай припрятать. *(Берет и уносит шляпу с собою)*.

Явление XXI

Подколесин *(один)*.

В самом деле, что я был до сих пор? Понимал ли значение жизни? Не понимал, ничего не понимал. Ну, каков был мой холостой век? Что я значил, что я делал? Жил, жил, служил, ходил в департамент, обедал, спал, — словом, был в свете самый препустой и обыкновенный человек. Только теперь видишь, как глупы все, которые не женятся; а ведь, если рассмотреть, какое множество людей находится в такой слепоте. Если бы я был где-нибудь государь, я бы дал повеление жениться всем, решительно всем, чтобы у меня в государстве не было ни одного холостого человека. — Право, как подумаешь: чрез несколько минут, и уже будешь женат. Вдруг вкусишь блаженство, какое точно бывает только разве в сказках, которое просто даже не выразишь, да и слов не найдешь, чтобы выразить. *(После некоторого молчанья)*. Однакож, что

ни говори, а как-то даже делается страшно, как хорошенько подумаешь об этом. На всю жизнь, на весь век, как бы то ни было, связать себя и уж после ни отговорки, ни раскаянья, ничего, ничего — всё кончено, всё сделано. Уж вот даже и теперь назад никак нельзя попятиться: чрез минуту и под венец; уйти даже нельзя — там уж и карета, и всё стоит в готовности. А будто в самом деле нельзя уйти? Как же, натурально нельзя: там в дверях и везде стоят люди; ну, спросят: зачем? Нельзя, нет. А вот окно открыто; что, если бы в окно? Нет, нельзя; как же, и неприлично, да и высоко. (*Подходит к окну*). Ну, еще не так высоко, только один фундамент, да и тот низенький. — Ну, нет, как же, со мной даже нет картуза. Как же без шляпы? Неловко. А неужто, однакоже, нельзя без шляпы? А что, если бы попробовать — а? Попробовать, что ли? (*Становится на окно и, сказавши: «Господи, благослови!»*, соскакивает на улицу; за сценой *кряхтит и охает*). Ох! однакож высоко! Эй, извозчик!

Голос извозчика. Подавать, что ли?

Голос Подколесина. На Канавку, возле Се-

меновского мосту.

Голос извозчика. Да гривенник без лишнего.

Голос Подколесина. Давай! Пошел! (Слышен стук отъезжающих дрожжек).

Явление XXII

Агафья Тихоновна (входит в венчалном платье, робко и потупив голову). И сама не знаю, что со мною такое! Опять сделалось стыдно, и я вся дрожу. Ах! если бы его хоть на минутку на эту пору не было в комнате, если бы он за чем-нибудь вышел! (С робостью оглядывается). Да где ж это он? Никого нет. Куда же он вышел? (Отворяет дверь в прихожую и говорит туда). Фекла, куда ушел Иван Кузьмич?

Голос Феклы. Да он там.

Агафья Тихоновна. Да где же там?

Фекла (входя). Да ведь он тут сидел в комнате.

Агафья Тихоновна. Да ведь нет его, ты видишь.

Фекла. Ну, да уж из комнаты он тоже не выходил, — я сидела в прихожей.

Агафья Тихоновна. Да где же он?

Фекла. Я уж не знаю где; не вышел ли на другой выход, по черной лесенке, или не сидит ли в комнате Арины Пантелеймоновны?

Агафья Тихоновна. Тетушка! тетушка!

Явление XXIII

Т*е же и Арина Пантелеймоновна.*

Арина Пантелеймоновна (раздетая). А что такое?

Агафья Тихоновна. Иван Кузьмич у вас?

Арина Пантелеймоновна. Нет, он тут должен быть, ко мне не заходил.

Фекла. Ну, так и в прихожей тоже не был; ведь я сидела.

Агафья Тихоновна. Ну, так и здесь же нет его, вы видите.

Явление XXIV

Т*е же и Кочкарев.*

Кочкарев. А что такое?

Агафья Тихоновна. Да Ивана Кузьмича нет.

Кочкарев. Как нет? Ушел?

Агафья Тихоновна. Нет, и не ушел даже.

Кочкарев. Как же, и нет и не ушел?

Фекла. Уж куда бы мог он деваться, я и ума не приложу. В передней я всё сидела и не сходила с места.

Арина Пантелеймоновна. Ну, уж по черной лестнице никак не мог пройти.

Кочкарев. Как же, чорт возьми? Ведь пропасть тоже, не выходя из комнаты, никак он не мог. Разве не спрятался ли?.. Иван Кузьмич? Где ты? Не дурачься, полно, выходи скорее! Ну, что за шутки такие? В церковь давно пора! *(Заглядывает за шкаф, искоса запускает даже глаз под стулья)*. Непонятно! Но нет, он не мог уйти, никаким образом не мог. Да он здесь, в той комнате и шляпа; я ее нарочно положил туда.

Арина Пантелеймоновна. Уж разве спросить девчонку. Она стояла всё на улице, не знает ли она как-нибудь... Дуняшка! Дуняшка!

Явление XXV

Те же и Дуняшка.

Арина Пантелеймоновна. Где Иван Кузьмич, ты не видала?

Дуняшка. Да оне-с выпрыгнули в окошко...

(Агафья Тихоновна вскрикивает, всплеснувши руками).

Все трое. В окошко?

Дуняшка. Да-с, а потом как выскочили, взя-

ли извозчика и уехали.

Арина Пантелеймоновна. Да ты вправду говоришь?

Кочкарев. Врешь, не может быть!

Дуняшка. Ей богу, выскочили! Вот и купец в мелочной лавочке видел. Порядили за гривенника извозчика и уехали.

Арина Пантелеймоновна (подступая к Кочкареву). Что ж вы, батюшка, в издевку-то разве, что ли? Посмеяться разве над нами задумали? На позор разве мы достались вам, что ли? Да я шестой десяток живу, а такого страму еще не наживала. Да за то, батюшка, вам плюну в лицо, коли вы честный человек. Да вы после этого подлец, коли вы честный человек. Осрамить перед всем миром девушку! Я мужичка, да не сделаю этого. А еще и дворянин! Видно, только на пакости да на мошенничества у вас хватает дворянства! *(Уходит в сердцах и уводит невесту. Кочкарев стоит, как ошеломленный).*

Фекла. Что? А, вот он тот, что знает повести дело. Без свахи умеет заварить свадьбу! Да у меня пусть такие и эдакие женихи, общипанные и всякие, да уж таких, чтобы пры-

Гали в окна — таких нет, прошу простить.

Кочкарев. Это вздор, это не так. Я побегу к нему, я возвращу его! *(Уходит).*

Фекла. Да, поди ты, вороти! Дела-то сватского не знаешь, что ли? Еще если бы в двери выбежал — ино дело, а уж коли жених да шмыгнул в окно — уж тут, просто мое почтение!

Драматические отрывки и отдельные сцены

Игроки*

Дела давно минувших дней

Комната в городском трактире.

Явление I

Ихарев *входит в сопровождении трактирного слуги Алексея и своего собственного Гаврюшки.*

Алексей. Пожалуйте-с, пожалуйста! Вот-с покойник уж самый покойный, и шуму нет во все.

Ихарев. Шума нет, да чай конного войска вдоволь, скакунов?

Алексей. То-есть изволите говорить насчет блох? уж будьте покойны. Если блоха, или клоп укусит, уж это наша ответственность: уж с тем стоим.

Ихарев. *(Гаврюшке).* Ступай выносить из коляски. *(Гаврюшка уходит. Алексею).* Тебя как зовут?

Алексей. Алексей-с.

Ихарев. Ну, послушай, (значительно) рассказывай, кто у вас живет?

Алексей. Да живут теперь много; все номера почти заняты.

Ихарев. Кто же именно?

Алексей. Швохнев Петр Петрович, Крутель полковник, Степан Иванович Утешительный.

Ихарев. Играют?

Алексей. Да вот уж шесть ночей сряду играют.

Ихарев. Пара целковиков! (Сует ему в руку).

Алексей (кланяясь). Покорнейше благодарю.

Ихарев. После еще будет.

Алексей. Покорнейше-с благодарю.

Ихарев. Между собой играют?

Алексей. Нет, недавно обыграли поручика Артуновского, у князя Шенькина выиграли тридцать шесть тысяч.

Ихарев. Вот тебе еще красная бумажка! А если послужишь честно, еще получишь. Признайся, карты ты покупал?

Алексей. Нет-с, они сами брали вместе.

Ихарев. Да у кого?

Алексей. Да у здешнего купца Вахрамейкина.

Ихарев. Врешь, врешь, плут.

Алексей. Ей богу.

Ихарев. Хорошо. Мы с тобой потолкуем ужо. (*Гаврюшка вносит шкатулку*). Ставь ее здесь. Теперь ступайте, приготовьте мне умыться и побриться. (*Слуги уходят*).

Явление II

Ихарев (*один, отпирает шкатулку, всю наполненную карточными колодами*).

Каков вид, а? Каждая дюжина золотая. Потом, трудом досталась всякая. Легко сказать, до сих пор рябит в глазах проклятый крап. Но ведь зато, ведь это тот же капитал. Детям можно оставить в наследство! Вот она, заповедная колодишка — просто перл! За то ж ей и имя дано: да, Аделаида Ивановна. послужи-ка ты мне, душенька, так, как послужила сестрица твоя, выиграй мне также 80 тысяч, так я тебе, приехавши в деревню, мраморный памятник поставлю. В Москве закажу. (*Услышав шум, поспешно закрывает шкатулку*).

Явление III

Алексей и Гаврюшка (несут лоханку, ручной мойник и полотенце).

Ихарев. Что эти господа где теперь? Дома?

Алексей. Да-с, они теперь в общей зале.

Ихарев. Пойду взглянуть на них, что за народ (уходит).

Явление IV

Алексей и Гаврюшка.

Алексей. Что, издалека едете?

Гаврюшка. А из Рязани.

Алексей. А сами тамошней губернии?

Гаврюшка. Нет, сами из Смоленской.

Алексей. Так-с. Так поместье, выходит, в Смоленской губернии?

Гаврюшка. Нет, не в Смоленской. В Смоленской 100 душ, да в Калужской восемьдесят.

Алексей. Понимаю, в двух то-есть губерниях.

Гаврюшка. Да, в двух губерниях. У нас одной дворни: Игнатий буфетчик, Павлушка, который прежде с барином ездил, Герасим лакей, Иван тоже опять лакей, Иван псарь, Иван опять музыкант, потом повар Григорий, повар Семен, Варух садовник, Дементий ку-

чер, вот как у нас.

Явление V

Те же, *Кругель, Швохнев (осторожно входя).*

Кругель. Право, я боюсь, чтоб он нас не застал здесь.

Швохнев. Ничего, Степан Иванович его удержит. *(Алексею).* Ступай, брат, тебя зовут! *(Алексей уходит. Швохнев, подходя поспешно к Гаврюшке).* Откуда барин?

Гаврюшка. Да теперь из Рязани.

Швохнев. Помещик?

Гаврюшка. Помещик.

Швохнев. Играет?

Гаврюшка. Играет.

Швохнев. Вот тебе красуля. *(Дает ему бумажку).* Рассказывай всё!

Гаврюшка. Да вы не скажете барину?

Оба. Ни, ни, не бойся!

Швохнев. Что, как он теперь, в выигрыше?
а?

Гаврюшка. Да вы полковника Чеботарева не знаете?

Швохнев. Нет, а что?

Гаврюшка. Недели три тому назад мы его обыграли на 80 тысяч деньгами, да коляску

варшавскую, да шкатулку, да ковер, да золотые эполеты одной выжиги дали на 600 рублей.

Швохнев (взглянув на Кругеля значительно). А? Восемьдесят тысяч!

Кругель (покачал головою).

Швохнев. Думаешь, не чисто? Это мы сейчас узнаем. *(Гаврюшке).* Послушай, когда барин остается дома один, что делает?

Гаврюшка. Да как что делает? Известно, что делает. Он уж барин, так держит себя хорошо: он ничего не делает.

Швохнев. Врешь, чай карт из рук не выпускает.

Гаврюшка. Не могу знать, я с барином всего две недели. С ним прежде всё Павлушка ездил. У нас тоже есть Герасим лакей, опять Иван лакей, Иван псарь, Иван музыкант, Дементий кучер, да намедни из деревни одного взяли.

Швохнев (Кругелю). Думаешь, шулер?

Кругель. И очень может быть.

Швохнев. А попробовать всё-таки попробуем. *(Оба убегают).*

Явление VI

Гаврюшка (один).

Проворные господа! а за бумажку спасибо. Будет Матрене на чепец, да пострельчонкам тоже по прянику. Эх, люблю походную жисть! Уж всегда что-нибудь приобретешь: барин пошлет купить чего-нибудь — всё уж с рубля гривенничек положишь себе в карман. Как подумаешь, что за житье господам на свете! куда хошь катай! В Смоленске наскучило, поехал в Рязань, не захотел в Рязани — в Казань. В Казань не захотел, валяй под самый Ярослав. Вот только до сих пор не знаю, который из городов будет партикулярней, Рязань или Казань? Казань будет потому партикулярней, что в Казани...

Явление VII

Ихарев, Гаврюшка, потом Алексей.

Ихарев. В них нет ничего особенного, как мне кажется. А впрочем... Эх, хотелось бы мне их обчистить! Господи боже, как бы хотелось! Как подумаешь, право, сердце бьется. *(Берет щетку, мыло, садится перед зеркалом и начинает бриться).* Просто рука дрожит, никак не могу бриться.

(Входит Алексей).

Алексей. Не прикажете ли чего покушать?

Ихарев. Как же, как же. Принеси закуску на четыре человека. Икры, семги, бутылки четыре вина. Да накорми сейчас его (указывая на Гаврюшку).

Алексей (Гаврюшке). Пожалуйста в кухню, там для вас приготовлено. (Гаврюшка уходит).

Ихарев (продолжая бриться). Послушай! Много они тебе дали?

Алексей. Кто-с?

Ихарев. Ну, да уж не изворачивайся, говори!

Алексей. Да-с, за прислугу пожаловали.

Ихарев. Сколько? пятьдесят рублей?

Алексей. Да-с, пятьдесят рублей дали.

Ихарев. А от меня не пятьдесят, а вон видишь на столе лежит сторублевая бумажка, возьми ее, что боишься, не укусит. От тебя не потребуются больше ничего, как только честности, понимаешь? Карты пусть будут у Вахрамейкина или у другого купца, это не мое дело, а вот тебе в придачу от меня дюжину. (Дает ему запечатанную дюжину). Понимаешь?

Алексей. Да уж как не понять? Извольте

положиться, это уж наше дело.

Ихарев. Да карты спрячь хорошенько, чтоб как-нибудь тебя не ощупали, или не увидели. *(Кладет щетку и мыло и вытирается полотенцем. Алексей уходит).* Хорошо бы было и очень бы хорошо. А уж как, признаюсь, хочется поддеть их.

Явление VIII

Швохнев, Кругель и Степан Иванович Утешительный *(входят с поклонами).*

Ихарев (с поклоном к ним навстречу). Прошу простить. Комната, как видите, не красна углами: четыре стула всего.

Утешительный. Приветливые ласки хозяина дороже всяких удобств.

Швохнев. Не с комнатой жить, а с добрыми людьми.

Утешительный. Именно правда. Я бы не мог быть без общества. *(Кругелю).* Помнишь, почтеннейший, как я приехал сюда; один-одинёшенек. Вообразите: знакомых никого. Хозяйка старуха. На лестнице какая-то половойка, урод естественнейший, вижу, увивается около нее какой-то армейщина, видно, на-тощаках... Словом, скука смертная. Вдруг

судьба послала вот его, а потом случай свел с ним... Ну, уж как я был рад. Не могу, не могу часу пробыть без дружеского общества. Всё, что ни есть на душе, готов рассказать каждому.

Кругель. Это, брат, порок твой, а не добродетель. Излишество вредит. Ты, верно, уж не раз был обманут.

Утешительный. Да, обманывался, обманывался, и всегда буду обманываться. А всё-таки не могу без откровенности.

Кругель. Ну, признаюсь, это для меня непонятно. Быть откровенну со всяким. — Дружба это другое дело.

Утешительный. Так, но человек принадлежит обществу.

Кругель. Принадлежит, но не весь.

Утешительный. Нет, весь.

Кругель. Нет, не весь.

Утешительный. Нет, весь.

Кругель. Нет, не весь.

Утешительный. Нет, весь!

Швохнев (Утешительному). Не спорь, брат, ты неправ.

Утешительный (горячась). Нет, я докажу.

Это обязанность... Это, это, это... это долг! это, это, это...

Швохнев. Ну, зарапортовался! Горяч необыкновенно: еще первые два слова можно понять из того, что он говорит, а уж дальше ничего не поймешь.

Утешительный. Не могу, не могу! Если дело коснется обязанностей или долга, я уж ничего не помню. Я обыкновенно вперед уж объявляю: господа, если будет о чем подобном толк, извините, увлекусь, право увлекусь. Точно хмель какой-то, а желчь так и кипит, так и кипит.

Ихарев (про себя). Ну, нет, приятель! Знаем мы тех людей, которые увлекаются и горячатся при слове обязанность. У тебя, может быть, и кипит желчь, да только не в этом случае. *(Вслух).* А что, господа, покамест спор о священных обязанностях, не засесть ли нам в банчик?

(В продолжение их разговора приготовлен на столе завтрак).

Утешительный. Извольте, если не в большую игру, почему нет.

Кругель. От невинных удовольствий я ни-

когда не прочь.

Ихарев. А что, ведь в здешнем трактире, чай, есть карты?

Швохнев. О, только прикажите.

Ихарев. Карты! *(Алексей хлопчет около карточного стола).* А между тем прошу, господа! *(Указывая рукой на закуску и подходя к ней).* Балык, кажется, не того, а икра еще так и сяк.

Швохнев (посылая в рот кусок). Нет, и балык того.

Кругель (также). И сыр хорош. Икра тоже недурна.

Швохнев (Кругелю). Помнишь, какой отличный сыр ели мы недели две тому назад.

Кругель. Нет, никогда в жизни не позабуду я сыра, который ел я у Петра Александровича Александрова.

Утешительный. Да ведь сыр, почтеннейший, когда хорош? Хорош он тогда, когда сверх одного обеда наворотишь другой — вот где его настоящее значение. Он всё равно, что добрый квартирмейстер, говорит: «Добро пожаловать, господа, есть еще место».

Ихарев. Добро пожаловать, господа, карты

на столе.

Утешительный (подходя к карточному столу). А вот оно, старина, старина! Слышь, Швохнев, карты, а? Сколько лет...

Ихарев (в сторону). Да полно тебе корчить !..

Утешительный. Хотите вы держать банчик?

Ихарев. Небольшой — извольте, 500 рублей. Угодно снять? (Мечет банк).

Начинается игра. Раздаются восклицания:

Швохнев. Четверка, тузик, оба по 10.

Утешительный. Поддай-ка, брат, мне свою колоду, я выберу себе карту на счастье нашей губернской предводительницы.

Кругель. Позвольте присовокупить девяточку.

Утешительный. Швохнев, поддай мел. Приписываю и списываю.

Швохнев. Чорт побери, пароле!

Утешительный. И пять рублей мазу!

Кругель. Атанде! Позвольте посмотреть, кажется, еще две тройки должны быть в колоде.

Утешительный (вскакивает с места, про себя). Чорт побери, тут что-то не так. Карты

другие, это очевидно.

(Игра продолжается)

Ихарев (Кругелю). Позвольте узнать: обе идут?

Кругель. Обе.

Ихарев. Не возвышаете?

Кругель. Нет.

Ихарев (Швохневу). А вы что ж? не ставите?

Швохнев. Позвольте мне эту талию переждать. *(Встает со стула, торопливо подходит к Утешительному и говорит скоро):* Чорт возьми, брат! И передергивает, и всё что хочешь. Шуллер первой степени.

Утешительный (в волнении). Неужли, однакож, отказаться от 80 тысяч?

Швохнев. Конечно, нужно отказаться, когда нельзя взять.

Утешительный. Ну, это еще вопрос, а пока с ним объясниться!

Швохнев. Как?

Утешительный. Открыться ему во всем.

Швохнев. Для чего?

Утешительный. После скажу. Пойдем. *(Подходят оба к Ихареву и ударяют его с обеих сторон по плечу).*

Утешительный. Да полно вам тратить попусту заряды.

Ихарев (вздрыгнув). Как?

Утешительный. Да что тут толковать, свой своего разве не узнал?

Ихарев (учтиво). Позвольте узнать, в каком смысле я должен разуместь.

Утешительный. Да просто без дальнейших слов и церемоний. Мы видели ваше искусство и, поверьте, умеем отдавать справедливость достоинству. И потому от лица наших товарищей предлагаю вам дружеский союз. Соедини наши познания и капиталы, мы можем действовать несравненно успешней, чем порознь.

Ихарев. В какой степени я должен понимать справедливость слов ваших?..

Утешительный. Да вот в какой степени: за искренность мы платим искренностью. Мы признаемся тут же вам откровенно, что сговорились обыграть вас, потому что приняли вас за человека обыкновенного. Но теперь видим, что вам знакомы высшие тайны. Итак, хотите ли принять нашу дружбу?

Ихарев. От такого радушного предложения

не могу отказать.

Утешительный. Итак, подадимте же, всякий из нас, друг другу руки. (*Все попеременно пожимают руку Ихареву*). Отныне всё общее, притворство и церемонии в сторону! Позвольте узнать, с каких пор начали исследовать глубин познаний?

Ихарев. Признаюсь — это уже с самых юных лет было моим стремлением. Еще в школе во время профессорских лекций я уже под скамьей держал банк моим товарищам.

Утешительный. Я так и полагал. Подобное искусство не может приобрести не быв практиковано от лет гибкого юношества. Помнишь, Швохнев, этого необыкновенного ребенка?

Ихарев. Какого ребенка?

Утешительный. А вот расскажи!

Швохнев. Подобного события я никогда не позабуду. Говорит мне его зять (*указывая на Утешительного*), Андрей Иванович Пяткин: «Швохнев, хочешь видеть чудо? Мальчик одиннадцати лет, сын Ивана Михаловича Кубышева, передергивает с таким искусством, как ни один из игроков! Поезжай в Тетюшев-

ский уезд и посмотри!» Я, признаюсь, тот же час отправился в Тетюшевский уезд. Спрашиваю деревню Ивана Михаловича Кубышева и приезжаю прямо к нему. Приказываю о себе доложить. Выходит человек почтенных лет. Я рекомендуюсь, говорю: «Извините, я слышал, что бог наградил вас необыкновенным сыном». «Да, признаюсь», говорит (*и мне понравилось то, что без всяких, понимаете, этих претензий и отговорок*), «да», говорит, «точно, хотя отцу и неприлично хвалить собственного сына, но это действительно в некотором роде чудо. Миша!» говорит, «поди-ка сюда, покажи гостю искусство!» Ну, мальчик, просто, ребенок, мне по плечу не будет, и в глазах ничего нет особенного. Начал он метать — я просто потерялся. Это превосходит всякое описание.

Ихарев. Неужто ничего нельзя было заметить?

Швохнев. Ни, ни, никаких следов! Я смотрел в оба глаза.

Ихарев. Это непостижимо!

Утешительный. Феномен, феномен.

Ихарев. И как я подумаю, что при этом еще

нужны познания, основанные на остроте глаз, внимательное изученье крапа.

Утешительный. Да ведь это очень облегчено теперь. Теперь накапливанье и отметины вышли вовсе из употребления; стараются изучить ключ.

Ихарев. То-есть ключ рисунка?

Утешительный. Да, ключ рисунка обратной стороны. Есть в одном городе, в каком именно, я не хочу назвать, один почтенный человек, который больше ничем уж и не занимается, как только этим. Ежегодно получает он из Москвы несколько сотен колод, от кого именно — это покрыто тайною. Вся обязанность его состоит в том, чтобы разобрать крап всякой карты и послать от себя только ключ. Смотри, мол, у двойки вот как расположен рисунок! у такой-то вот как! За это одно он получает чистыми деньгами пять тысяч в год.

Ихарев. Это, однакож, важная вещь.

Утешительный. Да оно, впрочем, так и быть должно. Это то, что называется в политической экономии распределение работ. Всё равно каретник. Ведь он не весь же экипаж делает сам. Он отдает и кузнецу и обойщику.

А иначе не стало бы всей жизни человеческой.

Ихарев. Позвольте вам сделать один вопрос. Как поступали вы доселе, чтобы пустить в ход колоды? Подкупать слуг ведь не всегда можно.

Утешительный. Сохрани бог! да и опасно. Это значит иногда самого себя продать. Мы делаем это иначе. Один раз мы поступили вот как: приезжает на ярмонку наш агент, останавливается под именем купца в городском трактире. Лавки еще не успел нанять; сундуки и вьюки пока в комнате. Живет он в трактире, издерживается, ест, пьет и вдруг пропадает неизвестно куда, не заплативши. Хозяин шарит в комнате. Видит, остался один вьюк; распаковывает — сто дюжин карт. Карты, натурально, сей же час проданы с публичного торга. Пустили рублем дешевле, купцы вмиг расхватили в свои лавки. А в четыре дни проигрался весь город.

Ихарев. Это очень ловко.

Швохнев. Ну, а у того, у помещика?..

Ихарев. Что у помещика?

Утешительный. А это дело тоже было по-

ведено не дурно. Не знаю, знаете ли вы, есть помещик Аркадий Андреевич Дергунов, богатейший человек. Игру ведет отличную, честности беспримерной, к поползновенью, понимаете, никаких путей: за всем смотрит сам, люди у него воспитаны, камергеры, дом — дворец, деревня, сады, всё это по аглицкому образцу. Словом, русский барин в полном смысле слова. Мы живем уж там три дня. Как приступить к делу? — просто нет возможности. Наконец, придумали. В одно утро пролетает мимо самого двора тройка. На телеге сидят молодцы. Всё это пьяно, как нельзя больше, орет песни и дует во весь опор. На такое зрелище, как водится, выбежала вся дворня. Ротозеют, смеются и замечают, что из телеги что-то выпало, подбегают, видят — чемодан. Машут, кричат «остановись!» куды! никто не слышит, умчались, только пыль осталась по всей дороге. — Развязали чемодан — видят: белье, кое-какое платье, двести рублей денег и дюжин сорок карт. Ну, натурально, от денег не захотели отказаться, карты пошли на барские столы, и на другой же день ввечеру все, и хозяин и гости, остались без копейки в кар-

мане, и кончился банк.

Ихарев. Очень остроумно. Ведь вот называют это плутовством и разными подобными именами, а ведь это тонкость ума, развитие.

Утешительный. Эти люди не понимают игры. В игре нет лицеприятия. Игра не смотрит ни на что. Пусть отец сядет со мною в карты — я обыграю отца. Не садись! здесь все равны.

Ихарев. Именно этого не понимают, что игрок может быть добродетельнейший человек. Я знаю одного, который склонен к переделкам и к чему хотите, но нищему он отдаст последнюю копейку. А между тем ни за что не откажется соединиться втроем против одного обыграть наверняка. Но, господа, так как пошло на откровенность, я вам покажу удивительную вещь: знаете ли вы то, что называют сводная или подобранная колода, в которой всякая карта может быть угадана мною на значительном расстоянии?

Утешительный. Знаю, но, может быть, другого рода.

Ихарев. Могу вам похвастаться, что подобной нигде не сыщете. Почти полгода трудов. Я

две недели после того не мог на солнечный свет смотреть. Доктор опасался воспаления в глазах. (*Вынимает из шкатулки*). Вот она. За то уж не прогневайтесь: она у меня носит имя, как человек.

Утешительный. Как имя?

Ихарев. Да, имя: Аделаида Ивановна.

Утешительный (усмехаясь). Слышь, Швохнев, ведь это совершенно новая идея, назвать колоду карт Аделаидой Ивановной. Я нахожу даже, это очень остроумно.

Швохнев. Прекрасно: Аделаида Ивановна! очень хорошо...

Утешительный. Аделаида Ивановна. Немка даже! Слышь, Кругель, это тебе жена.

Кругель. Что я за немец? Дед был немец, да и тот не знал по-немецки.

Утешительный (рассматривая колоду). Это, точно, сокровище. Да, никаких совершенно признаков. Неужели, однакож, всякая карта может быть вами угадана на каком угодно расстоянии?

Ихарев. Извольте, я стану от вас в пяти шагах и отсюда назову всякую карту. Двумя тысячами готов асикурировать, если ошибусь.

Утешительный. Ну, это какая карта?

Ихарев. Семерка.

Утешительный. Так точно. Эта?

Ихарев. Валет.

Утешительный. Чорт возьми, да. Ну, эта?

Ихарев. Тройка.

Утешительный. Непостижимо!

Кругель (пожимая плечами). Непостижимо!

Швохнев. Непостижимо!

Утешительный. Позвольте еще раз рассмотреть. (*Рассматривая колоду*). Удивительная вещь. Стоит того, чтобы назвать ее именем. Но, позвольте заметить, употребить ее в дело трудно. Разве с слишком неопытным игроком, ведь это нужно подменить самому.

Ихарев. Да ведь это во время самой жаркой игры только делается, когда игра возвысится до того, что и опытный игрок делается беспокойным; а потеряйся только немного человек, с ним можно всё сделать. Вы знаете, что с лучшими игроками случается то, что называют, заиграться. Как поиграет два дни и две ночи сряду, не поспавши, ну и заиграется. В азартной игре я всегда подменю колоду. По-

верьте, вся штука в том, чтобы быть хладнокровну тогда, когда другой горячится. А средств отвлечь вниманье других есть тысяча. Придеритесь тут же к кому-нибудь из понтёров, скажите, что у него не так записано. Глаза всех обратятся на него — а в это время колода уже и подменена.

Утешительный. Но, однакоже, я вижу, что, кроме искусства, вы владеете еще достоинствам хладнокровия. Это важная вещь. Приобретение вашего знакомства теперь стало для нас еще значительней. Будем без церемонии, оставим лишние этикетки и станем говорить друг другу ты.

Ихарев. Этак бы давно следовало.

Утешительный. Человек, шампанского! В память дружеского союза!

Ихарев. Именно, это стоит того, чтобы запить.

Швохнев. Да ведь вот мы собрались для подвигов, орудия все у нас в руках, силы есть, одного недостает только...

Ихарев. Именно, именно, крепости недостает только, на которую бы идти, вот беда.

Утешительный. Что ж делать? неприятеля

пока нет. (Смотря пристально на Швохнева).
Что? у тебя как будто лицо такое, которое хочет сказать, что есть неприятель.

Швохнев. Есть, да... (останавливается).

Утешительный. Знаю я, на кого ты метишь.

Ихарев (с живостью). А на кого, на кого? кто это?

Утешительный. Э, вздор, вздор: он выдумал пустяки. Вот видите ли, есть здесь один приезжий помещик, Михал Александрович Глов. Ну, да что об этом толковать, когда он не играет вовсе? Мы уж возились около него... Я месяц за ним ухаживал; и в дружбу, и в доверенность вошел, а всё ничего не сделал.

Ихарев. Ну, да послушай, нельзя ли как-нибудь увидеться с ним? Может быть, почему знать...

Утешительный. Ну, я тебе вперед говорю, что эта будет вовсе напрасный труд.

Ихарев. Ну, да попробуем, попробуем еще раз.

Швохнев. Ну, да приведи его по крайней мере. Ну, не успеем, поговорим просто. Почему не попробовать?

Утешительный. Да, пожалуй, мне ничего это не значит, я приведу его.

Ихарев. Приведи его теперь же, пожалуй-ста.

Утешительный. Изволь, изволь. (*Уходит*).

Явление IX

Те же, кроме Утешительного.

Ихарев. Ведь, точно, почему знать? Иногда дело кажется совсем невозможное...

Швохнев. Я сам того же мнения. Ведь не с богом здесь имеешь дело, а с человеком. А человек всё-таки человек. Сегодня нет, завтра нет, послезавтра нет, а на четвертый день, как насядешь на него хорошенько, скажет: да. Иной ведь с виду корчит, что он недоступный, а разгляди его поближе, увидишь просто: даром тревогу подымал.

Кругель. Ну, однакож, этот не таков.

Ихарев. Эх, если бы!.. Поверить нельзя, как возродилась во мне теперь жажда деятельности. Нужно вам знать, что последний мой выигрыш 80 тысяч у полковника Чеботарева был сделан в прошедшем месяце. С тех пор я не имел практики в продолжение целого месяца. Представить не можете, какую испытал

я скуку во всё это время. Скука, скука смертная!

Швохнев. Я понимаю это положение. Это всё равно, что полководец: что он должен чувствовать, когда нет войны? Это, любезнейший, просто фатальный антракт. Я знаю по себе, с этим нечего шутить.

Ихарев. Поверишь ли, приходит так, что если бы кто сделал пять рублей банку — я готов сесть и играть.

Швохнев. Естественная вещь. Этак проигрывались иногда искуснейшие игроки. Стоскуется, работы нет, и наскочит с горя на одного из тех, которых называют голь и перетыка, — ну, и проиграется ни за что!

Ихарев. А богат этот Глов?

Кругель. О! Деньги есть. Кажется, около тысячи душ крестьян.

Ихарев. Эх, чорт возьми, подпоить разве его, шампанского велеть подать.

Швохнев. В рот не берет.

Ихарев. Что ж с ним делать? Как подъехать? Но нет, однакож, всё я думаю... ведь игра соблазнительная вещь. Мне кажется, если бы он подсел только к играющим, он бы не

утерпел потом.

Швохнев. Да вот мы попробуем. Мы вот здесь в стороне с Кругелем сделаем самую маленькую игру. Но не нужно к нему оказывать большого внимания: старики подозрительны. *(Садятся в стороне с картами).*

Явление X

Те же, *Утешительный и Михайло Александрович Глов (человек почтенных лет).*

Утешительный. Вот тебе, Ихарев, рекомендую: Михал Александрович Глов!

Ихарев. Я, признаюсь, давно искал этой чести. Живя в одном трактире...

Глов. Мне тоже очень приятно познакомиться. Жаль только, что это случилось почти на выезде.

Ихарев (подавая ему стул). Прошу покорнейше!.. Давно изволите жить в этом городе?

(Утешительный, Швохнев и Кругель перешептываются между собою).

Глов. Ах, батюшка, уж он мне так надоел, этот город. И телом и душой рад бы отсюда поскорей вырваться.

Ихарев. Что ж, удерживают дела?..

Глов. Дела, дела. Такая комиссия мне эти

дела!

Ихарев. Вероятно, тяжба?

Глов. Нет, слава богу, тяжбы нет, но тем не менее затруднительные обстоятельства. Выдаю замуж дочь, батюшка, осьмнадцатилетнюю девицу. Понимаете ли вы отцовское положение? Приехал за разными покупками, а главное заложить имение. Дело бы уже всё кончено, да приказ денег до сих пор не выдаст. Даром совершенно живу.

Ихарев. А позвольте узнать, в какую сумму изволили заложить имение?

Глов. В двух стах тысячах. На-днях бы должны выдать, да вот затянулось. А мне уж так опротивело здесь жить! Дома-то, знаете, всё это оставил на самое короткое время. Дочь невеста... всё это ждет. Я уж решился не дожидаться и бросить всё.

Ихарев. Как же? и денег не хотите дождаться?

Глов. Что ж делать, батюшка? Вы рассмотрите и мое положение. Ведь вот уж месяц, как не видался с женой и детьми; писем даже не получаю, бог весть, что там делается. Я уж всё дело поручаю сыну, который здесь остается.

Надоело возиться. (*Обращаясь к Швохневу и Кругелю*). А что ж вы, господа? Я, кажется, вам помешал. Вы чем-то занимались?

Кругель. Вздор. Это так. От нечего делать вздумали поиграть.

Глов. Кажется, что-то похоже на банчик.

Швохнев. Какое! для препровождения времени грошовый банчик.

Глов. Эх, господа, послушайте старика. Вы молодые люди. Конечно, тут ничего худого, больше для развлечения, да и в грошовую игру нельзя много проиграть, всё это так, но всё ... Эх, господа, я сам играл и знаю по опыту. Всё на свете начинается грошовым делом, а смотришь, маленькая игра как раз кончилась большой.

Швохнев (Ихареву). Ну, пошел уж старикашка плеть свое. (*Глову*). Ну, вот видите, вы уж тотчас припишете важное следствие всякому вздору, это всегда уж обыкновенная замашка всех пожилых людей.

Глов. Да что ж, ведь я еще не так пожилой человек. Я сужу по опыту.

Швохнев. Я не об вас буду говорить. Но вообще у стариков есть это: например, если они

на чем-нибудь обожглись, они твердо уверены, другой непременно обожжется на том же. Если они пошли какой-нибудь дорогою, да зазевавшись шлепнулись о гололедь — они уж кричат и выдают правило, что по такой-то дороге никому нельзя ходить, потому что на ней есть в одном месте гололедь, и всякий непременно на ней шлепнется лбом, никак не принимая в уважение того, что другой, может быть, не зазеваётся, и сапоги у него не на скользкой подошве. Нет, у них для этого нет соображенья. Собака укусила человека на улице — все кусаются собаки, и потому никому нельзя выходить на улицу.

Глов. Так, батюшка. Оно, точно, с одной стороны, есть тот грех. Да ведь за то ж и молодые! Ведь уж слишком много рыси: того и смотри, что сломит шею!

Швохнев. Вот то-то и есть, что у нас нет седины. Молодым бесится, так что невтерпеж другим, а под старость прикинется ханжой, так что невтерпеж другим.

Глов. Такого-то вы обидного мнения насчет стариков.

Швохнев. Да нет, что за обидное мнение?

это правда, больше нечего.

Ихарев. Позвольте мне заметить. Твое мнение резко...

Утешительный. Насчет карт я совершенно согласен с Михал Александровичем. Я сам играл, играл сильно. Но, благодарю судьбу, бросил навсегда, не потому, чтобы проигрался, или был вооружен против судьбы. Поверьте мне, это еще ничего: проигрыш не так важен, как важно душевное спокойствие. Одно это волнение, чувствуемое во время игры, кто что ни говори, а это сокращает видимо нашу жизнь.

Глов. Так, батюшка, ей-богу! как вы премудро заметили? Позвольте сделать вам нескромный вопрос, сколько времени имею честь пользоваться вашим знакомством, а вот до сих пор...

Утешительный. Какой вопрос?

Глов. Позвольте узнать, хоть струна и щекотливая, который вам год?

Утешительный. Тридцать девять лет.

Глов. Представьте! Что ж такое тридцать девять лет? Еще молодой человек! Ну что, если бы у нас в России было побольше таких,

которые бы так мудро рассуждали? Господи ты, боже мой, что бы это было: просто, золотой век-с, та же астрейя. Уж как, ей-богу, благодарен судьбе я за то, что познакомился с вами.

Ихарев. Поверьте мне, я тоже разделяю это мнение. Мальчишкам я бы не позволил и в руки взять карт. Но благоразумным людям почему не поразвлечься, не позабавиться? Например, почтенному старику, которому нельзя уже ни плясать, ни танцовать.

Глов. Так, всё так; но, поверьте, в жизни нашей есть столько удовольствий, столько обязанностей, так сказать, священных. Эх, господа, послушайте старика! Нет для человека лучшего назначения, как семейная жизнь, в домашнем кругу. Всё это, что вас окружает, ведь это всё волнение, ей богу-с, волнение, а прямого-то блага вы не вкусили еще. Ведь вот я, поверите ли, минуты не дождусь, чтобы увидеть своих, ей богу! Как вообразу: дочь кинется на шею: «Папаш ты мой, милый папаш!» сын опять приехал из гимназии... полгода не видал... Просто слов недостает, ей-богу, так. Да после этого на карты смотреть не

захочешь.

Ихарев. Но зачем же отеческие чувства мешать с картами? Отечественные чувства сами по себе, а карты тоже...

Алексей (входя, говорит Глову). Ваш человек спрашивает насчет чемоданов. Прикажете выносить? Лошади уж готовы.

Глов. А вот я сейчас! Извините, господа, на одну минуточку вас оставлю. *(Уходит).*

Явление XI

Швохнев, Ихарев, Кругель, Утешительный.

Ихарев. Ну, нет никакой надежды!

Утешительный. Я говорил это прежде. Не понимаю, как вы не можете видеть человека. Ведь стоит только взглянуть, чтобы узнать, кто не расположен играть.

Ихарев. Ну, да всё бы таки насесть на него хорошенько. Ну, зачем ты сам его поддерживал?

Утешительный. Да иначе, братец, нельзя. С этими людьми нужно тонко поступать. Не то как раз догадается, что его хотят обыграть.

Ихарев. Ну, да ведь что ж вышло из того, ведь вот уедет всё равно.

Утешительный. Ну, да постой, еще не всё

дело кончено.

Явление XII

Те же и Глов.

Глов. Покорнейше благодарю вас, господа, за приятное знакомство. Жаль только, право, что вот перед самым концом. А, впрочем, авось приведет бог опять где-нибудь столкнуться.

Швохнев. О, вероятно. Дороги битые, а люди толкуются, как не столкнуться? Захоти только судьба.

Глов. Ей богу так, совершенная правда. Судьба захочет, так завтра же увидимся — совершенная правда. Прощайте, господа! истинно благодарю! А уж вам, Степан Иванович, так обязан. Право, вы усладили мое уединение.

Утешительный. Помилуйте, не за что. Чем мог служить, служил.

Глов. Ну, уж если вы так добры, так сделайте еще одну милость, можно ли вас просить?

Утешительный. Какую? скажите! Всё, что угодно готов.

Глов. Успокойте старика-отца!

Утешительный. Как?

Глов. Я оставляю здесь своего Сашу. Прекрасный малый, добрая душа. Но всё еще ненадежен: двадцать два года, ну, что это за лета? почти ребенок... Кончил учебный курс и уж больше ни о чем и слышать не хочет, как об гусарах. Я говорю ему: «Рано, Саша, погоди, осмотришь прежде! Что тебе в гусары, почему знать, может быть, у тебя штатские наклонности. Ты еще не видел почти света, время не уйдет от тебя!..» Ну, сами знаете, молодая натура. Ему уж там в гусарах всё это блестит, шитье, богатый мундир. Что ж прикажете? Склонностей ведь удержать никак нельзя... Так будьте так великодушны, батюшка Степан Иванович! Он остается теперь один, я возложил на него кое-какие делишки. Молодой человек, всё может случиться: что-бы приказные как-нибудь его не обманули... мало ли чего... Так возьмите его под свое покровительство, надзирайте над его поступками, отвлеките его от дурного. Будьте так добры, батюшка! *(Берет его за обе руки).*

Утешительный. Извольте, извольте. Всё, что может сделать отец для своего сына, всё это я сделаю для него.

Глов. Ах, батюшка! (*Обнимаются и целуются*). Ведь как видно, когда у человека-то доброе сердце, ей-богу! Бог вас наградит за это! Прощайте, господа, от души желаю вам счастливо оставаться.

Ихарев. Прощайте, доброй дороги!

Швохнев. Счастливо найти всех домашних!

Глов. Благодарю вас, господа!

Утешительный. А я вас таки провожу к самой коляске, и посажу.

Глов. Ах, батюшка, как вы добры! (*Оба уходят*).

Явление XIII

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев. Улетела птица!

Швохнев. Да, а было бы чем поживиться.

Ихарев. Признаюсь, как он сказал: двести тысяч — у меня вздрогнуло в самом сердце.

Кругель. О такой сумме и подумать даже сладко.

Ихарев. Ведь как подумаешь, сколько денег пропадает даром, без всякой совершенно пользы. Ну, что из того, что у него будет двести тысяч, ведь это всё так пойдет, на покупку каких-нибудь тряпок, ветошек.

Швохнев. И всё это дрянь, гниль.

Ихарев. А ведь сколько даже так пропадает на свете, не обращаясь. Сколько есть мертвых капиталов, которые именно, как мертвецы, лежат в ломбардах. Право, даже жалость. Я бы больше не хотел иметь у себя денег, как столько, сколько лежит в Опекунском совете.

Швохнев. Я помирюсь и на половине.

Кругель. Я доволен буду и четвертью.

Швохнев. Ну, не ври, немец: захочешь больше.

Кругель. Как честный человек...

Швохнев. Надуешь.

Явление XIV

Т*е же и Утешительный (входит поспешно и с радостным видом).*

Утешительный. Ничего, ничего, господа! Уехал, чорт его побери, тем лучше! Остался сын. Отец передал ему и доверенность, и все права на получение из приказа денег, и поручил надсматривать за всем мне. Сын молодец: так и рвется в гусары. Будет жатва. Я пойду, и сей же час приведу его к вам! *(Убегает).*

Явление XV

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев. Ай да Утешительный!

Швохнев. Bravo! дело возымело славный оборот! *(Все потирают в радости руки).*

Ихарев. Молодец Утешительный! Теперь я понял, зачем он подбирался к отцу и потакал ему. И как всё это ловко! как тонко!

Швохнев. О, у него на это талант необыкновенный!

Кругель. Способности невероятные!

Ихарев. Признаюсь, когда отец сказал, что оставляет здесь сына, у меня у самого промелькнула в голове мысль, да ведь только на миг, а уж он тотчас... Сметливость какая!

Швохнев. О, ты еще не знаешь его хорошенько.

Явление XVI

Те же, Утешительный и Глов Александр Михалыч *(молодой человек).*

Утешительный. Господа! Рекомендую: Александр Михалыч Глов, отличный товарищ, прошу полюбить, как меня.

Швохнев. Очень рад...*(Пожимает ему руку).*

Ихарев. Знакомство ваше нам...

Кругель. Позвольте вас прямо в наши объятья.

Глов. Господа! я...

Утешительный. Без церемоний, без церемоний. Равенство первая вещь. Господа! Глов! здесь, видишь, все товарищи и потому к чорту все этикетки! Съедем прямо на ты.

Швохнев. Именно на ты!

Глов. На ты! *(Подает им всем руку).*

Утешительный. Так, браво! Человек, шампанского! Замечаете, господа, как у него даже теперь уже видно что-то гусарское. Нет, твой отец, не говоря дурного слова, большая скотина, — извини, ведь мы на ты, — ну как этого молодца вздумал было в чернильную службу! Ну что, брат, скоро свадьба сестры твоей?

Глов. Чорт ее побери с ее свадьбой! Мне досадно, что из-за нее отец меня продержал три месяца в деревне.

Утешительный. Ну, послушай, а хороша сестра твоя?

Глов. А так хороша... Будь она не сестра... ну, уж я бы ей не спустил.

Утешительный. Браво, браво, гусар! Сейчас видно гусара! Ну, послушай, а помог бы

ты мне, если бы я захотел ее увезти?

Глов. Почему ж? помог бы.

Утешительный. Браво, гусар! Вот оно, что называется настоящим гусар, чорт побери! Человек, шампанского! Вот это мой решительно вкус: этаких открытых людей я люблю. Постой, душа, дай обниму тебя!

Швохнев. Дай же и мне обнять его. *(Обнимает его).*

Ихарев. Пусть же и я обниму его. *(Обнимает).*

Кругель. Ну, так и я ж обниму его, если так. *(Обнимает).* *(Алексей несет бутылку, придерживая пальцем пробку, которая хлопает и летит в потолок; наливает бокалы).*

Утешительный. Господа, за здоровье будущего гусарского юнкера. Пусть он будет первый рубака, первый волокита, первый пьяница, первый... словом, пусть его будет, что хочет!

Все. Пусть его будет, что хочет! *(Пьют).*

Глов. За здоровье всего гусарства! *(Подымая бокал).*

Все. За здоровье всего гусарства! *(Пьют).*

Утешительный. Господа, нужно его теперь

же посвятить во все гусарские обычаи. Пьет он, как видно, уже сносно, но ведь это вздор. Нужно, чтобы он был картежник во всей силе! Играешь в банк?

Глов. Играл бы, смерть бы хотелось, да денег нет.

Утешительный. Экой вздор; нет денег! Было бы только с чем сесть, а там деньги будут, сейчас выиграешь.

Глов. Да ведь и сесть-то не с чем.

Утешительный. Да мы тебе поверим в долг. Ведь у тебя есть доверенность на получение денег из приказа. Мы подождем, а как тебе выдадут, ты нам тотчас и заплотишь. А до того времени ты можешь нам дать вексель. Да, впрочем, что я говорю? Как будто ты уж непременно проиграешь. Ты можешь тут же выиграть несколько тысяч чистоганом.

Глов. А как проиграю?

Утешительный. Стыдись, что ж ты за гусар после этого? Естественно, одно из двух: либо выиграешь, либо проиграешь. Да в этом-то и дело, в риске-то и есть главная добродетель. А не рискнуть, пожалуй, всякий может. Наверняка и приказная строка отважится, и

жид полезет на крепость.

Глов (махнув рукой). Чорт побери, если так; играю! Что мне смотреть на отца!

Утешительный. Bravo, юнкер! Человек, карты! *(Наливает ему в стакан).* Главное что нужно? Нужна отвага, удар, сила... Так и быть, господа, я вам сделаю банчик в двадцать пять тысяч. *(Мечет направо и налево).* Ну, гусар... Ты, Швохнев, что ставишь? *(Мечет).* Какое странное течение карт. Вот любопытно для вычислений! Валет убит, девятка взяла. Что там, что у тебя? И четверка взяла! А гусар, гусар-то, каков гусар? Замечаешь, Ихарев, как уж он мастерски возвышает ставки! А туз всё еще не выходит. Что ж ты, Швохнев, не наливаешь ему? Вона, вона, вон туз! Вон уж Кругель потащил себе. Немцу всегда везет! Четверка взяла, тройка взяла. Bravo, bravo, гусар! Слышишь, Швохнев, гусар уже около пяти тысяч в выигрыше.

Глов (перегибает карту). Чорт побери! Пароле пе! да вон еще девятка на столе, идет и она, и 500 рублей мазу!

Утешительный (продолжая метать). У! молодец, гусар! Семерка уби... ах, нет, плие,

чорт побери, плие, опять плие! А, проиграл гусар. Ну, что ж, брат, делать? Не у всякого жена Марья, кому бог дал. Кругель, да полно тебе рассчитывать! ну, ставь эту, которую выдернул. Bravo, выиграл гусар! Что ж вы не поздравляете его? *(Все пьют и поздравляют его, чокаясь стаканами)*. Говорят, пиковая дама всегда продаст, а я не скажу этого. Помнишь, Швохнев, свою брюнетку, что называл ты пиковой дамой. Где-то она теперь, сердечная. Чай, пустилась во все тяжкие. Кругель! твоя убита! *(Ихареву)* и твоя убита! Швохнев, твоя также убита; гусар также лопнул.

Глов. Чорт побери, ва-банк!

Утешительный. Bravo, гусар! Вот она, наконец, настоящая гусарская замашка! Замечаешь, Швохнев, как настоящее чувство всегда выходит в наружу? До сих пор всё еще в нем было видно, что будет гусар. А теперь видно, что он уж теперь гусар. Вона натура-то как того... Убит гусар.

Глов. Ва-банк!

Утешительный. У! bravo, гусар! на все пятьдесят тысяч! Вот оно что называется великодушие! Ну, поди-ка поищи, где отыщешь

этакую черту... Это именно подвиг! Лопнул гусар!

Глов. Ва-банк, чорт побери, ва-банк!

Утешительный. Ого, го, гусар! на сто тысяч! Каков, а? А глазки-то, глазки? Замечаешь, Швохнев, как у него глазки горят? Барклай-де-Тольевское что-то видно. Вот он героизм! А короля всё нет. Вот тебе, Швохнев, бубновая дама. На, немец, возьми, съешь семерку! Руте, решительно руте! просто карта фоска! А короля, видно, в колоде нет: право, даже странно. А вот он, вот он... Лопнул гусар!

Глов (горячась). Ва-банк, чорт побери, ва-банк!

Утешительный. Нет, брат, стой! Ты уж просадил двести тысяч. Прежде заплати, без этого нельзя начинать новой игры. Мы так много не можем тебе верить.

Глов. Да где ж у меня? у меня теперь нет.

Утешительный. Дай нам вексель, подпишись.

Глов. Извольте, я готов. *(Берет перо).*

Утешительный. Да и доверенность на получение денег тоже отдай нам.

Глов. Вот вам и доверенность.

Утешительный. Теперь подпиши вот это да вот это. *(Дает ему подписаться).*

Глов. Извольте, я готов всё сделать. Ну, вот я и подписал. Ну, давайте ж играть!

Утешительный. Нет, брат, постой, покажи-ка прежде деньги!

Глов. Да я вам заплачу. Уж будьте уверены.

Утешительный. Нет, брат, деньги на стол!

Глов. Да что ж это... Ведь это просто подлость.

Кругель. Нет, это не подлость.

Ихарев. Нет, это совсем другое дело. Шансы, брат, не равны.

Швохнев. Этак ты, пожалуй, сядешь с тем, чтоб обыграть нас. Дело известное: кто садится без денег, тот садится с тем, чтобы обыграть наверное.

Глов. Ну что ж? чего вы хотите? назначьте какие угодно проценты, я на всё готов. Я вдвое заплачу вам.

Утешительный. Что, брат, нам с твоих процентов? Мы сами готовы тебе заплатить какие угодно проценты, дай только нам взаимы.

Глов (отчаянно и решительно). Ну, так ска-

жите последнее слово: не хотите играть?

Швохнев. Принеси деньги, сейчас станем играть.

Глов (вынимая из кармана пистолет). Ну, так прощайте же, господа. Больше вы меня не встретите на этом свете. *(Убегает с пистолетом).*

Утешительный (в испуге). Ты! ты! что ты? с ума сошел! Побежать за ним, в самом деле, чтоб еще как-нибудь не застрелился. *(Убегает).*

Явление XVII

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев. Еще выйдет история, если этот чорт вздумает застрелиться.

Швохнев. Чорт его возьми, пусть себе стреляется, да не теперь только: еще деньги не в наших руках. Вот беда!

Кругель. Я всего боюсь. Это так возможно...

Явление XVIII

Те же, Утешительный и Глов.

Утешительный (держит Глова за руку с пистолетом). Что ты, что ты, брат, рехнулся? Слышите, слышите, господа, уж пистолет вздумал было всунуть в рот, а? Стыдись!

Все (приступая к нему). Что ты? что ты? Помилуй, что ты?

Швохнев. А еще и умный человек, из дряни вздумал стреляться.

Ихарев. Этак пожалуй вся Россия должна застрелиться: всякий или проигрался, или намерен проигратся. Да если бы этого не было, так как же можно выиграть, ты посуди только сам.

Утешительный. Ты дурак просто, позволь тебе сказать. Ты счастья своего не видишь. Разве ты не чувствуешь, как ты выиграл тем, что проиграл?

Глов (с досадой). Что ж вы в самом деле меня уж за дурака считаете: какой тут выигрыш проиграть двести тысяч! Чорт возьми!

Утешительный. Эх ты, простофиля! Да знаешь ли, какую ты этим себе славу сделаешь в полку? Слышь, безделица! Еще не будучи юнкером да уж проиграл двести тысяч! Да тебя гусары на руках будут носить.

Глов (ободрившись). Что ж вы думаете? У меня разве не станет духу наплевать на всё это, если уж на то пошло. Чорт побери, да здравствует гусарство!

Утешительный. Bravo! Да здравствуют гусары! Теремтете! Шампанского! (*Несут бутылки*).

Глов (с стаканом). Да здравствуют гусары!

Ихарев. Да здравствуют гусары, чорт побери!

Швохнев. Теремтете! да здравствуют гусары!

Глов. На всё плюю, когда так!.. (*Ставит на стол стакан*). Вот беда только: домой как приеду? Отец, отец! (*Хватает себя за волосы*).

Утешительный. Да зачем тебе ехать к отцу? не нужно!

Глов (вытирает глаза). Как?

Утешительный. Ты отсюда прямо в полк! Мы тебе дадим на обмундировку. Нужно, брат Швохнев, дать ему теперь рублей 200, пусть его погуляет юнкер! Там, я уж заметил, у него есть одна... Черномазая-то, а?

Глов. Чорт побери, побегу прямо к ней, возьму приступом!

Утешительный. Каков гусар, а? Швохнев, нет у тебя двухсотрублевой?

Ихарев. Да вот уж я ему дам, пусть его погуляет на славу!

Глов (Берет ассигнацию и помахивая ею на воздухе). Шампанского!

Все. Шампанского! (Несут бутылки).

Глов. Да здравствуют гусары!

Утешительный. Да здравствуют... Знаешь ли, Швохнев, что мне пришло на ум? Покачаем его на руках так, как у нас качали в полку! Ну, приступай, бери его! (Все приступают к нему, схватывают его за руки и ноги, качают, припевая на известный припев известную песню).

*Мы тебя любим сердечно,
Будь ты начальник наш вечно!
Наши зажег ты сердца,
Мы в тебе видим отца!*

Глов (с поднятой рюмкой). Ура!

Все. Ура! (Становят его на землю. Глов хлопнул рюмку об пол, все разбивают тоже свои рюмки, кто о каблук своего сапога, кто о пол).

Глов. Иду прямо к ней!

Утешительный. А нам нельзя за тобой, а?

*Глов. Ни, никому! А кто сколько-нибудь...
разделка на саблях!*

Утешительный. У! Рубака какой! а? Рев-

нив и задорен, как чорт. Я думаю, господа, что из него просто выйдет Бурцов иора, забияка. Ну прощай, прощай, гусар, не держим тебя!

Глов. Прощайте.

Швохнев. Да приходи нам после рассказать. (*Глов уходит*).

Явление XIX

Те же, кроме Глова.

Утешительный. Нужно его покамест ласкать, пока еще деньги не в наших руках; а там чорт с ним.

Швохнев. Одного боюсь я, чтоб как-нибудь не затянулась в приказе выдача денег.

Утешительный. Да, это будет скверно, а впрочем... ведь на это, сами знаете, есть понукатели. Как ни ворочай, а всё-таки придется всунуть в руку тому и другому для соблюдения порядка.

Явление XX

Те же и чиновник Замухрышкин (высовывает голову в дверь, одет в несколько поношенном фраке).

Замухрышкин. Позвольте узнать, не здесь ли Глов Александр Михалович?

Швохнев. Нет. Он сейчас вышел. А что вам

угодно?

Замухрышкин. Да вот по делу их насчет выдачи денег.

Утешительный. А вы кто?

Замухрышкин. Да я чиновник из приказа.

Утешительный. А, милости просим. Прошу покорнейше садиться! В этом деле мы все принимаем живейшее участие. Тем более, что заключили кое-какие дружелюбные сделки с Александр Михаловичем. И потому можете понять, что вот и от него, и от него, и от него (*указывая пальцами на всех*) будет искреннейшая благодарность. Дело в том только, чтобы скорее, как можно, получить из приказа деньги.

Замухрышкин. Да уж как хотите, раньше двух недель никак нельзя.

Утешительный. Нет, это страшно далеко. Ведь вы всё позабываете, что со стороны нашей благодарность...

Замухрышкин. Да уж это само собой. Всё это приемлется. Как это позабыть? Мы потому и говорим две недели, а то бы, пожалуй, вы и три месяца у нас провозились. Деньги к нам придут не раньше как через полторы

недели, а теперь во всем приказе ни копейки. На прошлой неделе получили полтора ста тысяч, все роздали, три помещика ожидают, еще с февраля заложили имение.

Утешительный. Ну, это так для других, а для нас по дружбе... Нужно, чтобы мы с вами покороче познакомились... Ну, да что?.. да и люди свои! Ну, как вас зовут? как? Фентефлей Перпентьич, что ли?

Замухрышкин. Псой Стахич-с.

Утешительный. Ну, все одно почти. Ну дак послушайте, Псой Стахич! Будем так, как давние приятели. Ну, что, как вы? как делишки, как служба ваша?

Замухрышкин. Да что служба. Известное дело — служим.

Утешительный. Ну, а доходов по службе этих, знаете, разных... а просто, много ли берете?

Замухрышкин. Конечно, сами посудите, с чего ж и жить?

Утешительный. Ну что, как в приказе у вас, скажите откровенно, все хапуги?

Замухрышкин. Ну что! Вы уж, я вижу, смее-тесь! Эх, господа!.. Ведь вот тоже и господа со-

чинители всё подсмеиваются над теми, которые берут взятки; а как рассмотришь хорошенько, так взятки берут и те, которые выше нас. Ну да вот хоть и вы, господа, только разве что придумали названья поблагородней: пожертвованье там или так, бог ведает, что такое. А на деле выходит — такие же взятки: тот же Савка, да на других санках.

Швохнев. Вот уж Псой Стахич и обиделся, как я вижу, вот что значит задеть за честь.

Замухрышкин. Да ведь честь, сами знаете, дело щекотливое. А сердиться тут не из чего. Я уж, батюшка, прожил своё.

Утешительный. Ну полно, поговоримте по дружески, Псой Стахич! Ну что ж, как вы? Как у вас? Как поживаете? Как маячитесь на свете? Есть женушка, детки?

Замухрышкин. Слава богу. Бог наградил. Двое сыновей уж в уездное училище ходят. Два других поменьше. Один бегаёт пока в рубашонке, а другой на карачках ползает.

Утешительный. Ну, а ручонками, я чай, уже все этак (*показывает рукой, как будто берет деньги*) умеют?

Замухрышкин. Ведь вот вы, право, какие,

господа, ведь вот опять начали!

Утешительный. Ничего, ничего, Псой Стахич! ведь это по дружбе. Ну, что ж тут такого, свои. Эй, дай-ка бокал шампанского Псою Стахичу! скорей! Мы ведь теперь должны быть как короткие знакомые. Вот мы к вам соберемся тоже в гости.

Замухрышкин (принимая бокал). А, милости просим, господа! Откровенно вам скажу, что такого чаю, как вы будете пить у меня, вы у губернатора не сыщете.

Утешительный. Небось даровой, от купца?

Замухрышкин. От купца-с, выписной из Кяхты.

Утешительный. Да как же, Псой Стахич? Ведь вы дел с купцами не имеете?

Замухрышкин (выпив бокал и упираясь руками в колени). А вот как: купец здесь больше по причине глупости своей должен был приплачиваться. Помещик Фракасов, если изволите знать, закладывает имение, всё уж сделано, как следует, завтра остается получить деньги. Затеяли они завод какой-то в половине с купцом. Ну, нам-то, понимаете, какое дело знать, на завод ли, или на что другое нуж-

ны деньги, и с кем он в половине. Это не наша часть. Да купец по глупости своей и проговорись в городе, что он с ним в половине и ждет от него с часу на час денег. Мы и подошли к нему сказать, что вот пришли две тысячи, сейчас выдадут деньги, а не то будешь ждать! А уж к нему на фабрику привезли, понимаете, и котлы и посуду, ожидают только задатков. Купец видит, плетью обуха не перешибешь, заплатил две тысячи да по три фунтика чаю каждому из нас. Скажут — взятка, да ведь за дело: не будь глуп, кто его толкал, языка разве не мог придержать?

Утешительный. Послушайте, Псой Стахич, ну, пожалуйста же, насчет этого дельца. Мы уж вам дадим, а вы уж там с начальниками своими сделайте, как следует. Только ради бога, Псой Стахич! поскорее, а?

Замухрышкин. Да будем стараться. (*Вставая*). Но откровенно скажу вам: так скоро, как вы хотите, нельзя. Пред богом, в приказе ни копейки денег. А будем стараться.

Утешительный. Ну, как вас там спросить?

Замухрышкин. Так и спросите: Псой Стахич Замухрышкин. Прощайте, господа. (*Идет*

к дверям).

Швохнев. Псой Стахич! а, Псой Стахич!
(*Оглядывается*). Постарайтесь!

Утешительный. Псой Стахич, Псой Стахич,
выручайте поскорее!

Замухрышкин (уходя). Да уж сказал. Будем стараться.

Утешительный. Чорт побери, как это долго. (*Бьет себя рукой по лбу*). Нет, побегу, побегу за ним, авось что-нибудь успею, не пожалею денег. Чорт его побери, три тысячи дам ему своих. (*Убегает*).

Явление XXI

Швохнев, Кругель, Ихарев.

Ихарев. Конечно, лучше если бы получить поскорее.

Швохнев. Да уж как нам нужно! как нам нужно!

Кругель. Эх, если бы он уломал его как-нибудь.

Ихарев. Да что, разве ваши дела...

Явление XXII

Те же и *Утешительный*.

Утешительный (*входит с отчаяньем*). Чорт побери, раньше четырех дней никак не

может. Я готов просто лоб расшибить себе об стену.

Ихарев. Да что тебе так приспичило? Неужто четырех дней нельзя обождать?

Швохнев. В том-то и штука, брат, что для нас это слишком важно.

Утешительный. Обождать! Да знаешь ли, что нас в Нижнем с часу на час ждут. Мы тебе не сказывали еще, а уж четыре дня назад тому мы имеем известие спешить как можно скорее, добывши во что бы ни стало хоть сколько-нибудь денег. Купец привез на 600 тысяч железа. Во вторник окончательная сделка, и деньги получает чистоганом, да вчера приехал один с пенькой на полмиллиона.

Ихарев. Ну дак что ж?

Утешительный. Как что ж? Да ведь старики-то остались дома, а выслали вместо себя сыновей.

Ихарев. Да будто сыновья уж непременно станут играть?

Утешительный. Да где ты живешь, в китайском государстве, что ли? Не знаешь, что такое купеческие сынки? Ведь купец как воспитывает сына? или чтоб он ничего не знал,

или чтобы знал то, что нужно дворянину, а не купцу. Ну, натурально, он уж так и глядит, ходит под руку с офицерами, кутит. Это, брат, для нас самый выгодный народ. Они, дурачье, не знают, что за всякий рубль, который они выплутуют у нас, они нам платят тысячами. Да это счастье наше, что купец только и думает о том, чтобы выдать дочь за генерала, а сыну доставить чин.

Ихарев. И дела совершенно верные?

Утешительный. Как не верные! Уж нас не уведомяли бы. Всё почти в наших руках. Теперь всякая минута дорога.

Ихарев. Эх, черт возьми! что ж мы сидим! Господа, а ведь условие-то действовать вместе!

Утешительный. Да, в этом наша польза. Послушай, что мне пришло на ум. Тебе ведь спешить пока еще незачем. Деньги у тебя есть, 80 тысяч. Дай их нам, а от нас возьми векселя Глова. Ты верных получаешь полтора-раста тысяч, стало быть ровно вдвое, а нас ты даже одолжишь еще, потому что деньги нам теперь так нужны, что мы с радостью готовы платить алтын за всякую копейку.

Ихарев. Извольте, почему нет; чтобы доказать вам, что узы товарищества...*(Подходит к шкапулке и вынимает кипу ассигнаций)*. Вот вам 80 тысяч!

Утешительный. А вот тебе и векселя! Теперь я побегу сейчас за Гловым; нужно его привести и всё устроить по форме. Кругель, отнеси деньги в мою комнату, вот тебе ключ от моей шкапулки. *(Кругель уходит)*. Эх, если бы так устроить, чтобы к вечеру можно было ехать. *(Уходит)*.

Ихарев. Естественно, естественно. Тут и минуты незачем терять.

Швохнев. А тебе советую тоже не засиживаться. Как только деньги получишь, сейчас приезжай к нам. С 200 тысяч знаешь, что можно сделать. Просто ярмонку можно подорвать... Ах, я и позабыл сказать Кругелю пренужное дело. Погоди, я сейчас возвращусь. *(Поспешно уходит)*.

Явление XXIII

Ихарев (один).

Каков ход приняли обстоятельства! А? Еще поутру было только 80 тысяч, а к вечеру уже двести. А? Ведь это для иного век службы,

трудов, цена вечных сидений, лишений, здоровья. А тут в несколько часов, в несколько минут — владетельный принц! Шутка — двести тысяч! Да где теперь найдешь двести тысяч? Какое имение, какая фабрика даст двести тысяч? Воображаю, хорош бы я был, если бы сидел в деревне да возился с старостами да мужиками, собирая по три тысячи ежегодного дохода. А образование-то разве пустая вещь? Невежество-то, которое приобретешь в деревне, ведь его ножом после не обскоблишь. А время-то на что было бы утрачено? На толки с старостой, с мужиком... Да я хочу с образованным человеком поговорить! Теперь вот я обеспечен. Теперь время у меня свободно. Могу заняться тем, что споспешествует к образованию. Захочу поехать в Петербург — поеду и в Петербург. Посмотрю театр, монетный двор, пройду мимо дворца, по Аглицкой набережной, в Летнем саду. Поеду в Москву, пообедаю у Яра. Могу одеться по столичному образцу, могу стать наравне с другими, исполнить долг просвещенного человека. А что всему причина? чему обязан? Именно тому, что называют плутовством. И вздор, вовсе не

плутовство. Плутом можно сделаться в одну минуту, а ведь тут практика, изученье. Ну, положим — плутовство. Да ведь необходимая вещь: что ж можно без него сделать? Оно некоторым образом предостерегательство. Ну, не знай я, например, всех тонкостей, не постигни всего этого — меня бы как раз обманули. Ведь вот же хотели обмануть, да увидели, что дело не с простым человеком имеют, сами прибегнули к моей помощи. Нет, ум великая вещь. В свете нужна тонкость. Я смотрю на жизнь совершенно с другой точки. Этак прожить, как дурак проживет, это не штука, но прожить с тонкостью, с искусством, обмануть всех и не быть обмануту самому — вот настоящая задача и цель.

Явление XXIV

Ихарев и Глов (*вбегающий торопливо*).

Глов. Где ж они? Я сейчас был в комнате, там пусто.

Ихарев. Да они сию минуту здесь были. На минуту вышли.

Глов. Как, вышли уж? и деньги у тебя взяли?

Ихарев. Да, мы с ними сделались, за тобой

остановка.

Явление XXV

Те же и Алексей.

Алексей (Обращаясь к Глову). Изволили спрашивать, где господа?

Глов. Да.

Алексей. Да они уж уехали.

Глов. Как уехали?

Алексей. Да так-с. Уж у них с полчаса стояла тележка и готовые лошади.

Глов (всплеснув руками). Ну, мы надуты оба!

Ихарев. Что за вздор! Я не могу понять ни одного слова. Утешительный сию минуту должен возвратиться сюда. Ведь ты знаешь, что теперь должен весь долг твой заплатить мне. Они перевели.

Глов. Какой чорт долг! Получишь ты долг! Разве ты не чувствуешь, что в дураках и проведен, как пошлый пень.

Ихарев. Что ты за чепуху несешь? У тебя, видно, до сих пор в голове хмель распоряжается.

Глов. Ну, видно, хмель у обоих нас. Да проснись ты! Думаешь, я Глов? Я такой же

Глов, как ты китайский император.

Ихарев (беспокойно). Что ты, помилуй, что за вздор? И отец твой... и...

Глов. Старик-то? Во-первых, он и не отец, да и чорт ли и будут от него дети! А во-вторых, тоже не Глов, а Крыницын, да и не Михал Александрович, а Иван Климыч, из их же компании.

Ихарев. Послушай ты! говори сурьезно, этим не шутят!

Глов. Какие шутки! Я сам участвовал и также обманут. Мне обещали три тысячи за труды.

Ихарев (подходя к нему, запальчиво). Эй, не шути, говорю тебе! Думаешь, я уж дурак такой... И доверенность... и приказ... и чиновник сейчас был из приказа, Псой Стахич Замухрышкин. Ты думаешь, я не могу за ним сейчас послать?

Глов. Во-первых, он и не чиновник из приказа, а отставной штабс-капитан из их же компании, да и не Замухрышкин, а Мурзафейкин, да и не Псой Стахич, а Флор Семенович!

Ихарев (отчаянно). Да ты кто? чорт ты, го-

вори, кто ты?

Глов. Да кто я? Я был благородный человек, поневоле стал плутом. Меня обыграли в пух, рубашки не оставили. Что ж мне делать, не умереть же с голода? За три тысячи я взялся участвовать, провести и обмануть тебя. Я говорю тебе это прямо: видишь, я поступаю благородно.

Ихарев (в бешенстве схватывает за воротник его). Мошенник ты!..

Алексей (в сторону). Ну, дело-то, видно, пошло на потасовку. Нужно отсюда браться! *(Уходит).*

Ихарев (таща его). Пойдем! пойдем!

Глов. Куда, куда?

Ихарев. Куда? *(В исступлении).* Куда? к правосудию! к правосудью!

Глов. Помилуй, не имеешь никакого права.

Ихарев. Как! не имею права? Обворовать, украсть деньги среди дня, мошенническим образом! Не имею права? Действовать плутовскими средствами! Не имею права? А вот ты у меня в тюрьме, в Нерчинске скажешь, что не имею права! Вот погоди, переловят всю вашу мошенническую шайку! Будете вы

знать, как обманывать доверие и честность добродушных людей. Закон! закон! закон призову! *(Тащит его)*.

Глов. Да ведь закон ты мог бы призвать тогда, если бы сам не действовал противозаконным образом. Но вспомни: ведь ты соединился вместе с ними с тем, чтобы обмануть и обыграть наверное меня. И колоды были твоей же собственной фабрики. Нет, брат! В том и шутка, что ты не имеешь никакого права жаловаться!

Ихарев (в отчаянии бьет себя рукой по лбу). Чорт побери, в самом деле!.. *(В изнеможении упадает на стул. Глов между тем убегает).* Но только какой дьявольский обман!

Глов (выглядывая в дверь). Утешься! Ведь тебе еще с полугоря! У тебя есть Аделаида Ивановна! *(Исчезает)*.

Ихарев (в ярости). Чорт побери Аделаиду Ивановну! *(Схватывает Аделаиду Ивановну и швыряет ее в дверь. Дамы и двойки летят на пол).* Ведь существуют же к стыду и поношению человеков эдакие мошенники. Но только я просто готов сойти с ума — как это всё было чертовски разыграно! как тонко! И отец, и

сын, и чиновник Замухрышкин! И концы все спрятаны! И жаловаться даже не могу! (*Схватывается со стула и в волненьи ходит по комнате*). Хитри после этого! Употребляй тонкость ума! Изощрай, изыскивай средства!.. Чорт побери, не стоит просто ни благородного рвенья, ни трудов. Тут же под боком отыщется плут, который тебя переплутует! мошенник, который за один раз подорвет строение, над которым работал несколько лет! (*С досадой махнув рукой*). Чорт возьми! Такая уж надувательная земля! Только и лезет тому счастье, кто глуп, как бревно, ничего не смыслит, ни о чем не думает, ничего не делает, а играет только по грошу в бостон подержанными картами!

Утро делового человека*

I.

Кабинет; несколько шкафов с книгами; на столе разбросаны бумаги. *Иван Петрович, деловой человек, потягиваясь, выходит в халате и звонит. Из передней слышен голос: «сейчас». Иван Петрович звонит во второй раз, опять тот же голос: «сейчас». Иван Петрович с нетерпением звонит в третий раз; входит слуга.*

Иван Петрович. Что ты, оглох?

Лакей. Никак нет.

Иван Петрович. Что ж ты не изволил являться, когда я звоню в третий раз?

Лакей. Как же прикажете: мне нельзя было бросить дела, я сапоги чистил.

Иван Петрович. А Иван что делал?

Лакей. Иван мел комнату, а потом пошел в конюшню.

Иван Петрович. Поддай сюда собачку. *(Лакей приносит собачку).* Зюзюшка! Зюзюшка! а, Зюзюшка! Вот я тебе бумажку привяжу. *(Нацепляет ей на хвост бумажку).*

(Вбегают другой лакей). Александр Ивано-

вич!

Иван Петрович. Проси. (Бросает поспешно собачку и разворачивает свод законов).

II.

Иван Петрович и Александр Иванович (также деловой человек).

Александр Иванович. Доброго утра, Иван Петрович!

Иван Петрович. Как здоровье ваше, Александр Иванович?

Александр Иванович. Очень благодарен. Не помешал ли я вам?

Иван Петрович. О, как можно! Ведь я всегда занят. Ну, что, в котором часу приехали домой?

Александр Иванович. Час шестой был. Я как поворотил на Офицерской, то спросил, подъезжая к будочнику: «Не слышал ли, братец, который час?» «Да шестой уже», говорит, «пробило». Вот я и узнал, что уж был шестой час.

Иван Петрович. Представьте, я сам почти в то же время. Ну, что, каков был вистец, хе, хе, хе?

Александр Иванович. Хе, хе, хе! Да, призна-

юсь, мне даже во сне он мерещился.

Иван Петрович. Хе, хе, хе, хе! Я гляжу, что это значит, что он кладет короля? У меня ведь на руках сам-третей дама крестов, а у Лукьяна Федосеевича, я давно вижу, что ренонс.

Александр Иванович. Длиннее всего тянулся восьмой робер.

Иван Петрович. Да. *(Помолчав).* Я уже мигаю Лукьяну Федосеевичу, чтоб он козырял, — нет. А ведь тут только козырни — валет мой пик и берет.

Александр Иванович. Позвольте, Иван Петрович, валет не берет.

Иван Петрович. Берет.

Александр Иванович. Не берет, потому что вам никоим образом нельзя взять в руку.

Иван Петрович. А семерка пик у Лукьяна Федосеевича? позабыли разве?

Александр Иванович. А разве у него была пиковка? Я что-то не помню.

Иван Петрович. Конечно, у него были две пики: четверка, которую он сбросил на даму, и семерка.

Александр Иванович. Только нет, позвольте, Иван Петрович, у него не могло быть боль-

ше одной пиковки.

Иван Петрович. Ах, боже мой, Александр Иванович, кому вы это говорите! Две пиковки! Я, как теперь, помню: четверка и семерка.

Александр Иванович. Четверка была, это так; но семерки не было. Ведь он бы козырнул; согласитесь сами, ведь он бы козырнул?

Иван Петрович. Ей богу, Александр Иванович, ей богу!

Александр Иванович. Нет, Иван Петрович. Это совершенно невозможное дело.

Иван Петрович. Да позвольте, Александр Иванович! Вот лучше всего: поедем завтра к Лукьяну Федосеевичу. Согласны ли вы?

Александр Иванович. Хорошо.

Иван Петрович. Ну, и спросим у него лично: была ли на руках у него семерка пик?

Александр Иванович. Извольте, я не прочь. Впрочем, если посудить, странно, что Лукьян Федосеевич так дурно играет. Ведь нельзя сказать, чтобы он был без ума. Человек тонкий и в обращении...

Иван Петрович. И прибавьте: больших сведений! человек, каких, сказать по секрету, у нас мало на Руси. Были ли у его высокопре-

восходительства?

Александр Иванович. Был. Я теперь только от него. Сегодня поутру было немножко холодненько. Ведь я, как думаю, вам известно, имею обыкновение носить лосиновую фуфайку: она гораздо лучше фланелевой, и притом не горячит. По этому-то случаю я велел себе подать шубу. Приезжаю к его высокопревосходительству — его высокопревосходительству еще спит. Однакож, я дождался. Ну, тут пошли рассказы о том и о сём.

Иван Петрович. А про меня не было ничего говорено?

Александр Иванович. Как же, было и про вас. Да еще прелюбопытный вышел разговор.

Иван Петрович (оживляется). Что, что такое?

Александр Иванович. Позвольте, позвольте рассказать по порядку. Тут презанимательная вещь. Его высокопревосходительство, между прочим, спросил, где я бываю, что так давно он меня не видит? и пожелал узнать о вчерашней вечеринке, и кто был? Я сказал: «Были, ваше высокопревосходительство, Павел Григорьевич Борщов, Илья Владимирович Бу-

буницын». Его высокопревосходительство после каждого слова говорил: «ГМ!» Я сказал: «и еще был один известный вашему высокопревосходительству...»

Иван Петрович. Кто ж это такой?

Александр Иванович. Позвольте! что ж бы, вы думали, сказал на это его высокопревосходительство?

Иван Петрович. Не знаю.

Александр Иванович. Он сказал: «Кто ж бы это такой?». «Иван Петрович Барсуков», отвечал я. «ГМ!», сказал его высокопревосходительство, «это чиновник и притом...» (*Поднимает вверх глаза*). Довольно хорошо у вас толки расписаны: на свой или хозяйский счет?

Иван Петрович. Нет, ведь это казенная квартира.

Александр Иванович. Очень, очень не дурно: корзиночки, лира, вокруг сухарики, бубны и барабан! очень, очень натурально!

Иван Петрович (с нетерпением). Так что же сказал его высокопревосходительство?

Александр Иванович. Да, я и позабыл. Что ж он сказал?

Иван Петрович. Сказал «гм!» его высокопревосходительство; «это чиновник...»

Александр Иванович. Да, да, «это чиновник ну и... служит у меня». После того разговор не был уже так интересен; и начался об обыкновенных вещах.

Иван Петрович. А больше ничего не заговаривал обо мне?

Александр Иванович. Нет.

Иван Петрович (про себя). Ну, покамест еще не много. Господи боже мой! ну что, если бы сказал он: «такого-то Барсукова, в уважение тех и тех и прочих заслуг его, представляю...»

III.

Те же и Шрейдер (выглядывает в дверь).

Иван Петрович. Войдите, войдите; ничего, пожалуйста сюда: что, это для доклада?

Шрейдер. Для подписания. Здесь отношение в палату и рапорт управляющему.

Иван Петрович (между тем читает). «... Господину управляющему...» Это что значит? у вас поля по краям бумаги неровны. Как же это? Знаете ли, что вас можно посадить под арест?.. *(Устремляет на него глубокомыслен-*

ный взор).

Шрейдер. Я говорил об этом Ивану Ивановичу: он мне сказал, что министр не будет смотреть на эту мелочь.

Иван Петрович. Мелочь! Ивану Ивановичу хорошо так говорить. Я сам то же думаю: министр точно не войдет в это. Ну, а вдруг вздумается!

Шрейдер. Можно переписать; только будет поздно. Но так как изволили сами сказать, что министр не войдет...

Иван Петрович. Так! это всё правда. Я с вами совершенно согласен: он не займется этими пустяками. Ну, а в случае, так ему придется: «Дай-ка посмотрю, велико ли место остается для полей?»

Шрейдер. Если так, я сейчас перепишу.

Иван Петрович. То-то, если так. Ведь я с вами говорю и объясняюсь, потому что вы воспитывались в университете. С другим бы я не стал тратить слов.

Шрейдер. Я осмелился только потому, что г. министр...

Иван Петрович. Позвольте, позвольте! Это совершенная истина: я с вами не спорю ни на

волос. Так, министр на это никогда не посмотрит и не вспомнит даже про это. Ну, а вдруг... Что тогда?

Шрейдер. Я перепишу. *(Уходит).*

IV.

Иван Петрович (пожимая плечами, оборачивается к Александру Ивановичу). Всё еще ветер ходит в голове! Порядочный молодой человек, недавно из университета, но вот тут *(показывает на лоб)* нет. Вы себе не можете представить, почтеннейший Александр Иванович, сколько трудов мне стоило привести всё это в порядок; посмотрели бы вы, в каком виде принял я нынешнее место! Вообразите, что ни один канцелярский не умел порядочно буквы написать. Смотришь: иной къ перенесет в другую строку, иной в одной строке пишет, *сі-*, а в другой: *ятельство*. Словом сказать: это был ужас! столпотворение вавилонское! Теперь возьмите вы бумагу: красиво! хорошо! душа радуется, дух торжествует. А порядок? порядок во всем!

Александр Иванович. Так вам чины, можно сказать, потом и кровью достались.

Иван Петрович (вздыхнув). Именно, потом

и кровью. Что ж будете делать, ведь у меня такой характер. Чем бы я теперь не был, если бы сам доискивался? У меня бы места на груди не нашлось для орденов. Но что прикажете! не могу! Стороною я буду намекать часто, и экивоки подпускать, но сказать прямо, попросить чего непосредственно для себя... нет, это не мое дело! Другие выигрывают беспрестанно... А у меня уж такой характер: до всего могу унизиться, но до подлости никогда! *(Вздыхнувши)*. Мне бы теперь одного только хотелось — если б получить хоть орден на шею. Не потому, чтобы это слишком занимало, но единственно, чтобы видели только внимание ко мне начальства. Я вас буду просить, великодушнейший Александр Иванович, этак, при случае, натурально мимоходом, намекнуть его высокопревосходительству: что у Барсукова-де в канцелярии такой порядок, какой вы редко где встречали, или что-нибудь подобное.

Александр Иванович. С большим удовольствием, если представится случай...

V.

Те же и *Катерина Александровна*, жена

Ивана Петровича.

Катерина Александровна (увидев *Александра Ивановича*). А! Александр Иванович! Боже мой, как давно мы не видались! Позабыли меня! Что Наталья Фоминишна?

Александр Иванович. Слава богу! неделю, впрочем, назад было захворала.

Катерина Александровна. Э!

Александр Иванович. В груди под ложечкой сделалась колика и стеснение. Доктор прописал очистительное и припарку из ромашки и нашатыря.

Катерина Александровна. Вы бы попробовали омеопатического средства.

Иван Петрович. Чудно, право, как подумаешь, до чего не доходит просвещение. Вот, ты говоришь, Катерина Александровна, про меопатию. Недавно был я в представлении. Что ж бы вы думали? Мальчишка, росту, как бы вам сказать, вот такого (*показывает рукою*), лет трех не больше: посмотрели бы вы, как он пляшет на тончайшем канате! Я вас уверяю сурьезно, что дух занимается от страху.

Александр Иванович. Очень хорошо поет Мелас.

Иван Петрович (значительно). Мелас? о да! с большим чувством!

Александр Иванович. Очень хорошо.

Иван Петрович. Заметили ли вы, как она ловко берет вот это? (*Вертит рукою перед глазами*).

Александр Иванович. Именно, это она удивительно хорошо берет. Однако, уж скоро два часа.

Иван Петрович. Куда же это вы, Александр Иванович?

Александр Иванович. Пора! Мне нужно еще места в три заехать до обеда.

Иван Петрович. Ну, так до свидания! Когда ж увидимся? Да, я и позабыл: ведь мы завтра у Лукьяна Федосеевича?

Александр Иванович. Непременно. (*Кланяется*).

Катерина Александровна. Прощайте, Александр Иванович!

Александр Иванович (в лакейской, накидывая шубу). Не терплю я людей такого рода. Ничего не делает, жиреет только, а прикидывается, что он такой, сякой, и то наделал, и то поправил. Вишь чего захотел! ордена! И ведь

получит, мошенник! получит! Этакие люди всегда успевают. А я? ведь пятью годами старше его по службе, и до сих пор не представлен. Какая противная физиономия! И разнежился: ему совсем не хотелось бы, но только для того, чтобы показать внимание начальства. Еще просит, чтобы я замолвил за него. Да, нашел кого просить, голубчик! Я таки тебе удружу порядочно, и ты таки ордена не получишь! не получишь! *(Подтвердительно ударяет несколько раз кулаком по ладони и уходит)*.

Тяжба*

I.

Кабинет. Пролетов, сенатский обер-секретарь, один сидит в креслах и поминутно икает.

Что это у меня? точно отрыжка! вчерашний обед засел в горле; эти грибки да ботвинья... Ешь, ешь, просто, чорт знает, чего не ешь! *(икает)*. Вот оно! *(икает)* еще! *(икает)* еще раз! *(икает)*. Ну, теперь в четвертый! *(икает)*. Туды к чорту, и в четвертый! Прочитать еще «Северную Пчелу», что там такое?

Надоела мне эта «Северная Пчела»: точь-в-точь баба, засидевшаяся в девках. *(Читает и вскрикивает)*. Крахманову награда! а? Петрушке Крахманову! Вот каким был мальчишкой *(показывает рукой)*, я поместил сам его кадетом в корпус, а? *(Продолжает читать и вскрикивает, вытирает глаза)*. Что это? что это? Неужели Бурдюков? Да, он, Павел Петрович Бурдюков, произведен! а? какво? Взятчик, два раза был под судом, отец — вор, обокрал казну, гнуснейший человек, какого только можно представить себе, — какво? И ведь весь свет почитает его за прямодушного человека! Подлец! Говорит: «Дело Бухтелева решено не так, сенат не вникнул» — а? Просто, подлец, узнал, что на мою долю пришлось двадцать тысяч, так вот зачем не ему! Как собака на сене: ни себе, ни другим. Ну, да я знаю тебя, ступай морочь других, прикидывайся перед другими. Я слышал про тебя кое-что такое. Право, досадно, что заглянул в газету, прочитаешь — чувствуешь тоску, радость — и больше ничего. Эй, Андрей!

II.

Лакей (входя). Чего изволите-с?

Пролетов. Возьми вон эту газету! И к чему, зачем ты принес эту газету? Дурак этакой! (*Андрей уносит газету*). Каков Бурдюков, а? Вот кого, не говоря дальних слов, упрятал бы в Камчатку. С большим наслаждением, признаюсь, нагадил бы ему, хоть сию минуту, да вот до сих пор нет, да и нет случая. Что прикажешь делать? Разгневался бог. А я бы тебя погладил, мазнул бы тебя по губам. Да уж и губы зато какие? как у вола, у канальи.

Лакей. Бурдюков приехал.

Пролетов. Что?

Лакей. Бурдюков приехал.

Пролетов. Что ты вздор несешь!

Лакей. Так точно-с.

Пролетов. Врешь ты, дурак! Бурдюков, ко мне? Павел Петрович Бурдюков!

Лакей. Нет, не Павел Петрович, а другой какой-то.

Пролетов. Какой другой?

Лакей. Да вот извольте сами видеть: он здесь.

Пролетов. Проси.

III.

Пролетов и Христофор Петрович Бурдю-

ков.

Бурдюков. Прошу извинить за беспокойство, что наношу вам. Обстоятельства и дела понудили оставить городишку. Приехал просить личной помощи, заступничества.

Пролетов (в сторону). Это точно другой; а есть, однакоже, какое-то сходство. *(Вслух).* Что прикажете? в чем могу быть вам полезным?

Бурдюков (с пожатием плеч). Дело, тяжба!

Пролетов. Тяжба? с кем?

Бурдюков. С родным братом.

Пролетов. Прежде позвольте узнать фамилию, а потом изъясните свое дело. Прошу покорно садиться.

Бурдюков. Фамилия: Бурдюков, Христофор Петров сын, а дело с родным братом Павлом Петровым Бурдюковым.

Пролетов. Что вы!! что? нет!

Бурдюков. Да что ж вы на меня уставили глаза? или думаете, я бы захотел оставлять напрасно Тамбов и скакать на почтовых?

Пролетов. Господи благослови вас за такое доброе дело! Позвольте с вами покороче познакомиться. Умнее этого дела вы не могли никогда бы придумать. Вот рассказывай те-

перь, что нет великодушия и справедливости, а это что же? Ведь вот родной брат, узы крови, связи, а ведь не пощадил! На брата — процесс! Позвольте вас обнять.

Бурдюков. Извольте! я сам обниму вас за такую готовность. *(Обнимаются).* А прежде, признаюсь, взглянувши на вашу физиогномию, никак нельзя было думать, чтобы вы были путный человек.

Пролетов. Вот тебе раз! как так?

Бурдюков. Да сурьезно. Позвольте спросить: верно, покойница матушка ваша, когда была брюхата вами, перепугалась чего-нибудь?

Пролетов. Что за чепуху несет он?

Бурдюков. Нет, я вам скажу, вы не будьте в претензии, это очень часто случается. Вот у нашего заседателя вся нижняя часть лица баранья, так сказать, как будто отрезана и поросла шерстью совершенно, как у барана. А ведь от незначительного обстоятельства: когда покойница рожала, подойди к окну баран, и нелегкая подстрекни его заблеять.

Пролетов. Ну, оставим в покое заседателя и барана. Как же я рад!

Бурдюков. А уж я как рад, приобретши такое покровительство! Теперь только, как начинаю всматриваться в вас, вижу, что лицо ваше как будто знакомо: у нас в карабинерном полку был поручик, вот, как две капли воды, похож на вас! Пьяница страшнейший, то-есть я вам скажу, что дня не проходило, чтобы у него рожа не была разбита.

Пролетов (в сторону). У этого уездного медведя, как видно, нет совсем обычая держать язык за зубами. Вся дрянь, какая ни есть на душе — у него на языке. *(Вслух).* Времени у меня немного, пожалуйста, приступим же к делу.

Бурдюков. Позвольте, сидя не расскажешь. Это дело — казусное! Знали ли в устюжском уезде помещицу Евдокию Малафеевну Жеребцову? не знали, — хорошо. Она доводится родной теткой мне и бестии, моему брату. У ней ближайшими наследниками я да брат — изволите видеть: вот оно куды пошло! Кроме того, еще сестра, что вышла за генерала Повалищева; ну, о той ни слова, та и без того получила следуемую ей часть. Позвольте: вот этот мошенник, брат, он на это хоть чорту

В дядьки годится, вот и подъехал он к ней: «Вы-де, тетушка, уже прожили, слава богу, семьдесят лет; где уже вам в таких преклонных летах мешаться самим в хозяйство: пусть лучше я буду приберегать и кормить». Вона! замечайте, замечайте! переехал к ней в дом, живет и распоряжается, как настоящий хозяин. Да вы слышите ли это?

Пролетов. Слышу.

Бурдюков. То-то! Да. Вот занемогает тетушка, отчего бог знает, может быть, он сам и подсунул ей чего-нибудь. Мне дают уже знать стороною. Замечайте! Приезжаю; в сенях встречает меня эта бестия, то-есть брат, в слезах, так весь и заливаается, и растаял, и говорит: «Ну», говорит, «братец, навеки мы несчастны с тобою: благодетельница наша»... — «Что, отдала богу душу?» — «Нет, при смерти». Я вхожу, и точно, тетушка лежит на карачках и только глазами хлопает. Ну, что ж? плакать? Не поможет. Ведь не поможет?

Пролетов. Не поможет.

Бурдюков. Ну что ж? нечего делать! так, видно, богу угодно! Я приступил поближе. «Ну», говорю, «тетушка, мы все смертны, один

бог, как говорят, не сегодня, так завтра властен в нашей жизни: так не угодно ли вам заблаговременно сделать какое-нибудь распоряжение?» Что ж тетушка? Я вижу, не может уже языком поворотить, и только сказала: «э... э... э...» А эта шельма, что стоял возле кровати ее, брат, говорит: «Тетушка сим изъясняет, что она уже распорядилась». Слышите, слышите!

Пролетов. Как же, да ведь она разве сказала это?

Бурдюков. Кой чорт сказала! Она сказала только «э... э... э...» Я всё подступаю: «Но позвольте же узнать, тетушка, какое же это распоряжение?» Что ж тетушка? Тетушка опять отвечает: «э, э, э». А тот подлец опять: «Тетушка говорит, что всё распоряжение по этой части находится в духовном завещании». Слышите? слышите? Что ж мне было делать? я замолчал и не сказал ни слова.

Пролетов. Однакож, позвольте: как же вы не уличили тут же их во лжи?

Бурдюков. Что ж? *(размахивает руками)* стали божиться, что она точно всё это говорила. Ну ведь... и поверил.

Пролетов. А духовное завещание распечатали?

Бурдюков. Распечатали.

Пролетов. Что ж?

Бурдюков. А вот что. Как только всё это, как следует, христианским долгом было отправлено, я говорю, что не пора ли прочесть волю умершей. Брат ничего и говорить не может: страданья, отчаянья такие, что люли только! «Возьмите», говорит, «читайте сами». Собрались свидетели и прочитали. Как же бы вы думали было написано завещание? А вот как: «Племяннику моему, Павлу Петрову сыну Бурдюкову» — слушайте! — «в возмездие его сыновних попечений и неотлучного себя при мне обретения до смерти» — замечайте! замечайте! — «оставляю во владение родовое и благоприобретенное имение мое в Устюжском уезде...» вона! вона! вона куды пошло! — «пятьсот ревизских душ, угодья и прочее». А? слышите ли вы это? «Племяннице моей, Марии Петровой дочери Повалищевой, урожденной Бурдюковой, оставляю следуемую ей деревню изо ста душ. Племяннику» — вона! замечайте! вот тут настоящий типун! — «Хри-

санфию сыну Петрову Бурдюкову» — слушайте, слушайте! — «на память обо мне»... — ого! ого! — «завещаю: три штаметовые юбки и всю рухлядь, находящуюся в амбаре, как-то: пуховика два, посуду фаянсовую, простыни, чепцы», и там чорт знает еще какое тряпье! А? как вам кажется? я спрашиваю: на кой чорт мне штаметовые юбки?

Пролетов. Ах, он мошенник этакой! Прошу покорно!

Бурдюков. Мошенничество — это так, я с вами согласен; но спрашиваю я вас: на что мне штаметовые юбки? Что я с ними буду делать? разве себе на голову надену!

Пролетов. И свидетели подписались при этом?

Бурдюков. Как же, набрал какой-то сволочи.

Пролетов. А покойница собственноручно подписалась?

Бурдюков. Вот то-то и есть, что подписалась, да чорт знает как!

Пролетов. Как?

Бурдюков. А вот как: покойницу звали Евдокия, а она нацарапала такую дрянь, что

разобрать нельзя.

Пролетов. Как так?

Бурдюков. Чорт знает что такое: ей нужно было написать: «Евдокия», а она написала: «обмокни».

Пролетов. Что вы!

Бурдюков. О, я вам скажу, что он горазд на всё. «А племяннику моему Хрисанфию Петрову три штаметовые юбки!»

Пролетов (в сторону). Молодец, однакож, Павел Петрович Бурдюков, я бы никак не мог думать, чтобы он ухитрился так!

Бурдюков (размахивая руками). «Обмокни!» Что ж это значит? Ведь это не имя: «обмокни»?

Пролетов. Как же вы намерены поступить теперь?

Бурдюков. Я подал уже прошение об уничтожении завещания, потому что подпись ложная. Пусть они не врут: покойницу звали Евдокией, а не «обмокни».

Пролетов. И хорошо! Позвольте теперь мне за всё это взяться. Я сейчас напишу записку к одному знакомому секретарю, а вы между тем доставьте мне копию с завещания

вашего.

Бурдюков. Несказанно обязан вам! (*Берется за шапку*). А в которые двери нужно выходить — в те, или в эти?

Пролетов. Пожалуйста в эти.

Бурдюков. То-то. Я потому спросил, что мне нужно еще будет по своей надобности. До свидания, почтеннейший. Как вас? Я всё позабываю!

Пролетов. Александр Иванович.

Бурдюков. Александр Иванович! Александр Иванович есть Прольдюковский, вы не знакомы с ним?

Пролетов. Нет.

Бурдюков. Он еще живет в пяти верстах от моей деревни. Прощайте!

Пролетов. Прощайте, почтеннейший, прощайте!

IV.

Пролетов, потом слуга.

Вот неожиданный клад! вот подарок! Просто бог на шапку послал. Странно сказать, а по душе чувствуешь такое какое-то эдакое неизъяснимое удовольствие, как будто или жена в первый раз сына родила, или министр

поцеловал тебя при всех чиновниках в полном присутствии. Ей богу! эдакое магнетическое какое-то! Эй, Андрей! ступай сейчас к моему секретарю и проси его сюда. Слышишь? Да постой: вот тебе на водку, напейся пьян, как стелька, — для сегодняшнего дня я тебе позволяю; а вот еще сыну на пряники. Да скажи секретарю, чтобы — сейчас, самонужнейшее дело. А, наконец-таки, насилу! и на нашу улицу пришло веселье! Постой же, теперь я сяду играть, да и посмотрим, как ты будешь подплясывать. А уж коли из сенатских музыкантов наберу оркестр, так ты у меня так запляшешь, что во всю жизнь не отдохнут у тебя бока.

Лакейская*

I.

Театр представляет переднюю. Направо дверь на лестницу, налево — в зал. На заднем занавесе дверь несколько сбоку в кабинет. До самых дверей во всю стену длинная скамья.

Петр, Иван и Григорий сидят на ней и спят, уткнувши головы один другому в плечо. В дверях с лестницы звенит громкий звонок. Лакеи пробуждаются.

Григорий. Ступай, отвори дверь! звонят!

Петр. Да ты что сидишь? На ногах у тебя пузыри, что ли? встать не можешь?

Иван (махнув рукой). Ну, уж я пойду, так и быть, отворю! *(Отворяя дверь, вскрикивает).* Это Андрюшка!

Чужой слуга (входит в картузе, в шинели и с узелком в руке).

Григорий. А, московская ворона! Откуда тебя принесло?

Чужой слуга. Ах ты, чухонский сын! Побегал бы ты с мое. Вон *(подымая узелок)* к цветочнице велела снести, что на Петербургской.

Небось, четвертака на извозчика не даст. Да и к вашему тож. Что, спит?

Григорий. Кто? медведь? Нет, еще не рычал из берлоги.

Петр. Правда ли, что барыня ваша дает вам чулки штопать? *(Все смеются).*

Григорий. Ну уж ты, брат, будь теперь штопальница. Уж мы так и звать тебя будем.

Чужой лакей. Врешь, а вот же и не штопал никогда.

Петр. Да ведь у вас известно: дворовый человек до обеда повар, а после обеда уж он кучер, или лакей, или башмаки шьет.

Чужой лакей. Ну так что ж, ремесло другому не помешает. Не сидеть же без дела. Конечно, я и лакей, да и женский портной вместе. И на барыню шью и на других тоже — копейку добываю. А вы что, ведь вот ничего ж не делаете.

Григорий. Нет, брат, у хорошего барина лакея не займут работой, на то-есть мастеровой. Вон у графа Булкина тридцать, брат, человек слуг одних, и уж там, брат, нельзя так: «Эй, Петрушка, сходи-ка туды». «Нет» мол, скажет, «это не мое дело; извольте-с приказать Ива-

ну». Вон оно как. Вот оно что значит, если барин хочет жить, как барин. А вон ваша пиголица из Москвы приехала, коляска-то орех раскушенный, веревками хвосты лошадям позавязаны. *(Смеются)*.

Чужой лакей. Ну, ты смехун, смехун! Что ж из того, что лежишь весь день, ведь за то ж ни копейки за душой у тебя нет.

Григорий. Да на что ж мне твоя копейка? А барин-то зачем? Ведь жалованье-то уж он мне выдаст, хоть я работай или не работай. А копить мне на старость зачем? Что ж за барин, коли уж пенсионера слуге не выдаст за службу.

Чужой лакей. Что? говорят, ребята бал затеяли?

Петр. Да. А ты будешь?

Чужой лакей. Да ведь что ж этот бал! только, чай, слава, что бал.

Григорий. Нет, брат, бал будет на всю руку. По целковому жертвуют и больше. Княжой повар дал пять рублей и сам берется стол готовить. Угощение будет не то, что орехи, уж полпуда конфект купили, мороженого тоже...*(Слышен тоненький звонок из барского каби-*

нета).

Чужой лакей. Ступай, звонит барин.

Григорий. Подождет. Лиминацию тоже зажгут. Музыка торговали, только не сошлись, баса нет, а то уж было...*(Слышен звонок из кабинета громче прежнего).*

Чужой лакей. Ступай, ступай! звонит.

Григорий. Подождет. Ну, ты сколько даешь?

Чужой лакей. Да ведь что ж этот бал, ведь это всё так.

Григорий. Ну, развязывай мошну, ты, штопальница! Вон смотри, Петрушка, на него, какой он...*(Тыкает на него пальцем; в это время отворяется дверь кабинета, и барин, в халате, протянувши руку, схватывает Григория за ухо. Все поднимаются с своих мест).*

II.

Барин. Что вы, бездельники? Три человека, и хоть бы один поднялся с своего места. Я звоню, что есть мочи, чуть тесьмы не оборвал.

Григорий. Да ничего не было слышно, судырь.

Барин. Врешь!

Григорий. Ей богу! Что ж мне лгать? Вот Петрушка тоже сидел. Уж это такой колоколь-

чик, судырь, никуды не годится: никогда ничего не слышать. Нужно будет слесаря позвать.

Барин. Ну, так позвать слесаря.

Григорий. Да я уж сказывал дворецкому. Да ведь что ж? Ему говоришь, а ведь он еще и выбранит за это.

Барин (увидя чужого лакея). Это что за человек?

Григорий. Это-с человек от Анны Петровны, зачем-то пришел к вам.

Барин. Что скажешь, брат?

Чужой лакей. Барыня приказала кланяться и доложить, что будут сегодня к вам.

Барин. Зачем, не знаешь?

Чужой лакей. Не могу знать. Они только сказали: «Скажи Федору Федоровичу, что я приказала кланяться и буду к ним».

Барин. Да когда, в котором часу?

Чужой лакей. Не могу знать, в котором часу. Они сказали только, что доложи-де, говорит, Федору Федоровичу, что я, говорит, к ним сама-де буду у них-с...

Барин. Хорошо. Петрушка, дай мне поскорей одеться: я иду со двора. А вы — не прини-

мать никого! Слышишь; всем говорить, что меня нет дома! (*Уходит; за ним Петрушка*).

III.

Чужой лакей (Григорию). Ну, видишь, ведь вот и досталось.

Григорий (махнув рукой). А! уж служба такая! как ни старайся — всё выбранят. (*В дверях, что у лестницы, раздаётся звонок*).

Григорий. Вот опять какой-то чорт лезет. (*Ивану*). Ступай, отворяй, что ж ты зеваешь. (*Иван отворяет дверь; входит господин в шубе*).

IV.

Господин в шубе. Федор Федорович дома?

Григорий. Никак нет.

Господин. Досадно. Не знаешь, куда уехал?

Григорий. Неизвестно. Должно быть, в департамент. А как об вас доложить.

Господин. Скажи, что был Невелецагин. Очень, мол, жалел, что не застал дома. Слышишь? не позабудешь? Невелецагин.

Григорий. Лентягин-с.

Господин (вразумительно). Невелецагин.

Григорий. Да вы немец?

Господин. Какой немец! просто, русский:

Не-ве-ле-ща-гин.

Григорий. Слышь, Иван, не позабудь: Ерда-щагин!

(Господин уходит).

V.

Чужой лакей. Прощайте, братцы, пора уж и мне.

Григорий. Да что ж — на бал будешь, что ли?

Чужой лакей. Ну, да уж там посмотрю после. Прощай, Иван!

Иван. Прощай! *(Идет отворять дверь).*

VI.

Горничная девушка, бежит бегом через лакейскую.

Григорий. Куды, куды! удостойте взглядом! *(Хватает ее за полу платья).*

Девушка. Нельзя, нельзя, Григорий Павлович! не держите меня, совсем-с некогда. *(Вырывается и убегает в дверь на лестницу).*

Григорий (смотря вслед её). Вот она, как поплелась! *(Смеется).* Хе, хе, хе!

Иван (смеется). Хи, хи, хи! *(Выходит барин. Рожи у Григория и Ивана вдруг становятся насупившись и сурьезны. Григорий снимает*

с вешалки шубу и накидывает барину на плечи. Барин уходит).

Григорий (стоит среди комнаты, чистя пальцем в носу). Ведь вот свободное время. Барин ушел, чего бы, кажется, лучше, — нет, сейчас привалит этот чорт, брюхач-дворецкий.

За сценой слышен крик дворецкого: Ведь вот точно божеское наказание: десять человек в доме, и хоть бы один что-нибудь прибрал.

Григорий. Вон уж пошел кричать толстобрюхий.

VII.

Пузатый дворецкий (входит с сильными движениями и размахами рук). Побоялись бы хоть совести своей, коли бога не боитесь. Ведь ковры до сих пор не выколочены. Вы бы, Григорий Павлович, пример другим должны бы дать, а вы спите ровно от утра до вечера, ведь глаза-то у вас совсем заплыли от сна, ей богу! ведь вы совсем подлец после этого, Григорий Павлович.

Григорий. Да что ж? нешто я не человек, что уж и заснуть нельзя?

Дворецкий. Да кто ж против этого и слово говорит? Почему ж не заснуть? Но ведь не весь же день спать. Ну, вот хоть бы и ты, Петр Иванович! ведь ты, не говоря дурного слова, на свинью похож, ей богу. Ведь что тебе работы? всего два, три каких-нибудь подсвечника вычистить. Ну, зачем ты тут баишься? (*Петр медленно уходит*). А тебе, Ванька, просто толчка в затылок следует.

Григорий (уходя). Эх ты, житье, житье! вставши да за вытье!

Дворецкий (оставшись один). В том-то и есть поведенье, что всякий человек должен знать долг. Коли слуга, так слуга, дворянин, так дворянин, архиерей, так архиерей. А то бы, пожалуй, всякий зачал... я бы сейчас сказал: нет, я не дворецкий, а губернатор, или там какой-нибудь от инфантерии. Да ведь за то мне всякий бы сказал: нет, врешь, ты дворецкий, а не генерал, вот что! твоя обязанность смотреть за домом, за поведением слуг, вот что! Тебе не то, что бон жур, коман ву франсе, а веди порядок, распорядженье, вот что! Да.

VIII.

Входит Аннушка, горничная девушка из другого дома.

Дворецкий. А! Анна Гавриловна! на счет моего почтения с большим удовольствием вас вижу.

Аннушка. Не беспокойтесь, Лаврентий Павлович! я нарочно зашла к вам на минуту: я встретила карету вашего барина и узнала, что его нет дома.

Дворецкий. И очень хорошо сделали, я и жена будем очень рады, пожалуйста, садитесь.

Аннушка (севши). Скажите, ведь вы знаете что-нибудь о бале, который на днях затевается?

Дворецкий. Как же. Оно, примерно, вот изволите видеть, складчина. Один человек, другой, примерно также сказать, третий. Конечно, это, впрочем, составит большую сумму. Я пожертвовал вместе с женою пять рублей. Ну, натурально, бал, или, что обыкновенно говорится, вечеринка. Конечно, будет угощение, примерно сказать, прохладительное. Для молодых людей танцы и тому прочие подобные удовольствия.

Аннушка. Непременно, непременно буду.

Я только, зашла за тем, чтобы узнать, будете ли вы вместе с Агафьей Ивановной.

Дворецкий. Уж Агафия Ивановна только и говорит всё, что о вас.

Аннушка. Я боюсь только насчет общества.

Дворецкий. Нет, Анна Гавриловна, у нас будет общество хорошее. Не могу сказать наверно, но слышал, что будет камердинер графа Толстогоуба, буфетчик и кучера князя Брюховецкого, горничная какой-то княгини... я думаю, тоже чиновники некоторые будут.

Аннушка. Одно только мне очень не нравится, что будут кучера. От них всегда запах простого табаку или водки, притом же все они такие необразованные, невежи.

Дворецкий. Позвольте вам доложить, Анна Гавриловна, что кучера кучерам рознь. Оно, конечно, так как кучера по обыкновению больше своему находятя неотлучно при лошадях, иногда подчищают, с позволения сказать, кал; конечно, человек простой, выпьет стакан водки, или, по недостаточности больше, выкурит обыкновенного бакуну, какой большею частию простой народ употребляет; да, так, оно натурально, что от него иногда,

примерно сказать, воняет навозом или водкой, конечно, всё это так, да; однакож, согласитесь сами, Анна Гавриловна, что есть и такие кучера, которые, хотя и кучера, однакож, по обыкновению своему, больше, примерно сказать, конюхи, нежели кучера. Их должность, или так выразиться, дирекция состоит в том, чтобы отпустить овес, или укорить в чем, если провинился фореитор или кучер.

Аннушка. Как вы хорошо говорите, Лаврентий Павлович! я всегда вас заслушиваюсь.

Дворецкий (с довольною улыбкою). Не стоит благодарности, сударыня. Оно, конечно, не всякий человек имеет, примерно сказать, речь, то-есть дар слова. Натурально, бывает иногда... что, как обыкновенно говорят, косноязычие... Да. Или иные прочие подобные случаи, что, впрочем, уже происходит от натуры... Да не угодно ли вам пожаловать в мою комнату?

(Аннушка идет, Лаврентий за нею).

Отрывок*

Комната в доме Марьи Александровны.
I.

Марья Александровна, пожилых лет дама,
и Михал Андреевич, ее сын.

Марья Александровна. Слушай, Миша, я
давно хотела с тобою переговорить: тебе
должно переменить службу.

Миша. Пожалуй, хоть завтра же.

Марья Александровна. Ты должен служить
в военной.

Миша (вытаращив глаза). В военной?

Марья Александровна. Да.

Миша. Что вы, маменька? в военной?

Марья Александровна. Ну, что ж ты так
изумился?

Миша. Помилуйте, да разве вы не знаете:
ведь нужно начинать с юнкеров?

Марья Александровна. Ну да, послужишь
год юнкером, а потом произведут в офицеры,
уж это мое дело.

Миша. Да что вы нашли во мне военного?
и фигура моя совершенно не военная. Поду-
майте, матушка, право, вы меня изумили эта-

кими словами совершенно, так что я, я, я просто не знаю, что́ и подумать: я, слава богу, и толстенок немножко, а как надену юнкерский мундир с короткими хвостиками, — со-вестно даже будет смотреть.

Марья Александровна. Нет нужды. Произведут в офицеры, будешь носить мундир с длинными фалдами и совершенно закроешь толщину свою, так что ничего не будет заметно. Притом это и лучше, что ты немножко толст — скорее пойдет производство: им же будет совестно, что у них в полку такой толстый прапорщик.

Миша. Но, матушка, ведь мне год, всего год осталось до коллежского асессора. Я уже два года, как в чине титулярного советника.

Марья Александровна. Перестань, перестань! Это слово «титулярный» тиранит мои уши; мне так и приходит на ум бог знает что. Я хочу, чтобы сын мой служил в гвардии. На штафирку, просто, не могу и смотреть теперь.

Миша. Но посудите, матушка, рассмотрите меня хорошенько и наружность мою также: меня еще в школе звали хомяком. В военной службе всё же нужно, чтобы и на лошади ли-

хо ездил, и голос бы имел звонкий, и рост бы имел богатырский, и талию.

Марья Александровна. Приобретешь, всё приобретешь. Я хочу, чтобы ты непременно служил; на это есть очень, важная причина.

Миша. Да какая же причина?

Марья Александровна. Ну, уж причина важная.

Миша. Всё же таки скажите, какая причина?

Марья Александровна. Такая причина... я не знаю даже, поймешь ли ты хорошенько. Губомазова, эта дура, третьего дни у Рогожинских говорит, и нарочно так, чтобы я слышала. А я сижу третьего, передо мной Софи Вотрушкова, княгиня Александрина и за княгиней Александриной сейчас я. Что бы ты думал эта негодная осмелилась говорить?.. Я, право, так и хотела встать с места и, если б не княгиня Александрина, я бы, не знаю, что я сделала. Говорит: «Я очень рада, что на придворных балах не пускают штатских. Это такие все», говорит, «mauvais genre, чем-то неблагородным от них отзывается. Я рада», говорит, «что мой Алексис не носит этого

скверного фрака». — И всё это произнесла с таким жеманством, с таким тоном... так право... я не знаю, что бы я сделала с нею. А ее сын просто дурак набитый: только всего и умеет, что поднимать ногу. Такая противная мерзавка!

Миша. Как, матушка, так в этом вся причина?

Марья Александровна. Да, я хочу на зло, чтобы мой сын тоже служил в гвардии и был бы на всех придворных балах.

Миша. Помилуйте, матушка, из того только, что она дура...

Марья Александровна. Нет, уж я решилась. Пусть-ка она себе треснет с досады, пусть побесится.

Миша. Однакож...

Марья Александровна. О! я ей покажу! Уж как она хочет, я употреблю все старанья, и мой сын будет тоже в гвардии. Уж хоть чрез это и потеряет, а уж непременно будет. Чтобы я позволила всякой мерзавке дуться передо мною и поднимать и без того курносый нос свой! Нет уж, вот этого-то никогда не будет! Уж как вы себе хотите, Наталья Андреевна!

Миша. Да разве этим ей досадите?

Марья Александровна. О! уж этого-то не позволю!

Миша. Если вы это требуете, маменька, я перейду в военную; только, право, мне самому будет смешно, когда увижу себя в мундире.

Марья Александровна. Уж, по крайней мере, гораздо благороднее этого фрачишки. Теперь второе: я хочу женить тебя.

Миша. За одним разом и переменить службу и женить?

Марья Александровна. Что же? Как будто нельзя и переменить службу и женить?

Миша. Да ведь я и намеренья еще не имел. Я еще не хочу жениться.

Марья Александровна. Захочешь, если только узнаешь, на ком. Этой женитьбой доставишь ты себе счастье и в службе и в семейственной жизни. Словом, я хочу женить тебя на княжне Шлепохвостовой.

Миша. Да ведь она, матушка, дура перво-классная.

Марья Александровна. Вовсе не перво-классная, а такая же, как и все другие. Пре-

красная девушка, вот только что памяти нет; иной раз забывается, скажет невпопад; но это от рассеянности, а уж зато вовсе не сплетница и никогда ничего дурного не выдумает.

Миша. Помилуйте, куды ей сплетничать! Она насилу слово может связать, да и то такое, что только руки расставишь, как услышишь. Вы знаете сами, матушка, что женитьба дело сердечное, нужно, чтобы душа...

Марья Александровна. Ну, так! я вот как будто предчувствовала. Послушай, перестань либеральничать. Тебе это не пристало, не пристало, я тебе двадцать раз уже говорила. Другому еще это идет как-то, а тебе совсем не идет.

Миша. Ах, маменька, но когда и в чем я был не послушен вам?[2] Мне уже скоро тридцать лет, а между тем я, как дитя, покорен вам во всем. Вы мне велите ехать туды, куды бы мне смерть не хотелось ехать — и я еду, не показывая даже и вида, что мне это тяжело. Вы мне приказываете потереться в передней такого-то — и я трусь в передней такого-то, хоть мне это вовсе не по сердцу. Вы мне велите танцовать на балах — и я танцую, хоть все

надо мною смеются и над моей фигурой. Вы, наконец, велите мне переменить службу — и я переменяю службу, в тридцать лет иду в юнкера; в тридцать лет я перерождаюсь в ребенка, в удобность вам, и при всем том вы мне всякий день колете глаза либеральничеством. Не пройдет минуты, чтобы вы меня не назвали либералом. Послушайте, матушка, это больно, клянусь вам, это больно. Я достоин за мою искреннюю любовь и привязанность к вам лучшей участи...

Марья Александровна. Пожалуйста, не говори этого! Будто я не знаю, что ты либерал, и знаю даже, кто тебе всё это внушает: всё этот скверный Собачкин.

Миша. Нет, матушка, это уж слишком, чтобы Собачкина я даже стал слушаться. Собачкин мерзавец, картежник и всё, что вы хотите. Но тут он невинен. Я никогда не позволю ему надо мною иметь и тени влияния.

Марья Александровна. Ах, боже мой, какой ужасный человек! я испугалась, когда его узнала. Без правил, без добродетели — какой гнусный, какой гнусный человек! Если б ты знал, что такое он разнес про меня!.. Я три ме-

сяца не могла никуда носа показать: что у меня подают сальные огарки; что у меня по целым неделям не вытираются в комнате ковры щеткою; что я выехала на гулянье в упряжи из простых веревок на извозчичьих хомутах... Я вся краснела, я более недели была больна; я не знаю, как я могла перенести всё это. Подлинно, одна вера в провидение подкрепила меня.

Миша. И этакой человек, вы думаете, может иметь надо мною власть? и думаете, я позволю?..

Марья Александровна. Я сказала, чтоб он не смел мне на глаза показываться, и ты одним только можешь оправдать себя, когда без всякого упорства сделаешь княжне déclaration сегодня же.

Миша. Но, матушка, а если нельзя это сделать?

Марья Александровна. Как нельзя? это почему?

Миша (в сторону). Ну, решительная минута!.. *(Вслух).* Позвольте мне хотя здесь иметь свой голос, хотя в деле, от которого зависит счастье моей будущей жизни. Вы не спроси-

ли еще меня... ну, если я влюблен в другую?

Марья Александровна. Это, признаюсь, для меня новость. Об этом я еще ничего не слышала. Да кто ж такая эта другая?

Миша. Ах, маменька, клянусь, никогда еще не было подобной — ангел, ангел и лицом и душою.

Марья Александровна. Да чьих она, кто отец ее?

Миша. Отец — Александр Александрович Одосимов.

Марья Александровна. Одосимов? фамилия не слышная! Я ничего не знаю про Одосимова... да что он, богатый человек?

Миша. Редкий человек, удивительный человек.

Марья Александровна. И богатый?

Миша. Как вам сказать? Нужно, чтобы вы его видели. Таких достоинств души не сыщешь в свете.

Марья Александровна. Да что он, как, в чем состоит его чин, имущество?

Миша. Я понимаю, маменька, чего вы хотите. Позвольте мне на счет этот сказать откровенно мои мысли. Ведь теперь, как бы то

ни было, может быть, во всей России нет жениха, который бы не искал богатой невесты. Всякий хочет поправиться на счет женина приданого. Ну, пусть еще в некотором отношении это извинительно: я понимаю, что бедный человек, которому не повезло по службе или в чем другом, которому, может быть, излишняя честность помешала составить состояние, словом, что бы то ни было, но я понимаю, что он вправе искать богатой невесты и, может быть, несправедливы бы были родители, если б не отдали должного его достоинствам и не выдали бы за него дочери. Но вы посудите, справедлив ли человек богатый, который будет искать тоже богатых невест, — что ж будет тогда на свете? Ведь это всё равно, что сверх шубы да надеть шинель, когда и без того жарко, когда эта шинель, может быть, прикрыла бы чьи-нибудь плечи. Нет, маменька, это несправедливо. Отец пожертвовал всем имуществом на воспитанье дочери.

Марья Александровна. Довольно, довольно! Больше я не в силах слушать. Всё знаю, всё: влюбился в потаскушку, дочь какого-нибудь

Фурьера, которая занимается, может, публичным ремеслом.

Миша. Матушка...

Марья Александровна. Отец пьяница, мать стряпуха, родня — кварташки или служащие по питейной части... и я должна всё это слышать, всё это терпеть, терпеть от родного сына, для которого я не щадила жизни!.. Нет, я не переживу этого!

Миша. Но, матушка, позвольте...

Марья Александровна. Боже мой, какая теперь нравственность у молодых людей! Нет, я не переживу этого, клянусь, не переживу этого... Ах! что это? у меня закружилась голова! *(Вскрикивает).* Ах, в боку колика!.. Машка, Машка, склянку!.. Я не знаю, проживу ли я до вечера. Жестокий сын!

Миша (бросаясь). Матушка, успокойтесь. Вы сами создаете для себя...

Марья Александровна. И всё это наделал этот скверный Собачкин. Я не знаю, как не выгонят до сих пор эту чуму.

Лакей (в дверях). Собачкин приехал.

Марья Александровна. Как! Собачкин? Отказать, отказать, чтоб его и духу здесь не бы-

ЛО.

II.

Те же и Собачкин.

Собачкин. Марья Александровна! извините великодушно, что так давно не был. Ей богу, никак не мог! Поверить не можете, сколько дел; знал, что будете гневаться, право знал... (*Увидя Мишу*). Здравствуй, брат! Как ты?

Марья Александровна (в сторону). У меня, просто, слов не достает! Каков? Еще извиняется, что давно не был!

Собачкин. Как я рад, что вы, судя по лицу, так свежи и здоровы. А братца вашего как здоровье? Я полагал, признаюсь, и его также застать у вас.

Марья Александровна. Для этого вы бы могли отправиться к нему, а не ко мне.

Собачкин (усмехаясь). Я приехал рассказать вам один преинтересный анекдот.

Марья Александровна. Я не охотница до анекдотов.

Собачкин. Об Наталье Андреевне Губомазовой.

Марья Александровна. Как, об Губомазовой!.. (*Стараясь скрыть любопытство*). Так это,

верно, недавно случилось?

Собачкин. На днях.

Марья Александровна. Что ж такое?

Собачкин. Знаете ли, что она сама сечет своих девок?

Марья Александровна. Нет! что вы говорите? Ах, какой страм! можно ли это?

Собачкин. Вот вам крест! Позвольте же рассказать. Только один раз велит она виноватой девушке лечь, как следует, на кровать, а сама пошла в другую комнату, не помню, за чем-то, кажется, за розгами. В это время девушка за чем-то выходит из комнаты, а на место ее приходит Наталья Андреевны муж, ложится и засыпает. Является Наталья Андреевна, как следует, с розгами, велит одной девушке сесть ему на ноги, накрыла простыней и высекла мужа.

Марья Александровна (всплеснув руками). Ах, боже мой, какой страм! Как это до сих пор я ничего об этом не знала? Я вам скажу, что я почти всегда была уверена, что она в состоянии это сделать.

Собачкин. Естественно. Я это говорил всему свету. Толкуют: «Примерная жена, сидит до-

ма, занимается воспитанием детей, сама учит по-аглицки!» Какое воспитанье! Сечет всякий день мужа, как кошку!.. Как мне жаль, право, что я не могу пробыть у вас подолее (*раскланивается*).

Марья Александровна. Куда ж это вы, Андрей Кондратьевич? Не совестно ли вам, столько времени у меня не бывши... Я всегда привыкла вас видеть, как друга дома: останьтесь! Мне хотелось еще с вами переговорить кое о чем. Послушай, Миша, у меня в комнате дожидается каретник; пожалуйста, переговори с ним. Спроси, возьметса ли он переделать карету к первому числу. Цвет чтобы был голубой с светлой уборкой, на манер кареты Губомазовой.

(Миша уходит).

Марья Александровна. Я нарочно услала сына, чтобы переговорить с вами наедине. Скажите, вы, верно, знаете: есть какой-то Александр Александрович Одосимов?

Собачкин. Одосимов?.. Одосимов... Одосимов... Знаю, есть где-то Одосимов; а, впрочем, я могу справиться.

Марья Александровна. Пожалуйста.

Собачкин. Помню, помню, есть Одосимов столоначальник или начальник отделения... точно есть.

Марья Александровна. Вообразите, вышла одна смешная история... Вы мне можете сделать большое одолжение.

Собачкин. Вам стоит только приказать. Для вас я готов на всё: вы сами это знаете.

Марья Александровна. Вот в чем дело: мой сын влюбился, или, лучше, не влюбился, а просто зашло в голову сумасбродство... Ну, молодой человек... Словом, он бредит дочерью этого Одосимова.

Собачкин. Бредит? А однакож, он мне ничего об этом не сказал. Да впрочем, конечно, бредит, если вы говорите.

Марья Александровна. Я хочу от вас, Андрей Кондратьевич, большой услуги: вы, я знаю, нравитесь женщинам.

Собачкин. Хе, хе, хе! Да вы почему это думаете? А ведь точно, вообразите: на масляной шесть купчих... может быть, вы думаете, что я с своей стороны как-нибудь волочился или что-нибудь другое... Клянусь, даже не посмотрел! Да вот еще лучше: вы знаете того, как

бишь его, Ермолай, Ермолай... Ах боже, Ермолай, вот что жил на Литейной недалеко от Кирочной?

Марья Александровна. Не знаю там никого.

Собачкин. Ах, боже мой, Ермолай Иванович, кажется, вот хоть убей, позабыл фамилию. Еще жена его, лет пять тому назад, попала в историю. Ну, да вы знаете её, Сильфида Петровна.

Марья Александровна. Совсем нет; не знаю я никакого ни Ермолая Ивановича, ни Сильфиды Петровны.

Собачкин. Боже мой! он еще жил недалеко от Куропаткина.

Марья Александровна. Да и Куропаткина я не знаю.

Собачкин. Да вы после припомните. Дочь, богачка страшная, до двухсот тысяч приданого и не то, чтобы с надуваньем, а еще до венца ломбардный билет в руки.

Марья Александровна. Что ж вы не женились?

Собачкин. Не женился. Отец три дня на коленях стоял, упрашивал; и дочь не перенесла, теперь в монастыре сидит.

Марья Александровна. Почему ж вы не женились?

Собачкин. Да так как-то. Думаю себе: отец откупщик, родня — что ни попало. Поверите, самому, право, было потом жалко. Чорт побери, право, как устроен свет: всё условия да приличия. Скольких людей уже погубили!

Марья Александровна. Ну, да что же вам смотреть на свет? *(В сторону).* Прошу покорно! Теперь всякая чуть вылезшая козявка уже думает, что он аристократ. Вот всего какой-нибудь титулярный, а послушай-ка, как говорит!

Собачкин. Ну, да нельзя, Марья Александровна, право, нельзя, всё как-то... Ну, понимаете... Станут говорить: «Ну вот, женился чорт знает на ком...» Да со мной, впрочем, всегда такие истории. Иной раз, право, совсем не виноват, с своей стороны решительно ничего... ну, что ты прикажешь делать? *(Говорит тихо).* Ведь вот по вскрытии Невы всегда находят две-три утонувшие женщины, — я уж только молчу, потому что в такую еще впутаешься историю... Да, любят, а ведь за что бы, кажется? лицом нельзя сказать, чтобы очень

...

Марья Александровна. Полно, будто вы сами не знаете, что вы хорош.

Собачкин (усмехается). А ведь вообразите, что, еще как был мальчишкой, ни одна, бывало, не пройдет без того, чтобы не ударить пальцем под подбородок и не сказать: «Плутышка, как хорош!»

Марья Александровна (в сторону). Прошу покорно! Ведь вот насчет красоты тоже — ведь моська совершенная, а воображает, что хорош. *(Вслух).* Ну, так послушайте же, Андрей Кондратьевич, с вашей наружностью можно это сделать. Мой сын влюблен до дурачества и воображает, что она совершенная доброта и невинность. Нельзя ли как-нибудь, знаете, представить ее не в том виде, как-нибудь эдак, что называется, немножко замарать. Если вы, положим, не произведете на нее действия и она не сойдет с ума от вас...

Собачкин. Марья Александровна, сойдет! не спорьте, сойдет! Я голову дам отрубить, если не сойдет. Я вам скажу, Марья Александровна, со мной не такие бывали истории... Вот еще на днях...

Марья Александровна. Ну, как бы то ни было, сойдет или не сойдет, только нужно, чтобы по городу разнеслись слухи, что вы с нею в связи... и чтобы это дошло до моего сына.

Собачкин. До вашего сына?

Марья Александровна. Да, до моего сына.

Собачкин. Да.

Марья Александровна. Что — да?

Собачкин. Ничего, я так сказал да.

Марья Александровна. Разве вы находите, что это для вас трудно?

Собачкин. О, нет, ничего. Но все эти влюбленные... вы не поверите, какие у них несообразности, неуместные ребячества разные: то пистолеты, то... чорт знает что такое... Конечно, я не то, чтобы этим как-нибудь... но знаете, неприлично в хорошем обществе.

Марья Александровна. О! насчет этого будьте покойны. Положитесь на меня, я не допущу его до того.

Собачкин. Впрочем, я так только заметил. Поверьте, Марья Александровна, я для вас, если бы пришлось точно порисковать где жизнью, то с удовольствием, ей богу, с удовольствием... Я так вас люблю, что, признаться

сказать, даже совестно, вы подумать можете бог знает что, а это именно одно только глубочайшее уважение. Ах, вот хорошо, что вспомнил! Я попрошу у вас, Марья Александровна, занять мне на самое короткое время тысячки две. Чорт его знает, какая дурацкая память! Одеваясь, всё думал, как бы не позабыть книжку, нарочно положил на стол перед глазами. Что прикажете, всё взял, табакерку взял, платок даже лишний взял, а книжка осталась на столе.

Марья Александровна (в сторону). Что с ним делать? Дашь — замотает, а не дашь — распустит по городу такую чепуху, что мне никуда нельзя будет носа показать. И мне нравится, что еще говорит: позабыл книжку! Книжка-то у тебя есть, я знаю, да пуста. А нечего делать, нужно дать. *(Вслух).* Извольте, Андрей Кондратьевич; обождите только здесь, я вам их сейчас принесу.

Собачкин. Очень хорошо, я посижу здесь.

Марья Александровна (уходя, в сторону). Без денег ничего, мерзавец, не может сделать.

Собачкин (один). Да, эти две тысячи теперь мне и очень пригодятся. Долгов-то я отдавать

не буду: и сапожник подождет, и портной подождет, и Анна Ивановна тоже подождет; конечно, раскричится, ну да что ж делать? нельзя же деньги сорить на всё, с нее довольно и любви моей, а платье, она врет, у нее есть. А я сделаю вот как: скоро будет гулянье; колясочка моя хоть и новая, ну да ее всякий уж видел и знает, а есть, говорят, у Иохима, только еще что вышла, последней моды, еще он даже никому не показывает. Если прибавлю эти две тысячи к моей коляске, так я могу ее и весьма выменять. Так я, знаете, какого задам тогда эффекту! Может быть, на всем гуляньи всего и будет только одна иди две такие коляски. Так обо мне везде заговорят. А между тем нужно подумать об порученьи Марьи Александровны. Мне кажется, благоразумнее всего начать с любовных писем. Написать письмо от имени этой девушки, да и выронить как-нибудь нечаянно при нём или позабыть на столе в его комнате. Конечно, может выйти как-нибудь плохо. Да, впрочем, что ж? надает ведь только тузанов. Тузаны, конечно, больно, да всё же ведь не до такой степени, чтобы... Да ведь я могу и удрать, и если что, в

спальню Марьи Александровны и прямо под кровать, и пусть-ка он оттуда меня вытащит! Но, главное, как написать письмо? Смерть не люблю писать, то-есть, просто, хоть зарежь. Чорт его знает, так, кажется, на словах всё бы славно изъяснил, а примешься за перо — просто, как будто бы кто-нибудь оплеуху дал, конфузия, конфузия, не подымается рука, да и полно. Разве вот что? у меня есть кое-какие письма, еще недавно ко мне писанные; выбрать, которое получше, подскоблить фамилию, а на место ее написать другую. Что ж, чем же это не хорошо? право! Пошарить в кармане, может быть, тут же посчастливится найти именно такое, как нужно. *(Вынимает из кармана пучок писем)*. Ну, хоть бы это, например *(читает)*: «Я очинь слава богу здорова но за немогаю от боле. Али вы душенька совсем позабыли. Иван Данилович видел вас душиньку в тиатере и то пришли бы успокоили веселостями разговора». Чорт возьми! кажется, правописанья нет. Нет, этим, я думаю, не надуешь. *(Продолжает)*. «Я для вас душинька вышила подвязку». Ну, и разносилась с нежностями! Что-то буколического много,

Шатобрианом пахнет. А вот, может быть, не будет ли здесь чего-нибудь? *(Развертывает другое и прищуривает глаз, стараясь разобрать)*. «Любезный друг!» Нет, это, однакож, не любезный друг; что же однакож? «Нежнейший, дражайший?» Нет, и не дражайший, нет, нет. *(Читает)*: «Ме, ме, е... рзавец». Хм! *(Сжимает губы)*. «Если ты, коварный обольститель моей невинности, не отдашь задолженные мною на мелочную лавочку деньги, которые я по неопытности сердечной для тебя, скверная рожа *(последнее слово читает почти сквозь зубы)*... то я тебя в полицию». Чорт знает что! Вот уж просто чорт знает что! Вот уж именно ничего нет в этом письме. Конечно, обо всем можно сказать, но можно сказать благопристойно, выраженьями такими, которые бы не оскорбляли человека. Нет, нет, все эти письма, я вижу, как-то не то... совсем не годятся. Нужно поискать чего-нибудь сильного, где виден кипяток, кипяток, что называют. А вот, вот, посмотрим это. *(Читает)*: «Жестокий тиран души моей!» А, это что-то хорошее, однакож. «Тронься сердечной моей участью!» И преблагородно! ей богу, преблаго-

родно! Ведь вот видно воспитанье! Уж по началу видно, кто как себя поведет. Вот как нужно писать! Чувствительно, а между тем и человек не оскорблен. Вот это письмо я ему и подсуну. Далее уж и читать не нужно; только не знаю, как бы выскоблить так, чтобы не было заметно. *(Смотрит на подпись)*. Э, э! вот хорошо, даже имени не выставлено! Прекрасно! Это и подписать. Каково обделалось дельце само собою! А ведь говорят, наружность вздор: ну не будь смазлив, не влюбились бы в тебя, а не влюбившись, не написали бы писем, а не имея писем, не знал бы как взяться за это дело. *(Подходя к зеркалу)*. Еще сегодня как-то опустил, а то ведь иной раз точно даже что-то значительное в лице. Жаль только, что зубы скверные, а то бы совсем был похож на Багратиона. Вот не знаю, как запустить бакенбарды: так ли, чтобы решительно вокруг было бахромкой, как говорят — сукном обшит, или выбрить всё гольем, а под губой завести что-нибудь, а?

Театральный разъезд после представления новой комедии*

Сени театра. С одной стороны видны лестницы, ведущие в ложи и галереи, посередине вход в кресла и амфитеатр; с другой стороны выход. Слышен отдаленный гул рукоплексаний.

Автор пьесы[3] (выходя). Я вырвался, как из омута! Вот наконец и крики и рукоплексания! Весь театр гремит!.. Вот и слава! Боже, как бы забилося назад тому лет семь, восемь мое сердце, как бы встрепенулось всё во мне! Но то было давно. Я был тогда молод, дерзкомыслен, как юноша. Благ промысл, не давший вкусить мне ранних восторгов и хвал! Теперь... Но разумный холод лет умудрит хоть кого. Узнаешь наконец, что рукоплексания еще не много значат и готовы служить всему наградой: актер ли постигнет всю тайну души и сердца человека, танцор ли добьется уменья выводить вензеля ногами, фокусник ли — всем им гремит рукоплексание! Голова ли думает, сердце ли чувствует, звучит ли глубина души, работают ли ноги, или руки

перевертывают стаканы — всё покрывается равными плесками. Нет, не рукоплесканий я бы теперь желал: я бы желал теперь вдруг переселиться в ложи, в галлереи, в кресла, в раёк, проникнуть всюду, услышать всех мненья и впечатленья, пока они еще девственны и свежи, пока еще не покорились толкам и суждениям знатоков и журналистов, пока каждый под влиянием своего собственного суда. Мне это нужно: я комик. Все другие произведения и роды подлежат суду немногих, один комик подлежит суду всех; над ним всякий зритель имеет уже право, всякого званья человек уже становится судьей его. О, как бы хотел я, чтобы каждый указал мне мои недостатки и пороки! Пусть даже посмеется надо мной, пусть недоброжелательство правит устами его, пристрастие, негодование, ненависть — всё, что угодно, но пусть только произнесутся эти толки. Не может без причины произвестись слово, и везде может зарониться искра правды. Тот, кто решился указать смешные стороны другим, тот должен разумно принять указания слабых и смешных собственных сторон. Попробую, останусь здесь в

сенях во всё время разъезда. Нельзя, чтобы не было толков о новой пиесе. Человек под влиянием первого впечатления всегда жив и спешит им поделиться с другим. (*Отходит в сторону. Показывается несколько прилично одетых людей; один говорит, обращаясь к другому:*) Выйдем лучше теперь. Игратья! будет незначительный водевиль. (*Оба уходят*).

Два сотте il faut плотного свойства, сходят с лестницы.

Первый сотте il faut. Хорошо, если бы полиция не далеко отогнала мою карету. Как зовут эту молоденькую актрису, ты не знаешь?

Второй сотте il faut. Нет, а очень недурна.

Первый сотте il faut. Да, недурна; но всё чего-то еще нет. Да, рекомендую: новый ресторан: вчера нам подал свежий зеленый горох (*целует концы пальцев*) — прелесть! (*Уходят оба*).

Бежит офицер, другой удерживает его за руку.

Первый офицер. Да останемся!

Другой офицер. Нет, брат, на водевиль и калачом не заманишь. Знаем мы эти пиесы, которые даются на закуску: лакеи вместо акте-

ров, а женщины — урод на уроде. *(Уходят).*

Светский человек, щеголевато одетый (сходя с лестницы). Плут портной, претесно сделал мне панталоны, всё время было страх неловко сидеть. За это я намерен еще проволочить его, и годика два не заплачу долгов. *(Уходит).*

Тоже светский человек, поплотнее (говорит с живостью другому). Никогда, никогда, поверь мне, он с тобою не сядет играть. Меньше как по полтора ста рублей роберт он не играет. Я знаю это хорошо, потому что шуриномой, Пафнутьев, всякий день с ним играет.

Автор пьесы (про себя). И всё еще никто ни слова о комедии!

Чиновник средних лет (выходя с растопыренными руками). Это, просто, чорт знает что такое! Этакое... этакое... Это ни на что не похоже. *(Ушел).*

Господин, несколько беззаботный насчет литературы (обращаясь к другому). Ведь это, однакож, кажется, перевод?

Другой. Помилуйте, что за перевод! Действие происходит в России, наши обычаи и чины даже.

Господин, беззаботный насчет литературы. Я помню, однакож, было что-то на французском, не совсем в этом роде. *(Оба уходят).*

Один из двух зрителей (тоже выходящих вон). Теперь еще ничего нельзя знать. Погоди, что скажут в журналах, тогда и узнаешь.

Две бекешы (одна другой). Ну, как вы? Я бы желал знать ваше мнение о комедии.

Другая бекеша (делая значительные движения губами). Да, конечно, нельзя сказать, чтобы не было того... в своем роде... Ну, конечно, кто ж против этого и стоит, чтобы опять не было и... где ж, так сказать... а впрочем...*(утвердительно сжимая губами)* Да, да. *(Уходят).*

Автор (про себя). Ну, эти пока еще немного сказали. Толки, однакоже, будут: я вижу впереди горячо размахивают руками.

Два офицера.

Первый. Я еще никогда так не смеялся.

Второй. Я полагаю: отличная комедия.

Первый. Ну, нет, посмотрим еще, что скажут в журналах, нужно подвергнуть суду критики... Смотри, смотри! *(Толкает его под руку).*

Второй. Что?

Первый (указывая пальцем на одного из двух идущих с лестницы). Литератор!

Второй (торопливо). Который?

Первый. Вот этот! чш! послушаем, что будут говорить.

Второй. А другой кто с ним?

Первый. Не знаю; неизвестно какой человек. (Оба офицеры посторониваются и дают им место).

Неизвестно какой человек. Я не могу судить, относительно литературного достоинства; но мне кажется, есть остроумные заметки. Остро, остро.

Литератор. Помилуйте, что ж тут остроумного? Что за низкий народ выведен, что за тон? Шутки самые плоские; просто, даже сально!

Неизвестно какой человек. А, это другое дело. Я и говорю: в отношении литературного достоинства я не могу судить; я только заметил, что пьеса смешна, доставила удовольствие.

Литератор. Да и не смешна. Помилуйте, что ж тут смешного и в чем удовольствие?

Сюжет невероятнейший. Всё несообразности; ни завязки, ни действия, ни соображения никакого.

Неизвестно какой человек. Ну, да против этого я и не говорю ничего. В литературном отношении так, в литературном отношении она не смешна; но в отношении, так сказать, со стороны в ней есть...

Литератор. Да что же есть? Помилуйте, и этого даже нет! Ну что за разговорный язык? Кто говорит эдак в высшем обществе? Ну скажите сами, ну говорим ли мы с вами эдак?

Неизвестно какой человек. Это правда; это вы очень тонко заметили. Именно, я вот сам про это думал: в разговоре благородства нет. Все лица, кажется, как будто не могут скрыть низкой природы своей — это правда.

Литератор. Ну, а вы еще хвалите!

Неизвестно какой человек. Кто ж хвалит? я не хвалю. Я сам теперь вижу, что пиеса — вздор. Но ведь вдруг нельзя же этого узнать; я не могу судить в литературном отношении. *(Оба уходят).*

Еще литератор (входит в сопровождении слушателей, которым говорит, размахивая

руками). Поверьте мне, я знаю это дело: отвратительная пиеса! грязная, грязная пиеса! Нет ни одного лица истинного, всё карикатуры! В натуре нет этого; поверьте мне, нет, я лучше это знаю: я сам литератор. Говорят: живость, наблюдение... да ведь это всё вздор, это всё приятели, приятели хвалят, всё приятели! Я уже слышал, что его чуть не в Фонвизины суют, а пиеса просто недостойна даже быть названа комедиею. Фарс, фарс, да и фарс самый неудачный. Последняя, пустейшая комедийка Коцебу в сравнении с нею Монблан перед Пулковскою горою. Я это им всем докажу, докажу математически, как дважды два. Просто друзья и приятели захвалили его не в меру, так вот он уж теперь, чай, думает о себе, что он чуть-чуть не Шекспир. У нас всегда приятели хвалят. Вот, например, и Пушкин. Отчего вся Россия теперь говорит о нем? Всё приятели кричали, кричали, а потом вслед за ними и вся Россия стала кричать. (*Уходят вместе с слушателями*).

Оба офицера подаются вперед и занимают их места.

Первый. Это справедливо, это совершенно

справедливо: именно фарс; я это и прежде говорил, глупый фарс, поддержанный приятелями. Признаюсь, на многое даже отвратительно было смотреть.

Второй. Да ведь ты ж говорил, что еще никогда так не смеялся?

Первый. А это опять другое дело. Ты не понимаешь, тебе нужно растолковать. Тут что в этой пиесе? Во-первых, завязки никакой, действия тоже нет, соображенья решительно никакого, всё невероятности и при том всё карикатуры.

Двое другие офицеров позади.

Один (другому). Кто это рассуждает? Кажется, из ваших?

Другой, заглянув сбоку в лицо рассуждавшего, махнул рукой.

Первый. Что, глуп?

Другой. Нет, не то чтобы... У него есть ум, но сейчас по выходе журнала, а запоздала выходом книжка — и в голове ничего. Но, однакож, пойдем. (*Уходят*).

Два любителя искусств.

Первый. Я вовсе не из числа тех, которые прибегают только к словам: грязная, отврати-

тельная, дурного тона и тому подобное. Это уже доказанное почти дело, что такие слова большею частью исходят из уст тех, которые сами очень сомнительного тона, толкуют о гостиных, и допускаются только в передние. Но не об них речь. Я говорю на счет того, что в пиесе точно нет завязки.

Второй. Да, если принимать завязку в том смысле, как её обыкновенно принимают, то есть в смысле любовной интриги, так её точно нет. Но, кажется, уже пора перестать опираться до сих пор на эту вечную завязку. Стоит взглядеться пристально вокруг. Всё изменилось давно в свете. Теперь сильней завязывает драму стремление достать выгодное место, блеснуть и затмить, во что бы ни стало, другого, отмстить за пренебрежение, за насмешку. Не более ли теперь имеют электричества чин, денежный капитал, выгодная женитьба, чем любовь?

Первый. Всё это хорошо; но и в этом отношении всё-таки я не вижу в пиесе завязки.

Второй. Я не буду теперь утверждать, есть ли в пиесе завязка или нет. Я скажу только, что вообще ищут частной завязки и не хотят

видеть общей. Люди простодушно привыкли уж к этим беспрестанным любовникам, без женитьбы которых никак не может окончиться пьеса. Конечно, это завязка, но какая завязка? — точный узелок на углице платка. Нет, комедия должна вязаться само собою, всей своей массою, в один большой, общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два, — коснуться того, что волнует, более или менее, всех действующих. Тут всякий герой; течение и ход пьесы производит потрясение всей машины: ни одно колесо не должно оставаться как ржавое и не входящее в дело.

Первый. Но все же не могут быть героями; один или два должны управлять другими?

Второй. Совсем не управлять, а разве преобладать. И в машине одни колеса заметней и сильней движутся; их можно только называть главными; но правит пьесою идея, мысль. Без нее нет в ней единства. А завязать может всё: самый ужас, страх ожидания, гроза идущего вдали закона...

Первый. Но это выходит уж придавать комедии какое-то значение более всеобщее.

Второй. Да разве не есть это ее прямое и настоящее значение? В самом начале комедия была общественным, народным созданием. По крайней мере, такую показал ее сам отец ее, Аристофан. После уже она вошла в узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ход, одну и ту же неперемнную завязку. Зато как слаба эта завязка у самых лучших комиков, как ничтожны эти театральные любовники с их картонной любовью!

Третий (подходя и ударив слегка его по плечу). Ты не прав: любовь так же, как и другие чувства, может тоже войти в комедию.

Второй. Я и не говорю, чтобы она не могла войти. Но только и любовь и все другие чувства, более возвышенные, тогда только произведут высокое впечатление, когда будут развиты во всей глубине. Занявшись ими, неминуемо должно пожертвовать всем прочим. Всё то, что составляет именно сторону комедии, тогда уже побледнеет, и значение комедии общественной непременно исчезнет.

Третий. Стало быть, предметом комедии должно быть непременно низкое? Комедия

выйдет уже низкий род.

Второй. Для того, кто будет глядеть на слова, а не вникать в смысл, это так. Но разве положительное и отрицательное не может послужить той же цели? Разве комедия и трагедия не могут выразить ту же высокую мысль? Разве все, до малейшей, излучины души подлого и бесчестного человека не рисуют уже образ честного человека? Разве всё это накопление низостей, отступлений от законов и справедливости, не дает уже ясно знать, чего требуют от нас закон, долг и справедливость? В руках искусного врача и холодная и горячая вода лечит с равным успехом одни и те же болезни. В руках таланта всё может служить орудием к прекрасному, если только правится высокой мыслью послужить прекрасному.

Четвертый (подходя). Что может послужить прекрасному? и о чем у вас толки?

Первый. Спор завязался у нас о комедии. Мы все говорим о комедии вообще, а никто еще не сказал ничего о новой комедии. Что вы скажете?

Четвертый. А вот что скажу: виден талант, наблюдение жизни, много смешного,

верного, взятого с натуры; но вообще во всей пьесе чего-то нет. Как-то не видишь ни завязки, ни развязки. Странно, что наши комики никак не могут обойтись без правительства. Без него у нас не развяжется ни одна комедия.

Третий. Это правда. А впрочем, с другой стороны, это очень естественно. Мы все принадлежим правительству, все почти служим; интересы всех нас более или менее соединены с правительством. Стало быть, не мудрено, что это отражается в созданных наших писателей.

Четвертый. Так. Ну и пусть эта связь будет слышна. Но смешно то, что пьеса никак не может кончиться без правительства. Оно непременно явится, точно неизбежный рок в трагедиях у древних.

Второй. Ну, видите: стало быть, это уже что-то невольное у наших комиков. Стало быть, это уже составляет какой-то отличительный характер нашей комедии. В груди нашей заключена какая-то тайная вера в правительство. Что ж? тут нет ничего дурного: дай бог, чтобы правительство всегда и везде слышало призвание свое — быть представи-

телем провиденья на земле, и чтобы мы веровали в него, как древние веровали в рок, настигавший преступления.

Пятый. Здравствуйте, господа! Я только и слышу слово «правительство». Комедия возбудила крики и толки...

Второй. Поговоримте лучше об этих толках и криках у меня, чем здесь, в театраль-ных сенях. (*Уходят*).

Несколько почтенных и прилично одетых людей появляются один за другим.

№ 1. Так, так, я вижу: это верно, что есть у нас и случается в иных местах и похуже; но для какой цели, к чему выводить это? — вот вопрос. Зачем эти представления? какая польза от них? вот что разрешите мне! Что мне нужды знать, что в таком-то месте есть плуты? Я просто... я не понимаю надобности подобных представлений. (*Уходит*).

№ 2. Нет, это не осмеяние пороков; это отвратительная насмешка над Россиею — вот что. Это значит выставить в дурном виде самое правительство, потому что выставляют дурных чиновников и злоупотребления, которые бывают в разных сословиях, значит вы-

ставить самое правительство. Просто, даже не следует допускать таких представлений. (Уходит).

Входят господин А. и господин Б., люди немаловажных чинов.

Господин А. Я не на счет этого говорю; напротив, злоупотребленья нам нужно показывать, нужно, чтобы мы видели свои проступки; и я ничуть не разделяю мнений многих чересчур разгорячившихся патриотов; но только мне кажется, что не слишком ли много здесь чего-то печального...

Господин Б. Я бы очень хотел, чтобы вы услышали замечание одного очень скромно одетого человека, который сидел возле меня в креслах... Ах, вот он сам!

Господин А. Кто?

Господин Б. Именно этот очень скромно одетый человек. (Обращаясь к нему). Мы с вами не кончили разговора, которого начало было так для меня интересно.

Очень скромно одетый человек. А я, признаюсь, очень рад продолжать его. Сейчас только я слышал толки, именно: что это всё неправда, что это насмешка над правитель-

ством, над нашими обычаями, и что этого не следует вовсе представлять. Это заставило меня мысленно припомнить и обнять всю пьесу, и признаюсь, выражение комедии показалось мне теперь еще даже значительней. В ней, как мне кажется, сильнее и глубже всего поражено смехом лицемерие, благопристойная маска, под которою является низость и подлость, плут, корчащий рожу благонамеренного человека. Признаюсь, я чувствовал радость, видя, как смешны благонамеренные слова в устах плута и как уморительно смешна стала всем, от кресел до райка, надетая им маска. И после этого есть люди, которые говорят, что не нужно выводить этого на сцену! Я слышал одно замечание, сделанное, как мне показалось, впрочем, довольно порядочным человеком: «А что скажет народ, когда увидит, что у нас бывают вот какие злоупотребления?»

Господин А. Признаюсь, вы извините меня, но мне самому тоже невольно представился вопрос: а что скажет народ наш, глядя на всё это?

Очень скромно одетый человек. Что ска-

жет народ? (*Посторонивается, проходят двое в армяках*).

Синий армяк (серому). Небошь, прыткие были воеводы, а все побледнели, когда пришла царская расправа! (*Оба выходят вон*).

Очень скромно одетый человек. Вот что скажет народ, вы слышали?

Господин А. Что?

Очень скромно одетый человек. Скажет: «Небошь, прыткие были воеводы, а все побледнели, когда пришла царская расправа!» Слышите ли вы, как верен естественному чутью и чувству человек? Как верен самый простой глаз, если он не отуманен теориями и мыслями, надерганными из книг, а черплет их из самой природы человека! Да разве это не очевидно ясно, что после такого представления народ получит более веры в правительство? Да, для него нужны такие представления. Пусть он отделит правительство от дурных исполнителей правительства. Пусть видит он, что злоупотребления происходят не от правительства, а от не понимающих требований правительства, от не желающих ответственность правительству. Пусть он видит, что бла-

городно правительство, что бдит равно над всеми его недремлющее око, что рано или поздно настигнет оно изменивших закону, чести и святому долгу человека, что поблещут перед ним имеющие нечистую совесть. Да, эти представления ему должно видеть: поверьте, что если и случится ему испытать на себе прижимки и несправедливости, он выйдет утешенный после такого представления, с твердой верой в недремлющий, высший закон. Мне нравится тоже еще замечание: «народ получит дурное мнение о своих начальниках». То-есть, они воображают, что народ только здесь, в первый раз в театре, увидит своих начальников; что если дома какой-нибудь плут-староста сожмет его в лапу, так этого он никак не увидит, а вот как пойдет в театр, так тогда и увидит. Они, право, народ наш считают глупее бревна, — глупым до такой степени, что будто уже он не в силах отличить, который пирог с мясом, а который с кашей. Нет, теперь мне кажется, даже хорошо то, что не выведен на сцену честный человек. Самолюбив человек: выстави ему при множестве дурных сторон одну хорошую, он уже

гордо выйдет из театра. Нет, хорошо, что выставлены одни только исключения и пороки, которые колют теперь до того глаза, что не хотят быть их соотечественниками, стыдятся даже сознаться, что это может быть.

Господин А. Но неужели, однакож, существуют у нас точь-в-точь такие люди?

Очень скромно одетый человек. Позвольте мне сказать вам на это вот что: я не знаю, почему мне всякий раз становится грустно, когда я слышу подобный вопрос. Я могу с вами говорить откровенно: в чертах лиц ваших я вижу что-то такое, что располагает меня к откровенности. Человек прежде всего делает запрос: «Неужели существуют такие люди?» Но когда было видено, чтобы человек сделал такой вопрос: «Неужели я сам чист вовсе от таких пороков?» Никогда, никогда! Да вот что, — я буду с вами говорить прямодушно. У меня доброе сердце, любви много в моей груди, но если бы вы знали, каких душевных усилий и потрясений мне было нужно, чтобы не впасть во многие порочные наклонности, в которые впадаешь невольно, живя с людьми! И как я могу сказать теперь, что во

мне нет сию же минуту тех самых наклонностей, которым только что посмеялись назад тому десять минут все, и над которыми и я сам посмеялся.

Господин А. (после некоторого молчания). Признаюсь, над словами вашими призадумался. И когда я вспомню, представлю себе, как гордыми сделало нас европейское наше воспитание, вообще как скрыло нас от самих себя, как свысока и с каким презрением глядим мы на тех, которые не получили подобной нам наружной полировки, как всякий из нас ставит себя чуть не святым, а о дурном говорит вечно в третьем лице, — то, признаюсь, невольно становится грустно душе... Но, простите мою нескромность, вы, впрочем, виноваты в ней сами; позвольте узнать: с кем я имею удовольствие говорить?

Очень скромно одетый человек. А я ни более, ни менее, как один из тех чиновников, в должности которых выведены были лица комедии, и третьего дня только приехал из своего городка.

Господин Б. Я бы этого не мог думать. И неужели вам не кажется после этого обидно

жить и служить с такими людьми?

Очень скромно одетый человек. Обидно? А вот что я вам скажу на это: признаюсь, мне приходилось часто терять терпенье. В городке нашем не все чиновники из честного десятка; часто приходится лезть на стену, чтобы сделать какое-нибудь доброе дело. Уже несколько раз хотел было я бросить службу; но теперь, именно после этого представления, я чувствую свежесть и, вместе с тем, новую силу продолжать свое поприще. Я утешен уже мыслью, что подлость у нас не остается скрытою или потворствуемой, что там, в виду всех благородных людей, она поражена осмеянием, что есть перо, которое не укоснит обнаружить низкие наши движения, хотя это и не льстит национальной нашей гордости, и что есть благородное правительство, которое дозволит показать это всем, кому следует, в очи, и уж это одно дает мне рвение продолжать мою полезную службу.

Господин А. Позвольте сделать вам одно предложение. Я занимаю государственную должность довольно значительную. Мне нужны истинно благородные и честные по-

мощники. Я вам предлагаю место, где вам будет обширное поле действия, где вы получите несравненно более выгод и будете на виду.

Очень скромно одетый человек. Позвольте мне от всей души и от всего сердца поблагодарить вас за такое предложение и, вместе с тем, позвольте отказаться от него. Если я уже чувствую, что полезен своему месту, то благородно ли с моей стороны его бросить? И как я могу оставить его, не будучи уверен твердо, что после меня не сядет какой-нибудь молодец, который начнет делать прижимки. Если же это предложение сделано вами в виде награды, то позвольте сказать вам: я аплодировал автору пиесы наравне с другими, но я не вызывал его. Какая ему награда? Пиеса понравилась — хвали ее, а он — он только выполнил долг свой. У нас, право, до того дошло, что не только по случаю какого-нибудь продвига, но просто, если только иной не нагадит никому в жизни и на службе, то уже считает себя бог весть каким добродетельным человеком; сердится сурьезно, если не замечают и не награждают его. «Помилуйте», говорит: «я целый век честно жил, совсем почти

не делал подлостей, — как же мне не дают ни чина, ни ордена?» Нет, по мне, кто не в силах быть благородным без поощрения — не верю я его благородству, не стоит гроша его мышинное благородство.

Господин А. По крайней мере, вы мне не откажете в вашем знакомстве. Простите мою неотвязчивость; вы сами видите, что она есть следствие моего искреннего уважения. Дайте мне ваш адрес.

Очень скромно одетый человек. Вот вам мой адрес: но будьте уверены, что я не допущу вас им воспользоваться, и завтра же поутру явлюсь к вам. Извините меня, я не воспитан в большом свете и не умею говорить... Но встретить такое великодушное внимание в государственном человеке, такое стремление к добру... дай бог, чтобы всякий государь был окружен такими людьми! (*Поспешно уходит*).

Господин А. (*переворачивая в руках карточку*). Я смотрю на эту карточку и на эту неизвестную мне фамилию, и как-то полно становится на душе моей. Это вначале грустное впечатление рассеялось само собою. Да хранит тебя бог, наша малознаемая нами Россия!

В глуши, в забытом углу твоём, скрывается подобный перл, и, вероятно, он не один. Они, как искры золотой руды, рассыпаны среди грубых и темных ее гранитов. Есть глубоко утешительное чувство в сем явлении, и душа моя осветилась после встречи с этим чиновником, как осветилась его собственная после представления комедии. Прощайте! Благодарю вас, что вы доставили мне эту встречу. *(Уходит).*

Господин В. (подходя к господину Б.) Кто это был с вами? кажется, он министр, а?

Господин П. (подходя с другой стороны). Помилуй братец, ну что это такое, как же это в самом деле?..

Господин Б. Что?

Господин П. Ну да как же выводить это?

Господин Б. Почему же нет?

Господин П. Ну, да сам посуди ты: ну так же, право? Всё пороки да пороки; ну какой пример подаёт это зрителям?

Господин Б. Да разве пороки хвалятся? Ведь они же выведены на осмеяние.

Господин П. Ну, да всё, брат, как ни говори: уваженье... ведь чрез это теряется уваженье к

чиновникам и должностям.

Господин Б. Уважение не теряется ни к чиновникам, ни к должностям, а к тем, которые скверно исполняют свои должности.

Господин В. Но позвольте, однакоже, заметить: всё это некоторым образом есть уже оскорбление, которое более или менее распространяется на всех.

Господин П. Именно. Вот это я сам хотел ему заметить. Это именно оскорбление, которое распространяется. Теперь, например, выведут какого-нибудь титулярного советника, а потом... э... пожалуй выведут... и действительного статского советника...

Господин Б. Ну так что ж? Личность только должна быть неприкосновенна; а если я выдумал собственное лицо и придал ему кое-какие пороки, какие случаются между нами, и дал ему чин, какой мне вздумалось, хоть бы даже и действительного статского советника, и сказал бы, что этот действительный статский советник не таков, как следует: что ж тут такого? Разве не попадается гусь и между действительными статскими советниками?

Господин П. Ну уж, брат, это слишком. Как

же может быть гусь действительный статский советник? Ну, пусть еще титулярный... Ну, ты уж слишком.

Господин В. Чем выставлять дурное, зачем же не выставить хорошее, достойное подражания?

Господин Б. Зачем? странный вопрос: зачем? Много можно сделать таких «зачем». Зачем один отец, желая исторгнуть своего сына из беспорядочной жизни, не тратил слов и наставлений, а привел его в лазарет, где предстали пред ним во всём ужасе страшные следы беспорядочной жизни? Зачем он это сделал?

Господин В. Но позвольте вам заметить: это уже некоторым образом наши общественные раны, которые нужно скрывать, а не показывать.

Господин П. Это правда. Я с этим совершенно согласен. У нас дурное нужно скрывать, а не показывать.

Господин Б. Если бы слова эти были сказаны кем другим, а не вами, я бы сказал, что ими водило лицемерие, а не истинная любовь к отечеству. По-вашему, нужно бы толь-

ко закрыть, залечить как-нибудь снаружи эти, как вы называете, общественные раны, лишь бы только покамест они не были видны, а внутри пусть свирепствует болезнь — до того нет нужды. Нет нужды, что она может взорваться и обнаружиться такими симптомами, когда уже всякое лечение поздно. До того нет нужды. Вы не хотите знать того, что без глубокой сердечной исповеди, без христианского сознания грехов своих, без преувеличения их в собственных глазах наших, не в силах мы возвыситься над ними, не в силах взлететь душой превыше презренного в жизни. Вы не хотите знать этого. Пусть глух остается человек, пусть сонно проходит жизнь свою, пусть не содрогается, пусть не плачет в глубине сердца, пусть низведет до такого усыпления свою душу, чтобы уже ничто не произвело в ней потрясения! Нет... простите меня. Холодный эгоизм движет устами, произносящими такие речи, а не святая, чистая любовь к человечеству. (*Уходит.*)

Господин П. (после некоторого молчания). Что ж ты молчишь? Каков? Чего не наговорил, а?

Господин В. (молчит).

Господин П. (продолжая). Он может себе говорить, что ему угодно, а ведь это всё-таки наши, так сказать, раны.

Господин В. (в сторону). Ну, попались ему на язык эти раны! Будет он толковать о них и встречному и поперечному!

Господин П. Этак, пожалуй, и я могу наскать кучу всего, да ведь что ж из этого?.. А вот князь N. Послушай, князь, не уходи!

Князь N. А что?

Господин П. Ну, потолкуем, остановись! Ну что, как пьеса?

Князь N. Да смешна.

Господин П. Но, однакож, скажи: как это представлять? — на что это похоже...

Князь N. Почему ж не представлять?

Господин П. Ну, да посуди сам, ну, да как же этот вдруг на сцене плут? ведь это всё наши раны.

Князь N. Какие раны?

Господин П. Да это наши раны, наши, так сказать общественные раны.

Князь N. (с досадою). Возьми их себе. Пусть они будут твои, а не мои раны! Что ты мне их

тычешь, мне пора домой. (*Уходит*).

Господин П. (продолжая). И потом опять, что за чепуху он наговорил здесь? Говорит, действительный статский советник может быть гусь. Ну еще пусть титулярный, это можно, допустить...

Господин В. Однакож, пойдем, полно толковать; я думаю, что все проходящие узнали уже, что ты действительный статский советник. (*В сторону*). Есть люди, которые имеют искусство всё охаять. Твою же мысль, повторивши, они умеют сделать её так пошлою, что сам краснеешь. Скажешь глупость; она бы, может, так и проскользнула незамеченной, — нет, отыщется поклонник и приятель, который непременно пустит её в ход и сделает еще глупее, чем она есть. Даже досадно — право, точно в грязь посадил. (*Уходят*).

Военный и статский выходят вместе.

Статский. Ведь вот вы какие, господа военные! Вы говорите, это нужно выводить на сцену; вы готовы вдоволь посмеяться над каким-нибудь статским чиновником, а затронь как-нибудь военных, скажи только, что есть в таком-то полку офицеры, не говоря уже о по-

рочных наклонностях, но просто скажи: есть офицеры дурного тона, с неприличными ухватками, — да вы из-за одного этого готовы с жалобой полезть в самый государственный совет.

Военный. Ну, послушайте: за кого же вы меня считаете? Конечно, есть между нами такие Донкишоты; но поверьте также, что есть много истинно-рассудительных людей, которые будут рады всегда, если будет выведен на всеобщее осмеяние порочащий свое званье. Да и в чем здесь обида? Подавайте, подавайте нам его! Мы всякий день готовы смотреть.

Статский (в сторону). Этак всегда кричит человек: подавайте! подавайте! а подашь — так и рассердится. *(Уходят).*

Две бекешы.

Первая бекеша. У французов тоже, например; но у них всё это очень мило. Ну, вот, помнишь, во вчерашнем водевиле: раздевается, ложится в постель, схватывает со стола салатник и ставит его под кровать. Оно, конечно, нескромно, но мило. На всё это можно смотреть, это не оскорбляет... У меня жена и дети всякий день в театре. А здесь, ну что это, пра-

во? какой-нибудь мерзавец, мужик, которого бы я в переднюю не пустил, развалился с сапогами, зевает или ковыряет в зубах, ну, что это право? на что это похоже?

Другая бекеша. У французов другое дело. Там *société, mon cher!* У нас это невозможно. У нас ведь сочинители совершенно без всякого образования: всё это большею частью воспитывалось в семинарии. Он и к вину склонен, он и потаскун. К моему лакею тоже ходил в гости один какой-то сочинитель: где ж ему иметь понятие о хорошем обществе? (*Уходят*).

Светская дама (в сопровождении двух мужчин: одного во фраке, другого в мундире). Но что за люди, что за лица выведены! хотя бы один привлек... Ну, отчего не пишут у нас так, как французы пишут, например, как Дюма и другие? Я ни требую образцов добродетели; выведите мне женщину, которая бы заблуждалась, которая бы даже изменила мужу, предалась, положим, самой порочной и непозволенной любви, но представьте это увлекательно, так, чтобы я побуждена была к ней участием, чтобы я полюбила её... А ведь

здесь все лица — один отвратительней другого.

Мужчина в мундире. Да, тривиально, тривиально.

Светская дама. Скажите: отчего у нас, в России, всё еще так тривиально?

Мужчина во фраке. Душа моя, после расскажешь, отчего тривиально: кричат нашу карету. *(Уходят).*

Выходят трое мужчин вместе.

Первый. Почему ж не посмеяться, смеяться можно; но что за предмет для насмешки: злоупотребления и пороки? Какая здесь насмешка!

Второй. Так над чем же смеяться? Разве над добродетелями, над достоинствами человека?

Первый. Нет, да это не предмет для комедии, мой милый. Это уже некоторым образом касается правительства. Как будто нет других предметов, о чем можно писать?

Второй. Какие же другие предметы?

Первый. Ну, да мало ли есть всяких смешных светских случаев. Ну, положим, например, я отправился на гулянье на Аптекарский

остров, а кучер меня вдруг завез там на Выборгскую, или к Смольному монастырю. Мало ли есть всяких смешных сцеплений?

Второй. То-есть, вы хотите отнять у комедии всякое сурьезное значение. Но зачем же издавать непрременный закон? Комедий в том именно вкусе, в каком вы желаете, есть множество. Почему же не допустить существования двух, трех таких, какова была игранная теперь? Если же вам нравятся те, о которых вы говорите, поезжайте только в театр: там всякий день вы увидите пиесу, где один спрятался под стул, а другой вытащил его оттуда за ногу.

Третий. Ну, нет, послушайте: это не то. Все-му есть свои границы. Есть вещи, над которыми, так сказать, не следует смеяться, которые в некотором роде уже святыня.

Второй (про себя с горькой усмешкой). Так всегда на свете: посмейся над истинно-благородным, над тем, что составляет высокую святыню души, никто не станет заступником. Посмейся же над порочным, подлым и низким, все закричат: он смеется над святыней!

Первый. Ну, вот видите ли, вы, я вижу, те-

перь убеждены, — не говорите ни слова. Поверьте, нельзя не быть убежденну, это истина. Я сам человек беспристрастный и говорю не то, чтобы... но просто, это не авторское дело, это не предмет для комедии. (*Уходят*).

Второй (про себя). Признаюсь, я бы ни за что не захотел быть на месте автора. Прошу угодить! Избери маловажные светские случаи, все будут говорить: он пишет вздор, никакой нет глубокой нравственной цели; избери предмет, сколько-нибудь имеющий серьезную нравственную цель, будут говорить: не его дело, пиши пустяки! (*Уходит*).

Молодая дама большого света в сопровождении мужа.

Муж. Карета наша не должна быть далеко, мы можем скоро уехать.

Господин N. (подходя к даме). Что вижу! Вы приехали смотреть русскую пиесу!

Молодая дама. Что ж тут такого? Разве я уже ничуть не патриотка?

Господин N. Ну, если так, то вы не очень насытили патриотизм свой. Вы, верно, браните пиесу.

Молодая дама. Совсем нет. Я нахожу, что

многое очень верно: я смеялась от души.

Господин N. Отчего ж вы смеялись? Оттого ли, что любите посмеяться над всем, что русское?

Молодая дама. Оттого, что просто было смешно. Оттого, что выведена была внаружу та подлость, низость, которая в какое бы платье ни нарядилась, хотя бы она была и не в уездном городке, а здесь, вокруг нас, — она была бы такая же подлость или низость: вот отчего смеялась.

Господин N. Мне говорила сейчас одна очень умная дама, что она тоже смеялась, но что при всем том пиеса произвела на нее грустное впечатление.

Молодая дама. Я не хочу знать, что чувствовала ваша умная дама, но у меня не так чувствительны нервы, и я всегда рада смеяться над тем, что внутренне смешно. Я знаю, что есть иные из нас, которые от души готовы посмеяться над кривым носом человека, и не имеют духа посмеяться над кривою душою человека.

(Вдали показывается тоже молодая дама с мужем).

Господин N. А вот идет ваша приятельница. Я бы желал знать ее мнение о комедии. (Обе дамы подают друг другу руку).

Первая дама. Я видела издали, как ты смеялась.

Вторая дама. Да кто же не смеялся? все смеялись.

Господин N. А не чувствовали вы никакого грустного чувства?

Вторая дама. Признаюсь, мне было, точно, грустно. Я знаю, всё это очень верно, я сама тоже видела много подобного, но при всем том мне было тяжело.

Господин N. Стало быть, комедия вам не понравилась?

Вторая дама. Ну, послушайте, кто ж это говорит? Я вам говорю уже, что я смеялась от всей души, и больше даже нежели все другие; я думаю, меня приняли даже за безумную... Но мне было грустно оттого, что хотелось бы отдохнуть хоть на одном добром лице. Это излишество, и множество низкого...

Господин N. Говорите, говорите!

Вторая дама. Послушайте, посоветуйте автору, чтобы он вывел хоть одного честного че-

ловека. Скажите ему, что об этом его просят, что это будет, право, хорошо.

Муж первой дамы. А вот же этого именно и не советуйте. Дамам хочется непременно рыцаря, чтобы он тут же твердил им за всяким словом о благородстве, хотя бы самым пошлым слогом.

Вторая дама. Совсем нет. Как вы мало знаете нас. Вот вам-то принадлежит это! Вы именно любите только одни слова и толки о благородстве. Я слышала суждение одного из вас: один толстяк кричал так, что, я думаю, всех заставил на себя обратиться: что это клевета, что подобных низостей и подлостей у нас никогда не делается. А кто говорил? самый низкий и подлый человек, который готов продать свою душу, совесть и всё, что хотите. Я не хочу только назвать его по имени.

Господин. Ну скажите же, кто это был?

Вторая дама. Зачем вам знать? Да не он один, я слышала беспрестанно, как около нас кричали: «это отвратительная насмешка над Россией, насмешка над правительством! Да как это позволить? Да что скажет народ?» А отчего они кричали? Оттого ли, что в самом

деле думали и чувствовали это? Извините. Оттого, чтобы произвести шум, чтобы запретили пиесу, потому что в ней, может быть, отыскали кое-что похожее на самих себя. Вот каковы ваши настоящие, не театральные рыцари!

Муж первой дамы. О! да у вас уж начинается маленькая злость.

Вторая дама. Злость, именно злость. Да, я зла, очень зла. И нельзя не быть злою, видя, как подлость является под всякими личинами.

Муж первой дамы. Ну да: вам бы хотелось, чтобы сейчас выскочил рыцарь, прыгнул через какую-нибудь пропасть, сломил бы себе шею...

Вторая дама. Извините.

Муж первой дамы. Натурально: женщине что нужно? ей непременно нужно, чтобы в жизни был роман.

Вторая дама. Нет, нет, нет. Двести раз готова говорить нет. Это пошлая, старая мысль, которую вы нам навязываете беспрестанно. У женщины больше истинного великодушия, чем у мужчины. Женщина не может, женщи-

на не в силах сделать тех подлостей и гадостей, какие делаете вы. Женщина не может там лицемерить, где лицемерите вы, не может смотреть сквозь пальцы на те низости, на которые вы смотрите. В ней есть довольно благородства для того, чтобы сказать всё это, не осматриваясь по сторонам, понравится ли это кому-либо, или нет, — потому что это нужно говорить. Что подло, то подло, как вы ни скрывайте его и какой ни давайте вид. Это подло, подло, подло!

Муж первой дамы. Да вы, я вижу, рассердились во всех отношениях.

Вторая дама. Потому что я откровенна и не могу вынести, когда говорят неправду.

Муж первой дамы. Ну, не сердитесь же, дайте мне вашу ручку. Я пошутил.

Вторая дама. Вот вам рука моя, я не сержусь. (*Обращаясь к N.*) Послушайте, посоветуйте автору, чтобы он вывел в комедии благородного и честного человека.

Господин N. Да как же это сделать? Ну, если он выведет честного человека, а этот честный человек будет похож на театрального рыцаря.

Вторая дама. Нет, если он сильно и глубоко чувствует, то герой его не будет театральным рыцарем.

Господин N. Да ведь я думаю, это не так легко сделать.

Вторая дама. Просто, скажите лучше, что у автора вашего нет глубоких и сильных движений сердечных.

Господин N. Отчего ж так?

Вторая дама. Ну, да уж кто беспрестанно и вечно смеется, тот не может иметь слишком высоких чувств; ему не может быть знакомо то, что чувствует одно только нежное сердце.

Господин N. Вот хорошо! Стало быть, по-вашему, автор не должен быть благородный человек?

Вторая дама. Ну, вот видите, вы сейчас перетолковываете в другую сторону. Я не говорю ни слова о том, чтобы у комика не было благородства и строгого понятия о чести во всем смысле слова. Я говорю только, что он не мог бы... выронить сердечную слезу, любить что-нибудь сильно, всей глубиной души.

Муж второй дамы. Но как же ты можешь сказать это утвердительно?

Вторая дама. Могу, потому что знаю. Все люди, которые смеялись или были насмешниками, все они были самолюбивы, все почти эгоисты. Конечно, благородные эгоисты, но все же эгоисты.

Господин N. Стало быть, вы решительно предпочитаете только тот род сочинений, где действуют одни высокие движенья человека?

Вторая дама. О, конечно! Я их всегда поставлю выше, и признаюсь, я больше имею душевной веры к такому автору.

Муж первой дамы (обращаясь к господину N.). Ну, разве ты не видишь: выходит опять то же. Это женский вкус. Для них самая пошлая трагедия выше самой лучшей комедии, уж потому только, что она трагедия...

Вторая дама. Молчите, я опять буду зла. *(Обращаясь к N.)* Ну скажите, не правду ли я сказала: ведь у комика душа непременно должна быть холодная?

Муж второй дамы. Или горячая, потому что раздражительность характера возбуждает тоже к насмешкам и сатирам.

Вторая дама. Ну, или раздражительная. Но что же это значит? Это значит, что причи-

ною таких произведений всё же была желчь, ожесточение, негодование, может быть, и справедливое во всех отношениях. Но нет того, что бы показывало, что это порождено высокой любовью к человечеству... словом, любовью. Не правда ли?

Господин N. Это правда.

Вторая дама. Ну, скажите: похож автор комедии на этот портрет?

Господин N. Как вам сказать? Я не знаю так коротко его, чтобы мог судить о душе его. Но, соображая всё, что я о нем слышал, он точно должен быть или эгоист, или очень раздражительный человек.

Вторая дама. Ну, видите ли, я это хорошо знала.

Первая дама. Не знаю почему, но мне бы не хотелось, чтобы он был эгоистом.

Муж первой дамы. А вот идет наш лакей, стало быть, — карета готова. Прощайте. (*Пожимая руку второй дамы*). Вы к нам, не правда ли? Чай пьем у нас?

Первая дама (уходя). Пожалуйста!

Вторая дама. Непременно.

Муж второй дамы. Кажется, наша карета

тоже готова. (*Уходят за ними*).

Выходят двое зрителей.

Первый. Вот что растолкуйте мне: отчего, разбирая порознь всякое действие, лицо и характер, видишь: всё это правда, живо взято с натуры, а вместе кажется уже чем-то громадным, преувеличенным, каррикатурным, так что, выходя из театра, невольно спрашиваешь: неужели существуют такие люди? А между тем ведь они не то чтобы злодеи.

Второй. Ничуть, они вовсе не злодеи. Они именно то, что говорит пословица: «не душой худ, а просто плут».

Первый. И потом еще одно: это громадное накопление, это излишество, не есть ли уже недостаток комедии? Скажите мне, где есть такое общество, которое бы состояло всё из таких людей, чтобы не было если не половины, то, по крайней мере, некоторой части порядочных людей? Если комедия должна быть картиной и зеркалом общественной нашей жизни, то она должна отразить её во всей верности.

Второй. Во-первых, по моему мнению, эта комедия вовсе не картина, а скорее фронтис-

пис. Вы видите — и сцена, и место действия идеальны. Иначе автор не сделал бы очевидных погрешностей и анахронизмов, не вставил бы даже иным лицам тех речей, которые, по свойству своему и по месту, занимаемому лицами, не принадлежат им. Только первая раздражительность приняла за личность то, в чем нет и тени личности, и что принадлежит более или менее личности всех людей. Это сборное место. Отовсюду, из разных углов России стеклись сюда исключения из правды, заблуждения и злоупотребления, чтобы послужить одной идее: произвести в зрителе яркое, благородное отвращение от многого кое-чего низкого. Впечатление еще сильнее оттого, что никто из приведенных лиц не утратил своего человеческого образа; человеческое слышится везде. Оттого еще глубже сердечное содроганье. И, смеясь, зритель невольно оборачивается назад, как бы чувствуя, что близко от него то, над чем он посмеялся, и что ежеминутно должен он стоять на страже, чтобы не ворвалось оно в его собственную душу. Я думаю, забавней всего слышать автору упреки: зачем лица и герои его не привлека-

тельны, тогда как он употребил всё, чтобы оттолкнуть от них. Да если бы хотя одно лицо честное было помещено в комедию, и помещено со всей увлекательностью, то уже все до одного перешли бы на сторону этого честного лица и позабыли бы вовсе о тех, которые так испугали их теперь. Эти образы, может быть, не мерещились бы беспрестанно, как живые, по окончании представленья; зритель не унес бы грустного чувства и не говорил бы: неужели существуют такие люди?

Первый. Да. Ну это, однакоже, не вдруг поймут.

Второй. Весьма естественно. Смысл внутренний всегда постигается после. И чем живее, чем ярче те образы, в которые он облекся, и на которые раздробился, тем более останавливается всеобщее внимание на образах. Только сложивши их вместе, получишь итог и смысл создання. Но разбирать и складывать такие буквы быстро, читать по верхам и вдруг, не всякий может. А до тех пор долго будут видеть одни буквы. И вы увидите, вот я вам говорю это вперед: прежде всего рассердится всякий уездный городишка в России, и

будет утверждать, что это злая сатира, пошлая, низкая выдумка, направленная именно на него. *(Уходят).*

Один чиновник. Это пошлая, низкая выдумка, это сатира, пасквиль!

Другой чиновник. Теперь, значит, уж ничего не осталось. Законов не нужно, служить не нужно... Вицмундир, вот который на мне, — его, значит, нужно бросить: он уж теперь тряпка.

Бегут двое молодых людей.

Один. Ну, все рассердились. Я уж столько слышал толков, что могу, взглянувши, угадать, что каждый думает о пьесе.

Другой. Ну что думает вот этот?

Первый. Вот тот, который надевает шинель в рукава?

Другой. Да.

Первый. Вот что он думает: «за такую комедию тебя бы в Нерчинск!..» Однакож, тронулось, кажется, верхнее население: водевиль, как видно, кончился. Сейчас нахлынут разночинцы. Уйдем! *(Оба уходят).*

(Шум увеличивается; по всем лестницам раздаётся беготня. Бегут армяки, полушубки,

чепцы, немецкие долгополые кафтаны купцов, треугольные шляпы и султаны, шинели всех родов: фризковые, военные, подержанные и щегольские с бобрами. Толпа сталкивает господина, надевающего в рукав шинель; господин посторонивается и продолжает надевать ее в стороне. Показываются в толпе господа и чиновники всех родов и сортов. Лакеи в ливреях прочищают для барынь дорогу. Слышен бабий крик: «Батюшки, припихнули со всех сторон!»)

Молоденький чиновник уклончивого свойства (подбегая к господину, надевающему шинель). Ваше превосходительство, позвольте, я вам подержу!

Господин в шинели. А, здравствуй! Ты здесь? Пришел смотреть?

Молоденький чиновник. Да-с, ваше превосходительство, забавно подмечено.

Господин в шинели. Вздор! Ничего нет забавного!

Молоденький чиновник. Это правда, ваше превосходительство, совсем ничего нет.

Господин в шинели. За эдакие вещи нужно сечь, а не хвалить.

Молоденький чиновник. Это правда, ваше превосходительство!

Господин в шинели. Вот, пускают молодых людей в театр. Много полезного вынесут! Вот и ты: теперь уж, чай, придешь в канцелярию, прямо грубить станешь?

Молоденький чиновник. Как можно, ваше превосходительство!.. Позвольте, я вам прочищу дорогу вперед! (*Народу, толкая того и другого*). Эй, вы, посторонитесь, генерал идет! (*Подходя с необыкновенным учтивством к двум щегольски одетым*). Господа, сделайте милость, позвольте пройти генералу!

Хорошо одетые (посторониваясь и давая дорогу):

Первый. Не знаешь, какой генерал? Должен быть какой-нибудь известный?

Второй. Не знаю, я никогда не видывал его.

Чиновник разговорчивого свойства (подхватывая сзади). Просто, статский советник; по месту только числится в четвертом классе. Каково счастье? В пятнадцать лет службы Владимира, Анну, Станислава, 3000 рублей жалованья, две тысячи столовых, да от сове-

та, да от комиссии, да еще по департаменту.

Господа хорошо одетые (один другому). Уйдем! (*Уходят*).

Чиновник разговорчивого свойства. Должны быть матушкины сынки. Чай, в иностранной коллегии служат. Я не люблю комедий; на мой вкус больше нравятся трагедии. (*Уходит*).

Голос из толпы. Эк народу навалило!

Офицер (пробираясь с дамой под руку). Эй, вы, бороды, что напираете? Разве не видишь: дама!

Купец (с дамой под руку). У самих, батюшка, дама.

Голос из толпы. Вот она поворотилась, видишь, видишь? еще теперь подурнела, но года три тому назад...

Разные голоса. Да три гривны, слышь ты, взял с него сдачи. Подлая, скверная пиеса! Забавная пиеска! Ты, что лезешь в самое горло!

Голос в одном конце толпы. Всё это вздор! Где могло случиться такое происшествие? Этакое происшествие могло только разве случиться на Чукотском острове.

Голос в другом конце. Ну, вот точь-в-точь

эдакое событие было в нашем городке. Я подозреваю, что автор если не был сам там, то, вероятно, слышал.

Голос купца. Оно вот изволите видеть. Оно здесь больше, так сказать, с маральной стороны. Конечно, бывают, так сказать, всякие-с. Да ведь и то изволите посудить, что и честный человек, случаем придется... А на счет маральности, так и за дворянами это водится.

Голос господина поощрительного свойства. Должен быть бестия, пройдоха сочинитель, всё изведаль, всё знает.

Голос сердитого чиновника, но, как видно, опытного. Что он знает? чорта он знает. И врет он, врет: всё это, что ни написал он, всё враки. И взятки не так берут, уж если пошло на то...

Голос другого чиновника из толпы. Да что вы говорите: смешно, смешно! Знаете ли, отчего смешно? Ведь это всё личности. Ведь это всё он вывел своих бабушек да тетушек. Вот отчего это смешно!

Неизвестный голос. Стой, украли платок!

Два офицера, узнавшие друг друга, переговариваются через толпу.

Первый. Мишель, ты туда?

Второй. Туда.

Первый. Ну, и я там.

Чиновник важной наружности. Я бы все запретил. Ничего не нужно печатать. Просвещением пользуйся, читай, а не пиши. Книг уж довольно написано, больше не нужно.

Голос в народе. Что ж, коли подлец, то и подлец. Не будь подлецом, то и не будут над тобой смеяться.

Красивый и плотный господин (говорит с жаром невзрачному и низенькому). Нравственность, нравственность страждет, вот что главное!

Господин низенький и невзрачный, но ядовитого свойства. Да ведь нравственность вещь относительная.

Красивый и плотный господин. Что вы разумеете под именем относительная?

Невзрачный, но ядовитого свойства господин. То, что нравственность всякий меряет относительно к себе. Один называет нравственностью снятие ему шляпы на улице; другой называет нравственностью смотренье сквозь пальцы на то, как он ворует; третий

называет нравственностью услуги, оказываемые его любовнице. Ведь обыкновенно как говорит всякий из нашей братии своим подчиненным? Свысока говорит: «Милостивый государь, старайтесь исполнить свой долг относительно бога, государя и отечества», а ты, мол, уж там себе разумеешь относительно чего. Впрочем, это так только в провинциях водится; в столицах этого не бывает, не правда ли? Тут если и явится у кого-нибудь в три года два дома, так ведь это отчего? Все от честности, не так ли?

Красивый и плотный господин (в сторону). Скверен, как чорт, а язык, как у змеи.

Невзрачный, но ядовитого свойства господин (толкая под руку вовсе незнакомого ему человека, говорит ему, кивая на красивого господина). Четыре дома в одной улице; все рядом один возле другого, в шесть лет выросли! Каково действует честность на прозябательную силу, а?

Незнакомец (уходя поспешно). Извините, я не дослышал.

Невзрачный, но ядовитого свойства человек (толкая под руку незнакомого соседа).

Глухота-то как нынче распространилась в городе, а? Вот что значит нездоровый и сырой климат!

Незнакомый сосед. Да вот и грипп тоже. У меня все дети переболели.

Невзрачный, но ядовитого свойства человек. Да и грипп и глухота; свинка тоже в городе. *(Пропадает в толпе).*

Разговор в группе на стороне.

Первый. А говорят, что подобное происшествие случилось с самим автором: он в каком-то городке сидел в тюрьме за долги.

Господин с другой стороны группы (подхватывая речь). Нет, это было не в тюрьме, это было на башне. Это видели те, которые проезжали. Говорят, это было что-то необыкновенное. Вообразите: поэт на высочайшей башне, вокруг горы, местоположение восхитительное, и он оттуда читает стихи. Не правда, ли что здесь является какая-то особенная черта писателя?

Господин положительного свойства. Автор должен быть умный человек.

Господин отрицательного свойства. Знаю, он служил, его чуть не выгнали из службы,

просьбы не умел писать.

Просто враль. Бойкая, бойкая голова! Ему места долго не давали, так что ж вы думаете? Он прямо написал письмо к министру. Да ведь как написал, квинтильяновским манером. Одно уж то, как начал: «Милостивый государь!» — А потом и пошел, и пошел, и пошел... страниц восемь отвалил кругом. Министр как прочитал: «Ну, говорит, благодарю, благодарю! Я вижу, у тебя много врагов. Будь начальник отделения!» И прямо из писцов махнул он в начальники отделения.

Господин добродушного свойства (обращаясь к другому человеку хладнокровного свойства). Чорт его знает, кому и верить! И в тюрьме сидел, и на башню лазил, и выгнали из службы, и место дали!

Господин хладнокровного свойства. Да ведь это всё говорится экспромптом.

Господин добродушного свойства. Как экспромптом?

Господин хладнокровный. Так. Ведь они еще за две минуты не знают сами, что услышат от себя. Язык у них без ведома хозяина вдруг брякнет новость, а хозяин и рад, возвра-

щается домой, как будто бы наелся. А на другой день он уж и позабыл о том, что сам выдумал. Ему кажется, что он услышал от других и пошел передавать её по городу всем.

Господин добродушный. Это, однакоже, бессовестно: лгать и не чувствовать самому.

Господин хладнокровный. Да есть и чувствительные. Есть такие, которые чувствуют, что лгут, но считают уже надобностью для разговора: красно поле рожью, а речь ложью.

Дама среднего света. Но только какой злой насмешник должен быть этот автор! Я, признаюсь, ни за что бы не хотела попасться ему на глаза. Этак он вдруг заметит во мне смешное.

Господин с весом. Я не знаю, что это за человек? Это, это, это... Для этого человека нет ничего священного: сегодня он скажет такой-то советник не хорош, а завтра скажет, что и бога нет. Ведь тут всего только один шаг.

Второй господин. Осмеять! Да ведь со смехом шутить нельзя. Это значит разрушить всякое уважение, вот что это значит. Да ведь меня после этого всякий прибьет на улице,

скажет: «Да ведь над вами смеются; а на тебе такой же чин, так вот тебе затрещина!» Ведь это вот что значит.

Третий господин. Еще бы! Это сурьезная вещь! говорят: безделушка, пустяки, театральное представление. Нет, это не простые безделушки; на это обратить нужно строгое внимание. За эдакие вещи и в Сибирь посылают. Да, если бы я имел власть, у меня бы автор не пикнул. Я бы его в такое место засадил, что он бы и света божьего не взвидел.

Появляется группа людей, бог весть, какого свойства, впрочем благородной наружности и прилично одетых.

Первый. Постоимте лучше здесь, покамест выйдет толпа. Ну что это, право? затевать шум, рукоплесканье, как будто бы бог знает что! Безделка, какая-нибудь пустая театральная пиеса, и подымать такую тревогу, кричать, вызывать автора — ну, что это такое!

Второй. Однакож пиеса повеселила, развлекла.

Первый. Ну да, повеселила, как обыкновенно веселит всякая безделка. Но зачем же из-за этого такие крики, толки? рассуждают, как

будто о какой-нибудь важной вещи, аплодируют... Ну, что это такое! Ну, я понимаю, если бы какая-нибудь певица, или танцовщица, ну, там я понимаю. Там удивляешься искусству, гибкости, проворству, природному таланту. Ну, а здесь что? кричат: литератор! литератор! писатель! Да что такое писатель? Что иной раз попадется остроумное словцо, да спишет кое-что с натуры... Да что же здесь за труд? Что ж тут такого? Ведь это всё побасенки и больше ничего.

Второй. Да, конечно, вещь не важная.

Первый. Рассудите: ну, танцор, например, — там всё-таки искусство, уж этого никак не сделаешь, что он делает. Ну, я, например: да у меня, просто, ноги не подымутся. Ну, сделай я антраша — не сделаю ни за что. А ведь писать можно, не учившись. Я не знаю, кто такой автор, но мне сказывали, что он невежа совершенный, ничего не знает, его откуда-то, кажется, выгнали.

Второй. Но, однакож, всё-таки что-нибудь он должен знать; без этого нельзя писать.

Первый. Да помилуйте, что ж он может знать? Вы сами знаете, что такое литератор?

Пустейший человек! Это всему свету известно, ни на какое дело не годится. Уж их пробовали употреблять, да бросили. Ну, посудите сами, ну что такое они пишут? Ведь это всё пустяки, побасенки. Захоти, я сей же час это напишу, и вы напишете, и он напишет, и всякий напишет.

Второй. Да, конечно, почему ж и не написать. Будь только капля ума в голове, так уж и можно.

Первый. Да и ума не нужно. Зачем тут ум? Ведь это всё побасенки. Ну, если бы еще была, положим, какая-нибудь ученая наука, какой-нибудь предмет, которого еще не знаешь, — а ведь это что такое? Ведь это всякий мужик знает. Это всякий день увидишь на улице. Садись только у окна, да записывай всё, что ни делается, вот и вся штука!

Третий. Это правда. Как подумаешь, право, на какой вздор употребляют время!

Первый. Именно, трата времени — больше ничего. Побасенки, пустяки! Просто бы нужно запретить давать им перо и чернила в руки. Однакож, народ выходит, пойдете! Подымать шум, кричать! поощрять! а дело, просто,

вздор! Побасенки, пустяки, побасенки! (*Уходят. Толпа редет, бегут кое-какие оставшиеся*).

Добродушный чиновник. А всё бы, право, ну что бы хоть одного честного человека выставить. Всё плуты да плуты.

Один из народа. Слышь ты, жди меня на перекрестке. Я забегу возьму рукавицы.

Один из господ (смотря на часы). Однако, скоро час. Никогда я так поздно не выходил из театра. (*Уходит*).

Отставший чиновник. Только время даром пропало! Нет, никогда больше не пойду в театр! (*Уходит; сени пустеют*).

Автор пьесы (выходя). Я услышал более, чем предполагал. Какая пестрая куча толков! Счастье комику, который родился среди нации, где общество еще не слилось в одну недвижимую массу, где оно не облеклось одной корой старого предрассудка, заключающего мысли всех в одну и ту же форму и мерку, где что человек, то и мнение, где всякий сам создатель своего характера. Какое разнообразие в этих мнениях, и как везде блеснул этот твердый, ясный русский ум! И в сем бла-

городном стремленьи государственного мужа! И в сем высоком самоотверженьи забившегося в глушь чиновника! И в нежной красоте великодушной женской души! И в эстетическом чувстве ценителей! И в простом верном чутье народа! Как даже в сих недоброжелательных осуждениях много того, что нужно знать комику! Какой живой урок! Да, я удовлетворен. Но отчего же грустно становится моему сердцу? Странно: мне жаль, что никто не заметил честного лица, бывшего в моей пиесе. Да, было одно честное, благородное лицо, действовавшее в ней во всё продолжение ее. Это честное, благородное лицо был — смех. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на низкое значение, которое дается ему в свете. Он был благороден потому, что решился выступить, несмотря на то, что доставил обидное прозвание комику, прозвание холодного эгоиста, и заставил даже усумниться в присутствии нежных движений души его. Никто не вступился за этот смех. Я комик, я служил ему честно и потому должен стать его заступником. Нет, смех значительней и глубже, чем думают. Не тот смех, кото-

рый порождается временной раздражительностью, желчным, болезненным расположением характера; не тот также легкий смех, служащий для праздного развлечения и забавы людей, — но тот смех, который весь излетает из светлой природы человека, излетает из неё потому, что на дне её заключен вечно-биющий родник его, который углубляет предмет, заставляет выступить ярко то, что проскользнуло бы, без пронизывающей силы которого мелочь и пустота жизни не испугала бы так человека. Презренное и ничтожное, мимо которого он равнодушно проходит всякий день, не возросло бы перед ним в такой страшной, почти каррикатурной силе, и он не вскрикнул бы, содрогаясь: неужели есть такие люди? тогда как, по собственному сознанию его, бывают хуже люди. Нет, несправедливы те, которые говорят, будто возмущает смех. Возмущает только то, что мрачно, а смех светел. Много бы возмутило человека, быв представлено в наготе своей; но, озаренное силою смеха, несет оно уже примиренье в душу. И тот, кто бы понес мщение противу злобного человека, уже почти мирится с ним,

видя осмеянными низкие движенья души его. Несправедливы те, которые говорят, что смех не действует на тех, противу которых устремлен, и что плут первый посмеется над плутом, выведенным на сцену: плут-потомок посмеется, но плут-современник не в силах посмеяться! Он слышит, что уже у всех остался неотразимый образ, что одного низкого движенья с его стороны достаточно, чтобы этот образ пошел ему в вечное прозвище; а насмешки боится даже тот, который уже ничего не боится на свете. Нет, засмеяться добрым, светлым смехом может только одна глубоко-добрая душа. Но не слышат могучей силы такого смеха: что смешно, то низко, говорит свет; только тому, что произносится суровым, напряженным голосом, тому только дают название высокого. Но боже! Сколько проходит ежедневно людей, для которых нет во все высокого в мире! Всё, что ни творилось вдохновеньем, для них пустяки и побасенки; созданья Шекспира для них побасенки, святые движенья души — для них побасенки. Нет, не оскорбленное мелочное самолюбье писателя заставляет меня сказать это, не по-

тому, что мои незрелые, слабые создания были сейчас названы побасенками. Нет, я вижу свои пороки и вижу, что достоин упреков. Но не могла выносить равнодушно душа моя, когда совершеннейшие творения честились именами пустяков и побасенок, когда все светила и звезды мира признавались творцами одних пустяков и побасенок! Ныла душа моя, когда я видел, как много тут же, среди самой жизни, безответных, мертвых обитателей, страшных недвижным холодом души своей и бесплодной пустыней сердца; ныла душа моя, когда на бесчувственных их лицах не вздрагивал даже ни призрака выражения от того, что повергало в небесные слезы глубоко-любящую душу, и не коснел язык их произнести свое вечное слово: побасенки! Побасенки!.. А вон протекли веки, города и народы снеслись и исчезли с лица земли, как дым унеслось всё, что было, а побасенки живут и повторяются поныне, и внемлют им мудрые цари, глубокие правители, прекрасный старец, и полный благородного стремленья юноша. Побасенки!.. А вон стонут балконы и перилы театров; все потряслось снизу доверху, превра-

тясь в одно чувство, в один миг, в одного человека, все люди встретились, как братья, в одном душевном движении, и гремит дружным рукоплесканьем благодарный гимн тому, которого уже пятьсот лет как нет на свете. Слышат ли это в могиле истлевшие его кости? Отзывается ли душа его, терпевшая суровое горе жизни? Побасенки!.. А вон, среди сих же рядов потрясенной толпы, пришел удрученный горем да невыносимой тяжестью жизни, готовый поднять отчаянно на себя руку, и брызнули вдруг свежительные слезы из его очей, и вышел он примиренный с жизнью и просит вновь у неба горя и страданий, чтобы только жить и залиться вновь слезами от таких побасенок. Побасенки!.. Но мир задремал бы без таких побасенок, обмелела бы жизнь, плесенью и тиной покрылись бы души. Побасенки!.. О, да пребудут же вечно святы в потомстве имена благосклонно внимавших таким побасенкам. Чудный перст провиденья был неотлучно над главами творцов их. В минуты даже бед и гонений всё, что было благороднейшего в государствах, становилось прежде всего их заступником: венчан-

ный монарх осенял их царским щитом своим с вышины недоступного престола.

Бодрей же в путь! И да не смутится душа от осуждений, но да примет благодарно указанья недостатков, не омрачась даже и тогда, если бы отказали ей в высоких движеньях и в святой любви к человечеству! Мир, как водоворот: движутся в нем вечно мненья и толки, но всё перемалывает время. Как шелуха, слетают ложные и, как твердые зерна, остаются недвижимые истины. Что признавалось пустым, может явиться потом вооруженное строгим значеньем. Во глубине холодного смеха могут отыскаться горячие искры вечной могучей любви. И почему знать, может быть, будет признано потом всеми, что в силу тех же законов, почему гордый и сильный человек является ничтожным и слабым в несчастьи, а слабый возрастает, как исполин, среди бед, в силу тех же самых законов, кто льет часто душевные, глубокие слезы, тот, кажется, более всех смеется на свете!..

Черновые наброски

Альфред*

Действие I.

Народ толпится на набережной.

Один из народа. Ай, что ты так теснишь! Пустите хоть душу на покаянье!

Другой из народа. Да посторонитесь ради бога!

Голос третий. Эх, как продирается! Чего тебе? Ну, море, вода, больше ничего. Что, не видел никогда? Думаешь, так прямо и увидишь короля?

<Туркил>. Ну, теперь, как бог даст, авось будет лучшее время, когда приедет король. Вот не прогонит ли собак-датчан?

— Ты откуда, брат?

Туркил. Из графства Гертинга. Томс Туркил. Сеорл.

— Не знаю.

<Туркил>. Бежал из Колдингама.

— Знаю. Где монахинь сожгли. Ах, страх там какой! Такого нехристианства и от жи-

дов, что распяли Христа, не было.

Женщина из толпы. А что же там было?

— А вот что. Когда узнали монахини, что уже подступает Ингвар с датчанами, которые, тетка, такой народ, что не спустят ни одной женщине, будь хоть немного смазлива... дело женское... ну, понимаешь... Так игуменья — вот святая, так точно святая! — уговорила всех монахинь и сама первая изрезала себе всё лицо. Да, изуродовала совсем себя. И как увидели эти звери — нет хороших лиц, так его не оставили и пережгли огнем всех монахинь.

Голос. Боже ты мой!

Голос в толпе. Эх, англо-саксы...

Другой. Сильный народ проклятый.

— Конечно, нечистая сила.

— Что, как <в> вашем графстве?

— Что в нашем графстве? Вот я другой месяц обедни не слушал.

— Как?

— Все церкви пусты. Епископа со свечой не сыщешь.

— От датчан дурно, а от наших еще хуже. Всякий тан подличает с датчанином, чтоб

больше земли притянуть к себе. А если какой-нибудь сеорл, чтоб убежать этой проклятой чужеземной собачьей власти, и поддастся в покровитель<ство> тану, думая, что если платить повинности, то уже лучше своему, чем чужому, — еще хуже: так закабалят его, что и бретон так<ого> рабства не знал.

— Ну, наконец, мы приободримся немного. Теперь у нас, говорят, будет такой король, как и не бывало — мудрый, как в Писании Давид.

— Отчего ж он не здесь, а за морем?

Другой. А где это за морем?

— В городе в Риме.

— Зачем же там он?

— Там он обучался потому, что умный город, и выучился, говорят, всему-всему, что ни есть на свете.

Другой голос. Какой город, ты сказал?

— Рим.

<*Другой голос*>. Не знаю.

— Рима не знаешь? Ну, умен ты!

Другой. Да что это Рим? Там, где святейший живет?

— Ну, да, кон<ечно>. Пресвятая дева! Если бы мне довелось побывать когда-нибудь в Ри-

ме! Говорят, город больше всей Англии и дома из чистого золота.

Дру<гой голос>. Мне не так Рим, как бы хотелось увидеть папу. Ведь посуди ты: [выше] уж нет никого на свете, как папа, — и епископ и сам король ниже папы. Такой святой, что какие ни есть грехи, то может отпустить.

— Вот слышишь ли кто-то говорит, что видел папу.

Голос народа на другой стороне. Ты видел папу?

Брифрик из толпы. Видел.

— Где ж ты его видел?

<Брифрик>. В самом Риме.

<Голоса>. Ну, как же? — Что он? — Какой?

Народ сталкивается в ту сторону.

Голоса. Да пустите! — Ну, чего вы лезете? — Не слышали рассказов глупых?

Брифрик. Я расскажу по порядку, как я его видел... Когда тетка моя Маркинда умерла, то оставила мне все<го> только половину hudes земли. Тогда я сказал себе: «Зачем тебе, Брифрик, сын Квикельма, обрабатывать землю, когда ты можешь оружием добиться чести?» Сказавши это себе, я поехал кораблем к фран-

цузскому королю. А французский король набирал себе дружину из людей самых сильных, чтобы охраняли его в случае сражения или когда выедет куда, то и они бы выезжали, чтобы, если посмотреть <?>, так хороший вид был. Когда я попросился, меня приняли. Славный народ! Латы лучше не в сто мер наших. Кольчуги такие ж, как и у нас, только не все железные. В одном месте, смотришь, — ряд колец медных, а в другом есть и серебряные. Меч при каждом, стрел нет, только копья. Топор больше, чем в полпуда — о, куды больше! а железо такое острое<?> — то, что у старого Вульфинга на бердыше, ни к чорту не годится!

Вульфинг из толпы. Знай себя!

<Брифрик>. Вот мы отправились с французским королем в Рим, что<б> папе почтение отдать. Город такой, что никак нельзя рассказать. А дома и храмы божию не так, как у нас строятся, что крыши востры, как копье, а вот круглые — совсем как бы натянутый лук, и шпиц<ев> сов<сем> нет. А столпы везде, и так много и резьбы и золота, великолепие такое!.. — так и ослепило глаза. Да, теперь насчет па-

пы скажу. В один вечер пришел товарищ мой, немец Арнуль. Славный воин! Перстней у него и золотых крестов, добытых на войне, куча, и на гитаре так славно играет... «Хочешь», говорит, «видеть папу?» — «Ну, хочу». — «Так смотри же, завтра я приду к тебе пораньше. Будет сам папа служить». Пошли мы с Арнулем. Народу на улице — боже ты мой! — больше, чем здесь. Римлянки и римляне в таких нарядах!.. — так и ослепило глаза. Мы протолкались на лучшее место, но и то, если бы я немножко был ниже, то ничего бы не увидел за народом. Прежде всех пошли мальчишки лет десяти со свечами, в вышитых золотом [платьях], и как вышли они — так и ослепило глаза. А ход-то, весь ход! Ход был выстлан красным сукном. Красным-красным, вот как кровь... Ей богу, такое красное сукно, какого я и не видал. Если бы из это<го> сукна да мне верхнюю мантию, то вот, говорю вам перед всеми, то не только бы свой новый шлем, что с камнем и позолотою, который вы знаете, но если бы прибавить к этому ту збрую, которую пром<енял?> Кенфус рыжий за гнедого коня, да бердыш и рукавицы

старого Вульфинга и еще коня в придачу — ей богу, не жаль бы за эту мантию! Красная-красная, как огонь!..

Голос в народе. Чорт знает что! Ты рассказывай об папе, а какая нужда до твоих мантий!

Вульфинг из толпы. Хвастун! Расхвастался!

Брифрик. Сейчас. Вот вслед за ребятами пошли те... как их? Они с одной стороны сдают на епископов, только не епископы, а так, как наши таны или бароны в рясах... Не помню, шепелявое какое-то имя. То эти все таны или епископы, как вышли — так и ослепили глаза. А как показался сам папа, то такой блеск пошел — так и ослепил глаза. На епископах-то, всё серебряное, а на папе золотое. Где епископы выступают — там серебряный пол, а где папа — там золотой. Где епископы стоят — там серебряный пол, а где папа — там золотой...

Голос из толпы. Бровинг! Корабль! Ей богу, корабль!

Все бросаются, Брифрик первый, и теснятся гуще около набережной.

Голоса в толпе. Да ну, стой, ради бога! —

Задави<ли> — Да дайте хоть назад выбраться!

Голос женщины. Ай, ай! Косолапый медведь! Руку выломил! Ой, пропусти! Кто во Христа верует, пропустите!

Брифрик (оборачиваясь). Чего лезешь на плечи? Разве я тебе лошадь верхо<вая>? Где ж король? Где ж корабль? Экая теснота!

Голос в народе. Да нет корабля никакого!

— Кто выдумал, что король едет?

— Да кто же? Ты говорил!

— И не думал.

— Да кто ж сказал, что король?

— Джон Шпинг сказал, что король едет.

— Эй, Шпинг, зачем ты сказал, что король едет?

<Шпинг>. Ей богу, любезный народ, совсем было похоже на корабль.

— Вперед молчи, дурак, если не хочешь сам поплыть.

Старуха (пролезая вперед). Нашли чего толкаться! И куды? Ведь никого нет.

Брифрик. А, Кудред! Откудова, приятель?

<Кудред>. Из дому.

<Брифрик>. Короля видеть пришел?

<Кудред>. И побольше, чем видеть.

<Брифрик>. А что еще?

<Кудред>. Жалобу прямо самому королю.

<Брифрик>. На кого?

<Кудред>. На королевского тана Этельбальда.

<Брифрик>. Ты шутишь, братец?

<Кудред>. Нет, не шучу.

Голоса в народе. Вишь, на Этельбальда жалуется! — Он сошел с ума! — Да он ведь сильнее всех в королевстве! — Войска и богатства у него больше, чем у короля.

Эгберт. Кто несет жалобу на Этельбальда, тот подай мне руку. Хоть ты и простой сеорл, а я тан, но я пожимаю, потому что ты честный человек и англо-сакс. Я тебе буду помогать.[4]

Брифрик. За что ж жалуешься?

<Кудред>. За что? Этельбальд, хоть и королевских танов всех старше, но подлец и мошенник. Когда датчане ворвались в Вессекс и начали грабить, я прибегнул к нему, свинье. Думал, он богач и столько имеет земли, что зачем ему бы обижать меня. Я обещался ему, если надобность, первы<м> явиться в его войско и лошадь привести свою и всё вооруже-

ние мое. А он, мошенник, как только датчане ушли, совсем зачислил меня в свои рабы. За что я должен ему мостить чортовский мост к его замку и на моих двух лошадях, самых благородных, возить фашинник? А теперь, когда я отлучился по надобности в графство Гексгам, он взял мою собственную землю, родительскую землю, которой было у меня больше 2 гидес, и отдал в лен какому <-то>, а мне отдал двенадцать шагов песчанику за кладбищем. — «Вот тебе», говорит, «земля». Да разве я, старый плут, раб твой? Я вольный. Я сеорл. Я, если бы только захотел, прикупил еще два hudes земли, да выстроил церковь и дом, я бы сам был таном. Никто по законам англосакским не может обидеть и закабалить вольного человека. Разве я сделал какое преступление?

<Бриффрик>. Да ходил ли ты с жалобой в ваш ширгемот?

<Кудред>. Подлецы все! Держут его сторону.

<Бриффрик>. Ну да всё-таки, как же порешили?

<Кудред>. Вот на тебе бумагу, если ты про-

чтешь.

<Бриффрик>. Что ты! Э, так у вас судьи пишут? Слышь ты, народ, писанная бумага! У нас во всем ширстве, да и во всем Вессексе ни один шир, ни алдерман не умеют писать. Вишь ты какие каракульки. Тут где-нибудь должно быть *АВС...* Я уж знаю, меня было начинал учить один церковник.

Туркил (Вульфингу). Я думаю, нет мудренее науки, как письмо.

<Вульфинг?>. Попы всё-таки прочтут.

Бриффрик (обращаясь к Киссе). Высокородный тан, прочти-ка. Ты, верно, знаешь?

Кисса. Поди прочь! Я тебе не поп.

Гунтинг. Давай, я прочту.

Туркил. Кто он?

Вульфинг. Не знаю.

Голос. Это, видишь, тот, что был школь<ным> учителем. Да теперь датчане разорили школу.

<Гунтинг> (читает). «Да будет ведомо: в Schirgemot Агельмостане, в графстве Герсфорд, во время царствования Этельреда, где...»

— А, при покойном короле! Храбрый был

король, всю жизнь бился с этими мерзкими<?> датчанами.

<Гунтинг> *(продолжает)*. «...где заседали: Дунстан епископ, Кеолрик алдерман, Варвик — его сын, и Эсквин — сын Пентвина и Туркил косоглазый, как комиссары короля заседали»...

Вульфинг. Слышишь, Туркил? Это ты?

Туркил. Разве я косоглазый?

<Гунтинг> *(продолжает)*: «...в присутствии Брининга шерифа, Ательварда де Фрома, Леофина де Фрома черного, Годрига де Штока и всех танов графства Герефорта, Кудред — сын Эгвинов — представил суду против высо<ко>родного графа и королевского тана в том, что якобы он, Кудред, от него, выс<о>кородного графа Этельбальда...»

(В народе крик и давка). Пусти, пусти! — Куда теперь сторониться! — Батюшки, батюшки, тресну! Со всех сторон придавили!

Высокий (болтает вверху руками). Чего эти бабы лезут, желал <бы я знать.> <?>.

Брифрик. Чего народ лезет? *(Продирается)*.

— Да взбеленился просто, никого нет. Какой-то дурак опять пронес, что корабль пока-

зался.

Кудред (кричит). Бумагу, бумагу, бумагу дай! Экой трус, изорвал...

Кисса. Да кто сказал, что король едет?

<Голоса>. Я не говорил. — Я не говорил. —

Опять верно Шпинг.

Шпинг. Нет, высокородный тан, и языком не воротил.

Брифрик. Ей богу, глупый народ! Ну что, хоть бы и в самом деле был корабль.

Вульфинг. А сам, небось, первый полез.

Брифрик. Что ж! Только посмотреть.

Один из народа. Вот таны поехали на лошадях. Это верно встречать короля.

Рыцарь на лошади. Дорогу, дорогу! Народ, посторонись!

<Эгберт>. Кому дорогу?

<Рыцарь на лошади>. Посторонись, говорят тебе! Дорогу висо<кородному> королевскому тану Этельбальду.

Эгберт. Отнеси ему эту пощечину. *(Бьет его и убегает)*.

Рыцарь (кричит). Мы увидимся, проклятый длиннорукий чорт!

<Вульфинг>. Вон поехал граф Эдвиг. Видел?

<Туркил>. Видел. Славное вооружение.

<Вульфинг>. Вон Этельбальд. Гляди, какой около него строй стоит — в толпе рыцарей, как в лесу. Эх, как одеты славно! Какие кирасы, щиты! Ей богу, если б хотели, побили датчан.

Туркил. Отчего ж не хотят?

<Вульфинг>. А так. Сами держат руку неприятелей.

<Туркил>. Ну, вот!

<Вульфинг>. Почему ж не побить? Ведь наших впятеро будет больше, если собрать всех саксонов, а англов-то одних всадников будет на всю дорогу от Лондона до Йорка! А датчан всех-на-всех трех тысяч не будет.

<Туркил>. Э, любезный приятель мой! Как твое имя? Вульфинг?

<Вульфинг>. Вульфинг.

<Туркил>. Так будем приятелями, Вульфинг.

<Вульфинг>. Вот тебе рука моя.

<Туркил>. Не говори этого, любезный Вульфинг. Им помогает нечистая сила, тот самый сатана, о котором читал нам в церкви священник, что искушает людей. Они, брат, и

море заговаривают. Вдруг из бурн<ого> делается тихо, как ребенок, а захотят — начнет выть, как волк. Наши всадники давно бы со- владали с ними...

<Вульфинг>. Народ опять затеснился. Да и сами таны махают шапками. Посмотрим, верно, король наконец едет.

Голос в народе. Ну, теперь корабль, так ко- рабль!

Туркил. Опять пошла теснота!

Голо<с>a. Корабль с тремя ветрилами. — Зачем дерешься? — Не лезь вперед!

— Вон и люди, как мухи, стоят на палубе.

— А что ж не видно короля?

— Где ж теперь его увидишь? Людей мно- гое-множество.

— Вон что-то блеснуло перед солнцем!

— Скоро идет корабль. Видно, что замор- ской работы! Вон как окошечки блестят. У нас таких кораблей нет.

— Это должен быть, что блестит, тан.

— Нет, вот тот больше блестит. Смотри — какой шлем, какое богатое убранство!

<Вульфинг?>. Это всё те таны, что поехали за ним в Рим с посольством.

<Туркил?>. Где ж король? Ведь король в короне.

Вульфинг. Да еще не короновался.

<Туркил?>. А, вон снял шляпу... Таны машут... Виват король!..

Весь берег (кричит). Виват, король!.. Здравствуй, король!..

— Вон снова машут... Здравствуй, король!..

Народ. Здравствуй, король!

Всадник на лошади. Расступись, народ! (Машет алеба<рдой>. Народ пятится, прижатые кричат).

<Туркил>. Что он так кричит? Кто это?

<Всадник>. Тан из Кенульф, сын Эгальдов. Тан из Медлисекса, славный воин.

Корабль подходит к самому берегу. За столпившимся народом видны только головы.

Альфред (сходя с корабля). Здравствуйте, добрые мои подданные.

<Народ>. Здравствуй, король! Виват!

(Король и свита поднимаются на лошадях на народ).

Народ. Виват! Виват, король!

Альфред. Благодарю, благодарю вас, мои

добрые. Я сам не менее рад видеть вас и мою отцовскую землю Англосаксию.

Эгберт. Слышишь? Англосаксию! Он, верно, не знает, что Мерси и Эст-Англ уже не наши.

Король уезжает. Таны и народ с восклицаниями тянутся за ним.

<Туркил?>. Молодец король — видный, рослый, лучше всех. Как он славно выступал, словно сокол <?> Я думаю, латы его стоят больше, чем твоя жизнь. Пойдем, посмот<рим>.

<Вульфинг?> Постой! Зачем же итти? Глянь, за ними не угнаться: они на лошадях и во всю рысь поедут в Йорк.

<Туркил?> Отчего ж не в Лондон?

<Вульфинг?> Видишь, в Лондоне приготовят всё как следует, а когда приготовят, тогда и он поедет.

Эгберт (возвращаясь). Нет, я не хочу быть последним. Я такой же тан. У меня тоже было в услужении 16 танов ситкундменов. Правда, я потерял много в войну. У меня теперь нет этого. Но я защищал землю нашу. Отчего граф Эдвиг, Кенульф, не говоря уж о собаке Этель-

бальде, молокосос сын его, рыжебородый Киль, — почему они имеют право провожать короля в первом ряду? Отчего я должен следовать еще за двумя танами? Я хотел был <о> сбить с седла копьём плута Киля, да не хотел только сделать этого при короле.

Кисса. Дьявол ему на шею! Я рад, по крайней мере, что король приехал. Датчан опять за море, завоюем опять Эст-Англию, Мерси и Нортумберланд также; хоть и разоренная страна, однакоже, есть добрые земли для скота и для пашен.

<Эгберт>. Мне король понравился — добрый молодец? Пойду к нему прямо и суну ему руку по древнему саксонскому обычаю. Скажу: «Король, вот тебе рука! При первой надобности всегда привожу 14 тебе всадников, вооруженных, с добрыми конями, и сам пятнадцатый. А надежный ли человек? Вон, гляди <?>, сколько рубцов у меня». Пойдем, Кисса, выпьем его здоровье. Эй, Кудред! Тебя обидел Этельбальд? Будь завтра в Лондоне, спроси тана Эгберта, тана из графства Сомерсетского. Меня знают.

Кудред. Ну, теперь, я думаю, король укро-

тит немного танов.

<Вульфинг?>. Да что ж король? Ведь король не может сказать тану: «Отдай такую-то землю, я тебе приказываю». Что скажет вите-нагемот?

<Кудред?> Да беспорядков верно будет меньше. Что ни скажет, а всё будет лучше. По крайней мере, можно будет по дороге пройти безопасно. Чем живешь, Вульфинг?

<Вульфинг>. Один hudes земли держу от тана.

<Кудред?>. [Платишь хлебом?]

<Вульфинг>. Нет, еще никогда не марал рук своих в земле.

<Кудред?> Кто ж ты?

<Вульфинг>. Пастух. Шесть десятков овец и три десятка рогатой скотины моей собственной выгоняю на Гельгудскую пажить. Если ты хочешь, пришлец, отдохни у меня. Ты будешь есть сыр и молоко, каких не сыщешь во всем Вессексе. А завтра ранним утром мы отправимся в Лондон смотреть королевский праздник. Гляди, чего народ опять смотрит? Чего вы, храбрые мужи, столпились?

Голос в народе. Корабль, опять корабль!

<Кудред?>. В самом деле корабль! Что ж это? Верно, тоже королевская свита?

Туркил. Вишь, это уже не такой! Мачта и паруса совсем не так сделаны. Постой, рассмотреть поближе — и народ как будто не так одет.

Один из толпы (всплескивая руками). Саксонцы! Убежим, убежим!..

Кудред. Что такое?

Одна из толпы. Морской король!

<Кудред?> Нет, что ты!

<Туркил?>. Как христианин, не лгу! Разве вы не видите, что датский корабль!

<Голоса?> Ай, народ, точно — датчане! — Вон машут, чтобы остались. — Да, как бы не так! — Бежим, друзья!

Все в беспорядке убегают. Корабль виден у берега. Руальд висит на мачте.

Голос Губбо. Перекидай канат.

Руальд (сверху). Кормщик, бери ниже: там мель.

(Норманд плывет с канатом в зубах).

<Руальд>. Еще ниже. Еще ниже. А, народ проклятый! Весь разбежался! Теперь прямо. Норманд, хватай крюком!.. Стой!

Губбо выходит с корабля. Ну вот мы и в Англии. Тащите старшую лодку н<а> берег. (*Вытаскивают лодку*).

Губбо. Что, мои храбрые берсеркеры, дожидаться ли нам Ингвара или теперь налететь и окропить наши доспехи алою, как перед бурей вечерняя заря, кровью саксонцев, а?

<Воины?>. Наши копья готовы.

<Руальд>. Не лучше ли, король мой Губбо, послать проведать узнать о числе неприятеля?

<Губбо>. Это ты, Руальд, говоришь? Тебя, верно, не море пеленало. За эти слова тебя стоит вышвырнуть в море. «Какой храбрый когда спрашивает о числе?» — говорил отец мой Лодб<род>, победивший на 33 сражениях.

<Руальд>. Губбо, сын Лодбродов! Ты меня укоряешь трусостью. Когда же мы вместе с братом Гримуальдом срамили себя перед дружиною? Разве я когда-нибудь в жизни грелся у очага или спал под крышей? Разве платье мое на мачте сушилось, а не на мне?

<Губбо>. Прости, Руальд. Брат твой Гримуальд был славный воин. Мы лишились, други, храброго товарища. Великий Оден! Какая

была буря и битва! Ветер оборвал во тьме наши платья и морские брызги пронзали разгоревшиеся лица наши. Клянусь моим мечом и копьем, ничего бы не пожалел за такую участь: завидная участь! Теперь Гримуальд пирует с легионом храбрых. Сам Оден наливает ему чашу из широкого черепа и говорит ему: «А сколько ты, Гримуальд, получил ран на последней битве?» «Ран 17 и 4», отвечает ему Гримуальд. «Сильный воин! Вот тебе, Гримуальд, бессмертные лани с лоснящейся как серебро шерстью. Веселись, храбрый витязь, поражая их далеко достающим копьем». Слушай, Стемид, теперь <не> время, но когда будем пировать на покрытых пылью саксон<ских> трупах и зажжем альбионские дубы, ты спой нам песню о подвиге Гримуальда. Знаешь, какую песню? Такую, чтобы в груди всё встрепенулось: отвага, самое бешеное веселье, и руки схватились за рукояти мечей... Но следует теперь сказать вам, мои товарищи, что мы будем делать. Англия земля хорошая: скота, пажитей и земель в ней много. В Нортумберландии и в Мерси, где уже поселились соотечественники наши, жители бедны,

но здесь жилища, а более всего церкви, очень богаты, и золота в них много. Каждому достанется на золотую цепь. Мечи у англосаксов славные. Они достают их издалека. Мы можем тут себе выбрать любые мечи и копья и всё вооружение. А еще я скажу теперь такое, что больше всего нравится, товарищи, и мне и вам: у англосаксов девы белизною лица, как наши скандинавские снега, окрапленные алой кровью молодых ланей. Но стойте, товарищи! В Англии воинов, которые станут под мечом и копьем на конях, несметное множество. Только из них Оден никого не примет в Валгал к себе, потому что они презренные христиане. Помните и то, что ныне будут наши соотечественники, и как только нападём с одной стороны, они нападут с другой... Видите ли, как тут хорошо и тепло. В нашей Скандинавии нет это<го>. Тут зимы всего только два месяца.

Руальд. Я себе отвоюю лучший замок во всей Англии. Девять десятков англосакских рабов будет прислуживать мне за чашею пиршества.

— Что, конунг Губбо, правда ли что есть

где-то земли еще теплее?

<Губбо>. Есть.

— И что зимы совсем не бывает?

Губбо. Ну, этого нет — чтобы зимы совсем не было. Зима есть. Нужно, одн<ако>, попробовать. Мы с тобою, Элгад <?>, пустимся потом далее. Скучно долго жить на одном месте. Чтобы и там, по ту сторону океана, вспоминали нас в песнях. Клянусь всей моей сбруей, приедешь оттуда на вызолоченном корабле. Красная, как огонь, мантия, и весь будет убран дорогими камнями шлем. Крыло на нем будет, как вечерняя звезда, сиять. И как приеду к первой царевне в мире, скажу: «Прекрасная царевна, я, король, пришел, горя любовью к твоим голубым очам. Его рука поразила сто и сто десятков витязей, и пришел король Губбо взять тебя этою самой рукой вместе с приданным, которое приготовил тебе престарелый отец твой».

<Воины>. Виват, король Губбо!

<Губбо>. Виват и вы, товарищи! Теперь идем. Вы два, Авлуг и Ролло, оставайтесь беречь лодки. А мы — никому не спускать и насыщать кровью мечи наши, пока есть...

Альфред, окруженный танами и графами королевства. Благодарю, благодарю вас, благородные таны, за ваше поздравление. Я надеюсь, что вы окажете с своей стороны мне всякую помощь разогн<ать> варварство и невежество, в котором тяготеет англосакская нация.

Граф Эдвиг. Я всегда готов. 50 вооруженных всадников всякую минуту может требовать государь.

Граф Этельбальд. Рука моя и моих 80 васалов принадлежат тебе, государь мой.

Сифред. Всякое законное требование государя готов выполнить. 20 конных и 140 пеших стрелков.

Клеобальд. В моей стране лошадей мало, но пеших сколько могу собрать...

<*Альфред*>. Вы ошибаетесь, друзья. Не этой помощи я требовал от вас, на которую, конечно, имею всегда право. Но я разумел о том благодетельном просвещении, которого нет в Англии. Я вас просил споспешествовать мне научить англосаксов искоренить грубость нравов, которая, как старая кора, пристала к

НИМ.

Таны в безмолвии. Некоторые расставляют руки, рассуждая, что это значит.

Эдвиг. Как же, государь, ты говоришь, что англы и саксы грубы? Да ведь они покорили Англию!

<Альфред>. Ну, против этого мне ничего не остается говорить. Этот, кажется, кроме войны и думать ни о чем не хочет. Видел ли ты, Эдвиг, своего сына?

<Эдвиг>. Видел, государь.

<Альфред>. Что ж, как нашел его?

<Эдвиг>. Хорош малый, да чуть ли к черно-книжию не пристрастен и копьем плохо владеет.

<Альфред>. Нет, Эдвиг, ты должен благодарить бога за такого сына. Этот день побудь с ним, а завтра пришли ко мне. Мы с ним были друзья во всю бытность в Риме. Давно не видел я Англию. Препрежне время свое, как свой сон, помню. Ведь тут должны уцелеть еще остатки римских па<мя>тников. Существует ли та стена, которую выстроил император Константин в Лондоне, и бани близ Йорка, <выстроенные> римлянами?

<Эдвиг?>. Не знаю, государь, о каких ты римлянах говоришь.

<Альфред>. Римляне — народ, который завоевал Англию и которому были подвластны бритты.

<Эдвиг?>. Бритты были, это правда, а римлян, государь, никаких не было.

<Альфред>. Ты не знаешь, потому что не читал. Римляне были народ великий. Они покорили весь мир и в том числе Британь.

<Эдвиг?>. Воля твоя, король, римляне и живут в Риме. Нет, король, эта тебе солгали. У нас есть старики, которые помнят, как покорили саксы народ, которого храбрее еще никого не было. И те говорят, что были одни только бритты.

<Альфред>. Ну, об этом тоже нечего долго толковать. Хороши наши таны! Я, любезные, хочу слышать отчет об нынешнем положении государства и о всех происшествиях, бывших без меня по кончине брата моего Этельреда. Об отдыхе моем не беспокойтесь. Отдохнуть я успею. Ты, Этельбальд, так как старший в государстве и первый советник в витенагемоте, расскажи мне подробно все.

<Этельбальд>. Всё хорошо, государь. Со стороны датчан только худо. Впрочем, дорога от Йорка до Лондона поправлена и была мочена всё время. Зверинец твой в исправности. Все королевские твои латы, щиты отцовские и добытые покойным братом твоим Этельредом я сохранил в исправности.

— Врет, старый мед<ведь>! Лучшее копьё стянул себе.

<Альфред>. Ты, Этельбальд, говоришь о моем хозяйстве. Это дело пустое. Я просил тебя рассказать — как государство, в каком положении.

Граф Эдвиг. В гадком положении государство. Сеорлы и бретонские рабы ничего <?> не выплачивают. Поля очень опустошены датчанами. Не на что вооружить рыцаря. Лошади мерзость.

<Альфред>. Зачем вы позволили датчанам взять Мерси; и Эст-Англию?

— Что ж делать, король. Покойный король, брат твой, храбро сражался, да сильнее перетянула сила... Они знаются с дьяволом, с ними из моря находят морские чудища.

<Альфред>. Брат мой Этельред сражался,

как должно храброму доблестному саксонцу, но вы были виною, непокорность вассалов была причиною.

Сифред. Если б я имел землю в Эст-Англии или Мерси, я бы защитил ее моею рукою и руками моих вассалов, но у меня свои земли есть.

Альфред. Да умели ли вы свои защитить? Отчего по всей дороге, по которой мы ехали, пустые пажити и две развалившиеся церкви? Малолюдный гирд<?> датчан издевался над вами, а вы, хорошо вооруженные христиане, могли вынести это?

— Браво, о король! — Вот король! — Прозорлив, как горный орел!

<*Сифред?*>. Я никогда не был бесчестным и всегда готов, и если бы граф Мидл<ьсекс?> не поссорился со мною<?>, я бы не впустил датчан, и Вессекс и его бы владения спас.

<*Альфред*>. И виною вы же, вы, через свои мелкие ссоры. Мне очень не нравится это ваше феодальное обыкновение. Бог знает что такое? Всякий управляет, как ему хочется. Высшему не повинуются, между собою несогласны. В государстве должно быть так, <как>

в Римской империи: государь должен повелевать всем по своему усмотрению, как ему захочется.

Одон (потупляет глаза). Гм! Я что-то не вполне понял это. Ведь англосакский всякий тан, вольный и свободный человек, разве возьмет землю, собственность короля...

<Альфред>. Отчего я не вижу здесь ни одного епископа? Один только дряхлый старик и вышел меня встретить.

— Епископ Вессекский убит во время войны с датчанами, а Адельстан из Кента умер.

<Альфред>. И никто не позаботился о том, чтобы избрать на место!

Арвальд. Нет, король, в том нет нам укоризны. Все таны нарочно собрались, но некого было избрать в епископы. Не нашли такого, который мог бы читать святое письмо.

<Альфред>. Будто уже в Англии нет ни одного священника, умеющего читать? Ведь еще отцом Этельвальдом заведена была коллегия.

— Коллегии давно уж нет.

<Альфред>. Где же она?

— Сожжена датчанами.

<Альфред>. Опять датчане! Да что это за бич такой, датчане? Или Англия состоит вся из трусов или в самом деле датчане... Что это за человек? Что ты?

<Вестник>. Король!

<Альфред>. Что?

<Вестник>. Датчане ворвались и грабят Лондон.

Король (в изумлении). Как легки на помине !.. Ну, господа таны и графы! Нам приходится сию минуту думать о вооружении. Нечего делать, нужно всё отложить в сторону.

— Я готов.

— Все вассалы уже при мне, государь.

— Мое войско всегда со мною.

Этельбальд. Для тебя, государь, всё рад принести.

Арвальд. В одну минуту буду снаряжен. (Уходит).

<Альфред>. Да, шумно начинается мое царствование. Дайте и вы все, благородные таны, клятву: ни пяди земли не уступить датчанам.

<Таны>. Спасителем Иисусом и девой Марией клянемся!

<Альфред>. Идем и сейчас на коней! Но

прежде я хочу обсмотреть войска ваши. Ну, король, яви теперь деятельность души. Вот тебе то поле, которое ты рвался возделать. Много работы предстоит. Страшные перспективы: внести туда пламенный наук и познаний, где их в помине нет, где нет букваря во всем государстве... Подвести под законы и укротить своевольное неустройство этих беспокойных магнатов государства, глядящих лесным <зверем?>, а вдобавок и на плечах неприятель... Дай, боже, силы!.. (Уходит).

Цеолин. Как мне нравится король!

Эдрик. Ты не знаешь его еще, Цеолин, хорошо. Это бог.

Эдвиг. Что, Кедовалла, у тебя все вооружены?

<Кедовалла>. Все.

<Эдвиг?>. Что король? Ведь, кажется, молодец?

<Кедовалла>. Да, кажется, храбрый. Да что-то так...

<Эдвиг>. Что?

Кедовалла. Мудреный что-то.

Действие II.

Альфред, граф Этельвальд, граф Эдвиг,

Цеолин, Кедовалла с толпою воинов входят на сцену.

Альфред. Мне еще не верится, чтобы мы были побеждены. Горсть, разбойничья шайка, не более, и перед этой шайкой не могло устоять пятнадцат^{<ь>} [тысяч] всадников и цвет саксонской нации и 90 тысяч пеших! Что скажете вы на это, столпы этой нации, благородные таны?

Граф Эдвиг. Король, распусти нас. Я соберу всех слуг своего замка, сам выгоню моих васалов. Пусть каждый сделает то же.

<Альфред>. Граф, ты сед волосом, а даешь такой совет. Нет, благородные таны, всё теперь зависит от нас самих и от нашей решимости. Уступим — мы потеряем всё, возрастим гордость неприятельскую. Клянусь, мы им дадим и уверенность в их непо^{<бе>}димости, и тогда кто против них? Вы видели, как они неслись в битве. Один шаг назад — и дерзость их возрастет, как Голиаф. Бароны, одно нам средство! Здесь нечего думать. С этими же самыми силами обратить отступление в нападение, покамест не узнала о нашем поражении нация.

<Кедовалла>. Король, ты видел сам, что наша храбрость не заслужила упрека. Я никогда не думал о своей жизни. Но клянусь пресвятой матерью, за них стоит демон! Я видел сам, как его темный образ мчался рядом с этим непобедимым Губбо. Мои вассалы в первый раз побледнели от страха. Мои латы, которые окропил епископ два года назад, в первый раз пробиты <?>.

Альфред. Какое черное невежество веет от Кедоваллы! Тебя, я знаю, не уверишь, потому что твоя душа в старой коре. Но, таны, как видно, что недавно приняли христианскую веру и не смыслите ничего в ней! Вы испугались злого духа! Разве злой дух может устоять против бога? Разве есть что на свете больше христианского бога? Вы видели, с каким криком и острым копьём стремились в наши ряды эти морские люди. А отчего? Потому что призывали поминутно языческого бога их Одена, который — пыль и прах перед богом христианским. А вы не надеетесь! Какие вы христиане! За вас Христос и пречистая дева...

<Таны?>. Король, идем! Ни двух шагов зем-

ли датчанам!

Часть народа и всадников. Король, датчане

...

<Альфред>. Стой!

<Всадник>....гонятся!

<Альфред>. Все таны ни с места! Далеко датчане?

<Всадник>. По пятам нашим...

<Альфред>. Во имя святой Марии! не подавайся<?>, как кельданские скалы.

Врывается на сцену дружина датчан. Саксонцы встречают копьями. Начинается сеча.

Губбо. Сыны Одена! не полон будет пир наш, если не сокрушим англо<саксов>.

<Альфред>. Англосаксы! не забывайте — с нами Христос и Мария.

Губбо. Ринальд, Ринальд! тихо гремит твой меч. Мало искр вышибает твое копьё из неприятельских лат.

Ринальд. Нет, король Губбо, кровь от вражеских трупов отуманила твой взгляд.

Альфред. Христиане, крепитесь! Святой Георгий на белом <коне> за нас!

<Губбо>. Оден! рука моя дымится кровью, а Ингвара нет со мною. Ринальд, Ринальд! За-

чем избит шлем твой? Не дрожат ли твои перси?

<Ринальд>. Еще станет, король мой Губбо! Вот тебе, собака!.. Сыны Одена доставят черепов на пиршественные чаши.

<Альфред>. За Марию, за Христа, англосаксы!

Губбо. Уста мои запеклись, язык сохнет, а Ингвар мой не летит на помощь!

Ринальд (падая). Оден! Готовь мне место в Валгале!

— Вот тебе, собака датчанин! (Протыкает ему голову копьем).

Альфред. Англосаксы! победа за нами!

Губбо. Отд<ыха> не будет тебе, Альфред, до коих пор меч играет в руках моих.

Альфред. Остановитесь, датчане! Сдавайся, Губбо, и положи твоё оружие.

<Губбо>. Никогда! Ты думаешь, что сыны Одена когда-нибудь соглашались быть чьи<ми> бы то ни было рабами?

<Альфред>. Мне не нужно, Губбо, твоей свободы, я не отнимаю ее. На два слова.

Губбо тотчас останавливается. Обе стороны опускают копья.

<Альфред>. Я готов заключить с тобою <мир> и пощадить <1 нрзб.> остаток твоих товарищей с тем, чтобы ты теперь же немедленно отправлялся за море, принес клятву, по обычаю своей религии, никогда не являться у берегов Англии. Оружие всё при вас остается. Всё, что ни имеете на себе, не будет тронуту.

<Губбо>. Король Альфред, я соглашаюсь.

<Альфред>. Итак, храбрый, произнеси клятву.

<Губбо>. Клянусь моим Оденom, моею сбруею, моим вызубренным мечом, что никогда я и вся храбрая моя дружина не будем нападать на твои владения, а когда не выполню моей клятвы, да будем желты, как медь на латах наших! Да обратятся наши копья на нас же самих!

Альфред. Слышите вы все клятву? Губбо, ты свободен. Ступай! Твои ладьи ждут у берегов.

<Губбо>. Пойдем, товарищи. Нам не стыдно глядеть друг на друга. Мы бились храбро. Не сегодня — завтра, не здесь — в другом месте, нанесут наши ладьи гибель неприятелям, носящим золотое убранство...

Отрывки из неизвестной драмы*

I

<Баскаков>. [5] А, забрало, наконец. Какое это непостижимое явление! Подлец последней степени, мошенник, заклеянный печатью позора, для которого одна награда — виселица, и этот человек, попробуй кто-нибудь коснуться его чести, назвать его подлецом: «Как вы смеете, милостивый государь, поносить честь мою? Я требую удовлетворения за вашу обиду. Вы нанесли мне такую обиду, за которую «пропуск» омыть кровью». Бездельник! И он стоит за честь свою, за честь, которая составлена из бесчестия.

<Валуев>. Я не в силах более перенести этого! На этом ме<сте>, здесь же мы деремся.

<Баскаков>. Что? А! (*Становится спиной к дверям*). Дуэль. Поединок. Неправда. Нет, братец. Эдаких подлецов не вызывают на поединок. Для тебя нет этого удовлетворения. Этого для моей чести уже было бы слишком, чтобы я дрался с каторжником, которого ведут в Сибирь. Дуэль? Нет, тебя просто убить, как собаку. Бедное животное, благородное животное,

прости, что я унизил сейчас<?> тебя, сравнивши с этим гнусным творением.

<Валуев>. (В бешенстве подбегает к окну). Эй, Никанор! Поддай пистолет мне.

Баскаков. Что, тебе хочется пистолета? вон он. Я бы тебя мог сию минуту убить; но дивись моему великодушию; две минуты я даю тебе еще приготовиться. В это время ты можешь еще произнести к богу одно такое слово, за которое, может быть, уменьшатся твои муки, когда унесет твою душу ее владелец дьявол.

(Валуев бросается на него, желая вырвать пистолет. Несколько минут они борются.)

Валуев. Я вырву таки у тебя его.

<Баскаков>. Нет, не вырвешь: у честного человека крепче рука, нежели у подлеца.

(Борются еще несколько секунд; наконец, Баскакову удается навести пистолет против груди. Раздается выстрел. Валуев падает. Подымается со всех сторон лай собак. Стучат в двери. Голос в замочную скважину: Барин, отворите-с.)

<Баскаков>. Зачем?

<Голос>. Кто-то из вас выстрелил из ружья.

<Баскаков>. Лжешь! Здесь никто не стрелял. Лежит, протянулся; даже не вздохнул, не помолился, ни последней <молитвы?> не молвил на смертном одре своем — смерть, отвечающая его жизни. Однакож он жил; он имел такие же права жить, как и я, как и всякий другой. Он был гнусен, но был человек. А человек разве имеет право судить человека? Разве кроме меня нет высшего суда? Разве я был назначен его палачом? Убийство! Честный ли человек он был, подлец ли, но я все-таки убийца... Убийца не имеет права жить на свете. *(Застреливается).*

(Слышен собачий лай. Выламывают двери. Входят станционный смотритель и ямщики).

Станционный смотритель. Вишь, дуэль была.

Ямщик *(рассматривает тела)*. Еще этот хрипит, а тот уже давно душу выпустил.

Станционный смотритель. Что же тут долго <думать?> Возьми-ка, Гришка, гнедого коня да ступай верхом за капитаном-исправником.

(Занавес опускается).

[III.]
Действие V.

Комната 1-го действия.

Ольгин (входя). Боже, как у меня сердце бьется. Я ее опять увижу. (Входит Петр). А, здравствуй, старик! Что, я могу видеть барыню?

<Петр>. Как об вас прикажете доложить?

<Ольгин>. Скажи, что управитель тот самый, котор<ый> ей рекомендован. (Петр уходит). Как всё уединенно. Я едва могу узнать прежнюю комнату. Верно, у ней не принимают никого: даже ворота заперты.

<Петр>. Барыня просила ее немножко подождать; она скоро выйдет к вам.

<Ольгин>. Послушай, старик: что, вы всегда живете так, как теперь? отчего у вас заперты ворота? Разве никто не заезжает к вам?

<Петр>. Вот то-то и есть, сударь, что мы живем бог знает как. Уж по-моему иди в монастырь, коли хочешь так жить. Гостей, объявить вам вот по чистосердечной совести, никого. Как добрый наш <барин?> жил с нами, не так было! Что за редкостные люди были, если бы вы знали! Ну, что ж будешь делать.

Не захотели жить вместе да полно. А от чего? За дрянь, за пустяк, чего-то рассердились один на другого. Барыня как-то нагрубилла барину; ну, не вытерпел, человек молодой, и уехал. А по мне, право, из пустяков. Ведь уж известное дело бабы, ну, так чего же тут. Вот, конечно, вам лучше примерно сказать, моя старуха. Был я три года в отлучке. Приезжаю, навстречу идет она, с радости не знает, что делать, и ребенка ведет за руку. «Здравствуй» — «Здравствуй. А откуда, жена, ребенка взяла» — «Бог дал», говорит. «Ах ты, рожа, бог дал. Я тебе дам». Ну, отломал таки сильно бока. Что ж? После простил всё, стал попрежнему жить. Что ж, ведь после оказалось, что я сам-то ведь был причиною рождения ребенка: похож на меня, как две капли воды; такой же совсем, как я, голубчик ты мой. *(Плачет)*. Вот уж два года тебя не знаю, и вести нет. Что-то ты, мой сердечный, жив ли ты?

<Ольгин>. Чем же, однакоже, занимается барыня?

<Петр>. Как, чем занимается? Известно, дело женское. Я вам скажу, сударь, что дела хозяйственные идут у нас бог знает как. Вот

вы сами увидите. Вы спросите, отчего; а бог знает, отчего. Если бы вы увидели, как она изволит управлять, так это курам смешно. Вообразите, что сама переходит по всем избам, и чуть только где нашла больного, и пошла по-теха: сама натащит мазей, тряпок, начнет перевязывать. Ну, скажите, пожалуйста, боярское ли это дело. Какое же после этого будет к ней уважение мужиков? Нет, уж коли хочешь управлять, то ты сама уж сиди на одном месте; а если что, пошли приказчика: уж это его дело; он уже обделаает, как ему следует. Мужика не балуй. Мужика в ухо, — народ простой, вынесет. А этим-то и держится порядок. При барине не так было. Ах, если бы вы знали, сударь, что это был за редкостный человек. Ну, да и она редкостная барыня. Если хотите, я вам покажу комнату барина, хотя барыня никого туда не впускает и запирается сама по нескольким часам, и что она там.

Наброски драмы из украинской истории*

Как нужно создать эту драму.

Облечь ее в месячную ночь и ее серебряное сияние и в роскошное дыхание юга.

Облить ее сверкающим потопом солнечных ярких лучей, и да исполнится она вся нестерпимого блеска!

Осветить ее всю минувшим и вызванным из строя удалившихся веков, полным старины временем, обвить разгулом, козачком и всем раздольем воли.

И в потоп речей неугасаемой страсти, и в решительный, отрывистый лаконизм силы и свободы, и в ужасный, дышущий диким мщением порыв, и в грубые, суровые добродетели, и в железные несмягченные пороки, и в самоотвержение неслыханное, дикое и нечеловечески-великодушное.

И в беспечность забубенных веков.

* * *

Отвечает сравн<ением>, иносказательно: «Правда, случается, что вол падал, издыхал,

но под рукою человека, которому бог дал ум на то, чтобы сделать нож; но никогда еще не случалось, чтобы бык погибал от свиньи».

Делает распоряжения о продаже рыбы, о запасе на зиму, именно на такое-то время, потому что тогда хлопцы пьянствуют. О покупке соли, о баштанах, хлебах, о порохе, ружьях, кунтушах для солдат. — «Войны, кажется, ожидать не нужно, потому что мужицкая и козацкая сноровка бунтовать — так, чтобы не побунтовать, не может проклятый народ; так вот у него рука чешется; дармоедничает да повесничает по шинкам да по улицам».

* * *

Монахам такого-то монастыря купить вытканые и шитые утиральники.

Рыцарские.

Не поединки, а разделяются драками; набравши с собою сколько можно больше слуг и выехавши на поле, нападает на своих противников.

Мужики.

Разговор между мужиками. Вздорожало всё, дорого. За землю, ей богу, не длиннее вот этого пальца — 20 четвериков, 4 пары цып-

лят, к Духову дню да к Пасхе — пару гусей, да 10 с каждой свиньи, с меду, да и после каждых трех лет третьего вола.

* * *

Рассказывают про клады и сокровище запорожцев. «Уйду на Запорожье, здесь всякий чорт тебя колотит».

* * *

Демьян превращается в кашевара, Самко в переку<пщика?>

* * *

Выдумать, как запала мысль в голову молодому дворянину. Чисто-козацкое изобретение, как подговорить. Лукаш говорит, что он ничего не значит, что нужно склонить полковников. Народ обступает их дома и вынуждают.... И сказать, каким же образом....

* * *

Народ кипит и толчется на площади, око<ло> дома обеих полковников, требуя их при<нять> участие в деле, начальство над ними. Полковник выходит на крыльцо, увещевает, уговаривает, представляет невозможность.[6]

* * *

Входят, возвещают и советуют бежать.

«Бегите и спасайтесь, жены и бабы! Ляхи за нами, и грабят и жгут». В этом положении находя<т>. Укладывается старушка, плачет, расставаясь с прежним жилищем, где столько пробыла и откуда никуда не выходила.

Вдохновенная, небесноухающая, чудесная ночь. Любишь ли ты меня? По-прежнему ли ты глядишь на своего любимца, не изменившегося ни годами, ни тратами, и горишь и блещешь ему в очи, и целуешь его в уста и лоб? Ты так же ли, по-прежнему ли смеешься, месячный свет? О боже, боже, боже! Такие ли звуки, такие снуются и дрожат в тебе? Клянись, я слышал эти звуки, я слышал их один в то время, когда я перед окном: на груди рубашка раздернута и грудь и шея моя навстречу освежительному ночному ветру. Какой божественный, и какой чудесный и обновительный <?>, утомительный, дышущий негой и благовонием, рай и небеса — ветер ночной. Дышущий радостным холодом ветер урывками обнимал меня и обхватывал своими объятиями и убегал и вновь возвращался обнимать меня, а черные, угрюмые массы ле-

су, нагнувшись, издали глядели и <над> ни<ми> стоял торжественный несмущенный воздух. И вдруг соловей... О небеса, как загорелось всё, как вспыхнуло! У, какой гром... А месяц, месяц... Отдайте, возвратите мне, возвратите юность мою, молодую крепость сил моих, меня, меня свежего — того, который был. О, невозвратно всё, что ни есть в свете.

* * *

Сказавши монолог, долго кричит. Выходит мать. «Дочь, у тебя болит голова» и прочее.

— Нет, не голова. Болею я вся, болят мои руки, болят мои <ноги?>, болит грудь моя, болит моя душа, болит мое сердце. Огонь во мне. Воды, мать моя, матушка, мамуся. Дай такой воды, чтобы загасила жгущее меня пламя. О, проклята моя злодейка, и проклят род твой, и прокляты те сво <слово недописано>, что кричали. Мать моя матушка, зачем ты меня породила такую несчастную? Ты, видно, не ходила в церковь; ты, видно, не молилась богу; ты, видно, в нечистой воде искупалась, в ядовитом зелье, на котором проползла гадина.

* * *

Внутри рвет меня, все немило мне; ни земля ни небо, ни всё, что вокруг меня.

* * *

Отречение от мира совершенное. А между тем рисуется прежнее счастье и богатство, которое могло <... > Прощание слезное с молодыми годами, с молодыми радостями, со всем и строгое покорение судьбе. Обеты и как будет молиться, как припадать к иконе: «и всё буду плакать и ничего, никакой пищи бедному сердцу, не порадую его никаким воспоминанием».

И вдруг. Здесь встреча с соперницей в уничиженном состоянии, и всё вспыхивает вновь во всем огне и силе. Потoki упреков и злобная радость. Потом опомнивается и вспоминает об обетах, бросается на колени и просит прощания.

Приложение

Жиро. Дядька в затруднительном положении*

Комедия Джуованни Жиро

Перевод с итальянского под редакцией Гоголя

Действующие лица

Маркиз *Джулио Антиквати*.

Маркиз *Энрико*, его сын.

Госпожа *Джилльда Онорати*, жена Энрико.

Бернардино, грудной ребенок, их сын.

Маркиз *Пиппетто*, второй сын Джулио.

Дон Грегорио Кордебоно, дядька, гувернер в доме маркиза.

Леонарда, старая служанка.

Симон, слуга маркиза.

Действие в Риме, в доме маркиза.

Действие первое

Явление I

Комната со многими дверями.

Маркиз Джулио и Леонарда.

Маркиз. Оставляя всю эту болтовню в сторону, сказала ли ты дон Грегорио, что я хочу с ним поговорить?

Леонарда. Да, сударь.

Маркиз. Ну, и довольно; вот и всё.

Леонарда. Но так как он до сих пор не идет, то я хотела... потому что вы думаете, что я...

Маркиз. Придет, придет.

Леонарда. Мне кажется, однакож, что это пренебрежение со стороны дядьки — заставлять себя дожидаться тогда, как сам господин дома зовет его.

Маркиз. Пожалуйста, об этом не заботься. Ты славная женщина; но не хочешь, вот во все время, что ни живешь в моем доме, бросить прескверную привычку — болтать и мешаться не в свои дела.

Леонарда. Что до меня, то я... Может быть, вы воображаете... Напротив, я говорю так, как... а впрочем...

Маркиз. Довольно! Ступай, тебе говорю.

Леонарда. Слушаю. *(Про себя.)* Это дон Грегорио поссорил его со мною, и таким образом, что я не заметила когда, и ничего не могла этого предвидеть... Но я постарее его... то-есть,

я хотела сказать: я похитрее его. (*Уходит*).

Явление II

Маркиз и дон Грегорио.

Маркиз. Дай только этой женщине волю, не перестанет вечно болтать, ворча то на одного, то на другого.

Дон Грегорио. Извините, маркиз, что замедлил: письмо, которое...

Маркиз. Помилуйте, дон Грегорио, напротив, простите меня, что вас побеспокоил. Я к вам имею нужду, любезнейший дон Грегорио.

Дон Грегорио. Приказывайте, маркиз.

Маркиз. Признаюсь, меня смущала всегда ипохондрия, овладевшая с недавнего времени сыном моим Энрико; но сегодня, когда он вошел ко мне сказать доброго утра, он показался мне в таком положении, как я никогда не видал... Я за него боюсь.

Дон Грегорио. И на это вы имеете полную причину.

Маркиз. Почему?

Дон Грегорио. Почему!

Маркиз. Я не могу этого себе представить.

Дон Грегорио. И я также.

Маркиз. Он говорит, что совершенно здо-

ров; доктор утверждает то же, — что у него нет лихорадки.

Дон Грегорио. Это так.

Маркиз. Если бы, положим, за мальчиком меньше было смотрения, как бы в доме моем меньше было строгости, я бы мог подозревать; но с моей системой...

Дон Грегорио. Вы меня извините, маркиз, но насчет этого я вам скажу то, что уже сто раз повторял. Вы называете мальчиками ваших двух сыновей, а между тем маркизу Энрико уже двадцать пять лет, а вашему Пиппетто исполнилось девятнадцать.

Маркиз. Хорошо, но какое же отсюда влияние может быть на здоровье?

Дон Грегорио. Сказать вам откровенно, я думаю, что молодой человек впал в ипохондрию, видя себя в такие лета содержимого с такою строгостию. Не доставить ему ни разу случая быть на бале, в театре, ни разу не поговорить с женщинами...

Маркиз. Ох, не говорите мне о женщинах!

Дон Грегорио. Ни разу не позволили ему, так сказать, высунуть носа из дому.

Маркиз. Это не от того. К тому ж вы знаете

мой образ мыслей. Молодые люди, пока не достигнут по крайней мере двадцати пяти лет, не должны знать ничего другого, кроме своего дома и учебных занятий. *(Начиная горячиться)*. Боже сохрани, если бы я заметил в них какой-нибудь светский каприз или светскую потребность! Вы понимаете меня?

Дон Грегорио. Успокойтесь! Десять лет я живу в вашем доме, не беру за это никакого жалованья и только из дружбы принял на себя эту должность. Если доньне сохраняю звание дядьки ваших сыновей, то единственно из любви к ним. Вы должны быть после этого твердо уверены во мне.

Маркиз. Так, но ваши правила...

Дон Грегорио. Делайте, что вам угодно. Хотите держать ваших сыновей в тюрьме, держите. Но будьте уверены, что сыновья поступят так, как собака, которая, если на свободе и не привязана, ходит, обнюхивает, узнает, бегает осторожно, словом — делает всё, как следует. Но будучи содержана вечно на цепи — посчастливься ей только когда-нибудь сорваться с этой цепи: мечется, ворчит, кусается и, если попадет в какую навозную кучу,

то вымарается в ней хуже всякой другой собаки.

Маркиз. Вы человек, который хочет словам дать более силы, чем рассудку, и придерживаетесь нынешних правил. Я так воспитан, и хочу, чтоб так же воспитывались мои дети.

Дон Грегорио. Итак, не жалуйтесь, если один из них погибнет, а другой, одаренный и без того не щедро природою, останется дураком, не будучи в состоянии отличить солнца от луны.

Маркиз. При всем том, вы меня никогда не уверите, чтоб это была единственная причина болезни Энрико. Дон Грегорио! Вы должны всячески узнать это дело. Это правда, что я его несколько отталкиваю от себя своею строгостью, и он, натурально, не будет со мною так откровенен, как с вами. Я вас прошу, займитесь серьезно этим. С недавнего времени Энрико больше, нежели когда-либо, расстроен.

Дон Грегорио. Будьте спокойны, маркиз. Употреблю все средства, чтоб узнать, есть ли какая другая неизвестная причина, но до сих пор...

Маркиз. Я поручаю себя вам, дон Грегорио. Теперь я уйду из дому отдать визит министру. Статься может, что я должен буду остаться там обедать. И потому, если к трем часам не возвращусь, можете садиться за стол без меня.

Дон Грегорио. Очень хорошо.

Маркиз. Вам поручаю это дело, как самое близкое моему сердцу (*Уходит*).

Дон Грегорио (один.) Какое упрямое убеждение имеют эти старикашки с своими деревянными головами! Держат молодых людей взаперти половину жизни! И ведь для чего? Именно с тем, чтобы после, как выйдут в свет без малейшего познания света, их одурачил первый, какой попадется, мошенник, или поддела первая плутовка. Положение, одна-кож, маркиза Энрико внушает сострадание. Но успею ли я открыть? По крайней мере, постараюсь... А между тем узнаем, что делает наш чудачок. (*Кличет*). Пиппетто! Маркиз Пиппетто!

Явление III

Дон Грегорио и маркиз Пиппетто.

Пиппетто. Что вам угодно, дон Грегорио?

рио?

Дон Грегорио. Из какой комнаты вы теперь пришли?

Пиппетто. Я был у Леонарды.

Дон Грегорио. За каким делом?

Пиппетто. Она мне показывала, как метать петли и шить.

Дон Грегорио. Ну, к чему вам может послужить это?

Пиппетто. Все науки полезны.

Дон Грегорио. Наука шить! Бедные попечения, брошенные на ветер! И отец воображает, что голова этого сорта в двадцать пять лет годна занять роль в обществе.

Пиппетто. Что вам угодно от меня?

Дон Грегорио. Скажите, хотите ли итти со мной прогуливаться?

Пиппетто. Извините, мне теперь не хочется.

Дон Грегорио. Ну, оставайтесь. Только не будьте так часто с служителями. Говоря с Леонардой и с лакеями, вы уже успели научиться таким словам и фразам... Они уж чересчур тривиальны.

Пиппетто. Но с кем же вы хотите, чтоб я

говорил, если я никого другого не вижу?..

Дон Грегорио (про себя). Вот то самое, что я говорю всегда маркизу. <*К Пиппетто*>. Ну, довольно. По крайней мере, старайтесь подражать разговору вашего отца, учителей, а не слуг.

Пиппетто. Постараюсь. Впрочем, Леонарда, мне кажется, говорит недурно.

Дон Грегорио. Это правда, что в эти годы пора бы ей выучиться.

Пиппетто. А мне она совсем не кажется стара.

Дон Грегорио. А между прочим потрудитесь сказать Энрико, не хочет ли итти из дому. Я через минуту буду здесь. Зайду только к себе запечатать кое-какие письма и сейчас возвращусь. *(Про себя).* Тупоумие этого молодца, положение Энрико, упрямство старого маркиза заставят меня просто потерять голову! *(Уходит).*

Пиппетто. Теперь я вижу, что Леонарда говорит правду, что дон Грегорио сделался ее врагом. Выходит тоже правда, что он покушался соблазнить ее невинность. Гадкий старичишка! Нужно позвать брата, чтоб сказать,

не хочет ли он итти. (*Кличет*). Энрико! Энрико!

Явление IV

Энрико и Пиппетто.

Энрико (за сценой). Что тебе нужно?

Пиппетто. Слушай!

Энрико (за сценой). Да что тебе нужно, говори!

Пиппетто. Ступай сюда, и ты услышишь.

Энрико (за сценой). Как ты несносен! (*Входя*). Ну, что?

Пиппетто. О, как ты не в духе сегодня!

Энрико. Оставь меня в покое!

Пиппетто. Дон Грегорио говорит, не хочешь ли итти из дома. Он сейчас придет, чтоб итти с тобой.

Энрико. Нет.

Пиппетто. Ну, так останься покамест здесь и, если дон Грегорио возвратится, скажи, что хочешь остаться дома.

Энрико (с поникшими глазами). Хорошо.

Пиппетто. Но отчего ты всегда так печален? Знаешь, что я тебе скажу? Если будешь ты так продолжать, то скоро умрешь.

Энрико (хладнокровно). Правда.

Пиппетто. Берегись! Когда умрешь, это тебе будет очень неприятно. Делай потом себе, что хочешь. (*Про себя*). Пойду к Леонарде, которая теперь меня ожидает, и скажу ей, что дон Грегорио сказал, что она старуха. Но с которой стороны он ни заходи и какие ни пробуй дороги, а Леонардушка во всяком случае любит только своего Пиппетто. (*Уходит*).

Энрико (один). Я теперь в решительном отчаянии. Нет никаких средств! Суровый характер моего отца... Тогда, как он воображает, что я никогда не выходил из дому — и быть принуждену признаться, что я имею жену! При одной мысли об этом мороз обхватывает меня. Правда, что звания почти равны, что качества душевные достойны всякого уважения, что я не мог бы желать больше... но характер, характер отца моего, его неукротимый характер... его система... Я трепещу при одном взгляде на свое положение. Пока еще было можно хранить тайну, сердце успокаивалось разнообразными льстивыми мечтами; но теперь, когда всё должно непременно открыться, теперь, когда Джильда не имеет никого у себя, кроме меня, когда я... О, какая му-

ка! Как свирепо мое горе! *(Печаль сильными чертами выражается на лице его).*

Явление V

Энрико и дон Грегорио.

Дон Грегорио (про себя). Вот он в своем обыкновенном положении. Бедный молодой человек! Он возбуждает слишком мое сострадание. *(К нему).* Маркиз!

Энрико. Господин дон Грегорио!

Дон Грегорио. Хотите сделать небольшую прогулку?

Энрико. Ах, увольте меня от нее, я вас прошу.

Дон Грегорио. Как хотите. Я вижу, что вы несколько взволнованы.

Энрико. Ах!.. Не сомневайтесь, дон Грегорио...*(Слезы льются из глаз его).*

Дон Грегорио. Что говорите! Из глаз ваших падают слезы, как капли дождя. Сын мой милый! К чему послужит скрыватьсь? В душе вашей есть горе, убивающее ваше здоровье. Энрико мой милый, мой прекрасный Энрико! Бросься в объятия твоего дон Грегорио! Не стыдись обнаружить тайную причину, ввергающую тебя в это несчастное состояние.

Сердце мое открыто для тебя. В эту минуту я не дядька твой, я твой нежный друг. Клянусь сохранить свято тайну и обещаю тебе всякую помощь, как отец самый нежнейший, который прижимает тебя к груди своей. (*Обнимая его, про себя*). Если не подвигнется от этих слов, то больше ничем не подвигнется.

Энрико. Дон Грегорио! Вы клянетесь?...

Дон Грегорио (в сторону). А! вот наконец поддается! (*Вслух*). Да, мой Энрико!

Энрико. Ах, вы видите, в какое положение я приведен!

Дон Грегорио. Несчастный! Вы исхудали, вы сделались бледны.

Энрико. Я не ем, я терплю, я мучаюсь, ночью сны мои... Ах, я слишком заслуживаю сострадания! Но вы, дон Грегорио, вы не можете пособить моему горю.

Дон Грегорио. Да, да, есть средства пособить всякому горю. Подойдите ко мне, скажите, исповедайтесь, откройтесь! Дон Грегорио запечатывает уста свои; слова ваши останутся окаменевшими в ушах его. Скажите, скажите мне: какого рода ваше горе? какая причина произвела болезнь вашу?

Энрико. Дон Грегорио! горе... Нет, у меня недостает присутствия духа! Моя болезнь... Боже! где я? О, женщины, женщины!

Дон Грегорио. Женщины! как? *(Хвативши себя руками по лбу).* О, несчастный малый! И как это возможно? Не выходявши никогда из дому?.. Что, вы влюблены? а? Ну, что такое вам приключилось?

Энрико. Дон Грегорио! молчите, ради самого неба! Я в ваших руках... Да, вы можете вообразить... Женщина привела меня в то состояние, в каком меня видите.

Дон Грегорио. О, мошенница! Пот проступает на лице моем... я вне себя... Сын мой, объяснитесь!

Энрико. О, боже! я не нахожу слов... Дайте мне минуту времени... стыд... Отец мой где?

Дон Грегорио. Отец ваш вышел. Не бойтесь, он, может быть, не возвратится и к обеду.

Энрико (весь в волнении). Точно ли так?

Дон Грегорио. В этом я могу вас уверить.

Энрико. Итак...*(в размышлении, потом про себя).* Вот, наконец, минута! *(Вслух).* Вы клянетесь помочь мне?

Дон Грегорио. Да, от всего моего сердца.

Энрико. Хорошо. Итак, теперь...*(В мучительной нерешимости)*. Небо, дай мне силы!.. Решусь... Я вам покажу всё.

Дон Грегорио. Да, да, сын мой!

Энрико. Заприте эту дверь, чтобы Пиппетто и Леонарда не могли войти сюда... Слуга, который теперь в столовой... ради бога ушли-те его куда-нибудь из дому...

Дон Грегорио. Да, Энрико, всё сделаю, что тебе хочется. Здесь мы запрем. *(Запирает дверь)*. Отправлю за каким-нибудь делом слугу. Смелее, смелее, Энрико!

Энрико. Сейчас... Иду... Увидите всё... Вы подвигнетесь участием... Боже, не оставь меня в эту сильную минуту! *(Уходит в свою комнату)*.

Дон Грегорио. Бедный мальчик!.. Никак не могу объяснить... Разбойница! *(Кличет)*. Симон! После такого бдительного надзора... Но что я говорю! Всё бесполезно!.. Симон! Но каким образом?.. Кто-нибудь должен помогать ему... Симон! Симон!

Явление VI

Симон и дон Грегорио.

Симон. Что прикажете?

Дон Грегорио. Ступай на почту, узнай, нет ли мне писем.

Симон. Я уж был там. Писем вам нет никаких.

Дон Грегорио (в сторону). Чорт возьми! *(Ему).* Сходил бы ты, между прочим, к книгопродавцу: не переплел ли он мне те два тома, которые я ему говорил.

Симон. Да, сударь; он уже их принес. Я их положил на стол в вашей комнате.

Дон Грегорио (в сторону). Прошу покорно! Смотрите, нарочно как этот бестия-дьявол всюду тычет хвост свой! *(Ему).* Хорошо; так как ты теперь ничем не занят, то сходи к цырюльнику и приведи его сюда: я хочу побриться.

Симон. Очень хорошо *(готовясь идти).*

Дон Грегорио (в сторону). Недостает только, чтоб он сказал, что я уже брился.

Симон (возвращаясь). Ведь я позабыл, что сегодня все лавки заперты. У цырюльников праздник.

Дон Грегорио (в сторону). Тьфу ты, сатана!.. *(Плюет).* Очень хорошо! Сегодня черный день! *(К Симону).* Ступай за мною в мою ком-

нату, я тебе дам отнести на почту кое-какие письма.

Симон. Как прикажете.

Дон Грегорио (в сторону). Слава богу! Я уж думал, что почтовый ящик, куда бросают письма, заперт. Бедный мальчик! Как только подумаю об этом, хочется плакать. *(Уходят).*

Явление VII

Энрико и потом Джильда.

Энрико. Правосудное небо! Помоги мне в этом смелом предприятии! Ах, если б никто не увидел ее! Бедненькая! Едва только я подал из окна знак ей прийти сюда, мне показалось, что она сама воодушевилась смелостью необыкновенною: вскочила со стула, отняла от груди бедного ребенка...*(Слышен легкий шорох шагов).* Она уже тут, а между тем слуга еще...*(Дрожит).*

Джильда (на цыпочках). Энрико, я здесь. Так ли? Ты этого хотел?

Энрико. Ты никого не встретила?

Джильда. Нет.

Энрико. Отдыхаю.

Джильда. Что нового? Что ты хочешь делать? Безопасны ли мы здесь?

Энрико. Смелее, моя милая Джильда! Тебе предстоит важное дело.

Джилльда. Энрико мой драгоценный! всё, что хочешь, — всё сделает твоя Джильда.

Энрико. Слушай. За несколько минут перед сим обняло меня отчаяние, как вдруг дядька, увидя меня в слезах, с помощью убеждений своих заставил ему открыть причину несчастного моего положения. Я отчасти кое-что уже сказал, но не имел еще духу открыть ему, что мы супруги. Ты знаешь, что когда я должен наконец выговорить некоторые слова, уста мои запираются. И потому, чтоб доверить это дело, мне внушило само небо, теперь, когда отец мой ушел со двора, призвать тебя сюда, — тебя, которая обладает такою силою и разумом речей, чтобы отвечать на всё то, что будет говорить дон Грегорио, услыша подобные вещи.

Джилльда. Сделаю всё, что только могу. Ты знаешь, что я, как только чувствую, что недостает у меня слов, в ту ж минуту пускаю в дело страницу из романа, который читала. Я тебя, однакож, предупреждаю, что этот твой дядька имеет наружность, которая не предве-

щает хорошего.

Энрико. Ты обманываешься. У дон Грегорио не дурное сердце.

Джилльда. Джильда станет делать всё, что ты прикажешь.

Энрико. Как ты добра! Как я люблю тебя! Твой характер уже есть мое оправданье.

Джилльда. Когда же я увижу его, этого дон Грегорио?

Энрико. Вот он.

Явление VIII

Те же и дон Грегорио.

Дон Грегорио (остолбневши от изумления при виде женщины, про себя). Чорт побери! Что я вижу!

Энрико. Дон Грегорио, вот она!

Дон Грегорио. Возможно ли? Вы?

Джилльда. Ах, сударь!

Дон Грегорио. Или я обманываюсь, или вы та девица, что живет против нашего дома, со стороны, обращенной в переулок?

Джилльда. Так точно.

Дон Грегорио. Дочь полковника...

Джилльда. Таллемани.

Дон Грегорио. Который, сказывали, умер в

последнюю войну?

Джилльда. К несчастью.

Дон Грегорио. И вы привели в такое состояние...

Джилльда. Да, я не отрекаюсь: я привела в такое состояние моего Энрико.

Дон Грегорио. Тише, тише... что вы говорите?.. Стыдитесь, стыдитесь!

Энрико. Дон Грегорио, не начинайте упреками!

Дон Грегорио. Но как это?.. как это?.. *(В сторону).* Теряю голову! *(Вслух).* Как вы делали, чтоб между собою видеться?

Джилльда. Скажи ему, как мы делали.

Энрико. Нет, Джилльда, скажи ты. Что, или ты потеряла свое присутствие духа?

Дон Грегорио *(про себя, в величайшем беспокойствии и нерешительности).* Я дурею, вот просто чувствую, что дурею... Кто бы мог это подумать? *(Вслух).* Но объясните, говорите!

Джилльда. Итак, знайте же, что по отъезде бедного отца моего мать моя содержала меня под строжайшим надзором. Энрико, как вы знаете, тоже...

Дон Грегорио. О! что до него, то ему невозможно было отлучиться из дому.

Джилльда. Хорошо. Итак, мы стояли у окон, которые, как нарочно, были одно против другого. Энрико смотрел на меня, я смотрела на него; он смеялся, и я смеялась; он мне делал знаки, я ему отвечала на это другими... Сегодня смеялся, завтра делал знаки, послезавтра вздыхал, так что наконец...

Дон Грегорио. Так что, наконец, вам удалось...

Джилльда. Да, наконец, удалось. Но знаете ли, сколько времени прошло, пока посчастливилось нам в первый раз поговорить?

Энрико. Да, прошло очень много времени.

Дон Грегорио (про себя). Я ничего не понимаю. Я не в своей тарелке. Я черт знает где!

Джилльда. Наконец, в одну ночь удалось Энрико ускользнуть из дому и взбежать на нашу лестницу. Я тремя вязальными спицами, связанными вместе, поворотила пружинку в замке дверей нашего дома. Он вошел трепеща, и я, дрожа всем телом, заперла его.

Дон Грегорио. Правосудный боже! Что слышу! Я умираю!

Джилльда. Едва только переступил Энрико порог моей комнаты (*показывая рукою*) — он стоял здесь, а я здесь, — как вдруг показалась моя мать, вскрикнула, увидевши нас, и бросилась на меня. Но потом вдруг остановилась и обратилась к Энрико, не зная сама, на кого первого излить гнев свой. Находясь таким образом между изумлением и негодованием, она подверглась вдруг сильным конвульсиям и упала без чувств.

Дон Грегорио. Ну, далее...

Джилльда. Произнося со страху бессвязные звуки, я вцепилась за ее, пораженную отчаянием, шею; рыдая, Энрико бросился к ее ногам. На крик наш прибежала старая служанка, и мать пришла в себя... Чтобы загладить безрассудный шаг, чтобы спасти честь мою, было только одно средство; Энрико предложил его, я его приняла, и мать благословила его.

Дон Грегорио (со страхом). Как!

Джилльда. Мы дали друг другу руки, как супруги, и день после был освящен и утвержден тайно союз наш.

Дон Грегорио (крича). Что говорите? Супру-

ги! Супруги? Вправду? Без согласия отца! Так вот ваше несчастье! Я думал просто какое-нибудь несчастье в любовных делишках...*(В отчаянии)*. Идите прочь! Пусть делает отец ваш, что хочет!.. Он вас убьет! Я вас оставляю..

Энрико. Дон Грегорио, дело уже сделано.

Джилльда. Даже слишком — нет никакого средства исправить.

Дон Грегорио. Не говорите мне, не говорите... Я ничего не знаю... Бесчестные! изменить мне...*(В ярости)*. Но как ты сделал, как ты мог выйти из дому?

Энрико. Бастиано, слуга, который месяца два назад тому умер, помогал мне и заказал мне поддельный ключ...

Дон Грегорио (в гневе). Недостойные, недостойные! *(Обращаясь к Джильде)*. А ты как сделала, что он влюбился в тебя?

Джилльда. Как делают все другие.

Дон Грегорио (в гневе). Предательница! предательница! *(В отчаянии)*. Но точно ли законно ваше соединение?

Энрико. Сделано в присутствии нотариуса.

Джилльда. И свидетелей.

Энрико. Узаконено и скреплено.

Джилльда. По всем формам.

Дон Грегорио. Я не знаю, где я нахожусь... Маркиз умрет от печали. Здесь ничего нельзя поправить. Я не могу помочь вам. Ступайте, отправляйтесь!.. Сколько времени, как вы супруги?

Джилльда. Один год.

Дон Грегорио. И в продолжение одного года

...

Джилльда. Мы доставили себе одного сына.

Дон Грегорио (вскрикивая). Сына?

Энрико. Одного только, душенька дон Грегорио.

Дон Грегорио. Оставьте меня в покое, дайте мне удалиться; оставайтесь, бегите, делайте, что хотите. Я вас предаю гневу вашего отца и его ярости. *(Готов уйти).*

Джилльда. Как!

Энрико (удерживая его за платье). Ради самого неба!

Дон Грегорио (вырываясь). Нет! Нет! Здесь нет жалости.

Джилльда. Когда так, оставь его, Энрико. Оставь этого человека с сердцем тирана. Я тебе говорила, что мне не предвещала ничего

другого его наружность.

Дон Грегорио (останавливаясь). Как! Что вы говорите? Я тиран?

Джилльда. Да, вы — тиран, и вечно останетесь им; и, как кажется, вы этим довольны. Сердца наши связаны между собою союзом священным, союзом чести, союзом законов и тысячами тысяч других нежнейших отношений, союзами страсти и клятв переплетены и вмещены одно в другом и сжаты тесно. Отрешить наши сердца одно от другого нельзя, как разве изрубивши на части одно из них или раздробивши оба. Вы насытитесь, сколько желается душе вашей, кровью и слезами; об одном только молю вас: насыщайтесь, сколько хотите, стенаньями и муками моими, но спасите моего Энрико от ярости сурового отца. Если бы я была причиною несчастья этой фамилии, отмстите и обрушьте всё на несчастную Джильду, но да будет прощена мой Энрико! За эту цену я согласна итти скитаться беглянкой, изгнанницей, оставленной всеми, сохранивши только у груди своей несчастный плод любви нашей.

Дон Грегорио (который к концу этой речи

разжалоблен совершенно, говорит про себя навзрыд). Сердце мое разрывается на части.

Энрико (вполголоса). Bravo, Джильда!

Джильда (рыдая). Прощай, мой Энрико!..

Прости мне, если...

Дон Грегорио. Остановитесь... Что я делаю! *(Осушая слезы и про себя)*. Бедные молодые люди! Оставить их в добычу отчаяния... Зло сделано... Они уже муж и жена... О боже! Звания их почти равные... *(в нерешительности)*.

Явление IX

Те же и маркиз Джулио.

Голос маркиза. Дон Грегорио возвратился?

Дон Грегорио. Святые всего света! Это маркиз!

Энрико (в испуге). Дон Грегорио! Я погиб!

Джильда (к дон Грегорио). О боже! Спасите меня!

Дон Грегорио (в сторону). Небо, подай совет!.. — *(Толкая ее в комнату Энрико)*. Сюда, сюда войдите скорее!

Джильда (входя). Не предайте Энрико!

Дон Грегорио. Молчите, молчите! чш!..

Энрико. Ради бога! Я должен итти?

Дон Грегорио. Останьтесь! (Запирает дверь на ключ).

Маркиз (входя в ту минуту, когда дон Грегорио отскакивает поспешно от двери с ключом в руках). Вы дома?

Энрико. Счастливого возвращения, папа! (Целует его руку).

Маркиз (рассматривая со вниманием и недоверчивостью дон Грегорио и ключ, находящийся в его руках). Извините, дон Грегорио, зачем вы с такою поспешностью вынули ключ от этой двери?

Дон Грегорио (про себя). Холодный пот проступает у меня на лбу. (Вслух). Ничего!..

Энрико (про себя). О боже!

Маркиз. Я располагал было не обедать сегодня дома, но министр обедает у маршала. Извините меня, дон Грегорио, вы, кажется, в большом замешательстве; что такое вы заперли в этой комнате?

Дон Грегорио (про себя). Опять! (Вслух). Говорю вам: вздор, ничего...

Маркиз. Однакож?

Энрико (тихо дон Грегорио). Дон Грегорио! Не измените!

Дон Грегорио (про себя). Тут нужен ум. *(Вслух).* Я вам сейчас скажу... мне подарена... одна... собачонка. И потому я, чтобы не запачкала комнат, запер ее туда. После я отнесу ее в свою комнату.

Маркиз. В таком случае я должен просить у вас извинения. Но вы говорите таким образом... Сделайте одолжение, дайте мне ключ!

Дон Грегорио. Как!

Энрико (про себя). Я пропал!

Маркиз. Разве я не господин дома?

Дон Грегорио. Вы, точно, он; и поэтому...

Маркиз. Я хочу видеть, что там заперто.

Дон Грегорио. Я уж вам сказал... одна кудлашка.

Маркиз. Извините, я этому не верю. К тому ж этот дом мой. Дон Грегорио, отдайте мне ключ!

Энрико. Я умираю.

Дон Грегорио. Вы этому не верите? *(Про себя).* Чорт побери всех чертей! *(Вслух).* Господин маркиз! *(С чувством негодования).* Разве таким образом можно говорить мне? Возьмите ключ! Вот он! Отоприте, смотрите, и потом, покрытые стыдом за нанесенное мне

оскорбление, не имейте присутствия духа посмотреть мне прямо в глаза! Подозревать, подозревать, что дон Грегорио может обмануть! Нанести подобное оскорбление в присутствии этого молодого юноши!.. Отоприте, маркиз, сию же минуту! Отоприте в моем присутствии! Пусть увидят ваше бесчестное подозрение и честность дон Грегорио, который с этой минуты оставляет навсегда дом ваш.

Маркиз. Дон Грегорио!

Дон Грегорио. Отоприте! Не слушаю никаких резонов!

Маркиз. Дон Грегорио! Вот ключ!

Дон Грегорио (горячась). Нет, маркиз, отоприте! Мне — подобное оскорбление!

Маркиз. Простите меня, говорю вам, на минуту я потерял рассудок. Я виноват.

Дон Грегорио. Подозревать! Дайте ключ! Ступайте, смотрите! (*готовясь отпирать*).

Маркиз. Остановитесь! Я не хочу.

Дон Грегорио. Пустите меня! Увидите, увидите! Пусть объяснится...

Маркиз. Говорю вам, что не хочу. Прошу извинения, простите меня, я виноват! (*Удер-*

живает его за полы).

Дон Грегорио (*представляя, что насильно хочет отпереть*). Нет, теперь нет.

Маркиз. Что хотите, чтоб я еще сделал, чтоб получить ваше прощение? Дон Грегорио, простите меня. Я был дурак. Ничего не хочу видеть. Я в вас уверен. Ради бога, простите меня. (*Про себя*). Что я наделал! Я горю от стыда. (*Уходит*).

Дон Грегорио. Мне! меня! со мною! (*Про себя*.) Отвязался, наконец, старая дубовая башка?..

Энрико. Ух! как было страшно! Я вам должен...

Дон Грегорио (*передразнивая*). Я должен вам... (*В отчаянии*). Что вы заставили меня сделать?

Энрико. Теперь...

Дон Грегорио. Теперь я ничего не знаю... поищу того... Вы вот что... это обстоятельство... Впрочем того... (*Дает ключ, в смущении, не зная и не понимая сам, что говорит*). Нужно... нужно... Удалите ее отсюда прочь.

Энрико. То-есть...

Дон Грегорио. То-есть, как то, что не стоит

выеденного яйца. Боже, какое затруднительное положение!.. Сделайте так, чтобы никто не видал: я был бы компрометирован... Ради бога!.. Было бы хорошо так... Вы поняли всё? Чорт меня побери, если понимаю хоть одно слово из того, что говорю. (*Уходит*).

Энрико. Небо, помоги мне! (*Уходит в комнату, где жена*).

Действие второе Явление I

Дон Грегорио и Энрико.

Дон Грегорио. Как! Вы до сих пор еще не вывели ее отсюда?

Энрико. Нельзя было никаким образом. В столовой вечно кто-нибудь толкался. Потом мы пошли обедать...

Дон Грегорио. Итак, она до сих пор там?

Энрико. Там.

Дон Грегорио. Прах побери! Как же?... И она ничего не ела?

Энрико. Сейчас я вам скажу. Мне удалось утащить за столом полкурицы и пару котлет, спрятать их в карман и отнести ей тотчас после обеда, чтоб не умерла с голоду.

Дон Грегорио. Но что же она делает теперь?

Энрико. Плачет, опасаясь за ребенка, которого теперь время кормить.

Дон Грегорио. Но как же помочь этому? как? Зачем отваживались вы приводить ее сюда? Разве вы не могли открыть всё, не подвергая...

Энрико. Я не имел столько присутствия духа, чтобы открыть вам, милый дон Грегорио! Покамест было возможно, я скрывал всё, но теперь, когда Джильда осталась одна, отчаяние заставило прибегнуть к этому поступку.

Дон Грегорио. А мать ее?

Энрико. Мать ее, которая условилась в продолжении года держать дочь у себя в доме, имея нужду в деньгах, должна была отправиться в Милан, чтобы собрать кое-какое оставшееся имущество после своего мужа, и уехала три дня тому назад, оставивши дочь на руки провидения и меня, ее мужа.

Дон Грегорио. Итак, она никого больше не имеет кроме вас?

Энрико. По крайней мере, сколько я знаю...

Дон Грегорио. Но как же вы думаете содержать ее до тех пор, пока отец?..

Энрико. Здесь-то и есть мое затруднение.

Дон Грегорио. Отец ваш дает ли вам деньги?

Энрико. Ничего кроме тридцати паолов (15 рублей) шестого генваря, в виде подарка на игрушки.

Дон Грегорио (в сторону). Да, посмотри-ка теперь, каких игрушек требуют эти дети! Какая лошадь этот маркиз! (Ударивши себя по лбу). О боже! И вот я замешался в интригу... Но как, черт возьми, удалось вам всё сделать так, что никто не проник.

Энрико. Бастиано...

Дон Грегорио. Проклятый Бастиано! И я не мог этого предвидеть!

Энрико. Он наблюдал очень осторожно, чтоб из вас кто-нибудь не проснулся, и поддельным ключом отпирал и запирает дверь. В то время, когда мы говорили и проводили время с Джильдой, у нас была стража, чтобы никто не мог ничего узнать; таким образом...

Дон Грегорио (в сторону). Я говорил маркизу: «Позвольте мне, позвольте мне спать внизу!» — «А» — говорит: «не нужно; нет никакой опасности». Вот тебе нет никакой опасности! Распорядился прекрасно! (Вслух). А потом, ко-

гда умер Бастиано?

Энрико. Тогда родился Бернардино...

Дон Грегорио. Кто? Бернардино?

Энрико. Сын наш.

Дон Грегорио. А! *(В сторону).* А между прочим, сколько есть таких, которые бы желали, чтоб у них родился сын, а нет, не родится.

Энрико. После рождения его мы виделись очень редко и с большими предосторожностями.

Дон Грегорио. Я просто безумею. И никто не мог открыть ни супружества, ни беременности девушки, ни разрешения, ни сына!..

Энрико. Никто. Потому что синьора Бриджида, мать Джильды, заключила брачное наше условие посредством одного очень хорошего человека, своего искреннего друга, с которым она уехала в Милан. Он же засвидетельствовал, как следует, рождение ребенка. Синьора Бриджида не выпускала дочь из дому во всё время ее беременности. Синьора Бриджида присутствовала при ней и подавала помощь во всех припадках, для того, чтоб это дело было известно только синьоре Бриджиде, ее другу, старушке служанке дома,

Джилльде и мне.

Дон Грегорио. А когда маркиз узнает это дело, то разобьет голову синьоре Бриджиде, дон Грегорио, который не знал об этом, Джилльде и старушке служанке. Это не шутка! Это интрига, интрига сурьезная, роковая...

Энрико. Итак, вы хотите бросить нас в руки отчаяния? В положении сделать какой-нибудь шаг, внушенный последнею безнадежностью? Если вы имеете столько на это духа и сердце, то сделайте это. По крайней мере, дайте возможность уйти только этой несчастной, чтобы избавить ее от взоров и ярости моего отца, какой предастся он, ее увидевши...*(в слезах).*

Дон Грегорио (в сторону). Да, теперь бы я попросил вас, грозные педанты, притти посмотреть, что делается в таком случае! Они уже супруги, любят друг друга, различия в званиях почти нет никакого, имеют сына...

Энрико. Дон Грегорио!

Дон Грегорио (горячась). Дон Грегорио, дон Грегорио! Это обстоятельства отчаянные...*(В сторону).* Но как же однакож? Теперь, когда выстрел уже сделан, когда пуля вылетела,

разве можно теперь оставить их так?

Энрико. Дон Грегорио!

Дон Грегорио. Надоел с этим «дон Грегорио»... Слушай, прежде всего нужно ее вывести. Через несколько дней, может быть, как-нибудь можно будет уладить это дело. Между тем я постараюсь до того времени твоего отца... Но как, как это сделать?.. А, довольно! Скажи ей, чтобы не плакала, что я подумаю обо всем.

Энрико. Я вверяюсь вам.

Дон Грегорио. Ступай, запрись и не отпирай никому, пока не услышишь моего голоса.

Энрико. Милый мой дон Грегорио!

Дон Грегорио. Да перестань раз навсегда! Я теперь, чорт его знает, в таком положении, что не могу слышать даже собственного имени.

Энрико. Повинуюсь и предаюсь весь вам. Пойду утешить мою Джильду и проведать, не имеет ли она в чем нужды. (*Уходит*).

Дон Грегорио (один). Здесь нет никакого средства поправить. Происходи то, что должно произойти — я не должен оставить этих молодых людей! Впрочем, ведь зло могло бы

быть в десять раз хуже. Она не имеет в себе ничего дурного, хорошей фамилии; а если состояние ее небольших доходов, то это еще ничего: маркиз не имеет нужды в деньгах. Да, смелее! *(Решительно)*. Молодым людям помочь! Так! Теперь нужно вывести молодую женщину так, чтобы никто не видал, и с сегодня я приступаю располагать понемногу маркиза.

Явление II

Маркиз и дон Грегорио.

Маркиз. А! Дон Грегорио!

Дон Грегорио. Синьор маркиз! *(В сторону)*. Кстати пришел!

Маркиз. Прежде всего, повторяю, позабудьте об оскорблении, которое сегодня поутру...

Дон Грегорио. Вы меня поразили, я уж вам говорил...

Маркиз. Довольно! Обнимемся *(обнимаются)*, и пусть это будет последнее напоминание о случившемся.

Дон Грегорио. В этом будьте уверены. *(В сторону)*. Вот хорошая минута!

Маркиз. Где Энрико?

Дон Грегорио (про себя). Вот оно! *(Вслух)*. Не

знаю... может быть, у своего брата.

Маркиз. Вы еще ничего не говорили с ним?

Дон Грегорио. Говорил...*(Про себя).* Да, если б ты знал, о чем мы говорили!

Маркиз. Ну, что ж? Он по обыкновению...

Дон Грегорио. То-есть, если хотите, чтоб я вам сказал правду, то чем дальше, тем более я утверждаюсь в моем подозрении.

Маркиз. То-есть?..

Дон Грегорио. Что этот молодой человек имеет нужду...*(в сторону).* Тише, тише, чш, дон Грегорио! *(вслух)* имеет нужду делать так, как делают молодые люди — гулять, разговаривать...

Маркиз. Вы вечно метите в одно.

Дон Грегорио. Что ж делать? так оно есть. Принимайте мои слова в каком угодно смысле, но нужно, чтоб я сказал вам то, что думаю. Маркиз, положим руку на сердце: что были, например, вы?

Маркиз. Что хотите сказать вы этим?

Дон Грегорио. Что был я в молодости?

Маркиз. Не знаю.

Дон Грегорио. Что такое все люди тогда, как в цвете лет кипит кровь и когда весь —

горящая Этна?

Маркиз. Фурии, которых нужно держать на цепях.

Дон Грегорио. Однакож цепями не излечить зла. Лишение не уменьшает желаний. Бешенство занимает его место; яркая противоположность становится палачом, и юноша гибнет невозвратно.

Маркиз. Посмотрим, однакож, какой результат всего этого? Что, показалось вам, прочитали вы в душе Энрико? Может быть, вы думаете, что его сердце... Вы обманываетесь. С методой, которая введена в моем доме, со строгостью...

Дон Грегорио (в сторону). Да, поди-ка смотри, отопри эту дверь — и ты увидишь, какая там строгость сидит.

Маркиз. Любезный друг! вы, должно быть, в юности были целый дьявол.

Дон Грегорио. Нет, я был в юности молод, как и все другие, с движениями и побуждениями, свойственными этим летам, и я вижу, что они были бы гораздо хуже, если бы, вместо рассудка и советов, родители мои употребили замки и строгость. Поверьте, наконец,

маркиз, что свет и общество кажутся несравненно ослепительнее и прекраснее тому, кто слышит шум их издалека, не видя их, нежели тому, кто проник их, имея их долго пред глазами, и видит их в настоящем виде. Да, сын ваш, наконец, должен начать показываться на солнце и вылезть из этого гроба, где он находится погребенным с той минуты, как родился...

Маркиз. Да, да, именно из одной глупой и, может быть, даже притворной его меланхолии я ему позволю выходить, видеть женщин, говорить с ними...

Дон Грегорио. Ну, так! Как только вы станете говорить о женщинах, кажется, как будто хотите назвать самого дьявола! Мне женщины не представлялись никогда в этом виде, и даже скажу вам, что я был (*в сторону*) отважился! (*вслух*) очень часто их партизаном и защитником...

Маркиз. Браво! Прекрасные правила... Оставим, оставим этот разговор. Вы, я вижу, хотите злоупотреблять мною.

Дон Грегорио (про себя). Это я предвидел. (*Вслух*). Пойдите! так как вы имеете такого

рода опасения, то зачем не жените его?

Маркиз (вспыхнув). Женить, женить ребенка! Синьор дон Грегорио, мы увидимся в другое время. Извините, сегодня вы, мне кажется, не похожи на самого себя.

Дон Грегорио (про себя). Этого еще недоставало...(Вслух). Я говорю, чтоб...

Маркиз. Женить Энрико! Мой отец согласился на мою свадьбу тогда только, когда ему было семьдесят два года, а мне сорок семь...

Дон Грегорио. И, однакож, вы теперь видите...

Маркиз. Довольно, довольно! Я не могу обратить никакого внимания на предложение, сделанное мне человеком, который, не сгорев от стыда, назвал себя протектором и партизаном женщин. Вы никогда еще до сих пор не делали мне подобного предложения. Если б я это знал прежде, я бы, может быть, судил о вас иначе.

Дон Грегорио. Не думайте, что я...

Маркиз. Я извиняю вас, предполагая, что голова ваша сегодня не в полном рассудке.

Дон Грегорио. Вы...

Маркиз. Не говорите мне теперь, я вас про-

шу. Не напоминайте мне об этом, если хотите, чтоб мы остались друзьями. Не напоминайте мне об этом, или я приду в бешенство. (Уходит).

Дон Грегорио (один). Теперь прошу посмотреть, в каких я нахожусь обстоятельствах! Если стану упорствовать в своих речах, потеряю его уважение — и они тогда погибнут... Я нахожусь в положении напасть себе же собственными руками... (Крякнув). А! терять времени нечего! Постараемся удалить людей из столовой и, улучивши первую минуту, вывести отсюда эту несчастную заключенную.

Явление III

Леонарда и дон Грегорио.

Леонарда. Дон Грегорио, нам нужно кой о чем иметь с вами довольно длинный разговор.

Дон Грегорио. В другое время, любезная.

Леонарда. Я не прошу, чтобы вы меня называли любезною.

Дон Грегорио. Любезная или нелюбезная, как хотите, но теперь я занят.

Леонарда. Вы бежите?.. Стало быть, уже знаете, что я должна вам сказать? Вы...

Дон Грегорио. Что касается до меня, то я не знаю, что вы говорите. После, немного позже, поговорю, когда вы хотите, но теперь не могу. *(Про себя).* Я и без того в довольно хорошем расположении духа, недоставало еще этой с длинным разговором. *(Вслух).* Увидимся после! *(Уходит).*

Леонарда (одна). За кого меня принимает дон Грегорио? Нет, он не знает Леонарды! Наговорить мальчику, что я не умею говорить, наговорить ему, что я пожилая, в летах... Разве он думает, я не найду минуты поселить в голову маркиза подозрение насчет его? Я не буду женщина, если не отомщу.

Явление IV

Леонарда и Пиппетто.

Пиппетто. Ты здесь еще?

Леонарда. Оставьте меня в покое.

Пиппетто. Что такое с тобою, Леонардушенька?

Леонарда. Оставьте меня, вам говорю. Все, все против меня! Не можете видеть меня спокойно. Я вам — как язва какая... Останетесь довольны. Я уйду отсюда. Вы меня больше не увидите.

Пиппетто. Послушай, ты дура. Разве и я...

Леонарда. И вы тоже, и вы тоже.

Пиппетто. Как?

Леонарда. Если б вы в самом деле любили меня, вы бы не могли потерпеть, чтобы меня презирали и издевались надо мною.

Пиппетто. Но чего ж ты хочешь?

Леонарда. Вы видите, что дон Грегорио ищет все средства оскорблять меня. Поносит меня, насмехается, говорит, что я старуха, и вы не в состоянии...

Пиппетто. Но скажи мне, дорогой свет очей моих, — это любовное выражение я узнал от тебя, — скажи, что ты хочешь, чтоб я сделал?

Леонарда. К делу! Если любовные ощущения ваши точно справедливы, если Леонарда вам действительно так дорога, как вы говорите, то нужно, чтоб <вы> соединились со мною на тот конец, чтоб выгнать его из этого дома.

Пиппетто. Я охотно, но как?..

Леонарда. Оставьте мне всё это сделать. Вы только должны мне помогать. Я уже с некоторого времени замечаю, что у него есть в голове какой-то секрет. Если... того... я его

узнаю — прибавлю, выдумаю кой-что в при-
даток. Мы его обвиним, уличим, сделаем всё.
Ты это сделаешь, Пиппетто?

Пиппетто. Довольно будет, если...

Леонарда. Сделаешь ли ты это? Или боль-
ше меня никогда в глаза не увидишь.

Пиппетто. Сделаю, сделаю всё, что хо-
чешь.

Леонарда. Клянись мне в том.

Пиппетто. Но клятва есть...

Леонарда. Не хочешь?

Пиппетто. Клянусь, клянусь!

Леонарда. Так. Теперь я тебя очень люблю.
Теперь ты можешь владеть моим сердцем.

Пиппетто. О моя Леонардушка!.. Леонар-
душечка моя!..

Явление V

Те же и дон Грегорио.

Дон Грегорио (за сценой). Оставайтесь и
не двигайтесь.

Леонарда. Уйдем: это он!

Пиппетто. Я вечно с тобою.

Леонарда. Помни клятву.

Пиппетто. Да, моя Леонардушка.

Леонарда (в сторону). Я тебе отомщу.

Пиппетто (про себя). Для Леонарды всё сделаю. *(Уходят).*

Дон Грегорио (входит). Именно потому, что хочу, чтоб никого не было, — сегодня все слуги ходят за мною по пятам. Вывести ее из комнаты невозможно. Оставить ее до ночи в этой комнате есть большой риск. И потому нет другого средства, как разве... *(Говорит вполголоса, стуча в дверь).* Энрико, отоприте, это я!.. Это, мне кажется, лучше всего.

Явление VI

Дон Грегорио и Энрико.

Энрико. Что, можно ей теперь итти?

Дон Грегорио. Нет! никак нельзя.

Энрико. О боже!

Дон Грегорио. Я думаю перевести ее сюда, отсюда по лестничке в мою комнату, а из моей комнаты, как только смеркнет, она может пробежать по большой лестнице.

Энрико. Но она хотела итти домой...

Дон Грегорио. Хотела! И я тоже хотел, но если нельзя. Лестница поминутно наполняется людьми. Сделайте по-моему, ступайте. Я уже запер дверь в зал, чтоб никто не вошел в то время, как я с Джильдою пробегу. Если вы не

будете говорить, то это знак, что там нет никого и я заставлю Джильду пересесть в мою комнату. Потом можете и вы также войти.

Энрико. Вы думаете, можно провести ее даже туда?

Дон Грегорио. Думаю. Не сомневайтесь. Ступайте.

Энрико (про себя). Я устал, перебирая все слова и утешения, чтоб успокоить Джильду. Я слышу, холодный пот проступает по мне. *(Уходит).*

Дон Грегорио. Сохрани боже от маркиза! Теперь, кажется, нечего бояться. Эта дверь заперта... В зале на страже Энрико. Вызовем теперь ее бедненькую. Я не имею даже духа подумать о положении, в которое она меня привела. С другой стороны, что бы могла сделать строгость? Привела бы только в совершенное отчаяние эти две бедные жертвы. Они ведь уже муж и жена. Нет никакого средства поправить это дело. Да, совершенно никакого!.. Не станем терять времени. *(Говорит вполголоса в дверь).* Джильда, идите сюда!

Явление VII

Дон Грегорио и Джильда.

Джильда (изнутри комнаты). Вы?

Дон Грегорио. Скорее!

Джильда (выходя). Ради святого неба, дайте мне средство уйти, по крайней мере, домой!

Дон Грегорио. Имейте, любезнейшая, крошку терпения. Сейчас никак нельзя...

Джильда. Но когда же? скажите, когда?

Дон Грегорио. С маленьким терпением можно всё сделать. Будьте покойны.

Джильда. Я готова всё делать, что вы только мне прикажете.

Дон Грегорио. Дочь моя! здесь мы не безопасны... Скорее, скорее идите в мою комнату!

Джильда. Но если маркиз...

Дон Грегорио. Маркиз там не может вас увидеть.

Джильда (уходя на цыпочках). Я в ваших руках; делаю всё, что хотите.

Дон Грегорио. Вечером потом, при удобном случае, мне будет легко вывести вас так, чтобы никто не заметил. *(Уходят).*

Явление VIII

Леонарда и Пиппетто.

Леонарда (отпирая тихо дверь). Слышал?

Пиппетто. Видела?

Леонарда. Бог услышал мои молитвы!

Пиппетто. Кажется, даже невероятно.

Леонарда. Мог ли бы ты поверить этому?

Пиппетто. Никогда в жизни!

Леонарда. Но мы не видали, откуда она вышла.

Пиппетто. Нет. Я стоял перед замочной скважиной, когда дон Грегорио стоял тут и говорил: «Имейте крошку терпения!» Но откуда она могла выйти? Из зала ей нельзя было.

Леонарда. Почему нельзя? Улучил минуту, когда там никого не было из людей. Быть может, он был принужден ввести ее в эту комнату, потому что кто-нибудь проходил в то время через переднюю, а теперь ведет ее в свою комнату.

Пиппетто. Да, верно, что так.

Леонарда. Нужно, чтоб вы сейчас же сказали вашему батюшке.

Пиппетто. Я? Зачем не скажешь ему этого ты?

Леонарда. Нет, это принадлежит вам. Смотрите! Если ему этого не скажете, больше не увидите Леонарды.

Пиппетто. Не сердись, не сердись, Леонардушка, скажу.

Леонарда. И скажите непременно всё.

Пиппетто. Я помню слово в слово всё, что было ими сказано.

Леонарда. Слышу точно шаги маркиза. Это он. Всё скажите, не пропуская ничего.

Пиппетто. Но...

Леонарда. Смотрите, если не скажете ему этого, то Леонарда умерла для вас. *(Про себя).* Ты теперь попался, гадкий старичишка. *(Уходит).*

Пиппетто. Выбранит меня отец, когда я донесу ему на нашего дядьку. Но ведь я говорю правду, стало быть, это доставит ему удовольствие.

Явление IX

Маркиз и Пиппетто.

Маркиз. Зачем ты вечно в праздности? Зачем не учишься? Зачем не услаждаешь себя чтением какой-нибудь книги или не отдыхаешь за произведением какого-нибудь ариф-

метического счета? Дон Грегорио должен бы ...

Пиппетто. Дон Грегорио...*(в сторону)*. У меня дрожат колена.

Маркиз. Что делает дон Грегорио?

Пиппетто. Занят.

Маркиз. С кем? с Энрико?

Пиппетто. Фи! совсем нет! *(в сторону)*. У меня недостает голоса, но для Леонардушечки на все решусь.

Маркиз. С кем же?

Пиппетто (с усилием и вскрикнув). Не браните меня, не браните!.. С одною женщиною, которая приведена в его комнату.

Маркиз. Что ты смеешь говорить, дерзкий? Это неправда!

Пиппетто. Убейте меня, если я говорю вам ложь.

Маркиз (весь в волнении). Скажи, как ты ее видел?

Пиппетто. В замочную скважину, к которой я приставил глаз из любопытства, услышавши голос женщины, говорившей шопотом.

Маркиз. Боже! возможно ли? Но откуда

она вошла?

Пиппетто. Не знаю. Я только видел ее, когда она была в этой комнате.

Маркиз (в сильной тревоге). Дон Грегорио где был?

Пиппетто (показывая). Здесь.

Маркиз. А женщина?

Пиппетто. Он держал ее под руку.

Маркиз. Может быть, какая-нибудь старуха?

Пиппетто. О нет, самая молоденькая!

Маркиз (в сторону). О, разбойник. Теперь понимаю: может быть, даже сего утра... О, без сомнения!.. Но каким образом? Я весь дрожу... И молодой мальчик был этому свидетель! *(Вслух).* Может, это была какая-нибудь женщина, которая приходила за делом? Ты не слышал, что они говорили?

Пиппетто. Да. «Имейте любезнейшая, крошку терпения. Сейчас никак не могу». Так говорил дон Грегорио.

Маркиз (про себя). Недостойный!

Пиппетто. А она отвечала: «Но когда же? Скажите, когда?» А он сказал: «С маленьким терпением можно всё сделать».

Маркиз (про себя). Я не знаю, что меня удерживает. Но как же, однакож?.. В продолжении стольких лет, как он у меня живёт, стало быть, он обманывал меня?.. притворялся?.. О, так издеваться надо мною!.. *(Вслух).* А потом они ушли?

Пиппетто. Да, синьор, потому что дон Грегорио сказал: «Здесь мы небезопасны. Скорее, скорее в мою комнату! там маркиз не может нас увидеть».

Маркиз (про себя). Чудовище, выскочившее из ада! Говорить в моем доме подобные вещи, где могли слышать эти дети... Ох! *(хватается за сердце).* Я боюсь, чтобы не разорвались мои жилы. *(Вслух).* И ушли?..

Пиппетто. В комнату дон Грегорио.

Маркиз. Сколько будет времени тому назад?

Пиппетто. Только что, в эту самую минуту.

Маркиз (про себя). Я вне себя! Иду к этому мерзавцу! *(Остановясь).* Но если произойдет какая-нибудь сцена, может, даже очевидно, скандальная... Может быть, теперь она ушла уже прочь... Я рискую умереть от тоски, одна-

кож, нужно немножко умерить себя, чтоб не показать этим невинным...*(Вслух)*. Это ничего не значит. Девушка имела нужду о чем-нибудь поговорить. Ступай, ступай в свою комнату. А об этом и не думай. Тут нет ничего худого.

Пиппетто. Я вам сказал это, потому что вы любите, чтоб вам говорили всё, что делается в доме.

Маркиз. Хорошо. *(Про себя)*. Я чувствую, что задыхаюсь от бешенства. *(Ему)*. Ступай!

Пиппетто (про себя). Я думал, что это больше его изволнует. Нужно сказать, что он говорит против женщин потому только, чтобы напугать, а в душе, как видно, он напротив... Это мне дает со временем надежду, что ему можно будет изъяснить любовь мою к Леонарде. *(Ему)*. Когда вам нужно меня, я буду в этой комнате. *(Уходит)*.

Маркиз (один). Возможно ли? В течении десяти лет... Но, впрочем, я уж начинал и без того иметь подозрения... Предложения в пользу женщин... кое-какие модные правила, которые он мне беспрестанно начал советовать... Недостойный! Я вне себя! Счастье, что я сам

глядел в оба за своими сыновьями. Но теперь, что мне делать? Если я стану кричать, он будет отпираться, и невинные дети... Попробовать с помощью какой-нибудь хитрости узнать, есть ли женщина в его комнате... (*По некотором молчании, громко*). Эй, позвать ко мне дон Грегорио!

Явление X

Маркиз и дон Грегорио.

Дон Грегорио. Что прикажете?

Маркиз (про себя). А, предатель, ты здесь!

Дон Грегорио (про себя). Теперь я покойнее, после того, как удалось мне провести ее ко мне так, что никто не видал.

Маркиз. Синьор дон Грегорио, я позабыл попросить у вас одного одолжения.

Дон Грегорио. Приказывайте.

Маркиз. Я ожидаю на-днях племянника моей сестры, которого я бы хотел, желая доставить ему более свободы, поместить в ваших комнатах. Вы, я полагаю, уступите ему охотно на несколько времени, а вас я переведу на время в комнату, что возле меня.

Дон Грегорио. Почему нет? Если только это вам удобно, вы имеете полное право.

Маркиз. Итак, я бы хотел, если вы позволите, на минуточку взойти и посмотреть, не нужно ли чего-нибудь поправить.

Дон Грегорио (про себя). Вот тебе на! *(Вслух).* Любезнейший маркиз, комната теперь в беспорядке. Еще не убрано ничего.

Маркиз. Не беда. Между нами не нужно комплиментов.

Дон Грегорио. Вы так думаете? Но постель еще не приведена в порядок, платья разбросаны и скомканы, как попало, везде на стульях... *(Про себя).* Небо, помоги мне!

Маркиз (начиная горячиться). Это ничего... Я хочу посмотреть один, не нужно ли что привести в порядок в комнатах — занавесы, мебель...

Дон Грегорио (почти хватая его за руки). Будьте уверены, что так, как будто новая.

Маркиз. Нужно будет побелить камин.

Дон Грегорио. Я никогда не развожу в нем огня.

Маркиз. Паркет?

Дон Грегорио. Превосходнейший!

Маркиз. Окна?..

Дон Грегорио. Чисты чистейшим образом.

Маркиз. Нет никакого сомнения. Развратник, ты уличен! *(Вслух).* Вижу, что вы имеете особенное удовольствие принять меня в убранных комнатах. Хорошо, я приду завтра утром.

Дон Грегорио. С охотою. Вы сделаете мне большую честь. *(Про себя).* О, благодарение небу!

Маркиз (про себя). Ободришь, адская душа! Через несколько времени увидишь! Женщина не убежит. Я сам буду караулить. *(Вслух).* Больше ничего не нужно.

Дон Грегорио. Итак, пусть будет так.

Маркиз. Завтра. *(Про себя).* Я весь дрожу.

Дон Грегорио (Про себя). Ух, как я испугался! *(Вслух).* Я вижу, маркиз, что вы до сих пор еще встревожены, потому что я вам говорил в пользу...

Маркиз. Фи! ничуть. *(Про себя).* Недостойный боится, однакож!

Дон Грегорио. Что касается до синьора Энрико...

Маркиз. Я вас прошу, дон Грегорио, теперь вы ему ничего не говорите... для этого будет время... *(Про себя).* Я опасаясь, что одно дыха-

ние его заразит эту невинную душу.

Дон Грегорио. Но поверьте, что...

Маркиз. Нет, нет, дон Грегорио, отец отвечает за детей, но дядька... Невинность может быть заражена одною тенью только... Слова... но пример... Если б в эти лета, да уже на то... Довольно, Небо, небо!..

Дон Грегорио (в изумлении). Как?

Маркиз (удерживая себя). Извините. Прощайте, дон Грегорио...

Дон Грегорио. Но...

Маркиз. Ничего, ничего. Прощайте, мой любезный! Ваш слуга. *(Про себя).* Гнев изменил мне. *(Уходит).*

Дон Грегорио (один). Есть ли где на свете этакый взбалмошный старик? Из одного только слова, которое я сказал ему в пользу женщин... Нет, я вижу, что нет никакой надежды в этом деле. Нужно покамест об этом и мысль отложить! И если б он захотел войти со мною в мою комнату...

Явление XI

Дон Грегорио и Пиппетто.

Пиппетто. Синьор дон Грегорио!

Дон Грегорио. Что хотите вы?

Пиппетто. Ничего, ничего! (*Проходя сцену*). Хотел... но не нужно.

Дон Грегорио. Скажите, скажите, однакож!

Пиппетто. Теперь у вас есть дела.. Приду после в вашу комнату.

Дон Грегорио. Да говорите здесь... Послушайте!

Пиппетто. Без комплиментов... После, когда вам будет свободнее...

Дон Грегорио. Но, однакож...

Пиппетто. После, синьор дон Грегорио, после... (*В сторону, спеша удалиться*). Хорошо, хорошо, он смутился, Леонарда будет довольна. (*Уходит*).

Дон Грегорио. Я просто с досады убил бы себя. Никогда не привыкши притворяться, мне кажется, что все воображают какой-то секрет. Этот тоже хотел войти в мою комнату!.. Нет, нечего терять времени; как только потемнеет, сей же час ее вывести. Нет никакой надежды устроить это дело.

Явление XII

Леонарда и дон Грегорио.

Леонарда. Слуга ваша, дон Грегорио. Вы очень заняты?

Дон Грегорио. Нужно не дать подозрения.
(Вслух). Нет, напротив...

Леонарда. К чему, к чему это! Без церемонии!

Дон Грегорио. Я говорю вам...

Леонарда. Со мною вы не имеете времени говорить.

Дон Грегорио. Вы ошибаетесь...

Леонарда. Я это знаю, я это знаю... Я старуха.

Дон Грегорио. Я никогда...

Леонарда. Но кто, например, молод...

Дон Грегорио. Что такое вы говорите?

Леонарда. Где тонко, тут и рвется.

Дон Грегорио. Как так?

Леонарда. А кто дольше пождет, тот после возьмет.

Дон Грегорио. То-есть, Леонарда?...

Леонарда. Ничего.

Дон Грегорио (с сердцем). Провались ты!
(Про себя). Даже странно, право: все со всех сторон доезжают меня. Дьявол! Кончится ли это? (Уходит).

Леонарда. А, попался! Ты, наконец, уничтожен! Ты уничтожен! (Убегает).

Действие третье Явление I

Комната дон Грегорио.

Дон Грегорио, Энрико и Джильда.

Дон Грегорио (весь о волнении, прохаживаясь взад и вперед). Если б вы знали, как я весь дрожу!.. Провались сам Вакх!

Джильда. Ради бога, пустите меня, я уйду!

Дон Грегорио. Но как хотите вы это сделать? Теперь это невозможно!

Джильда. Клянусь, я умру с тоски. *(Приставляя ухо).* Вон он! Я слышу, это его голос...
Бернардин мой!

Дон Грегорио. Это невозможно, это дело во-ображения: окна мои обращены совершенно в противоположную сторону.

Джильда. Да, я слышу плач его...

Энрико. Исполните ее просьбу!

Дон Грегорио (с сердцем). Когда и вы еще с своей стороны принимаетесь говорить то же, то достойны, чтоб я вам на это отвечал рифмою. Как это сделать, когда дверь залы отперта для всех, и когда слуги уходят и приходят беспрестанно! Я уже вам сказал, что у маркиза этот вечер, кажется, огонь в ногах.

Два раза встретил я его, как он всходил взад и вперед по лестнице, то в гардероб, то в библиотеку. Кажется, что этот вечер дьявол нашептывает ему на уши. Что бы могло произойти, если б он увидел выходящую из моей комнаты женщину в этот час! За кого он примет ее? Боже сохрани!

Джилльда (плача). Итак, бедное невинное дитя должно умереть от голоду? Сын мой, Бернардин мой, милый Бернардин мой, тебе отказывают в пище, которую зверям, даже самым презреннейшим творениям, природа дает в груди матери.

Энрико. Мое сердце разрывается.

Дон Грегорио. Не бойтесь, от этого он не умрет. Здесь вы безопасны; но, рискуя открыть себя, вы погубите себя, своего мужа...

Джилльда (в тоске). Бернардин мой, сын мой!.. Нет, это не мать твоя, нет, это не я отказываю тебе в пище! Мать твоя терзается больше, чем ты. О боже!.. Тоска!.. Бешенство!.. Нет, я не могу. *(Вырывается).* Пустите! пустите! Происходи, что хочет, — я слышу, он плачет... Пустите меня, или я крикну, я стану кричать.

Дон Грегорио. Вы сумасшедшая!

Джилльда. И потому пустите меня!

Дон Грегорио. Теперь возись с этой!..

Энрико. Милый дон Грегорио!

Джилльда. Если только есть у вас сердце в груди...

Дон Грегорио. Но если...

Джилльда. Если б вы знали когда-нибудь, что такое любить свое дитя...

Энрико. Милый дон Грегорио!

Дон Грегорио. Что должен я...

Джилльда. Ради этих слез матери...

Дон Грегорио. Но как, как хотите вы, чтоб я сделал? Будет просто гибель.

Энрико (приближаясь к Джилльде). Бедная Джилльда!

Джилльда (в тоске). Несчастное невинное творение!

Дон Грегорио. Я чувствую, разрывается мое сердце...(Думая). Здесь нет другого средства... Пусть говорит, что хочет, свет. Дело идет о любви матери... о помощи двум несчастным...

Джилльда. Итак...

Энрико. Милый дон Грегорио!

Дон Грегорио. Вы ничего не умеете говорить, как только: дон-Грегорио, дон Грегорио

!.. (В отчаянии). Что вы мне наделали! Пойдите... Нужно будет... Но вы хотите иметь своего сына?

Джилльда. Да, от самого утра он не имел никакой пищи. Я слышу плач его, в доме никого нет кроме Маделины, бедной старухи, которая больна. Из сострадания, из человеколюбия я прошу у вас сына!

Дон Грегорио (ударивши себя по лбу). О боже! что я принужден делать! (Про себя). Но как же сделать это иначе? как? (Вслух). Первый этаж?

Джилльда. Да.

Дон Грегорио. Большая дверь?

Джилльда. Да, по левую руку.

Дон Грегорио. Дайте мне какой-нибудь знак.

Джилльда (снимая поспешно с руки браслет). Возьмите!

Энрико. Вы идете сами разве?

Дон Грегорио. Имя ребенку Бернардино?

Джилльда. Да, милый Бернардин мой!

Дон Грегорио (мешаясь). Плащ и шляпа там внизу. Свечи не нужно. В случае... Нет, незачем... Да, здесь нужно присутствие духа.

Энрико. Bravo! Bravo!

Джилльда. Вы идете сами? О как вы добры! Бог да благословит вас!

Дон Грегорио. О, какой безрассудный поступок вы заставляете меня сделать! (Про себя). Эта имеет, однакож, что-то такое в себе, что, признаюсь, подвинуло бы меня еще на худшее, чем сделал Энрико. (Вслух). Теперь иду... Заприте. Не отпирайте, если не назову вас по имени. Вы останетесь с ней... Я сию минуту возвращусь... Не знаю, что говорю... Если маркиз меня встретит, я умру...(Про себя). Вот тебе! Дядька сделался нянькою!.. Критикуйте, критикуйте вы, важные, любящие нахмуривать брови! Я бы желал посмотреть на вас в таком положении. (Вслух). Заприте, заприте! (Уходит).

Джилльда. Энрико мой! Происходи, что хочет, но когда я буду иметь в руках своих сына, снесу с большею твердостью всякое несчастье.

Энрико. Теперь, когда дон Грегорио, благодаря тебе, принял в нас участие, я надеюсь, что всё устроится.

Джилльда. Ах, если когда-нибудь мы достиг-

нем того, что будем, наконец, свободны и покойны, как все жены с своими мужьями, я бы хотела, чтобы утро, вечер и всегда и еще всегда мы были бы вечно одни возле другого, разговаривая и беседуя между собою вечно.

Энрико. Наконец тебе бы это надоело.

Джилльда. Я тебе клянусь, что чем больше тебе говорю, тем более растет во мне желание говорить тебе. И потом, когда, кажется, я тебе пересказала и переговорила всё, как только ты удалишься от меня, нахожу вечно, что позабыла тебе сказать еще много кое-каких вещей.

Энрико. И сердцам, которые так созданы одно для другого, не дают жить вместе!

Джилльда. Но теперь будь покоен, скоро всё уладится. Мое сердце говорит мне это, а сердце мое не обманывает.

Явление II

Те же и маркиз.

Маркиз (стука в дверь). Отвори!

Джилльда (вскрикивая). Ах!

Энрико. Не открывай: это отец мой! Я погиб.

Маркиз. Женщина, отвори! не производи шума!

Джилльда (решительно). Не бойся, Энрико; спрячься и оставь всё мне! Или уже твой отец знает об этом, или здесь есть какая-нибудь двусмысленность; во всяком случае, позволь, обработаю это я.

Энрико (в отчаянии). Я погиб!

Маркиз. Чорт побери, отопри, или я разломаю дверь.

Джилльда (возвышая голос). Синьор, кто вы?

Маркиз. Господин дома.

Джилльда (принуждая Энрико спрятаться). Не бойся, здесь я. Ступай, ступай, повинуйся твоей Джилльде!

Энрико. Я тебе повинуюсь... Смотри, подумай... Я вне себя. *(Уходит в дверь).*

Маркиз (кричит вполголоса). Отвори, или я сейчас же выломаю дверь.

Джилльда. Терпенья, синьор! Размыслите только о том, что я не знаю вас вовсе; однакож при всем том я хочу показать, что уважаю вас. Я отопру вам дверь, но прошу вас не употребить во зло моей доверенности и не нарушить прав гостеприимства *(отпирает).*

Маркиз (в гневе). Бесстыдная женщина!

Джилльда. Тише, синьор! Вы знаете меня?

Маркиз. Молодая женщина в этот час в комнате дон Грегорио дает очень хорошо знать, кто она. Не нужно более никаких изъяснений.

Джилльда. Это меня изумляет, синьор! Вы почитаете меня за презренную...

Маркиз. Увольте меня от этих слов. Все женщины вашего разбора обыкновенно говорят таким образом.

Джилльда. Как? (*Про себя*). Он в заблуждении. Тут нужна осторожность.

Маркиз. Прошу вас знать, что я имею двух мальчиков, можно сказать, голубей невинности. Вы видите по глазам моим и по лицу, какое усилие я делаю самому себе, чтобы не произвести сцены, в которую бы бросило меня мое негодование. Единственное только, чтобы не доставить соблазна детям моим... Ступайте со мною.

Джилльда. Но что вы хотите делать?

Маркиз. Когда этот чудовище дон Грегорио возвратится, то он не должен вас найти здесь. Но я вас покажу ему потом, чтоб он не мог отпереться.

Джилльда. Синьор, успокойтесь на минуту,

всмотритесь в лицо мне и разуверьтесь: я дочь полковника...

Маркиз. Кто вы бы ни были, стыдитесь говорить свое имя, ибо, так как вы уже впали в бесславие, будучи обольщены...

Джилльда. Но...

Маркиз. Молчите, я не в силах!

Джилльда. Но выслушайте!

Маркиз. Что вы хотите еще говорить? Я очень хорошо знаю свет. Я знаю всё до последнего слова, что вы говорили с этим безнравственным человеком.

Джилльда. Синьор...

Маркиз. Что? извиненья? предлоги? Знаю, известен обо всем этом. Всё ложь!

Явление III

Те же и дон Грегорио.

Дон Грегорио. (стуча в дверь). Джилльда, это я! Это дон Грегорио.

Джилльда. Любезный мой...

Маркиз (вполголоса). Молчите, если не хотите, чтоб я взбесился.

Дон Грегорио. Отоприте, это я несу всё с собою.

Маркиз. Удалитесь, говорю вам, или я сде-

лаюсь зверем.

Джилльда (про себя). Не нужно сердить его ...*(Вслух).* Синьор! Не от страха, но чтоб показать вам мое повиновение, я удаляюсь. *(Про себя).* Боже! какая минута должна наконец произойти! *(Уходит).*

Дон Грегорио. Скорее, скорее!

Маркиз. Потише, не так горячись! *(Отпирает проворно дверь и становится таким образом, чтоб дон Грегорио, вошедши, его не видел).*

Дон Грегорио (входит с ребенком в руках под плащом). Чорт возьми! можно ли так долго не отворять! Боялся всякую минуту этого старого сатира маркиза.

Маркиз (голосом, прерывающимся и дрожащим от гнева). Вот он — старый сатир, здесь.

Дон Грегорио вскрикивает, дрожит всем телом и ищет куда бы спрятать ребенка.

Маркиз. Развратный старичишка! Смотри, в какое положение ты меня привел! Смотри, я в параличе от гнева.

Дон Грегорио (про себя). А я, если не поражен до сих пор апоплексическим ударом, так

это просто чудо. *(Не в состоянии будучи произнести слова)*. Синьор... мар... киз...

Маркиз. Бесстыдный! (Приближаясь к нему потихоньку, задышающимся голосом, едва в состоянии произнести слово). В этот час молодая женщина... в моем доме... где невинные... ничего еще не знающие мои дети... А, истинный волк, приставленный стеречь ягненков!..

Дон Грегорио (не в состоянии произнести одного слова). Синьор... мар... киз...

Маркиз (приближаясь к нему всё поближе, почти наступая на него и наконец заметив, что тот хочет что-то скрыть под плащом). Что там такое? Что под плащом?

Дон Грегорио. Синьор мар... киз... Совершенно ничего. Это ни сё ни то... Это вздор.

Маркиз (гневно). Как, ни сё ни то?

Дон Грегорио. Это пустяк. (Про себя). Ух! Я падаю в обморок!

Маркиз. Покажите, или я потеряю к вам последнее уважение.

Дон Грегорио. Это дело мое приватное...

Маркиз. Нет, вы от меня не закроете!.. (Схватывает за один конец плащ, открывает ребенка).

Дон Грегорио. Ах, любезный маркиз!

Маркиз (дрожа). Что вижу!

Дон Грегорио (минуты две остается неподвижным в совершенной нерешительности, совершенно потерянный, с открытым ребенком, и смотря пристально в глаза маркизу). Это, маркиз, ничего...

Маркиз. И кто после этого удержит меня, чтоб я не потерял рассудка, и чтоб этими моими руками...(Бросается на дон Грегорио).

Явление IV

Т*е же и Джильда.*

Джильда (выхватывая сына из рук дон Грегорио). Маркиз, что вы делаете? Это мой сын! Это ваша кровь!

Маркиз. Это моя кровь! Ах ты бесстыдная!

Джильда. Да, и никто не в силах исторгнуть его из рук моих. (Про себя, прижимая и целуя ребенка). Тут нужно будет действие занять из романа.

Маркиз. Бесстыдная! моя кровь!

Дон Грегорио (про себя, крикнув). А, будь то, что должно быть. (Вслух). Да, маркиз, всё открыто: это ваша кровь!

Маркиз. Как, бесстыдный!

Дон Грегорио. К чему послужит отречься? Маркиз, бросьтесь в мои объятия!

Маркиз (отталкивая его). К чорту ступай в объятия!

Дон Грегорио (про себя). Тут нужна каменная грудь...(Вслух). Выдьте из заблуждения и не отнимайте из одной обманчивой наружности от меня того уважения, которое я заслужил от вас в продолжении десяти лет.

Маркиз. Как!

Дон Грегорио. Знайте...

Маркиз. Что?

Дон Грегорио (крякнув, про себя). А, всё за одним разом!.. (Вслух). Эта молодая женщина — жена, а этот ребенок — сын...

Маркиз. Чей?

Дон Грегорио. Энрико, вашего сына.

Маркиз (в бешенстве). Ах! Измена! Точно ли? Правда ли это? Я умерщвлен... Предатели!.. Недостойные!.. Вы хотите гроб мне приготовить? Да, вы этого достигли. Да, вы успели в этом. (В совершенном отчаянии).

Дон Грегорио (в сторону). Нужно теперь дать ему испариться.

Маркиз. Сын неблагодарный! Но нет, если

ты точно в этом преступник, ты более не сын мой. Но справедливо ли это?

Дон Грегорио (со страхом). Справедливо. *(Про себя).* После того, как удар уже дан, прилично дать время, чтобы стекла кровь.

Маркиз. Говорите мне, говорите скорее, что лжете, а не то бешенство мое перейдет все границы! Столько отеческой любви, столько стараний, столько забот!.. Варвары, трепещите! Я покажу вам, кто я.

Дон Грегорио. Испарьтесь немного, маркиз, испарьтесь, утишитесь, успокойтесь.

Маркиз. Как! еще оскорблять меня, еще оскорбление!

Дон Грегорио. Нет, боже сохрани от того! Право, нет!

Маркиз. Да, прежде всего я должен испарить свой гнев на тебе, который был гнусным, бесчестным посредником...

Дон Грегорио. О! тише, маркиз!

Маркиз (сраженный останавливается). Я вне себя.

Дон Грегорио. Дон Грегорио не позволит наносить себе оскорблений. Вы достойны извинения, когда ослепляет гнев вас; но не

оскорбляйте чести человека честного, каков я. Только сего утра Энрико, удрученный слезами и горем, открыл мне тайну. Молодая женщина, которую видите, пришла плакать тоже в то время, как вы пришли сюда. Чтоб избавить и пощадить вас от подобной неожиданности, я скрыл ее, не имея возможности дать ей уйти отсюда, в моей комнате. Необходимость кормить ребенка заставила меня идти взять его в то время, когда вы, не знаю из какого подозрения, пришли поймать меня. Клянусь всею святостью чести, что до самого сего утра я ничего не знал об этом. И Энрико удалось скрыть свое супружество, в течение целого года, как от ваших глаз, так равномерно и от моих.

Маркиз. Изменник! предатель!

Дон Грегорио. Всё, что вам говорю, — правда, и я тысячами клятв готов подтвердить ее. Зло сделано; средства против него нет никакого. Дайте место рассудку и успокойте себя тем, что могло бы сделаться хуже. Молодая женщина есть дочь полковника Таллемани, которого вы знали очень хорошо и которого звание не ниже вашего. Если она не богата, то

это заменяют ее прекрасные качества души, делающие ее достойною любви вашего сына и вашего прощенья.

Маркиз (в бешенстве). Прощенья! Слушайте, дон Грегорио! Я вне себя. Я не увижу никогда сына моего!.. Без моего согласия... на позор мне... Будь она дочь владетельного принца, короля... Иметь жену! мой сын!.. Пусть сию же минуту идут вон из моего дома! Пусть скитаются бродягами, умирая от голода! И на них и на детей их моя отеческая рука наносит ...

Явление V

Те же и Джильда (с сыном на руках, сопровождаемая Энриком).

Джильда (почти в смелом движении неистовства). Окаменей при виде пораженной отчаянием, которая, прежде чем поразят слова твои это невинное творение, хочет разодрать его на части сию же минуту! Смотри!.. (делая движение убить его).

Маркиз (в страхе, останавливая ее). Чш! Чш!.. Что ты делаешь? Изверг! Разве ты не мать?

Джильда (твердым голосом). А ты что де-

лаешь? Разве ты не отец?

Маркиз (остановившись, про себя). О небо! Какой ответ!

Джилльда (продолжая). Вы гоните, грозите, проклинаете — и после всего этого вы отец? И разве эти молнии проклятий не хуже в несколько раз неистовства матери против сына в то время, когда она видит, как поражает его проклятие?

Энрико (тихо). Браво, Джилльда!

Дон Грегорио. Чорт побери, в самом деле!

Маркиз (про себя). О, какое потрясение произвела во мне эта неожиданность!

Энрико. Я преступник, я заслужил всю силу гнева вашего, но я требую от вас милосердия.

Джилльда. Простите Энрико и поразите наказанием меня: — я виновна.

Маркиз (про себя). Ах, я чувствую, что заслуживаю упреки, и что я отец.

Джилльда. Это случилось не с тем, чтобы оскорбить вас.

Энрико. Меня принудила честь.

Джилльда. Если вы отец...

Энрико. Я также отец.

Джилльда. Любовь нас победила.

Энрико. Из любви я преступник.

Маркиз (про себя). И любовь и долг берут верх. *(Обращаясь к дон Грегорио).* Точно ли она дочь Таллемани?

Дон Грегорио. Она сама лично.

Маркиз. Вы точно законные супруги?

Энрико. Точно. В этом вам клянусь.

Маркиз. И вас благословило небо?

Джилльда. В этом будьте уверены.

Маркиз (после нескольких минут нерешительности и противоборства с самим собою). Хорошо, я вас прощаю, обнимаю вас и благословляю вас, также вместе с тем и плод ваш.

Дон Грегорио. О! браво, маркиз!

Энрико. Мой дражайший родитель!

Джилльда (целуя сына). Я умираю от радости!

Дон Грегорио. Дайте сюда это невинное творение! Так как оно теперь заснуло, то, чтобы как-нибудь мы нашею радостью не потревожили, дайте его сюда мне!

Джилльда. Ах, да, я вам вверяю его, дон Грегорио.

Дон Грегорио. Не сомневайтесь. Я в этом деле опытен... Положим его в люльку. *(В сторо-*

ну). Как похож на отца! Точно две капли воды! (*Уходит и возвращается*).

Маркиз. Я принес моим негодованием жертву небу. Голос свыше говорит мне и упрекает меня в излишней строгости, он же пророчит мне счастливую будущность. Не обманите сладких надежд моих!

Энрико. Нет, отец мой!

Джилльда. Не бойтесь! Не думайте также, чтоб я в самом деле хотела убить Бернардино моего. Нет, я это сделала только для того, чтоб потрясти и испугать вас.

Маркиз. Понимаю. После вы мне должны рассказать, как вы могли...

Джилльда. Да, после, когда вы успокоитесь совершенно.

Энрико. Всё это знает дон Грегорио.

Явление VI и последнее

Те же, Леонарда и Пиппетто.

Пиппетто. Синьор отец, мы слышали всё. И так как уже вы начали, то продолжайте. Сделайте также счастливыми навсегда эти две любящие друг друга души.

Маркиз. Что ты несешь за чертовщину? Я ничего не понимаю.

Дон Грегорио. Вот тебе раз! Провал возьми!

Пиппетто. Любовь глубоко просверлила мое сердце.

Маркиз. Дурак! Что ты такое вообразил себе? Что ты задумал? *(Приходит в гнев).*

Пиппетто. Соедините наши руки так же, как нежно соединены наши сердца.

Маркиз (про себя). Во сне ли я или просто в бреду? *(Вслух).* Ты говоришь серьезно?

Джилльда. Мог ли ты это думать, Энрико?

Энрико (Джилльде). Конечно, потому что Леонарда всегда водила его за нос.

Маркиз. Дон Грегорио!

Дон Грегорио. Синьор маркиз, я просто пре-
вратился в камень.

Пиппетто. Итак...*(Тихо Леонарде).* Скажи теперь ты что-нибудь такое, как говорила эта. *(Указывает на Джилльду).*

Маркиз. Ты смеешься, что ли, надо мною? *(Обращаясь к Леонарде).* А ты, в твои лета, глупая женщина! ты хочешь разве испытывать мое терпение?

Леонарда (про себя). Дело пошло плохо. По необходимости нужно теперь сыграть роль добродетельной. *(Вслух).* Синьор, и вы могли

думать, что я все это говорила серьезно? Я обманывала нарочно этого мальчика, представляя, будто сохраняю к нему любовные ощущения, единственно на тот конец, чтобы он не искал где-нибудь в другом месте совратиться с пути добродетели, а по правде я даже и во сне не думала о нем.

Пиппетто. Неверная! Изменщица! Итак, ты меня обманула? Итак, были ложны твои клятвы, притворны твои слезы? Любовники, любовники! Если эти прекрасные уста лгали, какие же после этого могут говорить правду?

Маркиз (вскрикивая на него). Перестань! За-молчи, дурак!

Пиппетто. Да, отец мой! Небо наказывает меня за то, что я не слушал ваших наставлений. Поверьте мне, что разлучение с этим сердцем стоит мне горьких слез.

Маркиз. Дон Грегорио! И этого вы также не могли предвидеть?

Дон Грегорио. Но кто бы мог предполагать, маркиз, чтобы женщина в эти лета...

Леонарда (с сердцем). Прошу не оскорблять меня, дон Грегорио.

Маркиз. Ты ступай прочь и приготовься-ка

отдать отчет в твоём поведении, если только в самом деле в нём есть какой-нибудь соблазн и ты, пользуясь слабоумием этого мальчишки...

Леонарда. Что касается до меня, то вы убедитесь, что я чиста, как кристалл. Я повинуюсь вам, но не могу удержаться, чтоб не сказать, что дон Грегорио есть настоящая причина моей гибели, и что ревность его виною, что со мною поступают таким образом. (*Уходит*).

Маркиз. Дон Грегорио!

Дон Грегорио. И вы ещё слушаете её, маркиз?

Маркиз. Вы правы. Она не заслуживает никакого доверия. Из всего этого, что случилось, я вижу, что излишняя строгость и смотрение не суть ещё средства к хорошему воспитанию детей.

Дон Грегорио. И вы потом согласитесь со мною, что воспитание молодых людей должно образоваться силою кротости, советов, примера, и показывая им свет осторожно, с благоразумием, в его настоящем виде, чуждом фанатизма его жарких защитников, так

же, как и ложного о нем понятия людей предубежденных...

Маркиз. Правда. Пиппетто между тем чрез несколько дней отправится путешествовать и узнать немного людей.

Пиппетто. И скрыться из вида этой неблагодарной. *(Про себя).* Кажется, даже невозможно: под этакою наружностью и такая лживая душа!

Маркиз. Вы, дон Грегорио, будете сопровождать его, и пусть случившееся сделает вас более проницательным в подобных случаях.

Дон Грегорио. Я этим воспользуюсь. Никогда не позволю молодым, еще неопытным людям находиться возле пожилых женщин, хотя бы даже они были старее дьявола.

Маркиз. Вы, дети мои, останетесь со мною. Любите меня и любите друг друга.

Энрико. Это мы сделаем от всех сердец наших!

Джилльда. От всей души!

Маркиз. Я этого надеюсь. И вот вдруг и разом избавился я от долговременного заблуждения.

Энрико. А сын ваш от страха.

Джилльда. А жена его от горестей.

Дон Грегорио. А бедный дядька от своего затруднительного положения.

Комментарии

Введение

Драматические произведения Гоголя в издании его сочинений в 1842 г. собраны были в четвертом томе. Порядок их был указан самим Гоголем в письмах к Прокоповичу из-за границы от 29 августа (10 сентября) и от 10 (22) октября 1842 г. Сначала шли «Ревизор» и «Женитьба», а затем под общим заголовком — «Драматические отрывки и отдельные сцены (с 1832 по 1837 год)» — следовали одноактные пьесы: «Игроки», «Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок» и «Театральный разъезд». Мы сохраняем установленный Гоголем порядок.[7]

Помещая перевод комедии Жиро, относительно которого имеются бесспорные свидетельства, подтверждающие участие в нем Гоголя, мы, однако, не сочли нужным включать перевод комедии Мольера «Сганарель, или муж, думающий, что он обманут женою» («Sganarelle ou le Cocu imaginaire»), так как вполне достоверных сведений о редактировании его Гоголем не имеется.[8]

В письме Гоголя к Щепкину от 10 августа 1840 г. (из Венеции) говорится еще о какой-то «Шекспировой пьесе», которую переводили сестры Гоголя при участии каких-то студентов и которую Гоголь обещал «поправить» к бенефису Щепкина. Однако, какая это пьеса, и исполнил ли Гоголь свое обещание, остается неизвестным.

Пьесы, печатающиеся в настоящем томе, представляют собой некоторое единство: все они, в отличие от большой, обобщающей темы «Ревизора», посвящены частным, житейским темам. Окончательная их обработка, за исключением одного «Утра делового человека», законченного в 1836 г., относится к 1841–1842 гг., т. е. ко времени создания «Мертвых душ» и «Шинели», положивших основание «натуральной школе».

Если в «Ревизоре» мы видим гармоничное равновесие между «интригой» и «характерами», то здесь «характеры» преобладают над «интригой». Пьесы распадаются на эпизоды, имеющие целью полнее обрисовать «характеры» и расширить «картину нравов». Это особенно заметно в «Женитьбе». Тут не было

места тем соображениям, которые заставили Гоголя выбросить две вполне отделанные сцены из «Ревизора» (Хлестакова с Растаковским и Анны Андреевны с Марьей Антоновной), как «замедляющие течение пьесы»; такие «замедления» составляли основу построения «Женитьбы». Поэтому разговор о Сицилии между женихами, первоначально исключенный Гоголем по конструктивным соображениям, мог быть свободно восстановлен в окончательной редакции 1841–1842 гг., когда уже определилась бытовая установка комедии. Эпизодическое построение «Женитьбы» бросилось в глаза Сосницкому еще в ранней ее редакции 1835 г.; он нашел, что тут «комедии-то и нет», так как «сюжета никакого». То же впоследствии отмечал и Булгарин, определяя «Женитьбу», как «scènes à tiroirs». Интересно, что первоначальный вариант «Женитьбы» («Женихи», 1833 г.) имел еще признаки комедии «интриги»: невеста не хочет упустить ни одного из женихов и теряет их всех — такова была, повидимому, сюжетная схема «Женихов». «Женитьба» по своему объему еще была в глазах Гоголя комедией, но

свои одноактные пьесы, в том числе и «Игроки», с их достаточно развернутой внешней «интригой», он причислял к особому разряду «отрывков и отдельных сцен»; в ноябре 1842 года, в письме к Щепкину, назвавшему «Игроки» «комедией», он подчеркивал, что это не «комедия», а «просто комическая сцена». Особенность «Игроков» заключалась, между прочим, в полном отсутствии женских ролей, обязательных для обычного типа комедий, и в том, что «интрига» до самой развязки вообще оставалась здесь скрытой.

Форма «Театрального разезда» не была совершенной новостью. Подобной формой инсценированной театральной полемики в свое время пользовался М. Н. Загоскин, выступивший на защиту «Липецких вод» Шаховского в «Комедии против комедии» (1816 г.). [9] Однако старая условная форма превратилась у Гоголя в широкую жанровую картину, охватывающую различные слои общества и заключающую в себе целую галерею характерных персонажей. Предметом «Театрального разезда» является общий вопрос о комедии и о значении смеха. Гоголь возвращается

здесь к обобщенной тематике «Ревизора», которым открывался четвертый том в издании 1842 г. «Театральный разъезд», помещенный в конце тома, служил, таким образом, его идейным завершением.

Первые замыслы Гоголя в области комедии датируются 1833–1834 гг. В это время Гоголь не представлял себе пьесы вне сцены. «Драма живет только на сцене», писал он Погодину 20 февраля 1833 г. Именно в расчете на постановку были им начаты «Владимир 3-й степени» и «Женихи». Обе комедии, в соответствии с существовавшими тогда сценическими требованиями, строились на основе острых сюжетных положений. Этот период, когда Гоголь держался принципов «сюжетности» и «сценичности», завершается «Ревизором».

После «Ревизора» Гоголь временно оставляет драматургию и возвращается к ней только в 1839–1840 гг. Все его позднейшие пьесы (кроме утраченной исторической драмы) относятся к малому жанру, который получил в это время преобладание на сцене. Гоголевские «отрывки» и «сцены» связаны были до

известной степени с практикой сборных спектаклей, состоявших из водевилей, двухактных мелодрам и т. д. Так, например, «Женитьба» шла в Петербурге между двухактной французской мелодрамой «Помешанный» и одноактным водевилем «Гусарская стоянка»; в Москве — вместе с «Игроками» и двухактной французской комедией «Подставной и отставной». Пьесы Гоголя представляли собой попытку овладеть драматургией малого жанра, возвести ее в «перл создания», придав ей высокую художественную выразительность и глубокий общественный смысл. Еще в 1836 г. он переделывает начало «Владимира 3 степени» в отдельную сцену («Утро делового человека»), которая и появляется в пушкинском «Современнике». К 1841–1842 гг. относится целая группа пьес, приготовленных Гоголем для первого собрания его сочинений: «Женитьба», «Тяжба», «Лакейская», «Отрывок», «Игроки», «Театральный разъезд». Все это было переделкой или окончанием написанного, начатого или задуманного в 1833–1836 гг.[10]

Все свои «драматические отрывки и отдельные сцены» Гоголь предоставил в распо-

ряжение М. С. Щепкина, послав ему 26 ноября 1842 г. из Рима особое письмо, в качестве документа; о том же он сообщил Прокоповичу и, через посредство Плетнева, директору театров Гедеонову. Еще раньше он отдал ему и И. И. Сосницкому «Женитьбу». Но это сделано было исключительно из дружеских чувств к обоим актерам; в общем же постановкой и сценическим успехом своих пьес, написанных после «Ревизора», Гоголь мало интересовался. На сообщение С. Т. Аксакова о сценической неудаче «Женитьбы» и «Игроков» он отвечал: «Толки о Женитьбе и Игроках совершенно верны, и публика показала здесь чутье» (18 марта 1843 г.).

Гоголь не раз делал попытки создать драму патетического жанра. Первой попыткой такого рода была драма, задуманная в 1832–1833 гг. Один из отрывков (конец акта) представляет собой кровавую мелодраматическую сцену риторически-декламационного стиля. Гораздо значительнее опыты Гоголя в области исторической драмы: «Альфред» 1835 г. и драма из украинской истории, датируемая 1839–1840 гг. И там и тут ставились

широкие социально-политические задачи. Альфред являлся вождем народа в его борьбе против феодалов. В украинской драме изображалось крестьянское восстание против польских панов. Как показывают сохранившиеся наброски, Гоголь имел в виду дать здесь яркую картину крепостных отношений, тяжелой барщины и жестоких поборов. Ни одна из этих драм не была доведена до конца.

Библиографическая справка

Указываем ниже основные работы, касающиеся драматургии Гоголя в целом; критические статьи, рецензии и работы, посвященные отдельным пьесам, указаны в комментариях.

«Сочинения Гоголя», издание десятое, под редакцией Н. С. Тихонравова, том II, 1889 г., примечания, стр. 635–813; том V, 1889 г., примечания, стр. 555–556, 637–649, 673–681; том VI, 1896 г., под редакцией Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, примечания, стр. 545–587, 752–761.

«Сочинения Гоголя», изд. «Деятель», под редакцией Н. И. Коробки, том IV, примечания.

В. И. Шенрок. «Материалы для биографии Гоголя», тт. II и III.

Н. Котляревский. «Гоголь», 1 изд. 1903 г.; 4 изд. 1915 г.

В. В. Гиппиус. «Гоголь», изд. «Мысль», 1924 г., гл. VI.

В. В. Гиппиус. «Драматургия Гоголя», в сборнике «Классики русской драматургии»; изд. «Искусство», Л., 1941 г.

С. С. Данилов. «Гоголь и театр», 1936 г.

Женитьба.

I

Источники текста

а) Печатный

П — «Сочинения Николая Гоголя», 1842 г., том IV.

б) Рукописные

Набросок из «Женихов». Автограф. Институт литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР, собрание П. Я. Дашкова, 652/1.

«Женихи». Черновик начала комедии (три отдельных листа). Автограф. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, № 2206.

РМ6 — «Женитьба» (наброски новой редакции комедии). Автограф (с двумя оборванными в длину листами). Государственная биб-

лиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, № 3122.

Писарская копия «Женитьбы» (один лист). Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, № 2206.

РЛ6 — «Женитьба (первая полная редакция). Автограф. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Наброски для последней редакции «Женитьбы» (на трех отдельных листах). Автограф. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, № 2206.

РМ17 — Беловая рукопись последней редакции (первые одиннадцать явлений — рукой В. А. Панова; дальше, со стр. 14, — автограф Гоголя). Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, № 2206.

Изменение реплики Кочкарева (стр. 39) в письме Гоголя к Н. Я. Прокоповичу, 14 ноября 1842 г. Автограф. Библиотека АН УССР в Киеве.

МТ — Две театральные копии (конца сороковых или начала пятидесятых годов). Государственный Академический Малый театр в Москве.

В настоящем издании основной текст печатается по белой рукописи последней редакции (РМ17) с исправлениями по другим источникам. В отделе «Других редакций» печатаются тексты «Женихов» РМ6 и РЛ6 с относящимися к ним набросками. Впервые печатается текст писарской копии сцены из «Женитьбы».

II.

«Женитьба» напечатана впервые в собрании сочинений Гоголя, вышедшем в 1842 г. Здесь, на титульном листе комедии, было помечено: «Писано в 1833 г.». Однако уже Н. С. Тихонравов установил, что эту дату нельзя принимать буквально: в 1833 г. комедия могла быть только начата. От этой ранней стадии работы сохранились только черновик начала комедии (рукопись Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве) и набросок сцены между невестой и женихами (собрание П. Я. Дашкова в Институте литературы Академии Наук СССР в Ленинграде). Черновик начала комедии занимает три листа серой писчей бумаги, густо исписанных с обеих сторон, без абзацев. [11] Помарок и исправлений мало. Имена обо-

значаются изредка, большей частью при появлении новых лиц. Комедия названа здесь «Женихи». Действие происходит в деревне, в помещичьей среде. Характеристики женихов в основном те же, что и в окончательной редакции «Женитьбы».[12] Намечены мотивы, сохранившиеся и в окончательной редакции: невеста не решается отдать предпочтение кому-либо из женихов («я вас всех люблю»), женихи ссорятся между собой и стараются выставить свои преимущества. Действие, однако, начинается здесь прямо в доме невесты. Ход действия приблизительно тот же, что и в соответствующих сценах позднейших редакций (начиная со сцен в доме невесты); диалог невесты со свахой, приход женихов, выход невесты, споры женихов. Из состава действующих лиц нет еще ни Подколесина, ни Кочкарева, ни Арины Пантелеймоновны. Сохранившееся начало обрывается на вторичном выходе невесты и ее разговоре с женихами. Отдельный набросок из Дашковского собрания представляет собой, по-видимому, переработку этой сцены. Оба автографа (начало комедии и начальный набросок), по почерку

и по бумаге, могут быть отнесены, согласно с указанием Тихонравова, к 1833 г.

Весной 1834 г. Гоголь читал какую-то комедию на вечере у Д. В. Дашкова, о чем упоминается в дневнике Пушкина, под 3 мая 1834 г. Как видно из записи Пушкина, чтение происходило в присутствии многих приглашенных, в том числе и людей светских, не принадлежащих к литературному кругу (как, напр., граф К. О. Ламберт). Едва ли в такой обстановке Гоголь мог читать отрывки из «Владимира 3-й степени», который, как известно, так и не был доведен до конца. По всей вероятности, пушкинская запись касается «Женихов».

Осенью, 14 августа 1834 г., Гоголь писал М. А. Максимовичу о двух пьесах, из которых одну он уже отдает на театр, а другую «готовит из-под полы». Если вторая пьеса, по всей вероятности, «Владимир 3-й степени», то первая — конечно, та самая, которая читалась у Дашкова в мае, т. е. «Женихи». Таким образом, мы можем считать, что к весне 1834 г. «Женихи» были вчерне закончены.[13]

Первое совершенно бесспорное известие о

гоголевской комедии относится к 1835 г. В марте 1835 г. Погодин сообщал в «Письме из Петербурга», помещенном в «Московском Наблюдателе», что Гоголь читал ему отрывки из двух своих комедий, из которых одна называлась «Провинциальный жених». Заглавие показывает, что в той редакции, которая прочитана была Погодину, уже имелся Подколесин; однако действие, по-видимому, происходило еще не в Петербурге, а в «провинции», т. е. в деревне или маленьком городке.

Весной 1835 г. Гоголь читал в Москве свою комедию целиком. Н. И. Мордовченко установил по неизданным письмам В. П. Андросова точную дату этого чтения — 4 мая 1835 г.[14] Комедия тогда носила уже заглавие «Женитьба». Так называет ее присутствовавший при чтении В. П. Андросов в письме к А. А. Краевскому, 19 мая 1835 г.[15] Рассказывая впоследствии об искусстве, с каким читал Гоголь, Погодин отмечал, в частности, эффект «любовного объяснения жениха с невестою».[16] Если Погодин не смешал московское чтение 1835 г. с каким-нибудь позднейшим (что вполне возможно, так как воспоминания пи-

саны спустя тридцать лет), то приходится допустить, что в редакции 1835 г. имелась уже сцена объяснения Подколесина с невестой. [17] В указанном выше письме Андросова сообщается также о намерении Гоголя поставить «Женитьбу»: об этом же пишет сам Гоголь 7 октября 1835 г. Пушкину, которому давал ее на просмотр.

Редакции 1835 г. предшествуют наброски «Женитьбы», сохранившиеся в тетради 1835–1836 гг. (Библиотека им. В. И. Ленина в Москве). Это переплетенная тетрадь большого формата (в лист), поступившая в библиотеку в 1889 г. от Д. Ф. Самарина. Бумага с водяными знаками 1830 г. Наброски «Женитьбы» находятся на листах 29–32. Из них листы 29 и 30 исписаны с обеих сторон неразборчивым почерком (обычным черновым почерком Гоголя) и оборваны в длину (приблизительно до середины листа с краю). На двух следующих цельных листах (31 и 32) записано вразбивку еще несколько отрывков, разделенных пустыми промежутками (два отрывка на листе 31, один на листе 31 об., сверху, и один на листе 32). Действующие лица обозначаются только

при первом появлении или в том случае, когда их несколько. На оборотной стороне листов 29 и 30 эти обозначения были слева на оторванной их части; поэтому уцелевшие куски реплик могут быть приписаны здесь тому или другому персонажу только предположительно.

Н. И. Коробка принимал этот «оборванный» автограф за фрагмент цельной «петербургской редакции».[18] На самом деле это только наброски, не дающие сплошного текста. Наброски эти намечают совершенно новый план комедии. Действие происходит здесь в Петербурге, хотя в этом отношении наблюдается еще некоторая неустойчивость: с одной стороны, упоминается Офицерская улица, а с другой — идет речь о покупке «всей земли», что указывает как будто на деревенскую обстановку. Все женихи здесь чиновники или военные; невеста (Анна Андреевна) — по-видимому, пока еще «барышня», дворянка. Начинается комедия со сцены в комнате Подколесина, чем окончательно утверждается его главенствующее положение в сюжете. Наконец, что самое главное, здесь к «нерешен-

тельному» герою присоединяется контрастирующий с ним сват-хлопотун, пока еще носящий фамилию «Кохтин» (т. е. Когтин).[19]

Наброски, как уже сказано, не дают сплошного текста: это только заготовки отдельных эпизодов. Намечены следующие эпизоды:

1) Сцена Подколесина со Степаном (разработанная полнее других). Диалог со свахой пропущен, даны только начальные реплики при ее входе, а затем сразу идет монолог Подколесина на тему о женитьбе.

2) Первая сцена в доме невесты (монолог Яичницы и его диалог с Анучкиным, приход Кохтина с Подколесиным, выход невесты, спор женихов о достоинствах мужа и о том, какой чин лучше, уход невесты по вызову повара, уход Яичницы для осмотра дома, советы Кохтина Подколесину: «Конечно, она еще молода» и пр.). В зачеркнутом варианте намечена сцена заглядывания в комнату невесты (перед ее выходом).

3) Вторая сцена в доме невесты (диалог Кохтина с Подколесиным, его разговор с женихами о невесте и ее выход).

4) Отдельные реплики Кохтина и три вари-

анта его диалога с Яичницей.[20]

Среди бумаг Гоголя, поступивших от А. А. Иванова (Библиотека им. В. И. Ленина в Москве), находится один лист писарской копии, с водяными знаками БУ и обозначением года: 1835. Этот лист был зарегистрирован Н. С. Тихонравовым в описании рукописей Гоголя,[21] но не был опубликован и до сих пор не обращал на себя внимания исследователей. Текст этого писарского листа представляет собой кусок сцены между Жевакиным, Анучкиным и Яичницей (разговор перед выходом невесты о Сицилии, мужиках, «италианочках» и английских моряках). Сцена эта имеется в черновой рукописи «Женихов» 1833 г., но отсутствует в петербургской редакции 1836 г. (где тотчас после Жевакина приходят Кочкарев с Подколесиным) и вновь вставляется только в окончательный текст 1841 г., без больших изменений. Писарская копия, как видно из ее текста, представляет собой промежуточное звено между соответствующими сценами в «Женихах» 1833 г. и в последней редакции 1841 г., причем ближе примыкает к тексту «Женихов». Яичница здесь, как и в

«Женихах», называется Иван Петрович (в последующих редакциях Герасим Петрович, Петр Герасимович, Павел Иванович и Иван Павлович, с фамилией Горшок). Анучкин назван просто «Поручик».[22]

Приводим параллельные реплики Жевакина и Яичницы из трех редакций.

«ЖЕНИХИ»

Жевакин ... попро<бу>йте, ему скажите: дай, братец, хлеб, не поймет, ей богу не поймет. А нужно для это<го> непременно сказать ему по-французски.

<*Яичница*>. А позвольте узнать, вот вы упомянули про мужиков тамошних. Что тамошние мужики так же, как и наши, землю папсут и на оброке состоят или нет?

писарская копия

Жевакин ... попробуйте, скажите ему: дай, братец, хлеба — не поймет, ей богу не поймет. А нужно для это<го> непременно сказать ему по-французски: dateci del pane.

Иван Петрович. А позвольте узнать: вы упомянули про тамошних мужиков. Что тамошние мужики так же, как и наши — землю папсут и на оброке состоят или нет?

последняя редакция

Жевакин ... попробуйте, скажите ему: дай, братец, хлеба — не поймет, ей богу не поймет; а скажи по-французски: «dateci del pane» или «portate vino!» — поймет, и побежит, и точно принесет.

Иван Павлович. А любопытная, однакож, как я вижу, должна быть земля эта Сицилия. Вот вы сказали мужик; что мужик? как он? так ли совершенно, как и русский мужик, широк в плечах и землю пашет, или нет?

Сопоставление параллельных отрывков показывает, что писарская копия почти совпадает с текстом «Женихов», между тем как последняя редакция 1841 г. значительно от нее отличается. Таким образом, писарскую копию отделяет большее расстояние от последней редакции, чем от «Женихов». Всё вместе позволяет предположить, что лист писарской копии представляет остаток неизвестной нам редакции «Женитьбы» 1835 г. По-видимому, это та самая копия, которая приготовлена была Гоголем для передачи актерам в октябре 1835 г., после получения рукописи от Пушкина.

Занявшись «Ревизором» (в октябре 1835 г.), Гоголь оставил мысль о постановке «Женитьбы», которая не удовлетворяла его самого и, по-видимому, не особенно понравилась и в Москве. В письме к Погодину в декабре 1835 г. Гоголь решительно заявлял: «Той комедии, которую я читал у вас в Москве, давать не намерен на театр». Вопрос о постановке «Женитьбы» возник снова весной 1836 г. — очевидно, под влиянием настойчивых просьб М. С. Щепкина. В марте — апреле 1836 г. Гоголь приступил к новой переработке комедии. 29 апреля 1836 г. он сообщал Щепкину о переделке всей комедии, как о совершившемся факте. Он писал ему: «Комедию мою, читанную мною вам в Москве, под заглавием Женитьба, я теперь переделал и переправил, и она несколько похожа теперь на что-нибудь путное».[23] Однако Сосницкий утверждал, что пьеса осталась в том же виде, в каком «она была написана прежде». Он писал Щепкину 30 мая 1836 г.: «Женитьбу ты раньше осени не получишь: Н.<иколай> В.<асильевич> ее взял переделать. Я побранил его за беспечность. Вообрази, что он читал мне пье-

су так, как она у него была написана прежде, как и ты знаешь ее. Две прекрасные сцены не могут искупить целой комедии, а комедии-то и нет. Сюжета никакого: бог знает, зачем люди приходят и уходят». Гоголь согласился с отзывом Сосницкого и обещал еще раз переделать комедию «всю совсем». При этом Сосницкий, как он пишет Щепкину, дал Гоголю «некоторые смешные идеи об обычаях купеческих невест». Эти слова Сосницкого показывают, что в редакции 1835 г. невеста была уже купчихой.

Гоголь увез с собой рукопись «Женитьбы» за границу, куда поехал в июне 1836 г. После этого комедия была заброшена надолго. Гоголь писал Погодину из Парижа 28 ноября 1836 г.: «Не води речи о театре: кроме мерзостей, ничего другого не соединяется с ним. Я даже рад, что вздорную комедию, которую я хотел было отдать в театр, зачитал у меня здесь один земляк... Сам бог внушил ему это сделать. Эта глупость не должна была явиться в свет».[24] Несомненно, что сообщение о пропаже рукописи предназначено было для Щепкина и имело целью оправдать неиспол-

нение данного ему обещания. За 1837–1839 гг. мы не встречаем ни одного упоминания о «Женитьбе» ни в переписке Гоголя, ни в других источниках. Первый документ, где говорится о «Женитьбе», относится к январю 1840 г. Это — письмо Гоголя к Жуковскому из Москвы по поводу предполагавшегося издания его сочинений. Здесь Гоголь повторяет историю о пропаже рукописи, но в иной версии: «Пропала ли она где-нибудь по дороге, или выбросили ее таможенные... или лежит она в Риме» и т. д. Характерно, что Гоголь именуется здесь свою комедию то «Женихами», то «Женитьбой». По-видимому, он вспоминал о ней с неохотой.

Первой сохранившейся полной редакцией «Женитьбы» является автограф Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, поступивший от А. А. Иванова (РЛ6). Автограф состоит из двадцати пяти листков почтовой бумаги разного формата и разных цветов (синего, голубого и серого), без каких бы то ни было водяных знаков. Начало (сцена между Подколесиным и Степаном) написано мелким каллиграфическим почерком, осталь-

ное — более разгонисто, с поправками на ходу письма. В рукописи недостает нескольких листков. Не хватает первых сцен второго действия; выходу Горшка, по-видимому, предшествовали монолог Агафьи Тихоновны и диалог ее с Кочкаревым. Отсутствуют промежуточные сцены между уходом женихов во втором действии и объяснением Подколесина с невестой. Нет и сцены предложения, которое Подколесин делает невесте при участии Кочкарева. Эти пропуски объясняются утратой или уничтожением соответствующих листков.

Переделки и дополнения, вписанные между строками зачеркнутого текста, приписанные на полях (карандашом и чернилами) или написанные на пустых местах, образуют второй, верхний слой рукописи. Заново написаны тут же на рукописи две сцены: сцена переполоха перед приходом женихов и финальная сцена (где прибавлены выход Кочкарева, негодующая тирада Арины Пантелеймоновны и заключительная насмешка Феклы). Значительной переделке подверглись следующие места: 1) спор Арины Пантелеймоновны

с Феклой о дворянах, 2) разговор женихов о преимуществах семейной жизни (в сцене первого визита к невесте), 3) обсуждение качеств невесты после ее ухода, 4) диалог Кочкарева с Подколесинным о невесте в конце первого действия (после ухода женихов), и 5) диалог Кочкарева с Подколесинным во втором действии (Кочкарев уговаривает жениться немедленно).[25]

Н. С. Тихонравов и В. И. Шенрок безошибочно относили ленинградский автограф (включая и верхний слой поправок) к 1835 г. и отождествляли его с той редакцией, которая была прочитана в мае 1835 г. в Москве. Однако, как показывает лист писарской копии, в редакции 1835 г. имелся разговор женихов о Сицилии, который не входит в ленинградский автограф (выход Кочкарева и Подколесина там непосредственно следует за выходом Жевакина, *на той же странице*). Н. И. Коробка датировал ленинградский автограф концом 1840 г. и определял его как «первую римскую редакцию». В своей аргументации он исходил из предположения, что оборванный текст в «Самаринской» тетради

1835–1836 гг. является цельной редакцией. Но, как мы видели, это только разрозненные заготовки. Что же в таком случае Гоголь читал Сосницкому в мае 1836 г.? Несомненно, что вариант, прочитанный Сосницкому, несмотря на переделки, в основном совпадал с редакцией 1835 г. Таким вариантом мог быть только текст, соответствующий нижнему, чистовому слою ленинградского автографа, который представлял собой, очевидно, результат произведенной в апреле — мае 1836 г. переделки текста 1835 г.

В подтверждение своей датировки Н. И. Коробка ссылается еще на имеющуюся в ленинградском автографе заметку (в явлении 19 первого действия): «Здесь Кочкарев со свахой пикируются острыми словами. Каким образом пикируются, я уже не помню; об этом следует узнать у Щепкина и Сосницкого, так же, как и об обрядах, какие при этом употребляются у купцов. Они могут, пожалуй, посоветоваться об этом с Погодиным, знающим этот быт, и пополнить, таким образом, эту сцену». [26] По мнению Коробки, такая заметка могла быть сделана только за границей, когда Го-

голь не встречался лично ни с одним из поименованных лиц. Однако естественнее всего предположить, что Гоголь сделал эту заметку перед отъездом за границу весной 1836 г., торопясь закончить пьесу, которую намеревался оставить Прокоповичу для Щепкина и Сосницкого. Об этом говорит прямой смысл заметки: здесь Гоголь уполномочивает Щепкина и Сосницкого «пополнить» сцену, если в этом будет надобность («они могут... пополнить»). Таким образом, нижний, чистовой слой ленинградского автографа следует признать последней петербургской редакцией и датировать его маем 1836 г., относя к римскому периоду (конец 1840 г.) только верхний слой поправок и дополнений. Что касается «оборванных» набросков в «Самаринской» тетради, то они должны были предшествовать неизвестной нам редакции 1835 г., остатком которой является писарская копия, и могут быть отнесены к концу 1834 или к началу 1835 г.[27]

К верхнему слою ленинградского автографа примыкают наброски на трех отдельных четвертках бумаги заграничного образца (с

иностранными клеймами), какой пользовался Гоголь в Риме. Наброски эти вместе с поправками на ленинградском автографе образуют переход к белой рукописи 1841 г. (РМб). Существенным добавлением к ленинградскому автографу является эпизод с разбитым зеркалом в начале комедии. Остальные наброски представляют собой переделку различных мест ленинградского автографа: короткого начального монолога Подколесина, отдельных моментов из диалога Кочкарева со свахой в первых сценах, разговора Кочкарева о невесте с женихами, реплик Яичницы и Анучкина.

Беловая рукопись, поступившая от А. А. Иванова (Библиотека им. В. И. Ленина, в Москве), представляет собою четыре тетради, сшитые из бумаги большого почтового формата, с теми же водяными знаками, как и на бумаге, на которой сделаны наброски окончательной редакции. Четвертое явление второго действия, за исключением начальной реплики Анучкина, первоначально было пропущено, а затем переписано на отдельной четвертке писчей бумаги русской фабрики, т. е.

уже по возвращении Гоголя в Россию в октябре 1841 г. Позднее в текст были внесены некоторые исправления — сначала чернилами, потом карандашом. Первые одиннадцать явлений (первого действия) переписаны рукой В. А. Панова который жил в Риме рядом с Гоголем с октября 1840 г. до апреля 1841 г. Далее весь текст переписан набело рукой Гоголя. Этим определяется дата рукописи: она была начата незадолго до отъезда Панова, т. е. весной 1841 г. Текст, переписанный Пановым, имеет некоторые (хотя и очень незначительные) отличия от текста первой полной редакции (включая и слой поправок). Следовательно, Панов или списывал начальные сцены с какого-то другого оригинала, или же, что вероятнее, писал под диктовку Гоголя, который делал исправления на ходу, по заметкам на отдельных лоскутках (подобно тому, как он диктовал Анненкову «Мертвые души»). Такими заметками и являются уцелевшие наброски на листах, имеющих те же водяные знаки, что и бумага белой рукописи.

Основной ход действия и порядок сцен, а в большинстве случаев и комбинация реплик,

остаются в окончательном тексте почти в том же виде, как и в ленинградском автографе. Окончательная редакция 1841 г. отличается от ленинградского автографа, прежде всего, стилистической отделкой всего текста. Помимо этого, некоторые сцены переработаны, а также вставлены новые. Полнее развернута сцена появления женихов и их знакомства между собой (в первой редакции они быстро приходят друг за другом). Введен из «Женихов» разговор о Сицилии (перед приходом Кочкарева с Подколесиным), входивший как показывает писарская копия, и в «Женитьбу» 1835 г. Иначе изображается удаление женихов, соперников Подколесина: в первой редакции они уходят сами, под влиянием наговоров Кочкарева, здесь их, по совету того же Кочкарева, прогоняет невеста. Введены также во втором действии сцены между Жевакиным, Кочкаревым и невестой (после изгнания женихов), отсутствовавшие в первой редакции, где Жевакин вообще во втором действии больше не появлялся.

В октябре 1841 г., когда Гоголь приехал в Москву, окончательная редакция «Женить-

бы» была, по-видимому, готова. Но некоторые поправки могли быть внесены и в течение пребывания Гоголя в России, т. е. зимой 1841–1842 гг. В июне 1842 г. Гоголь снова уехал за границу, откуда дослал Прокоповичу в письме от 14/26 ноября 1842 г. переделанный текст одной реплики Кочкарева,[28] выдавая, однако, эту переделку за исправление ошибки писца. Гоголь не мог бы сослаться на ошибку писца, если бы у него не было под руками копии «Женитьбы». Кроме того, он, по-видимому, захватил с собой и собственную беловую рукопись. Иначе ссылка на ошибку писца была бы явно неправдоподобной: имея рукопись, Прокопович мог бы сверить с ней копию и убедиться, что переписчик в данном случае точно следовал авторскому оригиналу. [29]

Текст «Женитьбы» (как и прочих произведений) в издании 1842 г. подвергся значительным искажениям. Часть их произошла при переписке, а в некоторых случаях это были просто опечатки. Приводим примеры ошибок переписчика или опечаток: «что за птица уж» (вместо «что за птица», стр. 15);[30] «Луч-

ший, по моему мнению, муж... вот человек, который...» (вместо «Лучший, по моему мнению, муж есть человек, который...», стр. 33); [31] «надорву последние силы» (Вместо «порву последние жилы», [32] стр. 45) и т. д. В некоторых случаях допущены пропуски. Выпали следующие фразы: «Ведь каково носится» (Жевакин, стр. 27), «я хочу жениться» (Подколесин, стр. 36), «натура не обидела» (Жевакин, стр. 48).

Соответственно полученным полномочиям, Прокопович вносил ряд исправлений в гоголевский текст. Иногда эти исправления оправдывались необходимостью. Так, в словах Яичницы «не так, как другие поют» (стр. 43), Гоголем пропущено было слово «как»; в печати это исправлено. В девятнадцатом явлении второго действия между двумя репликами Подколесина была обозначена, но не написана реплика Кочкарева, вследствие чего две ремарки при репликах Подколесина («Целует ее» и «Берет ее за руку») пришлось соединить в одну («Целует ее и берет за руку», стр. 57).

Некоторые изменения объяснялись цен-

зурными причинами. Так, были выброшены фразы: «что жила прежде с сенатским обер-секлетарем» (стр. 16). В словах Феклы: «такие содомные прозвища» (стр. 23) — выброшено было определение «содомные». «Третья эскадра» в реплике Жевакина (стр. 29) заменена была более общим выражением: «наша эскадра». В словах Анучкина «который хотя, конечно, служил в пехотной службе, но умеет одна-кож...» (стр. 33) — была выброшена оговорка насчет пехотной службы (фраза в печатном тексте шла так: «который также умеет...»). Вместо резких выражений Анучкина о своем отце «мерзавец, скотина» (стр. 35), было поставлено «чудак».[33] «В той только украшение лучше» (о церкви, стр. 51).

Характеризуя издание 1842 г., необходимо указать и на то, что Прокопович исправлял язык и орфографию Гоголя. Так, слова «эдак», «эдакий» и т. д. он везде заменял словами «этак», «этакий»; вместо «нужно» ставил везде «надо». В речах действующих лиц он устранял такие лексические искажения, как «елтажах» (стр. 12), «сподтишка» (стр. 15), «сенахтор» (стр. 24), «губернахтор» (стр. 24),

«аглицкие» (стр. 28), «острамишься» (стр. 33), «звестно» (стр. 44) и др., заменяя их правильными лексическими формами: «этажах», «исподтишка», «сенатор», «губернатор», «английские», «осрамишься», «известно». Вместо «физиогномия» (стр. 26) он ставит «физиономия», вместо «ридикуль» (стр. 37) — «ридикюль».

Исправления коснулись и некоторых оригинальных словообразований Гоголя. Так, слова: «поприглядистее» (стр. 10), «прибыточный» (стр. 12), «перелицевал» (стр. 27), «обознакомились» (стр. 28), Прокопович заменял общепринятыми или, с его точки зрения, более правильными: «попригляднее», «прибыльный», «переворотил», «ознакомились». Он исправлял также выражения, казавшиеся ему неточными. Вместо «да и полно» (стр. 14) ставил: «да и только». Вместо «не даю себе покою» (стр. 55) — «не знаю себе покою»; вместо «становился у него за плечами» (стр. 56) — «становится у него за спиной».

Кроме того, Прокоповичем сделаны были следующие этимологические и синтаксические поправки: поставленная Гоголем в применении к женщине краткая форма прича-

ствия «быть прибиту» (стр. 38) заменена была полной формой причастия женского рода «быть прибитой»; неправильно употребленное местоимение «себе» в словах Жевакина: «бывало, и себе сделается смешно» (стр. 45), заменено словом «самому» («бывало, и самому...»); оборот речи в реплике Подколесина: «каких слов не наскажет» (стр. 49) заменен более гладким: «таких слов наскажет». В частности, устранено своеобразное употребление предлога «с» у Гоголя: «Да что с них с дворян-то твоих» (стр. 24), «сшил с него мундир» (стр. 27), «Что с вас за вид!» (стр. 46). Прокоповичем было исправлено: «Да что в них в дворянах-то твоих», «сшил из него мундир», «Что у вас за вид!». Однако то же употребление предлога «с» мы встречаем и в первой полной редакции «Женитьбы» (ленинградский автограф): «ну и сделали с нее дуру» (стр. 306), «чтобы с него был жене муж» (стр. 326), «Ну что с тебя за надворный советник» (стр. 330, сноска 6).[34]

Подлинный текст «Женитьбы» в основном был впервые восстановлен Н. С. Тихонравовым (в десятом издании «Сочинений Гоголя»,

1889 г.) и вновь сверен с беловым автографом Н. И. Коробкой для издания т-ва «Деятель». В нескольких случаях Коробке удалось устранить недосмотры Тихонравова и извлечь из рукописи правильные чтения. Но Коробка не проявлял той осторожности, какая была у Тихонравова, и поэтому вводил новые чтения без достаточной критической проверки.

В настоящем издании в основу текста положена московская беловая рукопись (частично автограф) Библиотеки им. В. И. Ленина в Москве (РМ17). При этом принято во внимание следующее:

1) Московская рукопись не имеет вполне законченного вида; в ней есть недосмотры и пропуски; кроме того, она подвергалась правке.

2) Как выше сказано, копии были сделаны, несомненно, до отъезда Гоголя из России, причем одну из копий он, по-видимому, взял с собой за границу; следовательно, у него была возможность вносить отдельные поправки непосредственно в текст копий, помимо рукописи; нам известна одна поправка, присланная Гоголем из-за границы, но допустимо

предположение, что были и другие. Поэтому нельзя безусловно отвергать все поправки в печатном тексте 1842 г., особенно в тех случаях, когда они улучшают текст и устраняют заведомые недосмотры.[35]

Указываем наиболее существенные из допущенных нами отступлений от московской рукописи.

Стр. 15. В московской рукописи явление Х первого действия начинается с реплики Подколесина: «Где ж седой волос? Что ты врешь? Никакого нет седого волоса». У Прокоповича эта реплика отсутствует. Однако сомнительно, чтобы она была пропущена при переписке, так как находится в рукописи на видном месте (в начале явления). Естественнее предположить, что ее вычеркнул сам Гоголь в копии — может быть, по той причине, что она повторяет реплику Подколесина в конце предшествующего явления. Поэтому, следуя за Н. С. Тихонравовым, мы сохраняем здесь текст Прокоповича.

Стр. 25. В московской рукописи явная ошибка: «Дом на каменном фундаменте»; ошибка эта легко объясняется соседством

«флигеля на каменном фундаменте» (через строку). Везде речь идет именно о каменном доме (на стр. 12 и еще подробнее на стр. 42). Яичница, как сказано тут же в ремарке, «Подымает глаза *вверх* и обсматривает комнату», а затем говорит: «Есть!» (если бы, действительно, имелся в виду фундамент, та естественнее было бы посмотреть вниз в окно). Не исключена возможность, что ошибка была замечена и исправлена самим Гоголем. В данном случае принимаем текст Прокоповича.

Стр. 29. В московской рукописи — «все офицеры и матросы; все были с такими фамилиями, что бывало покойный командир Алексей Иванович говорил — ну, говорит, у м<оей> третьей эскадры чорт на крестинах что ли был: Помойкин» и пр. Оставляем текст Прокоповича, ввиду того, что исправление имелось уже в цензурной копии и, следовательно, исходило от Гоголя.[36] В театральных рукописях данное место читается так: «все офицеры и матросы, все были с такими чудными фамилиями» и пр. (см. варианты); возможно, что таково было первоначальное исправление,

сделанное Гоголем в копии. Так как возможно предположить здесь исправление, сделанное Гоголем по цензурным соображениям, приводим редакцию московской рукописи в основном тексте под строкой.

Стр. 51. В московской рукописи и у Прокоповича — «по стулу»; в театральных рукописях — «по столу». Предпочитаем в данном случае принять поправку театральных рукописей, считая чтение московского автографа легко объяснимой опiskeй. Чтение московского автографа («по стулу») дает картину, совершенно неестественную со сценической точки зрения. Описка осталась не замеченной Прокоповичем и была исправлена Тихонравовым, но снова введена в текст Коробкой.

Стр. 56. В московской рукописи реплика Кочкарева: «Это просто сатира на человека» — исправлялась Гоголем несколько раз (см. варианты). Последняя правка дает такой текст: «Это просто старый бабий башмак какой-то, насмешка над человеком, просто сатира на человека». Естественно предположить, что Гоголь продолжал исправление этого ме-

ста и в копиях. Правка носит чисто гоголевский характер: энергичное повторение слова «человек» соответствует всему стилю речи Кочкарева. Характерно, что в театральных рукописях, где поправки Прокоповича отсутствуют, данное место совпадает с печатным текстом 1842 г. Всё это дает основание считать исправление принадлежащим Гоголю.

Приводим некоторые введенные нами рукописные чтения, не замеченные или отвергнутые Тихонравовым и Коробкой.

Стр. 11. Оставляем «Чего извольте?», как в московской рукописи и дважды в набросках 1835 г. В ленинградской рукописи — «Чего изволите?»

Стр. 28. Восстанавливаем по рукописи слова Жевакина: «Покажешь бывало эдак на бутылку или стакан, — ну, тотчас и знает, что это значит выпить; приставишь эдак кулак ко рту и скажешь только губами: паф, паф — знает: трубку выкурить». У Прокоповича глагольные окончания второго и третьего лица спутаны, вследствие нечеткого их написания в рукописи. В «Женихах»: «Покажешь... ну тотчас и знает, приставишь... сделаешь губа-

ми... значит хочешь...» В писарской копии — «Покажет... ну тотчас и знаешь... приставит... скажет... знаешь...»

Стр. 31. Восстанавливаем по рукописи — «объявляют»; у Прокоповича ошибочно — «объявление».[37]

Стр. 35. Восстанавливаем по рукописи — «А что ж, пойдем и мы»; у Прокоповича ошибочно — «А чего ждем и мы».[38]

Стр. 43. Восстанавливаем по рукописи — «флигеля» (ср. стр. 12, 25, 35, где говорится о двух флигелях); у Прокоповича — «флигель».

Стр. 44. Восстанавливаем по рукописи — «расходился». У Прокоповича ошибочно — «рассердился»[39]

Стр. 56. Восстанавливаем по рукописи — «тихо»; у Прокоповича ошибочно — «живо».[40]

Стр. 61. В московской рукописи неразборчивое слово, которое Тихонравов читал «сватаного» и отнес в примечания. В основном тексте он печатает, как у Прокоповича: «свадебного». Мы читаем «сватского».

III.

Сценический текст «Женитьбы» известен

нам по двум московским театральным рукописям, хранящимся в Государственном Малом театре в Москве. Это суфлерский и режиссерский экземпляры комедии, из которых авторитетным является только суфлерский, списанный, очевидно, в сороковых годах непосредственно с первоначального цензурного экземпляра, который до нас не дошел. Именно суфлерским экземпляром, по-видимому, и пользовался Тихонравов при установлении вариантов сценического текста комедии. Этот экземпляр переписан чисто, без индивидуальных ошибок писца, выработанным почерком. Заглавный лист и список действующих лиц оторваны. На первый и последней страницах рисунки: Подколесин выпрыгивает из окна, фигура в халате, фигура в кресле. В разных местах карандашом обозначены исполнители (Садовский — Подколесин, Щепкин — Кочкарев, Кавалерова — Фекла, П. Степанов — Яичница и т. д.). Указание на Садовского, как на исполнителя роли Подколесина, свидетельствует о том, что эти карандашные заметки относятся не ранее, чем к пятидесятым годам. Второй, режиссерский экземпляр

не представляет интереса: он переписан небрежно, разными почерками и переполнен грамматическими ошибками. Очевидно, это копия с первого, суфлерского экземпляра, сделанная в позднейшее время (но не позднее пятидесятых годов, так как в числе исполнителей обозначен Щепкин в роли Кочкарева).

Сценический текст «Женитьбы», независимо от печатной цензуры, рассматривался отдельно театральной цензурой, т. е. Гедеоновым, и в нем сделаны были следующие вымарки и перемены:

1. Фамилия «Анучкин», образованная от «онучей» (в «Женихах» — «Онучкин»), была найдена Гедеоновым неприличной для дворянина и офицера и заменена фамилией «Ходилкин»; в Петербурге Анучкин был переименован в «Хожалкина».[41]

2. Были исключены некоторые фразы и выражения, в непочтительной форме касавшиеся чинов, должностей, дворянского звания и религии: «и прочей мелюзге» (о чиновниках, стр. 10), «вот-те Христос» (стр. 13), «уж он титулярный советник» (в связи с тем, что выпивает; стр. 23), «все святые говорили по-русски»

(стр. 44), «Видно только на пакости да на мошенничества у вас хватает дворянства!» (стр. 61).

3. Смягчены были некоторые фразы и выражения: слова «надворный советник, экспедитор или там начальник какой, бог тебя ведает; а тогда, вообрази, около тебя экспедиторчонки» (стр. 18), были заменены словами: «чиновник; а тогда вообрази около тебя чиновнички»; слова не «свинья ли ты, не подлец ли ты» (стр. 19) — словами: «не шут ли ты».

«Женитьба» была поставлена в Петербурге на Александринском театре, 9 декабря 1842 г., в бенефис Сосницкого, вместе с двухактной французской мелодрамой «Помешанный» (которая шла до «Женитьбы») и одноактным водевилем «Гусарская стоянка» (который шел в конце спектакля). Комедия Гоголя оказалась непонятной актерам, привыкшим к подвижности водевиля и к водевильным чисто внешним ситуациям. Они не могли справиться ни с бытовой характерностью гоголевских героев, ни с внутренней, психологической мотивировкой их поведения. За исклю-

чением А. Е. Мартынова — Подколесина, Сосницкой — Агафьи Тихоновны и Е. И. Гусевой — Феклы, все играли очень дурно. Сосницкий в роли Кочкарева был, по словам А. Вольфа, «какою-то мямлею и суетою». Яичница (Григорьев 2-й) и Жевакин (Григорьев 1-й) были «слишком карикатурны, но не смешны».[42] О неудаче Сосницкого говорит и артистка. А. И. Шуберт: «Он имел аристократические манеры и был прекрасен в ролях старых бар, но Кочкарева сыграл плохо».[43] Вследствие этого пьеса, как пишет Шуберт, показалась «скучной» и провалилась в первое представление. Помимо плохой игры, причина этого заключалась и в том, что комедия Гоголя слишком резко отличалась от обычного репертуара. На фоне заполнявших репертуар водевилей и мелодрам, большей частью переводных или переделанных с иностранного, она не могла не производить странного впечатления. В ней, на первый взгляд, не было ни сюжета, ни драматического движения, ни нормальной развязки. По словам Вольфа, многие считали пьесу неконченной, так как в ней не было финальной

свадьбы. Действующие лица казались карикатурными, положения неправдоподобными. После окончания пьесы, как сообщает Вольф, раздалось даже «легкое шиканье».[44] Белинский писал Боткину 9 декабря 1842 г., тотчас после спектакля: «Я сейчас из театра. Женитьба пала и ошквана. Играна была гнусно и подло. Сосницкий не знал даже роли. Превосходна играла Сосницкая (невеста) и очень, очень был недурен Мартынов (Подколесин); [45] остальное все — верх гнусности. Теперь враги Гоголя пируют».

Мнение большинства зрителей нашло себе поддержку в отзывах «Северной Пчелы» и «Репертуара и Пантеона». «Ни завязки, ни развязки, ни характера, ни острот, ни даже веселости — и это комедия» — писал рецензент «Северной Пчелы». «Это, что называют французы, *des scènes à tiroirs*».[46] «Сцены эти, набросанные кое-как, без достаточной завязки и развязки, невозможно назвать комедией», говорилось в «Репертуаре и Пантеоне». «Для комедии, сверх того, требуется правдоподобие, а в Женитьбе нет ни того ни другого».[47] Нападая на «Женитьбу» с художествен-

ной и драматургической точки зрения, враждебная Гоголю критика имела, однако, в виду главным образом общее сатирическое и реалистическое направление его творчества, столь резко выразившееся в «Мертвых душах», которые составляли еще свежую новость. В «Репертуаре и Пантеоне» писали: «Отвратительной природы никому не придет охоты смотреть на сцене, и если она кажется привлекательною... приверженцам г. Гоголя, то они могут перечитать Мертвые души... Пишите, что хотите, барды г. Гоголя! Возгласы ваши не изменят единодушного приговора, произнесенного целою публикою, не дозволившею по окончании пьесы ни одного одобрительного хлопка».[48] При этом подчеркивалось оскорбительное изображение офицерства и чиновничества у Гоголя. Рецензент «Репертуара и Пантеона» указывал, в частности, на Жевакина: «Изображать такими красками морских офицеров, отличающихся у нас вообще образованностью, знакомых с правилами чести и общежития, ей-ей, недостойно писателя, слывущего нравоописательным».[49] В том же духе писала и «Библиотека для

Чтения», назвавшая гоголевскую комедию «напряженной малороссийской сатирой против великороссийских чиновников».[50] Всё это было повторением того, что раньше говорилось по поводу «Ревизора».[51]

В сезон 1842–1843 гг. «Женитьба» ставилась всего семь раз.[52] Последующие представления проходили, однако, с возрастающим успехом.[53]

Белинский в своих статьях, рецензиях и заметках 1843 г. не раз касался вопроса о «Женитьбе». Он поместил в «Отечественных Записках» специальную заметку, в которой дал — очевидно, в качестве руководства для актеров — характеристики всех персонажей комедии. При этом он особенно подробно остановился — в поучение Сосницкому — на характеристике Кочкарева. Он подчеркивал отсутствие всякой положительной цели в хлопотах Кочкарева и писал, намекая, вероятно, на Сосницкого: «Если актер, выполняющий роль Кочкарева, услышав о намерении Подколесина жениться, сделает значительную мину, как человек, у которого есть какая-то цель, то он испортит всю роль с самого

начала».[54] Несомненно, такую «значительную мину» и сделал Сосницкий, стремясь придать хоть какую-нибудь положительную мотивировку настойчивости Кочкарева.

В Москве «Женитьба» сыграна была первый раз 5 февраля 1843 г., на Большом театре, в бенефис Щепкина.[55] Несмотря на советы Гоголя не ставить в один вечер двух его вещей, Щепкин присоединил и «Игроков», видимо желая придать спектаклю больше единства. Порядок спектакля был следующий: 1) «Женитьба», 2) концертный «антракт», 3) «Игроки», 4) двухактная французская комедия «Подставной и отставной», 5) танцевальный «дивертисемент».[56] «Женитьба» в Москве была сыграна гораздо лучше, чем в Петербурге — главным образом, благодаря стараниям С. Т. Аксакова, не пропускавшего ни одной репетиции и объяснявшего актерам их роли. А. И. Шуберт рассказывает, что она не узнала пьесы, когда увидела ее в Москве: «точно пьесу с иностранной сцены пересадили на родную».[57] Из актеров, по отзыву Аксакова,[58] лучше всех были Кавалерова (Фекла), Сабурова 1-я (Арина Пантелеймоновна) и молодой

Пров Садовский, исполнявший роль «Ходилкина» (Анучкина). Хороши были также П. Степанов (Яичница) и Орлов (Жевакин); местами была хороша и Орлова (Агафья Тихоновна). Но исполнители центральных ролей — Щепкин (Подколесин) и Живокини (Кочкарев) — не удовлетворили Аксакова. «Я не понимаю, мой милый, — писал он Гоголю в феврале 1843 г., — вашего назначения ролей. Если бы Кочкарева играл Щепкин, а Подколесина Живокини, пьеса пошла бы лучше. По свойству своего таланта Щепкин не может играть вялого и нерешительного творения, а Живокини, играя живой характер, не может удерживаться от привычных своих фарсов и движений, которые беспрестанно выводят его из характера играемого им лица».[59]

Щепкин и Живокини сами признавали свою неудачу и, с согласия Гоголя, переменились ролями. От перемены ролей спектакль значительно выиграл, хотя Щепкин не мог вполне справиться и с ролью Кочкарева. По поводу гастролей Щепкина в Петербурге в 1843 г. дружественно расположенный к нему Белинский писал, что в роли Кочкарева, «он

обнаруживает больше искусства, нежели истинной природы».[60]

Игра Щепкина и Сосницкого основывалась на конструктивных принципах классической школы. Каждая сцена являлась в их исполнении не самоцелью, а переходной ступенью в общем поступательном движении пьесы. Реально-бытовая изобразительность сама по себе не входила в их задачу; она сохраняла значение только одного из элементов роли. Когда Щепкин играл городничего в «Ревизоре», на первом плане перед ним стояла общепсихологическая цель — показать, по формулировке Гоголя, «что такое плут», конкретные бытовые детали, связанные с местом и временем, занимали при этом второстепенное, подчиненное положение. Что касается «Женитьбы», то в ней неприменимы были конструктивные принципы игры, так как бытовой материал здесь являлся преобладающим. Этот бытовой материал и явился камнем преткновения для Сосницкого и Щепкина. Сосницкий еще по поводу редакции 1835 г. прямо заявлял, что «комедии-то и нет», отсутствие непрерывного сюжетного движения он счел

отсутствием всякого сюжета вообще, а введение диалогов, служащих целям характеристики, но не двигающих действия вперед, определял как бессвязность: «бог знает, зачем люди приходят и уходят». Поэтому-то, играя Кочкарева, он старался, как можно заключить из намека Белинского, придать его действиям какую-то видимость цели. Подобные затруднения возникали и у Щепкина как в роли Подколесина, так и в роли Кочкарева. В роли Подколесина он слабее всего был в сценах, не связанных с внешней ситуацией и не имевших внешней мотивировки — в сцене наедине с невестой и в последнем монологе. В сцене с невестой его робость, как пишет С. Т. Аксаков, «напоминала городничего», а в последнем монологе неожиданная перемена настроения у Подколесина выражена была «пошлыми театральными приемами»[61] В роли Кочкарева у Щепкина недоставало, по словам Белинского, «истинной природы», т. е. бытового колорита, живой характеристики. Как писал впоследствии Аполлон Григорьев, Кочкарев был у него не «лицом», а «рычагом к действию».[62]

«Женитьба» знаменовала переход к драматургической системе Островского. Медленное развитие действия, диалоги с характеризующей установкой, эпизоды, мало связанные с основным сюжетом, — всё это подготовляло композицию комедий Островского, определявшуюся бытовыми и сатирическими целями. В «Женитьбе» намечены были и основные темы, впоследствии разрабатывавшиеся Островским. Тихон Пантелеймонович, обрисованный мимоходом в рассказе Арины Пантелеймоновны, являлся прототипом купцов-самодуров из комедий Островского; образом свах Островского была гоголевская Фекла; Липочка из «Свои люди сочтемся» своим презрением к купеческому званию и непременным желанием выйти замуж за дворянина напоминала Агафью Тихоновну.

Законченное воплощение гоголевской комедии на сцене стало возможным только в эпоху Островского, в связи с развитием реалистической школы игры. Актер эпохи Островского строил свою игру на бытовой характерности, которая выражалась и в мимике, и в жестах, и в костюме, и в гриме. Статичность

роли при этих условиях не являлась помехой; напротив, она оставляла больше простора для реалистически-бытовых деталей. В роли Подколесина те места, которые не выходили у Щепкина, были самыми удачными у Прова Садовского. Главное отличие Садовского от Щепкина, по определению Аполлона Григорьева, состояло в том, что Садовский играл «лицо», а не психические движения «отдельно от лица», как Щепкин. «Ему в последнем монологе Подколесина, — писал Аполлон Григорьев, — удалось почти осязаемо дать понять психологический скачок в душе героя, выражающийся под конец в скачке физическом».[63]

IV.

Открывая путь к бытовой комедии Островского, «Женитьба» вместе с тем опиралась на известные театральные традиции, что особенно заметно в первоначальном варианте комедии («Женихи», 1833 г.), построенном исключительно на соперничестве женихов. Круг женихов, из которых каждый наделен резкой комической чертой, еще в XVIII веке служил композиционным средством для вве-

дения сатирических портретов, характеризующих различные общественные категории (женихи в комедии Сумароков «Чудовищи» и в «Чудаках» Княжнина).

В последующих редакциях «Женитьбы» на первый план выдвигаются мотивы неудачного свата и нерешительного жениха (Кочкарев и Подколесин). Оба эти мотива были в ходу на русской сцене в 20-х годах. Мотив свата, попадающего так или иначе впросак, варьируется в ряде водевилей, переделанных с французского («Хлопотун» А. Писарева, 1825 г.; «Светский случай» Хмельницкого, 1826 г.; «Сват невпопад» Д. Ленского, 1828 г.). Нерешительный жених выведен в комедии Хмельницкого «Нерешительный» (1819 г.), часто шедшей на сцене вплоть до 30-х годов. Пьеса Хмельницкого, конечно, имеет очень мало общего с комедией Гоголя. Нерешительность Армидина, героя Хмельницкого, проявляется в неумении остановить выбор на одной из двух хорошеньких сестер, между тем как Подколесин у Гоголя колеблется в самом решении жениться. Однако в частности есть некоторое сходство. Так, сцена объяснения Подколесина с

Агафьей Тихоновной напоминает аналогичные сцены Армидина с Людмилой и с Наташей. Оба, приступив к объяснению, не решаются его закончить и под разными предлогами откладывают его. Есть сходство и в попытке бегства, с той разницей, что Армидину убежать не удастся.

В «Женитьбе» изображаются представители офицерско-чиновничьего сословия в их соприкосновении с купеческой средой, точкой соприкосновения взят типический бытовой случай — поиски жениха-дворянина для купеческой невесты. Купеческая сторона пьесы постепенно расширялась, начиная с набросков 1835 г., где невеста, по-видимому, была уже купчихой. В дальнейших редакциях (1836, 1841 гг.) прибавлены были Арина Пантелеймоновна с ее проповедью купеческих преимуществ и жених Стариков. Сваха Фекла является посредствующим звеном между двумя мирами, причем по своей «простонародности» ближе примыкает к купеческой стороне.

Купеческая тема не была новостью ни на сцене, ни вообще в художественной литературе. В самом начале XIX века купеческий

быт воспроизводился в пьесах П. Плавильщикова. Гоголевской комедии непосредственно предшествовали «простонародные» повести М. П. Погодина из купеческого быта. В частности, можно отметить некоторую связь «Женитьбы» с повестью Погодина «Черная немочь» (1832 г.), где есть и говорливая сваха, и купец-деспот, и роспись приданого, которую он разбирает.[64]

Эпизодические заметки, касающиеся купцов и их отношений с дворянством, встречаются, хотя и изредка, в произведениях Гоголя, начиная с 1833 г. В «Невском проспекте» мимоходом затронут основной мотив «Женитьбы»: женитьба офицера из «среднего класса общества» на купеческой дочери «с сотнею тысяч» и «кучею брадатой родни». Кстати говорится и о честолюбии «русских бородаков», которые, «несмотря на то, что от них несколько отзывается капустою, никоим образом не хотят видеть дочерей своих ни за кем, кроме генералов или, по крайней мере, полковников». В «Портрете» сопоставляется развязность «русских купцов» «в синих немецких сюртуках» на аукционе с их обычной «при-

торной услужливостью», когда они в своих лавках перед покупателем. В одном раннем отрывке («Дождь был продолжительный», 1833 г.) изображается внешне цивилизованный купец в таком же «синем немецкой работы сюртуке» на прогулке со своей «жирной» половиной. Автор иронизирует над «купеческой ловкостью», с какой он держит над ней зонтик, и с насмешкой упоминает об «адской струе из капусты и луку», которую оставляет за собой купеческая чета.

Больше внимания уделено купцам в «Ревизоре». Городничий обличает их плутовство и издевается над их бородами и претензиями на важность. Повторяется в «Ревизоре» и мотив «купеческой дочери»: Хлестаков (в редакции 1835 г.) хвастает своими успехами у каких-то «двух хорошеньких купеческих дочек», которых он прельстил своей петербургской внешностью.[65]

Все эти мотивы имеются и в «Женитьбе», но в иной функции и со значительными переменами. Мотив «купеческой дочери», намеченный еще в «Невском проспекте», стал здесь основной частью сюжета. Купеческое «важ-

ничанье» получило в речах Арины Пантелеймоновны более или менее солидное обоснование и превратилось в гордое сознание своего сословного достоинства (рассказ о Тихоне Пантелеймоновиче, спор с Феклой, финальная сцена). Фигура купца Старикова изображена сочувственно. Отпали или отошли на второй план внешние комические черты, вроде «бороды». О «бороде» в окончательной редакции уцелело только одно упоминание (реплика Агафьи Тихоновны: «станет есть, все потечет по бороде»).[66] Совсем уничтожено упоминание о «капусте», имевшееся в первой полной редакции.[67] Исчезла также и такая подробность, как «немецкая» одежда некоторых купцов, претендующих на равенство с дворянством; в первой полной редакции Стариков причисляется именно к этой категории (реплика Арины Пантелеймоновны: «Да ведь Алексей-то Дмитриевич не такой... в немецком кафтане лучшего сукна ходит»).

Сравнение окончательной редакции с двумя слоями (верхним и нижним) первой полной редакции показывает, как Гоголь систематически устранял свои собственные шаб-

лоны и слишком примитивные комические черты, и как, вместе с тем, смягчал краски в изображении персонажей из купечества, которые становились серьезнее и человечнее, получая в этом отношении решительный перевес над персонажами из дворянства, обрисованными резко сатирически. Так в окончательной редакции смягчен образ Тихона Пантелеймоновича (сокращен рассказ о его кулачных расправах с женой, выброшено упоминание о его обжорстве) и совершенно уничтожен комический эффект нескладной речи Старикова,[68] причем реплики его в окончательной редакции сведены к минимуму. Ослаблены также комические черты Арины Пантелеймоновны,[69] что в связи с ее бойкими сатирическими выходками против дворянства выводит ее из ряда объективно-комических персонажей (т. е. таких, которые сами являются предметом смеха, а не вызывают, подобно сценическим «шутникам», сочувственный смех). В то же время подверглись сокращению в окончательной редакции (отчасти по цензурным соображениям) некоторые особенно резкие отзывы Арины Панте-

леймоновны о дворянстве, вроде следующих: «Дворянин, дворянин, а только и славы, что имя. Такой же холоп, только что перед черным народом дуется»; «А дворянин что ни выподличает, ни себе, ни другим, а только растранжирит мошенникам».[70]

Из числа представителей «среднего класса» дворянского общества главное место занимают в комедии Подколесин и Кочкарев. Образ «нерешительного» жениха имел за собой некоторые театральные традиции, но у Гоголя он приобрел совершенно новое, гораздо более широкое значение. Источники Подколесина находятся в собственном творчестве Гоголя. Подколесин связан, с одной стороны, со Шпонькой, которого напоминает своей застенчивостью и своей боязнью женитьбы; беседа Шпоньки с невестой включает уже в себе зерно беседы Подколесина с Агафьей Тихоновной. С другой стороны, то самодовольство, с каким Подколесин говорит о своем чине «надворного советника», сближает его с майором Ковалевым. Кочкарев был введен в комедию позднее, и окончательная обработка его шла параллельно с «Мертвыми

душами». В набросках 1835 г. он фигурирует еще под именем Кохтина, и мотивы поведения его неясны. В первой полной редакции есть попытка приписать какую-то, цель его действиям; его вмешательство в сватовство Подколесина мотивируется желанием уберечь приятеля («Ты, пожалуй, еще так его подденешь, женишь на такой королеве, что мороз по коже подерет»). Эти намеки на какую-то положительную мотивировку уничтожаются в окончательной редакции, и неутомная энергия Кочкарева становится столь же комически-бесцельной, как у Ноздрева в «Мертвых душах». Есть сходство с Ноздревым и в той легкости, с какой Кочкарев по всякому поводу выдумывает любую историю. Между прочим, Ноздрев не прочь вмешаться и в дело сватовства, подобно Кочкареву (его предложение помощи в устройстве похищения губернаторской дочери).

«Женитьба» была комедией нового жанра, а в отношении купеческой темы подготавливала театр Островского. Гоголь знал купеческий быт хуже, чем помещичий, офицерский и чиновничий. От Сосницкого он получил в

1836 г. некоторые «смешные идеи об обычаях купеческих невест». Он предлагал «пополнить» сцену приема женихов, пользуясь сведениями Щепкина, Сосницкого и Погодина об обрядах сватовства у купцов. Однако надобности в этом, по-видимому, не оказалось, так как сцена осталась почти в том же виде, как она была написана в первой полной редакции. Знаний у Гоголя и без того оказалось достаточно для того, чтобы схватить самое существенное в купеческом укладе. Как писал потом Чернышевский в «Очерках Гоголевского периода», у Островского «очень немногое прибавлено к тому, что указано уже Гоголем».

Помимо того значения, какое имела «Женитьба» для обновления театра и, в частности, для подготовки Островского, она имела, и общелитературное значение. Подколесин, наравне с Тентетниковым, который согревал в воображении Гоголя почти одновременно с окончательной отделкой «Женитьбы», был прообразом Обломова. В цензурном отзыве «Женитьба» определялась, как «нечто вроде очерка нравов из низшего чиновничьего и мещанского быта в Петербурге», не имеюще-

го никакой «неблагонамеренной цели».[71] Однако, при кажущейся безобидности содержания, комедия заключала глубокий сатирический смысл. Гоголь свободно мог сглаживать острые углы и обходить опасные темы, во избежание цензурных придирок — от этого сатира только выигрывала в силе, отвлекаясь от частных и сосредоточиваясь на общем. Все вместе составляло целый мир добродушно-зловредной обывательщины, где чин, звание и достаток служат единственным мерилом человека, мир умственной пустоты, где нет ничего, что выходило бы за пределы мелких, узких, ограниченных интересов, и где отсутствует нормальная логика поступков. Самые нормальные человеческие чувства настолько чужды людям этого гротескного мира, что один только их проблеск выбивает их из колеи, как это показывают бессильные потуги Подколесина выразить новое для него ощущение влюбленности, вспыхнувшее в нем на мгновение и тотчас погасшее. В «Женитьбе» изображалось то же самое, что являлось основным предметом всего творчества Гоголя: безотрадная «пошлость пошлого чело-

века».

Библиографическая справка

Указываем здесь работы, специально посвященные «Женитьбе».

С. С. Данилов. «Женитьба» Н. В. Гоголя. Гос. Академический театр драмы, 1935; «Гоголь и театр», 1936.

Вл. Филиппов. «Женитьба» Гоголя и режиссерский комментарий к ней. Театропечать, 1930.

Н. В. Гоголь. «Женитьба». Режиссерский комментарий засл. артиста Н. М. Горчакова, изд. «Искусство», М. — Л., 1938.

А. Л. Слонимский «История создания Женитьбы», в сборнике «Русские классики и театр», изд. «Искусство», 1947.

Игроки

I

Источники текста

а) Печатный

П — «Сочинения Николая Гоголя». Том четвертый. СПб., 1842.

б) Рукописные

РКЗ — автограф окончательной редакции, Библиотека АН УССР в Киеве.

РЛ6 — автограф черновых набросков. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

МТ — писарская копия окончательной редакции. Архив Академического Малого театра в Москве.

В настоящем издании основной текст печатается по окончательной редакции «Игровиков» (*РКЗ*) с некоторыми исправлениями по изданию 1842 г. и копии *МТ*.

II

Комедия «Игроки» была напечатана впервые в издании «Сочинения Николая Гоголя», 1842, том четвертый, в разделе «Драматические отрывки и отдельные сцены», который датировался самим Гоголем периодом с 1832

по 1837 г. Окончательная обработка комедии относится к 1842 г., но начата она была несомненно раньше. Посылая Прокоповичу в конце августа 1842 г. свою комедию, Гоголь писал, что «в силу» ее «собрал» из «черновых листов», написанных «уже давно». Бумага ленинградских набросков (РЛ6) — русских фабрик. Собственная датировка Гоголя («по 1837 г.») дала основание Н. С. Тихонравову отнести черновые наброски «Игроков» к петербургскому периоду его жизни (до июня 1836 г.).

Ленинградский автограф находится в одном переплете с «Женитьбой» (1836 г.), «Отрывком» и т. д. (переплет позднейший) Он занимает листы 26–33 об. и содержит начало пьесы (до явления 8) и наброски продолжения. Начало пьесы представляет собой беловик, подвергшийся позднее правке. Дальнейшие наброски (на двух четвертках, листы 32–33 об.; бумага другого сорта) написаны в беспорядке, с интервалами, и по содержанию соответствуют концу явления 8 и явлению 9.

Полной и окончательной редакцией «Игроков» является текст киевского автографа,

присланный Гоголем Прокоповичу из Гастейна вместе с письмом от 29 августа (ст. ст.) 1842 г. Он находится в одном переплете с «Театральным разъездом», на первом месте (листы 1-11). Окончание и отделка пьесы приходится, очевидно, на июль — август 1842 года. 15 (27) июля Гоголь писал Прокоповичу: «Я к тебе еще не посылаю остальных двух лоскутков, потому что многое нужно переправить, особливо в «Театральном разъезде...» Под первым из «лоскутков» здесь имеется в виду комедия «Игроки», к работе над которой, очевидно, и приступил автор. Как видно из киевского автографа, Гоголь и при переписке на бело окончательной редакции «Игроков» вносил в нее отдельные стилистические поправки, кое-что сокращал, и, даже отослав перебеленный текст комедии Прокоповичу, он сделал в нем еще одно дополнение — в одном из последующих своих писем. «Также в Игроках — писал он 14 (26) ноября 1842 г. — пропущено одно выражение довольно значительное. Именно, когда Утешительный мечет банк и говорит: «На, немец, возьми, съешь свою семерку!». После этих слов следует при-

бавить: «Руте, решительно руте! Просто карта фоска!» Эту фразу включи непременно. Она настоящая армейская и в своем роде не без достоинства».

С автографа окончательной редакции пьесы были сделаны писарские (не сохранившиеся) копии для цензора и для типографского набора издания 1842 г.;[72] к нему же, по-видимому, восходит и копия Московского Малого театра. По крайней мере почти во всех тех случаях, когда Прокопович вносил в печатный текст пьесы свои — в большинстве случаев грамматические и стилистические — поправки, театральная рукопись дает чтение автографа.

Для настоящего издания взят в основу текст «Игроков», подготовленный к изданию 1842 г. самим Гоголем, т. е. текст киевского автографа, свободный от поправок Прокоповича.

Оговариваем некоторые отступления от автографа:

Стр. 67 — «Дает ему бумажку» (вм. «Дают») — более соответствует контексту и, кроме того, совпадает с первоначальной редак-

цией в *РЛБ* (стр. 342).

Стр. 89 — «Дает ему подписаться» (вм. «Дают») — более соответствует контексту.

Надо еще оговорить, что некоторые отличия издания 1842 г. от киевского автографа в подаче заглавия комедии были сделаны по указанию самого Гоголя, который 29 августа (ст. ст.) 1842 года писал по этому поводу Прокоповичу «... на одном белом листе «Драматические отрывки» и отдельные сцены с 1832 по 1837 год», а на другом, вслед за ним — «Игроки» с эпиграфом».

III

Пьесы из жизни игроков были очень популярны на сцене, начиная с конца XVII века (комедия Реньяра «Игрок», 1696 г.; английская мелодрама «Беверлей», 1773 г.; мелодрама Дюканжа и Дюно «Тридцать лет или жизнь игрока», 1828 г. и др.). Быт игроков и шулеров описывался также во многих романах и повестях (Д. Н. Бегичев, «Семейство Холмских», 1832 г.; Р. Зотов, «Леонид, или некоторые черты из жизни Наполеона», 1832 г. и пр.); сюда же относится и пушкинская «Пиковая дама», в основу которой положен карточный сюжет. Из-

давались, кроме того, многочисленные руководства карточной игры; существовали и полюбеллетристические сочинения, специально посвященные шулерским проделкам. Широко известно было вышедшее в 1826–1827 гг. в двух томах «сочинение российское», под заглавием «Жизнь игрока, описанная им самим, или открытые хитрости карточной игры». Отсюда заимствован Гоголем рассказ Утешительного о чемодане с краплеными картами, подброшенном к помещицкому дому (явление 8).[73] Компанию шулеров изображал князь Шаховской в неоконченной комедии «Игроки» (1826 г.). Интересно, что сюжет здесь, как впоследствии у Гоголя, состоял в столкновении между шулерами.[74]

Карточной темы Гоголь касался и в других произведениях помимо «Игроков». Карты занимают видное место в характеристике Хлестакова в «Ревизоре» и двух чиновников в «Утре делового человека». Мотив подобранной колоды намечен мимоходом в «Мертвых душах». Ноздрев трудится над «подбиранием из нескольких десятков дюжин карт одной талии, но самой меткой, на которую можно

было бы понадеяться, как на вернейшего друга» (глава X). Ихареву такая колода стоила «почти полгода трудов», так что доктор «опасался воспаления в глазах»; то же и в «Мертвых душах»: Ноздрев «исхудал и позеленел». В записных книжках Гоголя 1841–1842 гг. мы находим ряд карточных терминов, некоторыми из которых он воспользовался как в «Мертвых душах» («загнуть утку»), так и в «Игроках» («пароле пе»).

Оригинальность гоголевских «Игроков» заключается в том, что интерес сосредоточен здесь не на карточной интриге, а на самом содержании ролей, разыгрываемых шулерами с целью обмануть Ихарева. Некоторые из лиц, разыгрывающих эти характерные роли, совсем не выступают без маски и так и остаются неизвестными зрителю и читателю (старик Глов, приказный Замухрышкин). Карточный анекдот служит в «Игроках» только поводом для обрисовки характерных персонажей.

Театральная цензура перед постановкой подвергла текст «Игроков» строгой чистке. Уничтожено было всё, касающееся «гусар-

ской» характеристики Глова-сына. Слово «гусар» систематически заменялось «молодцом» или просто вычеркивалось. Вместо «будущего гусарского юнкера» (стр. 87) в театральной копии стоит: «нашего нового друга»; вместо «всего гусарства» (там же) — «всех»; вместо «гусарские» (там же), «гусарская» (стр. 88) — «молодецкие», «молодецкая»; вместо «юнкер» (стр. 87) — «молодец». Вычеркнута фраза: «Барклай-де-Тольевское что-то видно» (стр. 89). Кроме того произведены следующие вымарки и изменения: 1) фраза Глова-сына «ну, уж я бы ей не спустил» (о сестре, стр. 86), заменена менее резкой: «ну, уж я бы сам приволокнулся»; 2) выброшена ссылка Замухрышкина на то, что «взятки берут и те, которые повыше» («а как рассмотришь ~ да на других санках», стр. 94); 3) в реплике Утешительного «а вы уж там с начальниками своими сделайте, как следует» (в связи с обещанием взятки, стр. 95) выброшены слова «с начальниками своими»; 4) фамилии «Чеботарев» (стр. 67) и «Крыницын» (стр. 99), как существовавшие в действительности, заменены выдуманными «Чемоданов» и «Кравицын».

«Игроки» были поставлены в Москве 5 февраля 1843 г., в бенефис Щепкина, в один вечер с «Женитьбой», несмотря на совет Гоголя приберечь «Игроков» до следующего бенефиса (письмо Щепкину из Рима в конце ноября 1842 г.). «Игроки» шли тотчас после «Женитьбы», опять-таки наперекор совету Гоголя не ставить его пьес непосредственно друг за другом (то же письмо). Щепкин играл Утешительного без особенного успеха. Слаб был Ленский (Ихарев). В роли Замухрышкина выступал Пров Садовский. Как писал Гоголю С. Т. Аксаков, «Игроков» слушали холоднее, чем «Женитьбу», а пьесу, однако, хвалили.[75] Благоприятная рецензия о спектакле появилась в «Московских Ведомостях» от 11 февраля 1843 г.

В Петербурге «Игроки» шли 26 апреля 1843 г., в бенефис Н. И. Куликова. Порядок спектакля был следующий: 1) «Заложение Санкт-Петербурга», «русская драматическая быль» в двух действиях, 2) «Игроки», 3) водевиль «Проказы барышень на Черной Речке» 4) водевиль «Актеры между собою».[76] Главные роли в «Игроках» исполняли Сосницкий

(Утешительный) и Мартынов (Ихарев). Из исполнителей выделился, по отзыву А. И. Вольфа, Самойлов (Швохнев), «скопировавший с натуры известного в то время игрока».[77] Белинский отмечал также хорошую игру П. А. Каратыгина в роли Замухрышкина. В Петербурге «Игроки» приняты были неприязненно, что Белинский объяснил неразвитостью постоянных посетителей Александринского театра. «Это произведение, — писал Белинский, — по своей глубокой истине, по творческой концепции, художественной отделке характеров, по выдержанности в целом и в подробностях, не могло иметь никакого смысла и интереса для большей части публики Александринского театра».[78]

Благоприятный отзыв появился в «Репертуаре и Пантеоне».[79] «Если под водевилем разуместь не пьесу, одушевленную одною мыслью, — писал рецензент, — а изложенный драматический случай, то «Игроки» дают нам образцовый (тем более образцовый, что первый) водевиль из чисто русской жизни... что за мастерская отделка характеров!» и пр. Резко отрицательная рецензия в обыч-

ном духе появилась в «Северной Пчеле» (3 мая 1843 г.).

Утро делового человека

I

Источники текста (Печатные)

С — «Современник» 1836 г., том первый, стр. 227–241.

П — «Сочинения Николая Гоголя», том четвертый, СПб., 1842.

В настоящем издании печатается по тексту «Сочинений», изд. 1842 г. В письме к Пушкину от 2 марта 1836 года Гоголь назвал сцену «Утром чиновника». Вероятнее всего, что это было условное обозначение сцены. Нет оснований утверждать (как это делал Н. И. Коробка), что «Утро чиновника» было первоначальным точным заглавием, которое было изменено в «Утро делового человека» по цензурным соображениям.

«Утро делового человека» за подписью «Н. Гоголь» было напечатано в первом томе пушкинского «Современника» (цензурное разрешение 31 марта 1836 г.), с подзаголовком «Петербургские сцены» (отброшенным в изд.

1842 г.). В издании 1842 г. текст пьесы подвергся небольшой правке в стилистическом отношении. За отсутствием рукописей невозможно отделить поправок самого Гоголя от поправок редактора издания — Н. Я. Прокоповича. Поскольку же важнейшие из изменений текста в изд. 1842 г., по сравнению с текстом «Современника», несомненно, принадлежат самому Гоголю (переработка диалога об игре в вист), — постольку основным текстом «Утра делового человека» следует считать текст издания 1842 г.

II

«Утро делового человека», «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывок» — все эти пьесы были созданы в результате переработки отдельных сцен незавершенного и оставленного Гоголем первого его драматургического замысла — комедии «Владимир третьей степени». Самое раннее известие об этом замысле мы находим в письме П. А. Плетнева к В. А. Жуковскому от 8 декабря 1832 года (Сочинения и переписка Плетнева, т. III, стр. 522). Через два месяца, 17 февраля 1833 г., тот же Плетнев писал Жуковскому, что у Гоголя «комедия не пошла из го-

ловы» (там же, стр. 528). О том же писал Гоголь из Петербурга М. П. Погодину 20 февраля 1833 г.: «я помешался на комедии. Она, когда я был в Москве, в дороге и когда я приехал сюда, не выходила из головы моей, но до сих пор я ничего не написал. Уже и сюжет было на днях начал составляться, уже и заглавие написано на белой толстой тетради: *Владимир 3-й степени*, и сколько злости! смеху! соли! Но вдруг остановился, увидевши, что перо так и толкается об такие места, которые цензура ни за что не пропустит». О гоголевской комедии знали, кроме Погодина, Плетнев и Жуковский. По-видимому, знал и Пушкин, который в письме от 30 октября 1833 г. спрашивал В. Ф. Одоевского: «Что его <Гоголя> комедия? В ней же есть закорючка». 14 августа 1834 г. Гоголь в письме к М. А. Максимовичу сообщал о двух своих пьесах, из которых одну он уже собирает отдать в театр, а другую «готовит из-под полы» Вторая пьеса, вероятно, и была «Владимир третьей степени». Наконец, точное известие о гоголевской комедии находится в «Письме из Петербурга» М. П. Погодина, помещенном в «Московском На-

блюдателе» 1835 г., март, кн. 2, стр. 242–268.
[80]

Одна из начальных сцен, послужившая основой «Утра делового человека», получила огласку в Пушкинском кругу. 13 октября 1835 г., в письме из с. Михайловского П. А. Плетневу, Пушкин вспоминал о некоторых деталях «Утра делового человека» и писал о них своему корреспонденту, предполагая, что и ему они хорошо известны. Позднее в письме к М. П. Погодину 1 декабря 1838 г. из Рима Гоголь упоминал о «черновых лоскутках истребленной им комедии». Следовательно, комедия, по крайней мере в некоторой ее части, была написана, но затем «истреблена», причем остались только «лоскутки». В письме к В. А. Жуковскому из Москвы от конца декабря 1839 г. или начала января 1840 г., Гоголь говорил о «неоконченной комедии», причем подчеркивал, что отыскал из нее «только два отрывка, она вся осталась в Риме». Достоверность последнего признания Гоголя подтверждается тем, что действительно имеются два отрывка «Владимира третьей степени», переработанных в «Тяжбу» и «Лакейскую».

Как впервые установлено Н. С. Тихонравовым (Соч. Гоголя, 10-е изд., т. II, стр. 736–737), из не дошедшей до нас белой рукописи «Владимира третьей степени» Гоголь в начале 1840 г. (обоснование этой даты см. в комментариях к «Тяжбе*» и «Лакейской*») сделал две вырезки — в пять и в четыре листа. К первой вырезке он присоединил три заново написанных листа в начале и один заново написанный лист в конце. Так составила рукопись «Тяжбы». К началу второй вырезки он присоединил шесть заново написанных листов. Так составила рукопись «Лакейской».

[81] Само собой разумеется, что текст вырезок был переработан, а частью сокращен, имена действующих лиц при переделке были изменены. Восстанавливая интересующий нас в данном случае текст вырезок, относящийся к «Владимиру третьей степени» (см. в отделе «Других редакций»), мы можем видеть, что не только по именам действующих лиц в тексте этих вырезок, но и по развитию сюжета «Утро делового человека» и «Отрывок» также были созданы на основе сцен из «Владимира третьей степени». Почерк текста вырезок резко

отличается от почерка заново написанных листов для «Тяжбы» и «Лакейской». На основании показаний Гоголя и других свидетельств, приведенных выше, незаконченную рукопись «Владимира третьей степени», вырезки которой дошли до нас в составе рукописей «Тяжбы» и «Лакейской», следует предположительно датировать концом 1832 г.

К тому же времени, т. е. к концу 1832 г., Н. С. Тихонравов относит несколько заметок Гоголя о комедии, набросанных в его записной тетради. Важнейшей из этих заметок является следующая: «*Комед<ия.> Материалы общие*. Старое правило: Уже хочет достигнуть, схватить рукою, как вдруг помешательство и отдаление желаемого предмета на огромное расстояние. — Как игра в нахидку и всякая азартная игра. — Внезапное или неожиданное открытие, дающее вдруг всему делу новый оборот или озарившее его новым светом».[82] Заметка эта находится в несомненной связи с замыслом «Владимира третьей степени».

Завязка незавершенной комедии Гоголя, комедии «с правдой и злостью», несомненно

была дана в той сцене, которая послужила основой для «Утра делового человека». Герой пьесы, крупный столичный чиновник-бюрократ Иван Петрович Барсуков, мечтает получить «орден на шею». О том, как развивался сюжет «Владимира третьей степени», сохранилось свидетельство В. Родиславского, переданное им со слов М. С. Щепкина. В. Родиславский пишет, что главным действующим лицом комедии Гоголя «был человек, поставивший себе целью жизни получить крест св. Владимира 3-й степени... Старания героя пьесы получить этот орден составляли сюжет комедии и давали для нее богатую канву, которую, как говорят, превосходно воспользовался наш великий комик. В конце пьесы герой ее сходил с ума и воображал, что он сам и есть Владимир 3-й степени. С особенною похвалою М. С. Щепкин отзывался о сцене, в которой герой пьесы, сидя перед зеркалом, мечтает о Владимире 3-й степени и воображает, что этот крест уже на нем» («Беседы в Общ. любителей Российской Словесности при Московском университете», вып. третий, М. 1871, стр. 140).

Герой «Утра делового человека», Иван Петрович Барсуков, мечтающий об ордене, очевидно, и был главным героем «Владимира третьей степени», поскольку в дошедших до нас отрывках этой комедии (вырезках из рукописи) фигурирует его имя. В одном из упомянутых отрывков выступают его брат, Хрисанфий Петрович, и Александр Иванович, ненавистник Барсукова, действующий с тем же именем и в «Утре делового человека». В сцене между Александром Ивановичем и Хрисанфием Петровичем Иван Петрович Барсуков разоблачается как мошенник, подделавший духовное завещание. В отрывке (вырезке из рукописи) «Владимира третьей степени» сцена между Александром Ивановичем и Хрисанфием Петровичем (давшая основу для «Тяжбы», где Александр Иванович переименован в Пролетова, а Хрисанфий Петрович в Бурдюкова) обозначена как «сцена III». Из предшествовавшей «второй» сцены сохранилась лишь заключительная часть, где действует Марья Петровна Повалищева (сестра И. П. и Х. П. Барсуковых), заказывающая пригласительный билет на бракосочетание свое-

го сына Миши с княжной Шлепохвостовой.

Очевидно, что именно «вторая», не дошедшая до нас сцена «Владимира третьей степени» дала основу для «Отрывка», поскольку действующими лицами последнего также являются Марья Петровна, в окончательной редакции переименованная в Марью Александровну, и ее сын Миша. Трудно сказать, в таких ли чертах, как в «Отрывке», рисовался Миша в тексте «Владимира третьей степени». В «Отрывке» он показан как добродетельный человек, влюбленный в добродетельную же дочь бедного чиновника Одосимова (в первой редакции «Отрывка» Одосимов именуется еще Подкопытовым). Мишина мать, обвиняющая сына в либерализме, масонстве и увлечении Рылеевым, с помощью интригана и мерзавца Собачкина пытается расстроить роман Миши и женить его на княжне Шлепохвостовой. Как бы то ни было, но несомненно, что тема женитьбы Миши на Шлепохвостовой входила в сюжет «Владимира третьей степени».

В том отрывке (вырезка из рукописи) «Владимира третьей степени», который дал осно-

ву для «Лакейской», действие происходит в лакейской Ивана Петровича Барсукова. Здесь выведены чиновники, подчиненные Барсукову — Каплунов (которому во «второй» сцене Марья Петровна поручает заказать приглашенный билет на предстоящую свадьбу сына), [83] Шрейдер (действующий и в «Утре чиновника»), наконец Петрушевич, только что уволенный из канцелярии Барсукова.

В лакейскую вбегает чиновник Закатищев, узнавший о том разоблачении подделки духовного завещания, которое готовят Барсукову его родной брат совместно с Александром Ивановичем. Мечтающий получить награду по службе, Закатищев стремится быстрее сообщить Барсукову о готовящемся разоблачении. Можно предполагать, что Закатищев из «Владимира третьей степени» фигурирует в «Отрывке» уже под именем Собачкина. На тождество Закатищева и Собачкина указывает ряд общих им черт: и тот и другой плуты и интриганы, оба любители женщин; и тот и другой мечтают о «славных рысаках» и собственной «колясчонке».

Таковы главные линии сюжетного разви-

тия «Владимира третьей степени», поскольку они нам известны. Замысел комедии, несомненно, вырос у Гоголя на основе его личных наблюдений департаментских нравов в пору его собственной службы. Цензурные затруднения, а также сложность композиции привели к неудаче «Владимира третьей степени».

Тот отрывок (вырезка из рукописи) «Владимира третьей степени», который дал основу для «Лакейской», заключается репликой Петрушевича и ремаркой «Занавес опускается». Следовательно, в тексте отрывка (вырезки) было дано окончание одного из действий «Владимира третьей степени». Н. С. Тихонравов предполагает, что это было окончанием второго действия (Соч. Гоголя, 10 изд., т. II, стр. 742), и ссылается на свидетельство М. П. Погодина, конечно, осведомленного о том, на какой стадии была прервана работа Гоголя над его комедией. Погодин же сообщал в печати, что «из комедии Владимир 3-й степени написано два действия» («Москвитянин», 1841 г., ч. 1, № 2, Смесь, стр. 616).

Гоголь не закончил работы над «Владимиром третьей степени», но он все же не отка-

зался от мысли использовать и центральную тему оставленной комедии и написанные ее части. Центральная тема «Владимира третьей степени» — помешательство честолюбца — была разработана Гоголем в «Записках сумасшедшего», созданных в сентябре — октябре 1834 г. Готовые сцены «Владимира третьей степени» дали основу сначала для «Утра делового человека», а затем для «Тяжбы», «Лакейской» и «Отрывка».[84]

Остается открытым вопрос, в какой степени сцена «Владимира третьей степени», которая дала основу для «Утра делового человека», была Гоголем действительно переработана. Не лишено вероятности, что текст «Утра делового человека» в том виде, в каком мы его знаем (по «Современнику», где он впервые был напечатан), и составлял начало незавершенной комедии. В пользу такого предположения говорят следующие обстоятельства: во-первых, в «Утре делового человека» дана завязка «Владимира третьей степени» (Иван Петрович Барсуков мечтает получить «орден на шею»); во-вторых, имена нескольких действующих лиц «Утра делового человека»

(Иван Петрович, Александр Иванович, Шрейдер) совпадают с именами тех же действующих лиц в тексте отрывков (вырезок из рукописи) «Владимира третьей степени».

Н. С. Тихонравов отмечает, что некоторые детали в «Утре делового человека» (или в начальной сцене «Владимира третьей степени») восходят к тем «заготовкам», которые набросаны были Гоголем в упоминавшейся выше, его записной тетради.[85] Так, заметка Гоголя о «метафизическом» и «математическом» («Не понимает и толкует по своему, вроде метафизический — математический») была использована в одной из реплик Ивана Петровича Барсукова. Иван Петрович, говоря об успехах просвещения и касаясь «меопатии», в качестве примера для данного случая, приводит совсем некстати трехлетнего мальчишку, пляшущего «на тончайшем канате». Другая заметка Гоголя в его записной тетради — о фуфайке («Также: фуфайку, надобно вам знать, сударыня, я ношу лосиновую; она гораздо лучше фланелевой»), — как устанавливает Н. С. Тихонравов, почти дословно была использована в одной из реплик Александра

Ивановича: «Ведь я, как думаю, вам известно, имею обыкновение носить лосиновую фуфайку».

По напечатании «Утра делового человека» в литературных кругах распространились слухи, что пьеса являлась одной из сцен большой комедии Гоголя. Об этом прямо говорил Белинский в рецензии «Несколько слов о Современнике». Отметив, что «Утро делового человека» «говорят, есть отрывок из его (Гоголя) комедии», Белинский заключал далее: «Во всяком случае, она представляет собою нечто целое, отличающееся необыкновенною оригинальностью и удивительною верностью. Если вся комедия такова, то одна она могла бы составить эпоху в истории нашего театра и нашей литературы, а г. Гоголь одну уже напечатал и еще, говорят, готовит две... Эта пьеска есть отрывок из которой-то из них, как мы слышали» («Молва», 1836 г., ч. XI, № 7; ср. Соч. Белинского, III, стр. 3). Белинский предполагал, что вслед за «Ревизором» Гоголь выступит еще с двумя комедиями, т. е. с «Женитьбой» и «Владимиром третьей степени».

Тяжба. Лакейская.

I

Источники текста

а) Печатный

П — «Сочинения Николая Гоголя», том четвертый, СПб., 1842 г.

б) Рукописные

РКЗ — Автографы «Тяжбы» и «Лакейской», содержащие в себе две вырезки из белого автографа «Владимира третьей степени». Государственная библиотека Академии Наук УССР в Киеве.

РЛб — Отрывки из бумаг А. А. Иванова. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Черновик начала «Лакейской».

В настоящем издании «Тяжба» и «Лакейская» печатаются по тексту *РКЗ*, с поправками по тексту *П*. В отделе «Других редакций» печатаются (полностью — впервые) тексты двух отрывков «Владимира третьей степени» и черновик начала «Лакейской».

II

Рукописи «Тяжбы» и «Лакейской», составляющие две тетради из бумаги в четвертку и

имеющие в общей сложности 19 листов, были заключены — очевидно, впоследствии — в один переплет. Листы 1–9 заняты текстом «Тяжбы», листы 10–19 — текстом «Лакейской». Даже при самом беглом ознакомлении с РКЗ бросается в глаза, что и по почерку, и по меньшему формату бумаги листы 4–8 и 16–19 резко отличаются от прочих листов. На штемпеле бумаги указанных листов, заполненных одним и тем же исключительно тщательным и разборчивым почерком, в овале русский государственный герб и внизу буквы «И. П. Б. Ф.» Бумага остальных листов — серая, с клеймом «Знаменской фабрики»; она не только другого качества, но и большего формата. Почерк на этих листах весьма отличен от почерка на листах 4–8 и 16–19; ясно, что оба почерка принадлежат одному автору, но относятся к разным периодам его деятельности, отстоящим друг от друга на несколько лет. Как установил Н. С. Тихонравов, листы 4–8 и 16–19 являются вырезками из не дошедшей до нас белой рукописи «Владимира третьей степени».

В качестве основы для «Тяжбы» Гоголь ис-

пользовал пять листов рукописи не завершенной и оставленной им комедии (по нумерации РКЗ — листы 4–8), содержащих заключение «второй» сцены и «сцену третью» (см. отрывки «Владимира третьей степени» в отделе «Другие редакции»). Заключение «второй» сцены, занимающее лист 4, начиная с реплики М.<арьи> П.<етровны>: «М и А, а с другой стороны фамилии: Повалищев и княжна Шлепохвостова», и кончая ее же репликой: «Ух, я до сих пор не могу успокоиться (*Уходит*)», для «Тяжбы» не понадобилось во все и было зачеркнуто. Зато «сцена третья», происходившая в комнате Александра Ивановича и содержавшая рассказ Хрисанфия Петровича Барсукова о подделке его братом духовного завещания, была целиком использована в «Тяжбе». Изменив имена действующих лиц (Александр Иванович был назван Г. Н. Пролетовым, сенатским оберсекретарем, а Хрисанфий Петрович Барсуков — Христофором Петровичем Бурдюковым), Гоголь заново написал вступительный монолог Пролетова и его разговор с лакеем (листы 1–3), а также заключительный монолог того же Пролетова

(лист 9). Что касается текста реплик Пролетова (Александра Ивановича) и Бурдюкова (Хри-санфия Петровича), то Гоголь ограничился небольшими изменениями только несколь-ких реплик (см. варианты). В основном же весь текст «сцены третьей» «Владимира тре-тьей степени» целиком перешел в «Тяжбу». Нужно заметить, что в РКЗ заглавие вещи приписано в начале первого листа карандашом и, быть может, не рукою Гоголя. Попада-ются в тексте «Тяжбы» и некоторые несогла-сованности, устраненные в изд. 1842 г. Так, Христофор Петрович Бурдюков несколько раз именуется по ошибке то Барсуковым, то Хри-санфием Петровичем, т. е. той фамилией и тем именем, какие носил этот персонаж еще во «Владимире третьей степени»; в самом на-чале «Тяжбы» перед фамилией Пролетова по-ставлены инициалы «Г. Н.», между тем как в дальнейшем Пролетов именуется Алексан-дром Ивановичем и пр.

В качестве основы для «Лакейской» Гоголь использовал четыре листа рукописи не завер-шенной им комедии (по нумерации РКЗ — листы 16–19), содержащие последнюю сцену

одного из действий «Владимира третьей степени» (см. в отделе «Других редакций»). Всё начало этой сцены (на л. 16) с разговором Каплунова и Шрейдера (начиная с реплики Каплунова «Еще и вина! а водки не хочешь?») и кончая ремаркой: «... остается Петрушевич, погруженный в задумчивость, Лаврентий и Аннушка») для «Лакейской» не понадобилось вовсе и было зачеркнуто; не понадобился и также был зачеркнут и эпизод с Закатищевым (вместо всего этого эпизода на л. 17 приписана реплика Аннушки «Я боюсь только на счет общества»); наконец, зачеркнуты были и строки, начиная с обращения Аннушки к Петрушевичу («но увидя Петрушевича в задумчивости, останавливается» и т. д.) и кончая монологом последнего. Совершенно исключив, таким образом, четыре персонажа (Каплунова, Шрейдера, Закатищева и Петрушевича), Гоголь оставил для «Лакейской» только Лаврентия, переименованного в «дворецкого», и Аннушку. Разговор Аннушки с Лаврентием о бале, устраиваемом лакеями, из второстепенного эпизода во «Владимире третьей степени» стал центром новой пьесы. Все на-

чало «Лакейской» (на листах 10–15), где Гоголь изобразил разговор чужого слуги с лакеями Григорием, Иваном и Петром, разговор барина со своими слугами, наконец, явление Невелешагина — всё это было написано заново (кончая ремаркой: «Входит Аннушка, горничная девушка из другого дома»).

1 декабря 1838 г. Гоголь сообщал М. П. Погодину из Рима о своем намерении собрать для Щепкина черновые лоскутки истребленной комедии. Исходя из слов Гоголя, можно заключить, что в декабре 1838 г. еще не были написаны ни «Тяжба», ни «Лакейская». Не было этих пьес, вероятно, и к концу 1839 г., когда Гоголь предполагал издание собрания своих сочинений. В конце декабря 1839 г. или в начале января 1840 г. он писал из Москвы В. А. Жуковскому: «Я отыскал из недоконченной комедии только два отрывка; она вся осталась в Риме». «Два отрывка» — это, конечно, и есть те вырезки из не дошедшей до нас белой рукописи «Владимира третьей степени», текст которых послужил основой для «Тяжбы» и «Лакейской». С. Т. Аксаков в своих воспоминаниях о Гоголе рассказывает, что в мар-

те 1840 г. «при многих гостях, совершенно неожиданно для нас объявил Гоголь, что хочет читать. Разумеется, все обрадовались и все соединились в гостиной. Гоголь сел за боковой круглый стол, вынул какую-то тетрадку, вдруг икнул и, опустив бумагу, сказал: «Как я объелся грибков!» Это было начало комической сцены, которую он нам и прочел». [86] В воспоминаниях Аксакова идет речь о «Тяжбе». Следовательно, если Гоголь читал эту пьесу в марте 1840 г., то написана она была, вероятно, в начале того же года (в январе — марте). Тем же временем можно предположительно датировать и «Лакейскую». Характерно, что бумага, которую использовал Гоголь для написания «Тяжбы» и «Лакейской» (точнее — для дополнений к вырезкам из рукописи «Владимира третьей степени») — серая писчая бумага с клеймом Знаменской фабрики. Это обстоятельство может косвенно указывать на то, что «Тяжба» и «Лакейская» были созданы в России.

Черновик начала «Лакейской», сохранившийся в отрывках из бумаг А. А. Иванова (РЛ 6), не противоречит приведенным соображе-

ниям. Этот черновик набросан на обороте последнего листа первой редакции «Театрального разъезда» (согласно общей нумерации *РЛ6* — на листе 51). Прибыв осенью 1839 г. из-за границы в Россию, Гоголь в числе прочих своих рукописей захватил и черновую рукопись «Театрального разъезда», поскольку тогда он предполагал приступить к изданию собрания своих сочинений. Задумав обработать в самостоятельные пьесы отдельные сцены незавершенной комедии «Владимир третьей степени», Гоголь набросал черновик начала «Лакейской» на оборотной стороне имевшейся у него под руками старой рукописи. Черновик начала «Лакейской», по своему тексту лишь незначительно отличающийся от окончательной редакции, в настоящем издании воспроизводится впервые. Н. С. Тихонравов в свое время не счел нужным опубликовать данный черновик на том основании, что Гоголь сделал при переделке его лишь «немногие» и «незначительные» стилистические поправки.

Вследствие того, что издание сочинений Гоголя в 1840 г. не осуществилось, рукописи

«Тяжбы» и «Лакейской» пролежали без движения два года. Только в мае 1842 г., приехав на несколько дней в Петербург, Гоголь, вероятно, передал рукописи обеих пьес издателю своих сочинений Н. Я. Прокоповичу.

Писарские копии, которые Прокопович несомненно сделал с рукописей «Тяжбы» и «Лакейской», до нас не дошли. Прокоповичу принадлежит устранение в тексте «Тяжбы» некоторых упомянутых выше невязок в именах действующих лиц, а также разделение «Лакейской» на явления. Он же произвел некоторую стилистическую правку гоголевского текста и, возможно, он же исключил из-за цензурных опасений упоминания о сенате, имеющиеся в тексте «Тяжбы». Так, Пролетов, в тексте Гоголя названный сенатским обер-секретарем, в изд. 1842 г. превратился просто в секретаря, исключены были из текста «Тяжбы» и другие упоминания о сенате. Ввиду указанных дефектов текста в изд. 1842 г., за основной текст «Тяжбы» и «Лакейской» в настоящем издании принят текст РКЗ, причем из поправок Прокоповича приняты только устранение невязок в именах действующих

лиц «Тяжбы» и разделение «Лакейской» на явления.

Из немногих откликов на «Тяжбу» и «Лакейскую» в современной Гоголю критической литературе следует выделить краткое упоминание об этих пьесах Белинского в его рецензии на четыре тома «Сочинений Гоголя», изд. 1842 г. Он писал, что «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывок» — это «живые картины разных слоев и сфер русского общества».[87]

При жизни Гоголя из его отрывков шла только «Тяжба» (в Александринском театре 27 сентября 1844 г., в гастрольный бенефис Щепкина). Щепкин исполнял роль Бурдюкова; Пролетова играл Мартынов.[88]

Отрывок.

I

Источники текста

а) Печатный.

П — «Сочинения Николая Гоголя». Том четвертый. СПб., 1842.

б) Рукописные.

РЛ6 — Отрывки из бумаг А. А. Иванова. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Черновая редакция пьесы.

РМ18 — Автографы из бумаг А. А. Иванова. Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве, картон № 2206б. Беловой автограф пьесы и набросок к одному месту черновой редакции.

В настоящем издании печатается по тексту *РМ18* с поправками по тексту *П*. В отделе «Другие редакции» печатается текст *РЛ6* и набросок к одному месту черновой редакции (*РМ18*).

II.

«Отрывок», так же, как «Утро делового человека», «Тяжба» и «Лакейская», был создан на основе одной из сцен «Владимира третьей

степени» (см. комментарии к «Утру делового человека*»). Та сцена, которую Гоголь переработал в «Отрывок», до нас не дошла, но можно предполагать, что это была предшествовавшая «сцене третьей» сцена «вторая», где действующим лицом выступала Марья Петровна Повалищева и где шла речь о предстоящей женитьбе ее сына Миши на княжне Шлепохвостовой (см. отрывки «Владимира третьей степени» в отделе «Другие редакции»).

Когда именно Гоголь начал переработку текста «Владимира третьей степени» в самостоятельное произведение — в точности установить невозможно. Вернее всего, что «Отрывок» был написан уже после окончания работы над «Тяжбой» и «Лакейской». В письме к М. П. Погодину из Рима от 1 декабря 1838 г. Гоголь еще только намеревался «собрать черновые», какие у него были, «лоскутки» истребленной им комедии и что-нибудь «сшить» для М. С. Щепкина. В конце декабря 1839 г. или в начале января 1840 г. Гоголь в письме к В. А. Жуковскому из Москвы сообщал о том, что из недоконченной комедии он отыскал «только два отрывка» и что «она вся осталась

в Риме». Если на основе «двух отрывков» из «Владимира третьей степени» в январе — марте 1840 г., будучи в России, Гоголь написал «Тяжбу» и «Лакейскую», то начало работы над «Отрывком» следует отнести к более позднему времени. Н. И. Коробка предположил, что черновик «Отрывка» был написан «в Вене летом 1840-го года, на обратном пути из России, когда у Гоголя был сильно приподнят интерес к работе для сцены» (Полн. собр. соч. Гоголя, т. IV, стр. 411). Этот черновик, состоящий из 10 листов заграничной бумаги в четвертку, заполненных с двух сторон, согласно общей нумерации РЛБ занимает листы 34–43. На листах 39 и 40 виден штампель бумага. Последний, 43-й, лист заполнен текстом только до половины, причем вторая половина его вырезана. Черновик «Отрывка» еще не имеет заглавия и начинается прямо словами М. П. (Марьи Петровны): «Да, я хочу, чтоб ты служил в военной».

В тексте черновика можно отчетливо различить два слоя: нижний слой, написанный разборчивым и ясным почерком с незначительными поправками, и верхний, с боль-

шим количеством зачеркиваний и поправок, местами совершенно не поддающийся прочтению. По характеру обоих слоев можно отчетливо видеть, как беловая рукопись была превращена в черновик. Н. С. Тихонравов в своем издании сочинений Гоголя воспроизвел нижний, наиболее легкий для прочтения слой рукописи с рядом вариантов (на выборку) из верхнего слоя (Соч. Гоголя, 10 изд., т. II, стр. 756–771). Н. И. Коробка, напротив, воспроизвел лишь верхний слой, совершенно игнорируя нижний (Полн. собр. соч. Гоголя, т. IV, стр. 412–420).

В бумагах Гоголя (из собрания А. А. Иванова) сохранился набросок к одному месту черновой редакции, написанный на клочке желтоватой бумаги (PM18). Н. С. Тихонравов затруднился его датировать. Следует рассматривать данный набросок как заготовку одной из реплик Собачкина и предположительно отнести этот набросок к тому же времени, что и черновик «Отрывка», т. е. к лету 1840 г.

Действующие лица «Отрывка» — Марья Петровна и Миша — носят в черновой редакции те же имена, что и во «Владимире тре-

тьей степени». Собачкина во «Владимире третьей степени», вероятно, еще не было. Ряд черт, указывающих на тождество Закатищева из «Владимира третьей степени» и Собачкина из «Отрывка» (см. об этом в комментариях к «Утру делового человека*»), еще не свидетельствует о том, что Гоголь только изменил фамилию одного и того же персонажа. Важно подчеркнуть, что образ Закатищева создавался еще до написания «Ревизора», а образ Собачкина — уже после создания Хлестакова. «Философия» знаменитого гоголевского героя («Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия») является «философией» и Собачкина. Хвастовство, волокитство и щегольство — всеми этими качествами, характеризующими Хлестакова, наделен и Собачкин, который также «несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове».

Беловая редакция «Отрывка» (РМ18), оконченная перепиской, как установлено Н. С. Тихонравовым, в Риме к началу 1841 г., занимает тетрадь в пять листов (10 страниц) голубоватой бумаги с водяными знаками; птицею на скале (на одной половине листа) и буква-

ми NM (на другой). Н. С. Тихонравов отметил, что «на той же бумаге переписана была набело и последняя тетрадь римской редакции «Женитьбы» (Соч. Гоголя, 10 изд., т. II, стр. 754). В рукописи нет заглавия, а текст открывается словами: «Комната в доме Марьи Александровны». В черновике, как мы знаем (см. выше), было написано «Марьи Петровны»; в белой редакции «Отрывка» Марья Петровна, действовавшая еще во «Владимире, третьей степени», была переименована в Марью Александровну.

После переписки «Отрывка» набело Гоголь, однако, еще не счел работу по выработке текста законченной. Помимо ряда мелких поправок, внесенных им в некоторые реплики, он, радикально изменил два места «Отрывка»: 1) в реплику Миши, отвечающего на обвинения его в либерализме, был введен новый кусок (начиная со слов: «Ах, маменька, сколько я вас просил», и кончая словами: «когда и в чем я был непослушен вам»); 2) заново переработана была другая реплика Миши, где он развивает взгляд, что богатый жених должен искать бедной невесты (в окончательном

тексте начиная со слов: «Я не понимаю, маменька, чего вы хотите», и до конца данной реплики). Текст обоих указанных мест «Отрывка» был написан Гоголем на дополнительном полулисте (двух страницах) желтоватой бумаги русской (Знаменской?) фабрики. В соответственных местах белой рукописи «Отрывка» были сделаны условные знаки (#), отсылавшие к тексту дополнительного полулиста. Судя по бумаге и почерку, изменение обоих мест в белой редакции «Отрывка» было произведено Гоголем уже в России. По содержанию заново написанной речи Миши о «либерализме» можно предполагать, что это было сделано весной 1842 г.

В черновике «Отрывка» Марья Петровна обвиняет своего сына в либерализме, масонстве, увлечении стихами Рылеева и предполагает женить его на княжне Шлепохвостовой. В окончательной редакции «Отрывка» Марья Александровна называет своего сына «либералом», причем это вызывает со стороны Миши горячую отповедь. Н. С. Тихонравов совершенно прав, когда он замечает, что патетический тон Мишиной речи «дает понять читате-

лю, что Гоголь защищает здесь — свое личное дело, самого себя». Вопрос о защите собственного художественного творчества с особой остротой встал перед Гоголем весной 1842 г. в пору ожидания выхода в свет «Мертвых душ». Речь Миши о «либерализме», близкая к некоторым мотивам второй редакции «Портрета» и «Театрального разъезда», никак не связана с самим сюжетом «Отрывка». Н. С. Тихонравов предполагает, что эта речь не была пропущена цензурой, но, возможно, что и сам Гоголь в последний момент исключил ее из состава пьесы. Во всяком случае в текст издания 1842 г. она не вошла.

Редактор «Сочинений Гоголя» Н. Я. Прокопович сделал с белой рукописи «Отрывка» писарскую копию (не дошедшую до нас), причем произвел стилистическую правку текста, а также исключил невязки в именах действующих лиц (Марья Александровна несколько раз именовалась в рукописи Марьей Петровной) и разбил пьесу на явления. Несколько мелких купюр цензурного порядка (см. варианты*) принадлежали или тому же Прокоповичу или, быть может, цензору пьесы.

В настоящем издании «Отрывок» печатается по тексту РМ18 с незначительными поправками по тексту издания 1842 г. (устранение невязок в именах действующих лиц и разделение пьесы на явления). Речь Миши о «либерализме» дается в примечании к основному тексту, поскольку мы не располагаем данными о том, что эта речь была исключена из пьесы самим Гоголем.

Гоголь сначала предполагал назвать свою пьесу «Сценами из светской жизни» (письмо к Н. Я. Прокоповичу из Гастейна от 29 августа 1842 г.), но затем согласился с предложением Прокоповича назвать ее «Отрывком». 14 ноября 1842 г. он писал Прокоповичу из Рима: «Насчет намерения твоего назвать Светскую сцену просто Отрывком я совершенно согласен, тем более, что прежнее название было выставлено так только, в ожидании другого». Берлинский, сообщая о предстоящем выходе в свет первого издания «Сочинений Гоголя», еще называл пьесу «Светскими сценами» («Отечественные Записки», 1842 г., кн. 9).

Театральный разъезд после представления новой комедии

I

Источники текста

а) Печатный.

П — Сочинения Николая Гоголя. Том четвертый. СПб., 1842.

б) Рукописные.

РКЗ — Беловой автограф второй редакции пьесы. Государственная библиотека Академии Наук УССР в Киеве.

РЛ6 — Отрывки из бумаг А. А. Иванова. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрира в Ленинграде. Первая редакция пьесы и черновые наброски трех мест второй редакции.

В настоящем издании печатается по тексту *РКЗ*; в отделе «Другие редакции» — текст *РЛ6*.

II.

Первая (черновая) редакция «Театрального разъезда» занимает три страницы (два листа) писчей бумаги большого формата, заполненных густым убористым почерком с рядом зачеркиваний, поправок и помарок. Особенно большой правке подвергся самый конец пье-

сы — несколько фраз здесь вписано карандашом. Отдельные места текста с большим трудом поддаются прочтению. Заглавие в рукописи отсутствует, а текст начинается фразой, написанной в верхней части страницы, очевидно, уже после того, как страница была заполнена: «Своими словами — так, как оно почувствовано в простоте». Далее следует начало пьесы: «Мне душно и тяжело. Какое-то странное чувство» и т. д. При переплете бумаг Гоголя, составляющих *РЛ6*, два листа, занятые «Театральным разъездом», оказались, во-первых, разъединенными, а во-вторых, неправильно подклеенными в общий корешок. Вследствие этого текст пьесы в общей нумерации *РЛ6* занял листы 48 и 51, причем начало «Театрального разъезда» оказалось на оборотной стороне (странице) листа 48, продолжение — на лицевой стороне того же листа, а окончание — на оборотной стороне листа 51 (лицевая сторона этого последнего листа занята черновиком начала «Лакейской»). Разъединение листов первой редакции «Театрального разъезда» и неправильная подклейка этих листов в общий корешок — всё это ввело

в заблуждение Н. С. Тихонравова, не заметившего, что помимо известной редакции «Театрального разезда», опубликованной впервые в четвертом томе «Сочинений», изд. 1842 г. (ср. рукопись РКЗ), до нас дошла еще первоначальная, стилистически не отделанная Гоголем, но все же совершенно законченная и полная редакция той же пьесы.

Н. С. Тихонравов в своих комментариях к «Театральному разезду» опубликовал семь черновых «набросков» этой пьесы, причем первые четыре он охарактеризовал как «самые старые, восходящие еще к апрелю и маю 1836 г.», а последние три определил как «позднейшие» (Соч. Гоголя, 10 изд., т. II, стр. 790–800). Будучи прав в хронологическом приурочении «набросков», Н. С. Тихонравов ошибался, рассматривая первые четыре «наброска» как не связанные между собой и ставя их в один ряд с тремя «позднейшими». Эти последние являются действительно черновыми набросками трех мест второй редакции «Театрального разезда», тогда как первые четыре даже не могут быть названы «набросками», так как в совокупности своей они составляют

законченное произведение. Не связав четырех указанных «набросков» между собой (судя по почерку они написаны в два или три приступа на бумаге одного и того же качества и формата), Тихонравов сделал к тому же ошибочное заключение, будто Гоголь сначала не предполагал давать «Театральному разъезду» диалогическую форму: при правильном восстановлении текста мы видим, что диалогическая форма выступает у Гоголя уже с самого начала его пьесы.

Первая редакция «Театрального разъезда», по признанию Гоголя, была «написана сгоряча, скоро после представления «Ревизора» и потому немножко нескромна в отношении к автору» (письмо к Н. Я. Прокоповичу от 15 июля 1842 г.). Несомненно, что именно «Театральный разъезд» имел в виду Гоголь, когда он в «Отрывке из письма... к одному литератору», характеризуя отношение публики к «Ревизору», вскользь намекнул на какие-то свои записи по этому поводу. Эти-то записи, конечно, и были первой редакцией «Театрального разъезда», поскольку в данной пьесе Гоголь и воспроизвел по преимуществу

бренные, «не относящиеся к искусству» отклики по поводу его комедии.

«Ревизор» был поставлен впервые на петербургской сцене 19 апреля 1836 года, а 6 июня того же года Гоголь уже выехал из Петербурга за границу. Следовательно, первая редакция «Театрального разезда» могла быть написана не ранее 19 апреля 1836 г. и не позже отъезда Гоголя: прямые намеки на предстоящий отъезд содержатся в заключительном авторском монологе пьесы. По своему лирическому тону и своей тематике этот заключительный монолог необычайно близок некоторым письмам Гоголя, относящимся к маю 1836 года. Май 1836 г. следует считать наиболее вероятной датой написания первой редакции «Театрального разезда» еще и потому, что не ранее первых чисел мая Гоголю стали известны статьи о «Ревизоре» Булгарина («Северная Пчела», 1836 г., №№ 97 и 98, от 30 апреля и 1 мая) и Сенковского («Библиотека для Чтения», 1836 г., т. XVI, кн. 5, отд. V, стр. 1-44), учтенные им в пьесе, как это установлено Н. С. Тихонравовым (Соч. Гоголя, 10-е изд., т. II, стр. 779–787), наряду с целым рядом уст-

ных откликов по поводу постановки «Ревизора». Более поздняя датировка первой редакции «Театрального разезда» вряд ли возможна по той причине, что в тексте пьесы нет никаких соответствий с сочувственной по отношению к «Ревизору» критикой, тогда как во второй (окончательной) редакции наряду с враждебными суждениями и оценками Булгарина и Сенковского Гоголем использована также и благожелательная критика. Дело в том, что статьи о «Ревизоре» представителей реакционной журналистики по времени были самыми ранними из всех печатных откликов на комедию Гоголя. Что же касается статьи о «Ревизоре» В. П. Андросова («Московский Наблюдатель», 1836 г., май, кн. 1, стр. 120–131), критика наиболее близкого Гоголю идеологически, то его статья появилась в связи с первой постановкой «Ревизора» на московской сцене, осуществленной только 25 мая 1836 года.[89] В связи с этой же постановкой была написана другая сочувственная по отношению к «Ревизору» статья А. Б. В. («Молва», 1836 г., № 19, стр. 256–257). Отзыв о «Ревизоре» кн. П. А. Вяземского («Современник»,

1836 г., т. II, стр. 285–309, ценз. разр. 30 июня 1836 г.) появился еще позже только что названных статей. Вернее всего предполагать, что первая редакция «Театрального разъезда» была написана Гоголем не только ранее опубликования статьи П. А. Вяземского, но и ранее всех печатных отзывов о московской постановке «Ревизора», т. е. в мае 1836 года.[90]

III.

Мысль о напечатании «Театрального разъезда» возникла у Гоголя в связи с подготовкой собрания его сочинений, издание которого он поручил Н. Я. Прокоповичу летом 1842 года, при заезде в Петербург. Тогда же перед ним стал вопрос и о переработке пьесы для печати. В цитированном выше письме к Н. Я. Прокоповичу, от 15 июля 1842 года из Гастейна, Гоголь, по поводу «Театрального разъезда», сообщал ему, что пьесу «нужно сделать несколько идеальней, т. е. чтобы ее применить можно было ко всякой пьесе, задирающей общественные злоупотребления», и просил Прокоповича «не намекать и не выдавать ее, как написанную по случаю «Ревизора». Через полтора месяца, 29 августа 1842 года, Го-

голь извещал Прокоповича, что с «Театральным разъездом» ему было хлопот «более всего»: в пьесе «столько нужно было переделывать, что, клянусь, легче бы мне написать две новых. Но она заключительная статья «Собрания» и потому очень важна и требовала тщательной отделки. Я очень рад, что не трогал ее в Петербурге и не спешил с нею. Она была бы очень далека от значенья нынешнего. А это было бы совсем нехорошо». Нет сомнения, что, упоминая о Петербурге, Гоголь подразумевал свое последнее посещение столицы летом 1842 г. (с 23 мая по 5 июня), отметив при этом, что тогда он еще серьезно не приступил к подготовке для печати «Театрального разъезда». Над окончательной редакцией пьесы Гоголь вплотную начал работать, очевидно, вскоре же по прибытии в Германию, вероятнее всего уже будучи в Гастейне, т. е. с начала июля 1842 года. Работа была завершена только к 10 октября 1842 г. в Риме, откуда Гоголь и послал окончательную редакцию «Театрального разъезда» Прокоповичу. Вопреки указанию Гоголя, что «Театральный разъезд» является в сущности его старой вещью («ибо писа-

но давно»), нужно подчеркнуть, однако, что окончательная редакция «Театрального разезда» весьма существенно отличается от первоначальной редакции; можно даже без всяких преувеличений сказать, что в течение июля, августа и сентября 1842 г. Гоголь фактически написал новое произведение.

До нас дошли черновые наброски трех мест второй (окончательной) редакции «Театрального разезда», а также беловая рукопись этой редакции, та самая рукопись, которую Гоголь отправил Прокоповичу при письме от 10 октября 1842 г. и которая служила оригиналом при печатании пьесы в четвертом томе сочинений Гоголя, изд. 1842 г.

Черновые наброски второй (окончательной) редакции «Театрального разезда» среди бумаг Гоголя, составляющих *РЛб*, занимают листы 60 об., 49 об., 50, 50 об. и 72.

Первый набросок (по счету Тихонравова — пятый), начинающийся словами: «Я с вами совершенно согласен» (л. 60 об.), сделан на четвертке серой писчей бумаги русской фабрики. На лицевой стороне этой четвертки — заметка Гоголя о «Москвитянине»: «В Москви-

тянине — нет собственно журнального движения, для которого потребен боец» и пр. Справедливо полагая, что указанная заметка «могла быть написана не ранее конца 1841 г., когда недостатки и нужды «Москвитянина» выяснились», Н. С. Тихонравов заключал далее, что упомянутый набросок «Театрального разезда» написан, вероятно, «во время пребывания Гоголя в Москве». Однако, по всей вероятности, набросок относится ко времени, когда Гоголь вплотную был занят работой над окончательной редакцией «Театрального разезда», т. е. к июлю — сентябрю 1842 г. Он является, очевидно, черновиком реплики «Господина с весом» («Разговор в группе на стороне»).

Второй набросок (по счету Тихонравова — седьмой), начинающийся словами: «Как будто из оута вырвался!», сделан на первой внутренней странице развернутого листа, который вклеен в общий корешок РЛ6 сложенным пополам в виде двух четверток (лл. 49 и 50 — текст начинается на обороте л. 49). Другая страница того же сложенного листа (л. 50) занята продолжением данного наброска. «Все

покрывается равными плесками» и пр. После слов: «в какой степени выполнил свое дело, и где тебе место» — другими, более темными, чернилами, неразборчиво, с пропуском слов и сокращениями, набросано: «Помните, что в то время, когда жизнь многих» и пр. Еще до заполнения второй страницы сверху было набросано «Сени театра в пиластрах и колоннах» и пр. На оборотной стороне л. 50 — наброски отдельных слов и пробы пера.

Весь второй набросок является черновиком вступительного авторского монолога в «Театральном разезде». Н. С. Тихонравов совершенно прав, отмечая, что написание наброска отделено, вероятно, «небольшим промежутком времени от переписки всей пьесы набело», и что последние строки наброска (начиная со слов: «Помните, что в то время») были использованы Гоголем в качестве черновика для одного места его письма к С. Т. Аксакову от 6 августа 1842 г.

Третий набросок (по счету Тихонравова — шестой), начинающийся словами: «Само собою разумеется, что автор пьесы идеальное лицо» (л. 72), сделан на клочке голубоватой

бумаги, той самой, на которой вся пьеса была переписана набело. Данный набросок является черновиком авторского примечания к «Театральному разъезду». Дата написания наброска, очевидно, еще более поздняя, сравнительно с предшествующим наброском, т. е. она еще ближе ко времени переписки всей пьесы набело. Беловая рукопись окончательной редакции «Театрального разъезда» (РКЗ) состоит из семи листов в восьмушку голубоватой тонкой почтовой бумаги, заполненной с двух сторон исключительно мелким и убогим, но четким почерком. Поправки и дополнения в тексте — самые незначительные. В РКЗ рукопись «Театрального разъезда» объединена в один переплет вместе с рукописью «Игроков», которые написаны на той же бумаге, что и «Театральный разъезд». Текст «Театрального разъезда» оканчивается на оборотной стороне седьмого листа, но в рукописи недостает последнего листа (восьмого), на оборотной стороне которого был написан, вероятно, адрес Прокоповича.

Прокопович произвел стилистическую правку текста, а также исключил несколько

фраз, которые могли бы казаться неудобными в цензурном отношении (см. варианты). Возможно, однако, что ряд купюр, сделанных в тексте «Театрального разъезда», принадлежал цензору А. В. Никитенко. В связи с тем, что третий том чуть не навлек запрещения всего издания в целом, цензурный комитет счел нужным вторично пересмотреть свое решение уже перед самым выпуском отпечатанного издания в продажу. Никитенко, обращая внимание цензурного комитета на некоторые сомнительные места в произведениях Гоголя, счел нужным привести одиннадцать таких мест из «Театрального разъезда»;[91] все они, однако, были в конце концов разрешены.

В силу указанных выше дефектов текста «Театрального разъезда» в изд. 1842 г. (стилистическая правка Прокоповича и ряд купюр), за основной текст пьесы в настоящем издании принят текст *РКЗ*.

IV.

Замысел «Театрального разъезда» тесно связан с впечатлениями Гоголя от первых критических откликов на постановку «Ревизи-

зора», от «неистощимых толков противоречий», на которые писатель так взволнованно реагировал. Первая редакция «Театрального разезда», не предназначавшаяся для печати, была попыткой Гоголя разобраться в тех обвинениях, которые были ему предъявлены по поводу «Ревизора», защитить и оправдать свое драматургическое новаторство. По времени написания и по идейным заданиям первая редакция «Театрального разезда» очень близко стоит к статье Гоголя «Петербургская сцена 1835/6 г.» И здесь и там — апология комедии нового типа, насыщенной обличительно-сатирическим содержанием. Реакционная критика в связи с постановкой «Ревизора» обвиняла Гоголя в клевете на Россию. Булгарин в «Северной Пчеле» (1836 г., № 98, от 1 мая) утверждал, например, что «на злоупотреблениях административных нельзя основать настоящей комедии. Надобны противоположности и завязка, нужны правдоподобие, натура, а ничего этого нет в «Ревизоре». Весьма жаль, если кто-нибудь из зрителей, не знающих наших провинций, подумает, будто в самом деле в России существуют такие нравы, и будто

может быть город, в котором нет ни одной честной души и порядочной головы...». Сенковский в «Библиотеке для Чтения» (1836 г., том VI, отд. V, стр. 42–43) заявлял, что Гоголь «не производил ничего забавнее и ничего грязнее последнего своего творения». С подобными суждениями в первую очередь и посчитался Гоголь, распределив эти суждения между отдельными действующими лицами «Театрального разезда». О том, что Гоголь, помимо устных, не поддающихся учету, отзывов о «Ревизоре», использовал также отзывы Булгарина и Сенковского, свидетельствуют некоторые частности первой редакции пьесы. Одно из действующих лиц «Театрального разезда» говорит, что происшествие «Ревизора» «могло случиться разве на каком-нибудь Чукотском Носе». Булгарин, оспаривая правдоподобие «Ревизора», восклицал: «Ну, точь-в-точь на Сандвичевых островах у капитана Кука» Другое действующее лицо «Театрального разезда» отзывается о «Ревизоре», как о произведении «грязном, отвратительном» (ср. в отзыве Сенковского: «не производил еще ничего... грязнее»). И дальше — положительно

выделяется только образ слуги: «Ни одного лица нет настоящего. Всё карикатуры. Один слуга только и <1 нрзб.>». Характерно, что и Булгарин, характеризуя гоголевскую комедию, как «презабавный фарс, ряд смешных карикатур», отмечал при этом, что «слуга мнимого ревизора — одно умное и искусно обделанное лицо в комедии». Сенковский, квалифицировавший «Ревизор» как «грязное» произведение, также приводил монолог Осипа в доказательство того, что Гоголь «наконец отыскал в «Ревизоре» свое природное назначение». Пересказывая, а иногда и прямо цитируя Булгарина и Сенковского, Гоголь полемизирует с ними и опровергает их.

Весьма знаменательно, что враждебным оценкам своей комедии он противопоставляет сочувствие по отношению к пьесе, которое находит в народе. Мысль о народности «Ревизора» — центральная мысль первой редакции «Театрального разъезда». Как опровержение всех «бранных» толков, Гоголь выдвигает и подчеркивает «простое слово», произнесенное одним человеком «из толпы народа» («А небось все побледнели, когда приехал нако-

нец настоящий»).

Если в первой редакции «Театрального разъезда» Гоголь делал главный упор на истолкование общественного смысла «Ревизора», то в основу второй редакции было положено обоснование художественной проблематики всей драматургии Гоголя. В первой редакции «Театрального разъезда» Гоголь касался принципов построения «Ревизора»; во второй редакции, отправляясь преимущественно от того же «Ревизора», он формулировал эстетическую программу обличительной комедии. Оправдывать эту программу мог не только «Ревизор», но и другие пьесы, посвященные общественным злоупотреблениям (ср. цитированное выше письмо Прокоповичу 15 июля 1842 г.). Во второй редакции «Театрального разъезда» указания на то, что пьеса вначале писалась по поводу «Ревизора», были устранены. Однако Гоголь не только не отказался от полемики с враждебными «Ревизору» зрителями и критиками, но, наоборот, он углубил и расширил эту полемику.

Обвинения «Ревизора» в «грязности» и «карикатурности» в первой редакции «Театраль-

ного разъезда» произносятся кем-то из зрителей, причем кем именно — не указано. Во второй редакции пьесы те же обвинения исходят от «литератора». Этим самым Гоголь намекал на Булгарина, Сенковского и их единомышленников.

В одной из своих статей Булгарин коснулся пушкинской рецензии 1836 г. по поводу второго издания «Вечеров на хуторе». Булгарин упрекал «Современник» в том, что он «говорит о г. Гоголе, сотруднике своем, сравнивает его с Фонвизиным и говорит без всяких обиняков, что «Тарас Бульба» есть творение достойное Вальтер-Скотта!» («Северная Пчела», 1836 г., № 127). В другом месте своей статьи Булгарин отзывался о Гоголе, что он «точно, писатель с дарованием, от которого мы надеемся много хорошего, если литературный круг, к которому он теперь принадлежит и который имеет крайнюю нужду в талантах, его не захвалит».

Все эти «нравоучительные» упреки Булгарина отражены в словах «литератора» во второй редакции «Театрального разъезда» — «его чуть не в Фонвизины суют», «просто, друзья и

приятели захвалили его не в меру» и пр.

Во вторую редакцию «Театрального разъезда» включено два новых эпизода, отсутствовавших в первой редакции: эпизод с «двумя любителями искусств» и эпизод с «очень скромно одетым человеком». В словах «первого любителя искусств» Гоголь использовал одновременно и защиту Вяземского от обвинения пьесы в «дурном тоне» (ср. его статью о «Ревизоре» в «Современнике», 1836 г., т. II) и нападки Булгарина и Сенковского на «отвратительность» пьесы. «Первый любитель искусств» говорит, что эти нападки «большею частью исходят из уст тех, которые сами очень сомнительного тона, толкуют о гостиных и допускаются только в передние». Приведенные слова являются повторением мнений, высказывавшихся в пушкинском кругу по поводу «светских» претензий реакционной критики. Как впервые установлено В. В. Гиппиусом,[92] высказывания «второго любителя искусств» очень близки некоторым положениям статьи В. П. Андросова о «Ревизоре» («Московский Наблюдатель», 1836 г., май, кн. 1, стр. 120–131). «Что за заслуга напасть на

мелочную, частную слабость, на какой-нибудь темный недостаток, на какой-нибудь ничтожный порок, — всё это очень может быть смешно, но для кого важно?.. — писал Андросов. — Но есть другая или готовится другая комедия, комедия цивилизации, где человек семейный уступает место человеку общественному, где частные отношения заменяются общими... Изобразите нам не отрывок из жизни некоторых людей... но отрывок из тех нравов, которые более или менее составляют собою черты современной физиономии общества». С мыслями Андросова перекликается требование «второго любителя искусств», вместо «частной завязки», — «завязки общей», которая «должна обнимать все лица, а не одно или два, — коснуться того, что волнует, более или менее, всех действующих». В дальнейших репликах «второго любителя искусств» встречается понятие «комедии общественной», о которой писал Андросов. Однако основной тезис «второго любителя искусств» не имеет соответствий в статье Андросова. Формулировка этого тезиса принадлежит исключительно Гоголю и выражает его взгляд

на сущность общественной комедии. Это — знаменитый тезис об «электричестве чина, денежного капитала» и пр., выдвигаемый Гоголем в противовес традиционной любовной интриге.

Характерно включение во вторую редакцию эпизода с «очень скромно одетым человеком». Еще в статье «Петербургская сцена 1835/6 года» Гоголь намекнул на этот образ «нашего честного, прямого человека, который среди несправедливостей, ему наносимых, среди потерь и трат, чинимых ему... остается непоколебим в своих положениях, без ропота на безвинное правительство» и пр. Как раз в пору создания второй редакции «Театрального разезда» Гоголь получил какое-то извещение от матери о встретившемся ей в Харькове честном чиновнике. «Я не разобрал его фамилии, — отвечал Гоголь матери 19 августа 1842 г. из Гастейна. — Всё равно, скажите или напишите ему, что его благородство и честная бедность среди богатеющих неправдой найдут ответ во глубине всякого благородного сердца, что уже есть выше многих наград».

Из немногих критических откликов по по-

воду пьесы наиболее важен отзыв Белинского. В рецензии на «Сочинения Гоголя» он писал, что «в этой пьесе, поражающей мастерством изложения, Гоголь является столько же мыслителем-эстетиком, глубоко постигающим законы искусства, которому он служит с такою славой, сколько поэтом и социальным писателем. Эта пьеса есть как бы журнальная статья в поэтически-драматической форме, — дело возможное для одного Гоголя! В пьесе этой содержатся глубоко сознанные теории общественной комедии и удовлетворительные ответы на все вопросы, или, лучше сказать, на все нападки, возбужденные «Ревизором» и другими произведениями автора». («Отечественные Записки», 1843 г., кн. 2; ср. Соч. Белинского, VIII, стр. 91). К «Театральному разъезду» Белинский попутно возвращался также к обзору «Русская литература в 1843 году», где он цитировал гоголевский тезис об «электричестве чина, денежного капитала» и пр., противопоставляя общественную комедию комедии с интригой, завязанной «на пряничной любви, увенчивающейся законным браком, по преодолении разных препятствий» («Оте-

чественные Записки», 1844 г., кн. 1; ср. Соч. Белинского, VIII, стр. 387–388).

Альфред

«Альфред» — незаконченное драматическое произведение Гоголя, задуманное и частично набросанное им, повидимому, в 1835 году. При жизни Гоголя оно не было напечатано и дошло до нас только в единственном автографе, находящемся в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве (рукопись РМ6). «Альфред» занимает там листы 10–13, заполненные с оборотом (л. 11 и 13 об. не дописаны до конца, л. 13 заполнен текстом лишь наполовину).

Автограф — без заглавия; в нем есть поправки, вставки, зачеркнутые слова и фразы, пропуски букв в словах и слов в фразах, недописанные слова и т. д. Драма записана сплошным текстом, почти без абзацев и нередко без распределения сценической речи между отдельными действующими лицами. Пьеса писалась, безусловно, по тщательно продуманному плану, потому что уже в дошедшем до нас начале ее намечен круг основных действующих лиц, речи каждого персонажа ин-

дивидуализированы и заключают в себе ряд намеков, которые должны были развернуться в следующих актах пьесы. Авторская правка рукописи в процессе работы над пьесой только подтверждает наличие твердого плана: она имеет характер лишь стилистический и не меняет общего замысла и композиции вещи. Но записана драма очень неровно: начало первого действия, почти без помарок, написано неторопливым почерком и дает возможность предположить, что эта часть была раньше уже набросана вчерне; к концу рукопись приобретает все более черновой характер.

Сохранившиеся отрывки начала драмы были впервые напечатаны П. А. Кулишом в приложении к «Запискам о жизни Н. В. Гоголя» (СПб., 1856 г., т. II, стр. 281–304), под заглавием «Набросок начала безыменной трагедии из английской истории». В следующем году он же перепечатал ее в «Сочинениях и письмах Гоголя» (СПб., 1857 г., т. II, стр. 543–564), озаглавив: «Альфред. Начало трагедии из английской истории», откуда пьеса перепечатывалась механически вплоть до 1889 г.[93]

Текст напечатан Кулишом с большими ошибками, искажениями собственных имен и названий и т. д. Очень значительные исправления в текст внес Н. С. Тихонравов, сверивший пьесу по автографу и напечатавший ее в V томе 10-го издания Сочинений Гоголя (М., 1889). По уже намеченной Кулишом канве Тихонравову легче было разобраться в рукописи Гоголя. Кроме того, им был найден один из источников драмы — книга Галлама «Европа в Средние века», из которой Гоголь в 1834 г. делал выписки под заглавием «Англия Англо-Саксонская», подготавливая материал к университетскому курсу истории средних веков. По этой книге Тихонравов сделал ряд поправок в чтении имен действующих лиц, юридических терминов, названий местностей и т. п.

В текст «Альфреда» нами внесен ряд исправлений, сравнительно с публикацией его Н. С. Тихонравовым. Отметим реплику Киссы (см. стр. 470, строки 3–8 снизу, «Сочинений Гоголя», изд. 10, т. V, М., 1889 г.), включенную Тихонравовым в основной текст. Эта реплика (л. 10 об. рукописи) представляет собой незаконченную, наполовину зачеркнутую фразу, не

связанную с дальнейшим текстом драмы. Поэтому мы отнесли ее в варианты. Рядом с этой репликой, на соседней странице (л. 11 рукописи), Гоголем набросаны несколько фраз («А я расскажу — если мог...»). Возможно, что этот набросок должен был служить заменой вычеркнутого текста. У Кулиша и Тихонравова он был напечатан в основном тексте, вслед за вычеркнутой репликой Киссы. Мы помещаем эту вставку в сноске к основному тексту (стр. 179). Вместе с тем нами включены в основной текст три вставки, имеющиеся на полях автографа. Первая: «Ай что ты так теснишь» — записана наверху л. 10 рукописи, над началом драмы, непосредственно над словами «Действие 1». Мы ее ставим первой фразой, начинающей драму, следуя Кулишу и Тихонравову. Вторую: <морские брызги> «пронзали разгоревшиеся лица наши» (л. 12 рукописи) — мы ввели в основной текст, как последнюю редакцию, взамен фразы: «морские брызги нас пронзали. Капли сыпались на лицо наше». И третья: «Мои латы, которые окропил епископ два года назад, в первый раз пробиты <?>» (л. 13 рукописи) — внесена нами в

текст речи Кедроваллы. Возглас Ринальда: «Оден! Готовь мне место в Валгале!» повторяется в рукописи дважды (на л. 13 обор.). Хотя первая запись и не зачеркнута Гоголем, но мы считаем, судя по дальнейшему тексту, что она заменена другой фразой («Нет, король — взгляд»), поэтому мы оставляем в основном тексте лишь вторую запись. Гораздо больше сомнений вызывает правильность разделения на отдельные реплики текста, написанного Гоголем без абзацев и распределения этих реплик между персонажами драмы. Во многих случаях мы допустили иные разделения текста на абзацы и иное распределение реплик, чем в издании Тихонравова.

Лишь в некоторых случаях мы отступаем от рукописи, исправляя явные описки Гоголя. Надо отметить колебания Гоголя в написании некоторых имен, которые он пишет по-разному: Игвар — Ингвар; Шпинг — Шпин; Нуббо (с латинским Н), Уббо и Губбо (в большинстве случаев); Кедровла, Кедола и Кедровалла (в большинстве случаев); Руалд — Руальд и т. д.

Сохранившиеся черновики «Альфреда» Н. С. Тихонравов относил к октябрю 1835 г., свя-

зывая возникновение пьесы с университетскими лекциями Гоголя по всеобщей истории. Летом 1835 г. Гоголь очень интересовался некоторыми книгами по истории Англии и просил о спешной высылке их ему из Петербурга (см. письмо к Н. Я. Прокоповичу от 24 июля 1835 г.).

Личность короля уэссекского Альфреда (849–901), замечательнейшего из правителей англо-саксонской Британии, победителя вторгшихся туда скандинавских дружин (878), преобразователя и устроителя государства, законодателя, ученого и писателя, с давних пор привлекала в себе внимание художественной литературы английской, немецкой и французской. Однако Гоголю едва ли могли быть известны даже те из этих произведений (поэмы, романы и драмы), которые имелись в русском переводе или обсуждались в русской печати.[94]

Главными источниками пьесы, давшими Гоголю материал для построения ее сюжета, для исторического и социально-бытового фона его драмы, явились несколько книг, протудированных Гоголем для его универси-

тетских чтений. Это были книга английского историка Галлама «Европа в Средние века» (1818), известная ему во французском переводе 1821 г., и «История Англии» французского протестанта XVII в. Рапена де Туараса (Rapin de Thoyras), имевшаяся в старом русском издании.

Книга Галлама пригодилась Гоголю для общей характеристики времени, к которому отнесено действие его пьесы, а также многими подробностями из истории социальных и правовых отношений в Британии конца IX века. Так, из книги Галлама Гоголь извлек и занес в свою записную книжку свидетельство о том, что у англо-саксов кёрли (свободные земледельцы) не были прикреплены к земле, которую они обрабатывали: в пьесе эта запись в несколько переработанном виде дала жалобу Кудреда на королевского тана (крупные землевладельцы, представители родовой аристократии) Этельбальда; в другом месте Гоголь воспользовался юридическим документом англо-саксонской эпохи, приведенным в книге Галлама, и включил его в свою пьесу, оживив диалогом.

Книга Рапена де Туараса снабдила Гоголя несколькими повествовательными эпизодами (так, из второй части «Истории Аглинской» Гоголь взял историю разграбления датчанами женского монастыря в Колдингаме, о котором в пьесе вспоминает один из англосаксов) и рядом бытовых деталей; отсюда же Гоголь взял большую часть англо-саксонских и скандинавских имен, оставшихся у него в той, нередко ошибочной, транскрипции, какою пользовался русский переводчик XVIII века: например, Кедовалла (вместо правильного Кеодвалла — Ceodwalla) и др. Не зная англо-саксонского произношения, Гоголь в «Альфреде», вообще говоря, неправильно передал по-русски многие собственные имена и юридические термины, находясь иногда под влиянием французских источников: англо-саксонское слово *кёрль* (seorl) Гоголь систематически пишет *сеорл*, термин *hide*, гайда, Гоголь передает через *гидес*, ошибаясь при этом и в значении слова, которое означает не земельную меру, а семейный надел.

Помимо указанных источников Гоголь, вероятно, воспользовался для своей пьесы кни-

гой Огюстена Тьерри «История завоевания Англии норманнами» («Histoire de la conquête de l'Angleterre par les normands», 1825) и, может быть, переводами скандинавских саг и песен скальдов, интерес к которым сильно возрос после статьи Сенковского о «Скандинавских сагах» (1834).

Так как в основу пьесы должны были быть положены исторические события, то мы можем, хотя и в общих чертах, предположить, как шло бы ее дальнейшее развитие в ненаписанных частях. Уже Н. Г. Чернышевский, на основании первой и весьма неточной публикации «Альфреда» П. А. Кулиша, догадывался о том, что «идея драмы была, как видно, изображение борьбы между невежеством и своеволием вельмож, угнетающих народ... и Альфредом, распространителем просвещения и устройтелем государственного порядка». [95] Действительно, продолжением второго недописанного акта пьесы, очевидно, должна была бы служить сцена нарастающего у англо-саксонского дворянства недовольства Альфредом и, может быть, сцена его нового поражения в битве с датчанами. О последую-

цем приходится лишь догадываться. Исторические свидетельства и легенды об этом короле, много раз служившие основой для воссоздания его облика в художественной литературе, очевидно, могли также привлечь внимание Гоголя. По этим легендам, Альфред после своего поражения бежал сначала в пустынную местность, жил некоторое время среди простого народа, постепенно собрал дружину, которая грабила датчан и передавших им англо-саксонских аристократов, а затем, сосредоточив свои силы, одержал над скандинавами полную победу.

Несмотря на то, что пьеса Гоголя занимает обособленное место в его творчестве, как единственный опыт драмы на тему из всеобщей истории, в идейном смысле «Альфред» не выпадает из общей истории его творческой эволюции. Несомненно, что конец пьесы должен был служить прославлению короля, преодолевшего сопротивление вельмож и осуществляющего задуманные им широкие реформы.

Отрывки из неизвестной драмы

Отрывки напечатаны впервые в 1881 г. в газете «Русь» (№ 12). Единственным источником текста является гоголевский автограф, хранящийся в Библиотеке им. В. И. Ленина в Москве. Отрывки написаны на двух сторонах большого листа, вырванного из большой тетради. Первый отрывок занимает лицевую сторону листа, что видно по следам отрыва, которые приходятся слева; наверху неразборчивый (в отличие от всего текста, написанного четким почерком) конец какой-то реплики (повидимому, правка, относящаяся к предшествующему тексту). На обороте листа второй отрывок. Бумага, почерк и чернила, как отметил Н. С. Тихонравов, [96] обнаруживают большое сходство с автографом «Женихов», что дает основание датировать отрывки приблизительно тем же временем. По всей вероятности, это самые ранние драматические попытки Гоголя, предшествующие «Женихам»; их можно отнести к 1832 г.

Между двумя отрывками, из которых первый представляет финал какого-то акта, а второй начало другого (пятого), не видно ни-

какой связи. Персонажи, действующие и упоминаемые во втором отрывке, отсутствуют в первом. В первом отрывке изображается кровавая мелодраматическая сцена; второй отрывок имеет экспозиционный характер и мало похож на продолжение первого отрывка. Поэтому нельзя даже утверждать с полной уверенностью, что оба отрывка являются кусками одной и той же драмы, хотя заголовок второго отрывка («Действие V») и заставляет это предполагать. Приподнятый декламационный стиль первого отрывка очень близок к стилю юношеской драмы Белинского «Дмитрий Калинин» (1830–1831 гг.).

Наброски драмы из украинской истории

Данные наброски впервые напечатаны П. А. Кулишом в 1861 г. в «Основе» (№ 1, стр. 116–120) по автографу Гоголя, являющемуся единственным источником текста. Наброски сделаны в разбивку на зеленых и белых листах, сложенных тетрадкой в восьмушку; один набросок находится на отдельном, сложенном вдвое белом листе ватманской бумаги с фабричной маркой «Whathman Turkey Mill 1838». Этой маркой определяется дата набросков — не ранее 1838 г. Вперемежку с набросками драмы идут выписки из книг по истории Украины, конспекты и пр.

Ввиду случайного расположения набросков в автографе мы печатаем их здесь не по порядку страниц, на которые они нанесены, а группируя их по основным темам. Такая группировка позволяет хотя бы приблизительно наметить материал и содержание задуманной драмы.

После начального отрывка, который содержит общую характеристику будущей драмы, следуют (по принятому нами порядку) три от-

рывка, где речь идет о польском пане. Он выражает презрение к «мужикам» и казакам, сравнивая их со свиньями («никогда еще не случилось, чтобы бык погибал от свиньи»), негодует на «мужицкую и казацкую сноровку бунтовать» и т. д. Он же, в числе прочих хозяйственных распоряжений, приказывает купить монахам «утиральники», чем подчеркивается его преданность католической церкви. Сюда же относится и общая характеристика «рыцарских» обычаев.

Далее говорится о бесправном положении «мужиков», о тяжелых поборах и насилиях, которым они подвергаются со стороны панов, и т. д. Все подробности об этом точно соответствуют, как указал Тихонравов,[97] находящейся в той же пачке листков выписке из «Истории Украины» Боплана (1650), в русском переводе Ф. Устрялова (1832 г.). Выписке из Боплана придана форма «разговора между мужиками». В драме должны были фигурировать двое крестьян: Демьян и Самко,[98] которые убегают от панского гнета на Запорожье: «Уйду на Запорожье, здесь всякий чорт тебя колотит».

Героём драмы является, очевидно, «молодой дворянин» из казацкой Украины. В страстном монологе выражаются его восторженный мечтательный характер и одушевляющая его потребность подвига. Вместе с запорожцем Лукашем, он задумывает поднять казаков против Польши для освобождения своих единоплеменников от ига. «Чисто-казацкое изобретение», при помощи которого они возбуждают народ, вероятно, аналогично хитрости, к которой прибегнул Тарас Бульба для достижения той же цели. Далее должна была следовать картина нашествия «ляхов».

Социально-политическая драма осложняется любовным конфликтом, которому посвящены последние (по нашему распределению) отрывки (жалобы девушки, покинутой героём; её «отречение от мира»; встреча с соперницей).[99]

Герой — и своей пылкой мечтательностью и своей сюжетною ситуацией (политическая тема, осложненная любовью) — отчасти напоминает Андрия из «Тараса Бульбы». Замысел драмы находится в явной связи с «Тарасом Бульбой», к переработке которого Гоголь при-

ступил в 1839 г.; возник он под влиянием тех же источников, какими Гоголь пользовался и для своей повести («История Украины» Боплана в переводе Ф. Устрялова, 1832 г.; М. Максимович «Украинские народные песни», 1834 г. и т. д.).[100]

Первое указание на этот замысел мы встречаем в письме Гоголя к Шевыреву от 10 августа 1839 г. из Вены. Говоря о «начатом» им «драматическом творении», он, несомненно, имел в виду драму из украинской истории. 15 августа 1839 г. он писал Погодину из Мариенбада: «Малороссийские песни со мною. Запасаюсь и тщусь, сколько возможно, надыхаться стариной». Сюда же относятся и строки из письма к Шевыреву от 25 августа 1839 г. из Вены: «Передо мною выясняются и проходят поэтическим строем времена казачества... Малороссийские ли песни, которые теперь у меня под рукою, навеяли их, или на душу мою нашло само собою ясновидение прошедшего, только я чую много того, что ныне редко случается». В ноябре-декабре 1839 г. (в Петербурге) Гоголь рассказывал С. Т. Аксакову, что «у него составлена в голове тра-

гедия из истории Запорожья, в которой все готово, даже до последней нитки в одежде действующих лиц».[101] О том же он говорил и М. С. Щепкину в январе-мае 1840 г. (в Москве), причем, как передает, со слов Щепкина, П. А. Кулиш, называл свое будущее произведение «драмой за выбритый ус».[102] Н. А. Панов писал С. Т. Аксакову в октябре 1840 г., что Гоголь «угостил» его началом «трагедии», где было одно комическое лицо, которое, как говорил Панов, «выражаясь не столько в действии, сколько в словах», и тогда уже было «совершенством».[103] По всей вероятности, именно к украинской исторической драме относится и сообщение В. Ф. Чижова о «трагедии», которую Гоголь читал Жуковскому во Франкфурте в сентябре 1841 г. и бросил в огонь, когда увидел, что она Жуковскому не понравилась. [104]

Дядька в затруднительном положении

I.

Источники текста (Рукописные)

Писарская копия из архива М. П. Погодина. Публичная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве.

Писарская копия в Государственной библиотеке Академии Наук УССР в г. Киеве.

Копия театральной редакции. Архив академического Малого театра в Москве.

II.

Перевод этой комедии, исправленный Гоголем и переписанный им «собственной рукою» (по свидетельству его письма к М. С. Щепкину, 1840 г.), в автографе до нас не дошел. Сохранилось, однако, три копии его, из которых две, Погодинская и Киевская, вероятно, восходят к спискам, сделанным непосредственно с утраченной рукописи. Об изготовлении копии с автографа заботился сам Гоголь («Письма» под ред. В. И. Шенрока, т. II, стр. 62). Копии, которыми мы располагаем, возникли в разное время и неравноценны

для восстановления утраченного автографа. Важнейшей из копий, по всем данным, является Погодинский список, на 1 листе которого рукою М. П. Погодина написано: «Переведено, переправлено или переделано Гоголем и прислано на бенефис Щепкину в 1841 г.». На л. 42 рукою М. П. Погодина исправлена явная описка (вм. «Маркиз» — «Джильда»). По этой рукописи, с разночтениями из двух других, «Дядька в затруднительном положении» издан был Н. С. Тихонравовым в «Сочинениях Гоголя» (изд. 10-ое, т. II, стр. 517–564; 805–813). В основу настоящего издания нами также положен этот рукописный текст.

Перевод комедии Жиро был выполнен для Щепкина по просьбе Гоголя в Италии осенью 1840 г. Об обстоятельствах его возникновения мы знаем из письма Гоголя к М. С. Щепкину из Венеции осенью 1840 г.: «Ну, Михаил Семенович, любезнейший моему сердцу! Половина заклада выиграна: комедия готова. В несколько дней русские наши художники перевели. И как я поступил добросовестно! всю от начала до конца выправил, перемарал и переписал собственною рукою». Первое дей-

ствие Гоголь послал при письме Щепкину, второе С. Т. Аксакову, а третье Погодину.

Сверка перевода с итальянским оригиналом пьесы[105] показывает, что перевод местами отстывает от подлинника. В переводе прибавлено несколько сценических ремарок, отсутствующих в итальянском подлиннике, распространены некоторые реплики. С другой стороны, в некоторых случаях буквализм передачи прямо нарушает смысл (*io m' attacco al suo collo desolata* — «я вцепилась за ее, пораженную отчаянием, шею»). Число мелких отступлений перевода от оригинала, не всегда восходящих к инициативе Гоголя, очень значительно. Показание Гоголя об участии его в переводе комедии Жиро только в качестве редактора было без достаточных оснований оспорено А. И. Кирпичниковым, предложившим «мистификацию» и приписавшим Гоголю самый перевод комедии («Сомнения и противоречия в биографии Гоголя», Известия Отделения русского языка и словесности, т. V, 1900, кн. 1). Доводы А. И. Кирпичникова были убедительно опровергнуты в статье М. Н. Сперанского «Н. В. Гоголь-переводчик» (Киев,

1915, приложение к «Университетским известиям»).

Комедия «Дядька в затруднительном положении» («L'Ajo nell'imbarazzo») принадлежит итальянскому драматургу (по происхождению французу), Жиованни Жиро (Giovanni Giraud, 1776–1834), второстепенному продолжателю Карло Гольдони. Многочисленные пьесы Жиро, благодаря своему комизму и живости интриги, пользовались большой популярностью не только в Италии, но и в других странах. Одной из лучших его комедий была «L'Ajo nell'imbarazzo» (1807), остроумная и живая критика печальных следствий слишком строгого воспитания. Пьеса Жиро обошла все итальянские сцены, ставилась здесь в течение нескольких десятков лет; была переведена на немецкий (1824) и французский (1839) языки. Называя Жиро «первым итальянским комиком нашего времени», Гоголь в том же письме своем к М. С. Щепкину упоминает, что пьеса «L'Ajo nell'imbarazzo» «в итальянских театрах и во Франции имела успех блестящий» и, кстати, сообщает, что он сам был на представлении этой комедии в Италии — в

Риме или Венеции.

Иллюстрации

1. Н. В. Гоголь. Портрет работы Ф. А. Моллера, 1841 г. (масло). Третьяковская галерея (Москва) (Фронтиспис)

2. „Женитьба“. Начало явления XX первого действия. Автограф первой полной редакции в тетради А. А. Иванова, л. 16. Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве

3. „Игроки“. Явление VIII. Наброски черновой редакции в тетради А. А. Иванова, л. 32. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде

4. <„Владимир третьей степени“>. Конец первого действия. Автограф Библиотеки Академия Наук УССР в Киеве

5. „Женихи“. Отрывок одного из первых явлений. Автограф, л. 2 об. Государственная библиотека им. В. И. Ленина в Москве

6. „Женитьба“. Автограф первоначальных набросков в тетради Д. Ф. Самарина, л. 23 об. (оборванная рукопись). Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина в Москве

7. „Игроки“. Явление VIII. Наброски черно-

вой редакции в тетради А. А. Иванова, л. 33
об. Государственная Публичная библиотека
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде

Выходные данные

Печатается по постановлению Редакционно-издательского Совета Академии Наук СССР

Редактор V тома А. Л. СЛОНИМСКИЙ

Тексты отдельных произведений подготовили к печати:

„Женитьба“, „Отрывки из неизвестной драмы“ и „Наброски драмы из украинской истории“ — А. Л. Слонимский.

„Игроки“ — А. А. Назаревский и А. Л. Слонимский.

„Утро делового человека“, „Тяжба“, „Лакейская“ и „Театральный разъезд“ — Н. И. Мордовченко.

„Альфред“ и „Дядька в затруднительном положении“ — М. П. Алексеев.

Редактор издательства А. И. Корчагин

Оформление художника Н. В. Ильина

Технический редактор М. Л. Темерлин

Корректор В. В. Покровская

А-02613

РИСО АН СССР Изд. № 533. Тип. зак. № 1007.

Подп. к печ. 7/II 1949 г. Формат бумаги
60×921/16.

Печ. л. 32 + 6 вклеек. Уч. изд. л. 31,5

Тираж 7000.

1-я типография Изд-ва Академии Наук
СССР

Ленинград, В. О., 9-я линия, д. 12

Примечания

В московском автографе: все офицеры и матросы, все были с такими фамилиями, что бывало покойник командир Алексей Иванович говорил — ну, говорит, у м<оей> третьей эскадры чорт на крестинах что ли был. См. комментарий, стр. 459.

[^^^]

2

Вместо: Ах, маменька, но когда и в чем я был не послушен вам? в рукописи было:

[^^^]

3

Само собою разумеется, что автор пьесы лицо идеальное. В нем изображено положение комика в обществе, комика, избравшего предметом, осмеяние злоупотреблений в кругу различных сословий и должностей.

[^^^]

4

Повидимому, сюда относится приписка на соседней странице (возможно, реплика Киссы):

[^^^]

5

Перед данной репликой вверху страницы конец реплики предшествующей: [иногда чувствуешь] понятно это ужасное чувство. Убить <несколько слов нрзб>.

[^^^]

6

Позднейший набросок карандашом среди черновиков «Шинели» в РМ5 (см. том III настоящего издания).

[^^^]

«Ревизор» и тексты непосредственно с ним связанные — см. в т. IV. Кроме пьес, вошедших в издание 1842 г., в настоящем томе печатаются драматические фрагменты и наброски Гоголя («Альфред», отрывок из неизвестной драмы, наброски драмы из украинской истории) и отредактированный им перевод комедии Джиованни Жиро «Дядька в затруднительном положении».

[^^^]

См. статью А. Н. Афанасьева — «М. С. Щепкин и его записки», «Библиотека для чтения», 1864 г., № 2, стр. 9; «Русский Вестник», 1872 г., книга 3, стр. 75–76. Перевод «Сганареля» шел в Москве в феврале 1840 г., напечатан впервые по копии Московского Малого театра Н. С. Тихонравовым в 1892 г. в «Царе-Колоколе». Перепечатан в томе VI 10-го издания «Сочинений Гоголя», под редакцией Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, и в томе IV «Сочинений Гоголя», под редакцией Н. И. Коробки.

[^^^]

Ср. также сценку Загоскина «Театральные сени» («Северный наблюдатель», 1817 г., № 3, стр. 81–87), где есть детали, повторяющиеся и у Гоголя. Ближайшим прецедентом «Театрального разезда», как указал В. В. Гишпиус, является рецензия В. Ушакова, написанная в форме разговора «до и после представления» («Моск. Телеграф», 1830, № 2).

[^^^]

«Женитьба» переработана из редакции 1835 г. «Тяжба», «Лакейская» и «Отрывок» возникли на основе первых двух актов «Владимира 3-й степени»; «Игроки» и «Театральный разъезд» — обработка черновых набросков 1835–1836 гг.

[^^^]

В распоряжении Н. С. Тихонравова было *четыре* листа, но четвертый лист был после этого утрачен. В. И. Шенрок в примечаниях к «Женихам» говорит о трех листах (Сочинения Гоголя, изд. десятое, том VI, стр. 551), но в описании рукописей Гоголя, составленном, очевидно, по материалам Тихонравова, указано четыре листа (том VII, стр. 892–893). Самый текст «Женихов» печатался еще при жизни Тихонравова.

[^^^]

Пантелеев в окончательной редакции только упоминается, но с той же характеристикой заики.

[^^^]

О датировке первых замыслов «Женихов» и «Владимира 3-й степени» см. В. В. Гишпиус, «Литературное общение Гоголя с Пушкиным», «Ученые записки Пермского государственного университета», выпуск 2, 1931 г., стр. 90–95.

[^^^]

«Гоголь и журналистика 1835–1836 гг.». «Н. В. Гоголь, Материалы и исследования», под редакцией В. В. Гишпиуса, том 2, 1936 г., стр. 118.

[^^^]

Там же, стр. 117.

[^^^]

«Русский Архив», 1865 г., стр. 1274.

[^^^]

О чтении «Женитьбы» в Москве см. также письмо Андросова в названной выше статье Н. И. Мордовченко (стр. 121) и в «Истории моего знакомства с Гоголем» С. Т. Аксакова.

[^^^]

Полное собрание сочинений Гоголя под редакцией Н. И. Коробки, изд. «Деятель», том IV, стр. 389–390.

[^^^]

Интересно упоминание в этих набросках имени актера Григорьева: «Жевакин — Григорьев» (см. «Другие редакции»). Григорьев — конечно, П. И. Григорьев 1-й, актер Александринского театра и автор многих водевилей, игравший в 1831 г. Скалозуба в «Горе от ума», а позднее, в 1842 г., Жевакина. Запись Гоголя, по всей вероятности, намечает сцену между Жевакиным и кем-нибудь из женихов, роль которого он предназначал Григорьеву 1-му. Возможно, впрочем, что тире указывает здесь на то, что Гоголь представлял себе Григорьева в роли Жевакина, которую тот впоследствии, действительно, исполнял.

[^^^]

Ошибочно считая наброски цельной «петербургской редакцией», Н. И. Коробка принял эти три варианта одного и того же диалога Яичницы с Кохтиным за различные сцены — две с Кохтиным и одну с Анучкиным (издание т-ва «Деятель», том IV, стр. 327, 329, 394). Впервые «оборванная» рукопись опубликована В. И. Шенроком в VII томе сочинений Гоголя (стр. 909–918), но без всякой попытки осмысления текста, без распределения реплик и с целым рядом неверных чтений. В таком же виде текст перепечатан Н. И. Коробкой. В нашем издании сделана попытка осмыслить текст на основании сопоставления с другими редакциями и распределить реплики по персонажам (конечно, это могло быть сделано только предположительно).

[^^^]

Сочинения Гоголя под редакцией Н. С. Тихонова и В. И. Шенрока, изд. десятое, том VII, стр. 865. Здесь указано только, что «листок исписан посторонней рукой». Но это, несомненно, писарской почерк.

[^^^]

Последняя деталь особенно интересна. Дело в том, что в 1842 г. при постановке «Женитьбы» фамилия «Анучкин» («Онучкин») найдена была неприличной для офицера и заменена на афише фамилией «Ходилкин» (в Москве) и «Хожалкин» (в Петербурге). Это наводит на мысль, что и в 1835 г. упразднение этой фамилии произошло не без цензурного воздействия, т. е. что уже в 1835 г. гоголевская комедия проверена была через цензуру.

[^^^]

Н. С. Тихонравов. «М. С. Щепкин и Н. А. Гоголь»,
Сочинения Н. С. Тихонравова, М., 1898, том III,
часть 1, стр. 550; первоначально «Артист»
1890, № 5, стр. 84–99.

[^^^]

«Н. В. Гоголь». Материалы и исследования,
под редакцией В. В. Гиппиуса, вып. I, 1936 г.,
стр. 51.

[^^^]

Ленинградская рукопись «Женитьбы» опубликована впервые в 1896 году В. И. Шенроком в VI томе соч. Гоголя (стр. 21–62). Здесь напечатан первоначальный текст (нижний слой), без позднейших поправок, отнесенных в примечания и прочитанных большей частью неполно, с целым рядом явных ошибок. Например, на стр. 584 в монологе Агафьи Тихоновны напечатано: «Дети, мальчишки, *двуглазая игоза*». Между тем сопоставление с окончательной редакцией ясно показывает, что тут следует читать «Дети, мальчишки (*утирая глаза*)», (ремарки в черновиках Гоголя обычно без скобок). Н. И. Коробка в общем перепечатывает текст В. И. Шенрока, внося без достаточной последовательности отдельные позднейшие поправки. У нас дан текст со всеми позднейшими поправками (верхний слой), а первоначальный текст (нижний слой) переделанных целиком сцен напечатан в приложении.

Сцена эта, надо сказать, не была «пополнена» и вошла в окончательный текст почти без всяких изменений.

[^^^]

Этому не противоречит положение их в тетради, среди черновиков начала 1836 г., так как Гоголь наполнял ее вразбивку, оставляя пустые страницы. «Оборванному» тексту «Женитьбы» предшествуют три пустые страницы (листы 27 об. и 28). Надо еще указать, что первоначально наброски были озаглавлены просто: «Комедия». Название «Женитьба» приписано потом. Все это свидетельствует о более раннем происхождении данного текста.

[^^^]

В явлении 1 (действие II): «Ведь иным плевали несколько раз» и пр. (см. стр. 39 и «Варианты», стр. 404).

[^^^]

Ср. письмо к Щепкину от 16/28 ноября 1842 г.

[^^^]

В рукописи после слов «что за птица» начата ремарка: «Ук<азывает>»; переписчик принял это «ук» за «уж». Этот пример свидетельствует о том, что Гоголь увез рукопись с собой, и что, следовательно, «Женитьба» была переписана до его отъезда. Если бы рукопись оставалась у Прокоповича, он в этом случае, как и во многих других, мог бы исправить ошибку переписчика.

[^^^]

Слово «есть» в рукописи Гоголя написано над строкой, очень мелко, так что его легко было принять за «вот». Прокопович, не имея у себя гоголевского оригинала для проверки, поставил для осмысления фразы многоточие.

[^^^]

Слово «жилы» написано у Гоголя неразборчиво: переписчик прочитал «силы», а Прокопович, за отсутствием у него гоголевской рукописи, сам исправил получившуюся нескладницу («порву... силы») посредством замены глагола «порву» глаголом «надорву».

[^^^]

Все эти изменения впервые устранены Тихо-
нравовым в десятом издании сочинений Го-
голя (1889 г.).

[^^^]

Такие же украинизмы в письмах Гоголя. См. например, письмо к Погодину 20 февраля 1835 г.: «С вас никогда не будет проку». Мы сохраняем в тексте эти особенности языка Гоголя.

[^^^]

Выше в вариантах приведены разночтения печатного текста 1842 г., за исключением ошибок при переписке и опечаток.

[^^^]

М. Сухомлинов. Появление в печати сочинений Гоголя («Исследования и статьи», т. I., СПб., 1889, стр. 328) и «Литературный музей», под ред. А. С. Николаева и Ю. Г. Оксмана, Л., 1921, стр. 52 (публ: В. Данилова).

[^^^]

Правильное чтение восстановлено также в
однотомнике Гоголя, под ред. К. И. Халабае-
ва и Б. М. Эйхенбаума (Гос. изд. худ. лит., М.
1936).

[^^^]

Правильное чтение восстановлено также в
однотомнике Гоголя, под ред. К. И. Халабае-
ва и Б. М. Эйхенбаума (Гос. изд. худ. лит., М.
1936).

[^^^]

Правильное чтение восстановлено также в
однотомнике Гоголя, под ред. К. И. Халабае-
ва и Б. М. Эйхенбаума (Гос. изд. худ. лит., М.
1936).

[^^^]

Правильное чтение восстановлено также в
однотомнике Гоголя, под ред. К. И. Халабае-
ва и Б. М. Эйхенбаума (Гос. изд. худ. лит., М.
1936).

[^^^]

См. афишу в статье К. и М. «Женитьба и Игроки Н. В. Гоголя» («Ежегодник императорских театров», 1891–1892 гг. стр. 363).

[^^^]

А. Вольф. «Хроника петербургских театров»,
том I, 1877 г., стр. 100.

[^^^]

А. И. Шуберт. «Моя жизнь» («Ежегодник императорских театров» 1911 г., выпуск VII, стр. XLVI).

[^^^]

Ср. в воспоминаниях В. Р. Зотова: «Поставили Женитьбу Гоголя, и нашей мало развитой публике пьеса понравилась не с первого раза. Характеры действующих лиц находили карикатурными, развязку неестественной. Слышно было даже шиканье, когда Подколесин выскочил в окно» («Исторический Вестник», 1890 г., том 39, стр. 43).

[^^^]

Ср. письмо к Гоголю С. Т. Аксакова; «другие говорят, что в Петербурге Мартынов в роли Подколесина бесподобен» («Русский Архив». 1890, № 8).

[^^^]

«Северная Пчела», 1842 г. № 279 (12 декабря).

[^^^]

«Репертуар и Пантеон», 1842 г. XXIV, Театральная хроника, стр. 16.

[^^^]

Там же.

[^^^]

Там же.

[^^^]

«Библиотека для Чтения», 1843 г., февраль,
Литературная летопись, стр. 24, 27–28.

[^^^]

Отрицательные отзывы о «Женитьбе» см. еще в «Северной Пчеле», 1842 г., № 282, в статье Р. З. (Рафаила Зотова), и в «Репертуаре и Пантеоне», 1843 г. (кн. 1, стр. 219 и кн. 6) Более или менее нейтральный отзыв в «Литературной газете», 1842 г., № 50, стр. 1023.

[^^^]

К. и М. «Женитьба» и «Игроки» Н. В. Гоголя.
«Ежегодник императорских театров»,
1891–1892 гг. стр. 368.

[^^^]

В. В. Гишпиус. «Гоголь в письмах и воспоминаниях», 1931 г., стр. 267 (письма Прокоповича к Шевыреву 28 декабря 1842 г. и 26 января 1843 г.)

[^^^]

Сочинения Белинского, под ред. С. А. Венгерова, том VIII, стр. 54–56.

[^^^]

С третьего спектакля «Женитьба» была перенесена в Малый театр, где лучше были акустические условия.

[^^^]

См. «Ежегодник императорских театров»,
1891–1892 гг., стр. 373.

[^^^]

А. И. Шуберт, «Моя жизнь» («Ежегодник императорских театров» 1911 г., выпуск VII, стр. XLVI).

[^^^]

«Русский Архив», 1890, № 8.

[^^^]

Там же, стр. 268.

[^^^]

Сочинения Белинского, под ред. С. А. Венгерова, том IX, стр. 69.

[^^^]

«Русский Архив», 1890 г. № 8.

[^^^]

«Москвитянин», 1852, том VIII, отдел II, стр. 152–153. О первых постановках «Женитьбы» см. С. С. Данилов, «Женитьба» Н. В. Гоголя, изд. Гос. Академического театра драмы, 1934 г., стр. 42–56, и «Гоголь и театр», 1941 г.

[^^^]

См. Н. Эфрос. «Пров Садовский». Петербург, 1920 г., изд-во «Светозар», стр. 25–27.

[^^^]

Ср. также повесть Погодина «Невеста на ярмарке». Связь «Женитьбы» с повестями Погодина указана впервые С. А. Венгеровым в примечаниях к сочинениям Белинского (том IV, стр. 559). О купеческой теме у Гоголя см. «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», под редакцией В. В. Гишпиуса, том 2, 1936 г., стр. 233–236.

[^^^]

В редакции 1842 г.: «перемигнулся с одной купеческой дочкой». Точно так же и Собачкин в «Отрывке» хвалится своей победой над шестью купчихами.

[^^^]

В первой полной редакции «борода» повторялась несколько раз: в рассказе о Тихоне Пантелеймоновиче (стр. 323: «Борода бритому, говорит, не товарищ»); в диалоге Кочкарева со Стариковым (стр. 309) («одному даже просто наплевала в бороду»; «бывало приглаживает бороду»).

[^^^]

См. в первой полной редакции стр. 309.

[^^^]

См. там же.

[^^^]

Напр., выброшена в окончательной редакции ее реплика: «Нет, моя красавица, и сама я как была в девках — уж куды как была великатна. Бывало, слово скажешь да языком губку тот же час и лизнешь» (стр. 324)

[^^^]

Первая полная редакция, стр. 325 и 326. Ср. также в рассказе о Тихоне Пантелеймоновиче: «Дворянин глуп, сорит да бросает» (стр. 323).

[^^^]

«Литературный музей», 1921 г., стр. 52.

[^^^]

Об этом говорит сам Гоголь в приписке к последней странице присланного Прокоповичу текста «Игроков». «NB. Само собой разумеется, что переписать всё это нужно писцу по примеру прочих, разгонисто и четко, чтобы цензор мог прочесть удобно».

[^^^]

Ср. «Жизнь игрока, описанная им самим, или открытые хитрости карточной игры», том II, стр. 42–45. Историю карточной тематики в литературе см. в статье В. В. Виноградова «Стиль Пиковой дамы» («Пушкин. Временник Пушкинской комиссии», книга 2, стр. 75–86).

[^^^]

Рассказ об этой пьесе см. в «Литературных и театральных воспоминаниях» С. Т. Аксакова («Сочинения С. Т. Аксакова» под редакцией А. Г. Горнфельда, изд. «Просвещение», том IV, стр. 285). Содержание ее известно только по изложению С. Т. Аксакова

[^^^]

«Русский Архив», 1890, № 8.

[^^^]

«Ежегодник Императорских театров»,
1891–1892 г., статья К. и М., стр. 370.

[^^^]

«Хроника Петербургских театров», 1877 г., стр.
104.

[^^^]

«Отечественные Записки». 1843 г., том XXVIII.
Театральная летопись, стр. 33.

[^^^]

1843 г., № 6, июнь, Критика, стр. 96-101.

[^^^]

Ср. Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. IV, стр. 267–268.

[^^^]

Подробности, касающиеся упомянутых рукописей, см. в комментариях к «Тяжбе*» и «Лакейской*».

[^^^]

Данная заметка и несколько других, относящихся к комедии, опубликованы впервые в статье Н. С. Тихонравова «М. С. Щепкин и Н. В. Гоголь» — «Артист», кн. 5, январь 1890 г., стр. 91–92. К статье приложены три снимка с автографов опубликованных заметок.

[^^^]

Н. С. Тихонравов ошибочно полагал, что во «второй» сцене Марья Петровна «заказывает К. (каретнику) изобразить на одной стороне кареты фамилию своего сына рядом с фамилией княжны Шлепохвостовой, на которой она хочет женить Мишу» — Соч. Гоголя, 10 изд., т. II, стр. 738.

[^^^]

О связи центральной темы «Владимира третьей степени» с «Записками сумасшедшего» см. в книге В. В. Гиппиуса «Гоголь», Л., 1924, стр. 90–91, и в комментариях В. Л. Комаровича в третьем томе настоящего издания.

[^^^]

«Артист», кн. 5, январь 1890 г., стр. 91–92.

[^^^]

«История моего знакомства...» М., 1890.

[^^^]

«Отечественные Записки», 1843 г., кн. 2.

[^^^]

Отзыв в «Репертуаре и Пантеоне», 1844 г., кн. 10, стр. 36. Ср. С. С. Данилов, «Гоголь и театр» (1936 г., стр. 176).

[^^^]

На идейную близость В. П. Андросова к Гоголю указал В. В. Гиппиус в книге «Гоголь» (Л., 1924); подробнее — в его же работе «Проблематика и композиция «Ревизора» (Н. В. Гоголь, «Материалы и исследования» т. II, М. — Л., 1936). О литературно-общественной позиции В. П. Андросова см. Н. И. Мордовченко «Гоголь и журналистика 1835–1836 гг.» в том же сборнике.

[^^^]

Ср. заметку Н. И. Мордовченко «Первая редакция «Театрального разезда Гоголя», «Научный бюллетень ЛГУ» № 5, 1945 г., стр. 27–29.

[^^^]

См. «Литературный музей», П., 1921, стр. 49–66.

[^^^]

В названной выше статье «Проблематика и композиция «Ревизора».

[^^^]

О работе Кулиша над автографом «Альфреда»
см. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой. Ред.
и прим. кн. Н. В. Голицына и П. Е. Щеголева.
СПб., 1913, стр. 20.

[^^^]

Подробный обзор всех этих произведений в связи с анализом замысла Гоголя см. в статье М. П. Алексеева «Драма Гоголя из англо-саксонской истории» в сборнике: «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования» т. II, Лгр., 1936, стр. 242–285. Дополнительно укажем на не упомянутую в этой статье драму «Альфред» в книге: «Домашние вечера, или открытый детский ящик для наставления и удовольствия юношества», т. I, СПб., 1832 г., стр. 44–58.

[^^^]

Сочинения Н. Г. Чернышевского, 1906 г., т. II,
стр. 382–383.

[^^^]

Сочинения Гоголя, 10 изд., том V, М., 1889 г.,
стр. 555.

[^^^]

Сочинения Гоголя, 10 изд., том V, М., 1889 г.,
стр. 676.

[^^^]

Имя Самко встречается в сборнике украинских песен М. Максимовича («Украинские народные песни», часть 1, 1834 г., стр. 28):

[^^^]

Неудачную попытку расшифровки гоголевских набросков сделал И. М. Каманин. См. его статью «Несколько слов об исторической драме Гоголя», сборник «Памяти Гоголя». Киев, 1911 г., стр. 91–98.

[^^^]

См. комментарий И. Я. Айзенштока к «Тарасу Бульбе» в томе II настоящего издания (стр. 708–709, 717–725).

[^^^]

«История моего знакомства с Гоголем». М.,
1890 г., стр. 377.

[^^^]

П. А. Кулиш. «Записки о жизни Гоголя»,
1856 г., том I, стр. 252.

[^^^]

Там же, стр. 350. Письма Н. В. Гоголя, под ред.
В. И. Шенрока, т. III, стр. 89.

[^^^]

П. А. Кулиш. «Записки о жизни Гоголя». Сводку данных о драме из украинской истории см. Ю. Оксман, «Сожженная трагедия Гоголя» («Атеней», «Труды Пушкинского Дома», книга 3, 1926 г., стр. 46–58).

[^^^]

См. изд. Н. С. Тихонравова, т. II, стр. 806–813; впоследствии подобная же сверка произведена была М. Н. Сперанским («Гоголь-переводчик»), в сборнике «Ерапос», Киев, 1906 г., стр. 223–224, «Сборник статей... в честь Н. П. Дашкевича».

[^^^]